

Издание Общества ревнителей русского историческаго просвѣщенія

ВЪ ПАМЯТЬ

Императора Александра III.

На средства фонда имени графа П. С. Строганова и И. П. Хрушова.

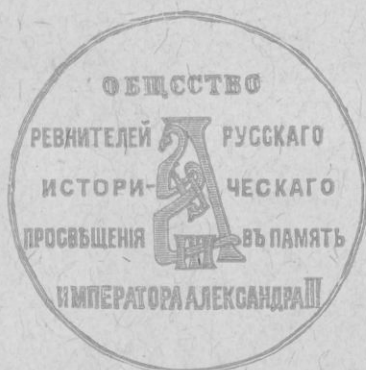
СЛАВЯНСТВО И МІРЪ БУДУЩАГО.

ПОСЛАНІЕ СЛАВЯНАМЪ СЪ БЕРЕГОВЪ ДУНАЯ
ЛЮДЕВИТА ШТУРА.

ПЕРЕВОДЪ НЕИЗДАННОЙ НѢМЕЦКОЙ РУКОПИСИ, СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ
В. И. ЛАМАНСКАГО.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

съ біографіей Л. Штура и дополнительными примѣчаніями проф. Т. Д. Флоринскаго
и портретомъ автора
подъ редакціей К. Я. Грота и Т. Д. Флоринскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1909.

1225
Издание Общества ревнителей русского исторического просвѣщенія

ВЪ ПАМЯТЬ

Императора Александра III.

На средства фонда имени графа П. С. Строганова и И. П. Хрушова.

СЛАВЯНСТВО И МІРЪ БУДУЩАГО.

ПОСЛАНИЕ СЛАВЯНАМЪ СЪ БЕРЕГОВЪ ДУНАЯ
ЛЮДЕВИТА ШТУРА.

ПЕРЕВОДЪ НЕИЗДАННОЙ НѢМЕЦКОЙ РУКОПИСИ, СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ
В. И. ЛАМАНСКАГО.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

съ біографіей Л. Штура и дополнительными примѣчаниями проф. Т. Д. Флоринскаго
и портретомъ автора
подъ редакціей К. Я. Грота и Т. Д. Флоринскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1909.

ENSV
Riiklik Avalik
Raamatukogu

МИНИСТЕРСТВО ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

ПО КУРСУ «ТЕОРИЯ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ»

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

ПО КУРСУ «ТЕОРИЯ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ»

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

ВВЕДЕНИЕ
1. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ
2. ТЕОРИЯ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

Типография Министерства Путей Сообщения
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К⁰), Фонтанка, 117.

RAHVUSRAAMATUKOOL
3-09-02005

Предлагаемый здѣсь вниманію русскихъ читателей замѣчательный трактатъ словака Л. Штура (1815 — 1856) съ полнымъ правомъ долженъ быть поставленъ въ рядъ лучшихъ однородныхъ произведеній славянскоѣ мысли, съ глубокимъ проникновеніемъ раскрывающихъ внутреннюю сущность характера и быта, духовный строй и нравственную цѣнность, словомъ, народную душу славянской расы, а съ другой стороны выясняющихъ культурно-историческое мѣсто и міровое призваніе славянства во главѣ съ Россіей среди другихъ націй и культуръ *).

Изданное впервые въ 1867 году, въ эпоху перваго въ Россіи (московскаго) славянскаго съѣзда, въ малораспространенномъ ученомъ періодическомъ изданіи **), это послѣднее твореніе гениальнаго сына словацкаго народа было оцѣнено, конечно, въ полной мѣрѣ лишь тѣми, кто успѣлъ съ нимъ непосредственно познакомиться, преимущественно въ учено-литературной средѣ славянофиловъ и славистовъ, но осталось недоступно широкому кругу образованныхъ читателей и не могло пріобрѣсти той извѣстности, какой оно по справедливости заслуживало по своему глубокому и нынѣ, черезъ полвѣка, не поблекшему интересу, широкой и разносторонней постановкѣ поднятыхъ вопросовъ и жизненному значенію выводовъ, убѣжденій и предостереженій даровитаго автора.

*) Каковы, напр., сочиненія первыхъ славянофиловъ, К. Аксакова, Хомякова, Кирѣевскихъ и друг., или такія сочиненія, какъ „Россія и Европа“ Н. Я. Данилевскаго, „Три міра“ В. И. Ламанскаго, и т. п.

**) Чтенія въ И. Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ, 1867, кн. I (Москва).

Извлечь изъ журнальной пыли и незаслуженнаго забвенія эту вдохновенную „лебединую пѣснь“ великаго славянина и тѣмъ закрѣпить за ней почетное мѣсто въ нашей литературѣ—особенно своевременно теперь, въ дни новаго замѣтнаго подъема у насъ славянскаго самосознанія, быть можетъ, наканунѣ новаго всеславянскаго съѣзда въ Россіи.

Перепечатывая здѣсь, съ благосклоннаго разрѣшенія почтеннаго переводчика, трактатъ Штура въ полномъ видѣ, Общество ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III сочло умѣстнымъ снабдить свое изданіе вводной статьей и нѣсколькими дополнительными примѣчаніями проф. Т. Д. Флоринскаго, которому читатели будутъ, конечно, очень признательны за обстоятельное и живое ознакомленіе ихъ съ той эпохой, той средой и тѣми племенными, культурными и политическими условіями, которыя дали славянству мощную и глубоко-симпатичную личность Л. Штура.

К. Г.

Ludvig ² Sjöström

Людевитъ Штуръ и его сочиненіе „Славянство и міръ будущаго“.

I.

Первая половина XIX вѣка, особенно тридцатые и сороковые годы, представляетъ выдающійся по своему значенію періодъ въ новѣйшей исторіи славянства. Это была пора т. н. національнаго славянскаго возрожденія. Всѣ западно-славянскія народности, юго-западныя и сѣверо-западныя, большія и малыя, утратившія въ разное время политическую самостоятельность или никогда ею не пользовавшіяся, поработенныя и униженныя другими инородческими племенами, подавленныя чужими языками и образованностями, теперь, въ XIX вѣкѣ, словно пробуждаются къ новой жизни, смѣло и громко заявляютъ о своемъ правѣ на самостоятельное національное существованіе и достигаютъ тѣхъ или иныхъ, то большихъ, то меньшихъ успѣховъ въ осуществленіи своихъ стремленій, чаяній и надеждъ. Вездѣ, на всемъ протяженіи западно-славянскихъ областей, и на Балканахъ, и въ Австро-Венгрии, и въ Германіи идетъ то скрытая, то явная борьба славянъ за свободу съ ихъ давними насильниками и угнетателями. У всѣхъ, даже самыхъ малыхъ славянскихъ народовъ, какъ-то: словаковъ, словинцевъ, лужицкихъ сербовъ, проясняется и укрѣпляется національное сознаніе, возникаютъ и развиваются литературы на народныхъ языкахъ, проявляются заботы о просвѣщеніи народа въ національномъ духѣ, ширится изученіе народности, прилагаются энергическія старанія для обезпеченія народнымъ славянскимъ языкамъ права употребленія въ школахъ, въ общественной и государственной жизни. вмѣстѣ съ тѣмъ предъявляются и требованія политическихъ правъ для угнетаемыхъ народностей, поддержанныя кое-гдѣ народными движеніями и возстаніями. Захватываетъ это знаменательное движеніе и русскій народъ, живущій въ Галичинѣ, Буковинѣ и восточной Угорщинѣ, а также отзывается оно и въ державной Руси, гдѣ среди образованныхъ классовъ общества вновь воскресаетъ національное самосознаніе, угасшее было подъ вліяніемъ увлеченій чужеземщиной и космополитическими идеями Запада.

Двѣ особенно характерныя черты наблюдаются въ этомъ разнообразномъ и сложномъ процессѣ славянскаго возрожденія. Съ одной стороны, каждый славянскій народъ стремится возможно полнѣе выразить свои національныя особенности, возможно яснѣе опредѣлить свою личность и возможно крѣпче обосновать свое право на самобытное, если не политическое, то національное существованіе. Это движеніе, такъ сказать, центробѣжное. Но, съ другой стороны, повсюду въ славянствѣ обозначается весьма ясно, хотя и не такъ рѣзко, противоположное указанному движенію теченіе центростремительное. Оно характеризуется широкимъ проявленіемъ общеславянскаго сознанія, распространеніемъ всеславянской идеи. Повсюду въ славянскомъ мірѣ раздаются голоса о племенномъ и культурномъ родствѣ всѣхъ вѣтвей славянскаго племени, призывы къ прекращенію распрей и раздоровъ между славянскими народами, указанія на необходимость болѣе тѣснаго общенія славянъ въ области науки и литературы, и даже пожеланія выработки общеславянской политической программы. Въ этомъ проявленіи всеславянскаго чувства было много неяснаго, туманнаго, неопредѣленнаго. Тѣмъ не менѣе самый фактъ пробужденія у всѣхъ вѣтвей славянства, на ряду съ мѣстнымъ узкимъ національнымъ патріотизмомъ, болѣе широкаго и глубокаго племеннаго сознанія имѣлъ важное значеніе для послѣдующаго развитія частныхъ національныхъ славянскихъ вопросовъ. Возрожденіе отдѣльныхъ славянскихъ народностей опиралось въ значительной степени на этомъ общеславянскомъ сознаніи; въ немъ оно черпало для себя силу и наиболѣе вѣрный залогъ успѣха. Славянскія народности, взятая каждая въ отдѣльности, были малы и слабы, но, какъ члены единаго обширнаго славянскаго міра, онѣ выросли въ собственныхъ глазахъ, чувствовали себя болѣе сильными, смѣлѣе шли по новому пути, на который вступали. Да и позже во второй половинѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго наличность такого общеславянскаго сознанія обезпечивало для отдѣльныхъ вѣтвей славянства возможность дальнѣйшаго національнаго и политическаго преуспѣянія. Отсюда вполне естественно и понятно, что многіе выдающіеся славянскіе народныя дѣятели, поэты, ученые, публицисты, прославившіеся, какъ наиболѣе убѣжденные и горячіе защитники правъ своихъ народностей, вмѣстѣ съ тѣмъ были племенными поборниками идеи славянской взаимности, славянскаго общенія и единенія. Въ ряду такихъ дѣятелей выдающееся мѣсто занимаетъ словакъ Людевитъ Штуръ, авторъ замѣчательнаго сочиненія „Славянство и міръ будущаго“, которое въ новомъ изданіи предлагается здѣсь вниманію читателей.

II.

Въ сѣверной Угрии (Венгрии) и кое-гдѣ въ юго-восточной Моравіи, между Карпатами и Дунаемъ, между р. Моравой и системой рѣкъ: Иполя, Римава, Сланы и Тисы обитаетъ небольшой, но во многихъ отношеніяхъ замѣчательный народъ *словаки* (ок. 2.700.000)*). Историческая судьба этого народа, какъ и нѣкоторыхъ другихъ вѣтвей западнаго славянства, сложилась весьма неблагоприятно. Онъ не успѣлъ сохранить политической самостоятельности, мелькнувшей для него въ отдаленные вѣка лишь на короткое время, и рано долженъ былъ войти въ составъ чужого государства. Только на зарѣ своей исторіи, въ IX в., словаки примыкаютъ къ славянскому, т. н. Велико-Моравскому княжеству, которое служило западному славянству опорой противъ притязаній міра романо-германскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ было средоточіемъ просвѣщенія, насажденнаго незабвенными братьями свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ. Но уже во X ст. надъ западнымъ славянствомъ разразилась буря въ видѣ нашествія финскаго народа мадьяръ или угровъ (венгровъ), которое въ конецъ разрушило Велико-Моравское княжество и основало въ Тисо-Дунайской равнинѣ новое государство. Въ составъ его должны были войти и словаки, причемъ нѣкоторая часть ихъ, вѣроятно, была поглощена мадьярами, а нѣкоторая оттѣснена къ сѣверу, къ Карпатамъ. Съ той поры судьба словаковъ тѣсно связана съ судьбой Венгерскаго королевства, долго управлявшагося своими королями сперва изъ національной, а затѣмъ другихъ династій, позже слившагося съ монархіей Габсбурговъ, а въ новѣйшія времена, съ введеніемъ дуализма (1867), стремящагося вновь выдѣлиться изъ этой монархіи. Въ теченіе долгаго ряда вѣковъ словаки испытывали всѣ тягости и неудобства существованія въ чужомъ государствѣ, которое притомъ отражало въ своей политической и культурной жизни исключительно чужія, западныя, романо-германскія начала (каковы на примѣръ: латинская церковь, латинск. языкъ, въ образованности и общественной жизни, феодальныя учрежденія, антагонизмъ сословій, порабощеніе низшихъ классовъ населенія и проч.), но, какъ народность, они не подвергались стѣснительному преслѣдованію и истребленію со стороны мадьяръ, такъ какъ въ Венгрии долго даже не возбуждалось національнаго вопроса. Но положеніе славянъ въ Венгрии въ этомъ отношеніи существенно измѣнилось въ XIX ст., когда и у мадьяръ пробудилось національное самосознаніе и они

*) Срв. ниже помѣщенную сравнительную статистическую табличку.

также стали заботиться о развитіи и правахъ своей народности, а затѣмъ, добившись въ этомъ направленіи большихъ успѣховъ, пошли еще дальше, стали стремиться къ распространенію своего языка и политическаго преобладанія среди другихъ народовъ стараго Венгерскаго королевства. Словаки и ихъ сосѣди, угроруссы, въ силу своей беззащитности оказались въ глазахъ мадьярскихъ политиковъ наиболѣе подходящимъ матерьяламъ для усиленія малочисленной мадьярской народности. Систематическое истребленіе словаковъ путемъ мадьяризаціи приняло особенно широкіе размѣры послѣ 1867 г., когда съ раздѣленіемъ Австріи на двѣ самостоятельныя половины, Цислейтанію и Транслейтанію, мадьяры очутились полными хозяевами въ своей Транслейтанской половинѣ. Въ настоящее время политическое положеніе словаковъ весьма тяжелое. Это самый забытый, угнетенный и безправный народъ въ Австро-Венгріи, если не считать Угорской Руси, находящейся въ еще болѣе тяжелыхъ условіяхъ. Основные законы Венгріи очень либеральны; между прочимъ, они устанавливаютъ равноправность языковъ и народностей королевства, участіе всѣхъ народовъ въ управленіи страны, самую широкую свободу личности и печати. Но въ дѣйствительной жизни всѣ эти права и свободы существуютъ только для мадьяръ, а прочія народности, живущія въ государствѣ, представляютъ собою какихъ-то паріевъ, всячески угнетаемыхъ и притѣсняемыхъ. Въ явный обходъ законовъ, словаки и русскіе въ этомъ отношеніи особенно испытываютъ на себѣ этотъ произволъ господствующей народности. Трудно представить себѣ болѣе безотрадное и безвыходное положеніе, чѣмъ то, въ которомъ находятся словаки. У нихъ отнято буквально все, что только можно отнять у народа. Самое существованіе словаковъ, какъ этнографической особи, какъ-бы отрицается государствомъ и мадьярскими государственными дѣятелями. Всякій образованный челоуѣкъ, именующій себя словакомъ, открыто говорящій по словацки, разсматривается какъ „панславистъ“, считается измѣнникомъ отечеству, врагомъ государству и подвергается явнымъ и тайнымъ преслѣдованіямъ со стороны властей. Словацкій языкъ открыто подвергается гоненію даже въ мѣстностяхъ, имѣющихъ исключительно словацкое населеніе. Онъ не допускается въ среднія школы; нѣтъ ему мѣста и въ низшихъ народныхъ школахъ, содержимыхъ на государственный счетъ. Онъ терпитъ только въ немногочисленныхъ церковныхъ школахъ, содержимыхъ на мѣстныя средства общинъ, но и тамъ онъ постоянно стѣсняется расширеніемъ преподаванія мадьярскаго языка. Десятки тысячъ дѣтей не слышатъ въ школахъ ни одного слова на родномъ языкѣ. Подобнымъ же образомъ устраненъ словацкій языкъ изъ суда, администраціи,

всѣхъ общественныхъ и правительственныхъ учреждений. Вездѣ признается только мадьярскій языкъ, который въ позднѣйшее время вводится въ церковь, богослуженіе и проповѣдь въ чисто-словацкихъ приходяхъ. Одновременно съ преслѣдованіемъ народнаго языка, словакамъ чинятся и всякія другія насилія и неправды. Они лишены всякихъ правъ, какія имъ принадлежать по конституціи. Благодаря явнымъ беззаконіямъ, происходящимъ при процессѣ выборовъ, словаки почти не имѣютъ возможности проводить своихъ представителей въ венгерскій законодательный сеймъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ въ этомъ сеймѣ не было ни одного словака. Въ послѣдніе годы туда стали попадать по нѣскольکو народныхъ словацкихъ патріотовъ, которые, однако, въ силу своей малочисленности, лишены возможности защищать съ успѣхомъ права и интересы своего народа. Точно также словаки не могутъ принимать участія въ мѣстномъ самоуправленіи. Такъ, высшія правительственныя должности, всѣ главныя мѣста находятся въ рукахъ мадьяръ и мадяроновъ или даже евреевъ. Высшій классъ общества, дворянство, давно уже омадьярился и идетъ за одно съ врагами своего народа; многочисленное еврейство, поработившее страну въ экономическомъ отношеніи и здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, поддерживаетъ господствующую народность. Для успѣховъ мадьяризаціи правительство не останавливается въ выборѣ средствъ, иногда явно безнравственныхъ, каковы, на примѣръ, основаніе на народныя деньги мадьяризаторскихъ культурныхъ обществъ, обманный и насильственный увозъ здоровыхъ словацкихъ мальчиковъ и дѣвочекъ въ чисто мадьярскія комитаты, преслѣдованіе судомъ словацкихъ писателей, публицистовъ и другихъ народныхъ дѣятелей.

И не смотря на весь этотъ гнетъ, на всѣ невзгоды и бѣдствія, словаки еще не пропали. Напротивъ, они успѣли сохранить свою народную личность въ большей чистотѣ и неприкосновенности, чѣмъ ближайшіе ихъ сородичи и сосѣди чехо-мораване, поставленные, повидимому, въ болѣе благопріятныя условія политической жизни. Въ этнографическомъ отношеніи это одна изъ наиболѣе любопытныхъ, оригинальныхъ разновидностей западнаго славянства. Оказавъ въ старыя времена сильное антропологическое и культурное вліяніе на своихъ поработителей-мадьяръ, сами словаки, въ своей массѣ, за исключеніемъ высшихъ классовъ, не поддались инородческому племенному вліянію и въ настоящее время борются противъ мадьяризаціи. Нерѣдко у нихъ оказываются въ неприкосновенномъ видѣ такія драгоцѣнныя особенности народнаго быта и характера, каковыя приходится встрѣчать далеко не у всѣхъ австрійскихъ славянъ. Въ словацкой жизни наблюдается замѣчательное богатство и

разнообразіе народныхъ пѣсенъ, повсемѣстное употребленіе оригинальной, разнообразной по покрою народной одежды, стародавние народные обычаи, обряды, вѣрованія, удивительно чистый, чуждый постороннихъ примѣсей, звучный и выразительный славянскій языкъ, наконецъ, сильно развитое славянское сознаніе. Благодаря этимъ народнымъ чертамъ, словаки еще держатся противъ своихъ угѣснителей, отстаиваютъ свое существованіе, заявляютъ о себѣ, какъ нація. Главнымъ выраженіемъ и вмѣстѣ опорой національной жизни служить литература. Существова немного болѣе ста лѣтъ, несмотря на свою молодость и крайне неблагопріятныя условія для своего развитія, эта литература представлена уже цѣлымъ рядомъ крупныхъ талантовъ (Л. Штуръ, М. Гурбанъ, А. Сладковичъ, С. Халупка, Я. Краль, В. Паулини-Тотъ, С. Томашикъ, Калинчакъ, І. Гурбанъ-Ваянскій, Орсакъ-Гвѣздославъ) и отвѣчаетъ самымъ насущнымъ запросамъ и требованіямъ народа. Изъ среды этого униженнаго, но сильнаго духомъ народа вышелъ и всецѣло посвятилъ себя на служеніе родинѣ подъ знаменемъ всеславянской идеи Людевитъ Штуръ, крупнѣйшій представитель національнаго возрожденія словаковъ, выдающійся мыслитель и дѣятель славянскаго міра.

III.

Жизнь и дѣятельность Л. Штура, окруженный ореоломъ величія съ національной точки зрѣнія, заслуживаютъ самаго глубокаго вниманія историка славянскаго возрожденія. Это былъ истинный сынъ своего времени, дѣятель народный въ лучшемъ смыслѣ этого слова. На трудный путь общественной дѣятельности онъ выступилъ въ ту пору, когда уже обозначилось стремленіе мадьяръ подавить всѣ другія народности, входившія въ составъ Венгерскаго королевства, и когда уже стали замѣтны и признаки національнаго пробужденія славянъ, выразившіеся въ заботахъ о созданіи литературы на народномъ языкѣ и объ отпорѣ узко-націоналистическимъ притязаніямъ мадьяръ. Л. Штуръ сталъ во главѣ этого народнаго движенія, былъ его душой, руководителемъ и организаторомъ, проявивъ въ одно время свой большой умъ, талантливость и широкое образованіе, а съ другой—беззавѣтную любовь къ своему несчастному народу. За свободу словаковъ онъ боролся перомъ, живымъ словомъ и оружіемъ. Онъ былъ учителемъ, профессоромъ, публицистомъ, политикомъ, ученымъ, предводителемъ и организаторомъ повстанческихъ отрядовъ. Ему выпало на долю быть участникомъ и свидѣтелемъ какъ развитія народнаго движенія, такъ и насту-

пившаго въ 50-хъ годахъ его подавленія. Онъ вынесъ много преслѣдованій, лишеній, личныхъ невзгодъ и страданій; но онъ никогда не переставалъ вѣрить въ свой народъ и славянскую идею и до послѣдней минуты жизни продолжалъ работать для дорогой отчизны, судьбу которой связывалъ съ судьбою всего славянства.

Людевитъ Штуръ родился 29 октября 1815 года, въ бѣдной словацкой семьѣ, въ мѣстечкѣ Зай-Угровцѣ, расположенномъ въ живописномъ, романтическомъ горномъ уголкѣ Тренчанской столицы, гдѣ его отецъ былъ учителемъ. Окруженный любовью матери и заботами отца, мальчикъ получилъ начальное воспитаніе дома, а затѣмъ, 12-ти лѣтъ, былъ отправленъ въ Раабскую гимназію. Здѣсь на него имѣлъ особенно благотворное вліяніе преподаватель Пецъ, съ восторгомъ рассказывавшій на урокахъ о заслугахъ для славянства тогда уже знаменитыхъ ученыхъ и писателей Добровскаго, Шафарика и Коллара и тѣмъ заронившій въ сердце юнаго воспитанника искру національнаго сознанія. Пробывъ въ Раабѣ два года, Людевитъ поступилъ въ Пресбургскій лицей, окончилъ здѣсь курсъ наукъ и значительное время былъ преподавателемъ лицея. Ко времени пріѣзда Штура, Пресбургъ былъ главнымъ средоточіемъ словацкой учащейся молодежи, и не безъ основанія. Пресбургскій лицей былъ высшимъ и извѣстнѣйшимъ учебнымъ заведеніемъ для протестантовъ, которое притомъ имѣло нѣчто такое, чѣмъ другія училища тогда еще не могли похвастаться, имѣло основанную еще въ 1803 г. кафедру чешско-славянскаго языка и литературы, которую занималъ престарѣлый не безызвѣстный для своего времени ученый Юрій Палковичъ. Кромѣ того, при лицей было основано въ 1828 г. Словенское литературное общество (*Literarná jednota*), учредителемъ котораго были словацкіе студенты—старшій братъ Людевита Штура Карлъ, Само Халупка, Самуиль Годра, Дан. Лихардь, Янъ Цалтикъ, М. Голко, С. Бабилонъ, Г. Климачекъ. Молодые люди, одушевленные національной славянской идеей, развитой въ трудахъ чеха Добровскаго, патріарха славянской филологіи, и знаменитыхъ словаковъ Шафарика, ученаго панслависта, и Коллара, вдохновеннаго пѣвца „Дочери Славы“, ревностно занимались изученіемъ роднаго языка, а равно литературы и языковъ другихъ славянскихъ народовъ. Къ этому кружку примкнулъ Л. Штуръ. Вскорѣ онъ сталъ въ немъ главнымъ дѣятелемъ, а затѣмъ распорядителемъ всѣхъ его дѣлъ въ качествѣ товарища предсѣдателя. И позже, по окончаніи курса богословскихъ наукъ въ Лицеѣ, онъ остался въ Пресбургѣ въ качествѣ помощника престарѣлаго профессора славянскаго языка Юрія Палковича, не желая прерывать своей дѣятельности въ близ-

комъ его сердцу словенскомъ обществѣ. Свои силы онъ посвятилъ главнымъ образомъ воспитанію и образованію словаковъ въ національномъ славянскомъ духѣ. Онъ обучалъ учениковъ младшихъ классовъ родному словацкому языку, а затѣмъ, когда они переходили въ высшіе классы гуманитарныхъ, философскихъ и богословскихъ наукъ и дѣлались членами Словенскаго литературнаго общества, онъ руководилъ ихъ занятіями въ области славяновѣдѣнія. Онъ читалъ лекціи и рефераты о чешскомъ и словацкомъ языкахъ, о литературахъ и исторіи славянскихъ народовъ, объяснялъ поэму Коллара „Дочь Славы“ (Slavy dcera), толковалъ Голаго (ранняго словацкаго поэта, писавшаго на западно-словенскомъ нарѣччіи), Мицкевича и Пушкина; между тѣмъ какъ его другъ и помощникъ Червенка знакомилъ членовъ кружка съ языкомъ, литературой и исторіей сербо-хорватовъ. Молодые люди въ школѣ Штура учились любить все славянство, говоритъ біографъ знаменитаго словака, столь же знаменитый I. M. Гурбанъ *), „и это уже одно обстоятельство сдѣлало Штура великимъ“. Штуръ постоянно терпѣлъ матеріальную нужду, добывалъ средства къ жизни частными уроками. Но эти матеріальныя условія нисколько не ослабляли его энергіи. Съ любовью, неутомимою ревностью и самопожертвованіемъ онъ вель добровольно принятое имъ на себя дѣло. Заслуги его, какъ воспитателя цѣлаго поколѣнія словацкой молодежи, изъ среды которой вышли многіе замѣчательные народныя дѣятели, неоцѣнимы. Вліяніе его не только на учащихся и его сверстниковъ, но и на людей пожилыхъ было огромное. Вся его внѣшность, мужественное благородное лицо, сильный голосъ, изумительный даръ слова, пламенный энтузіазмъ производили чарующее впечатлѣніе на окружающихъ и влекли къ нему сердца всѣхъ вступавшихъ съ нимъ въ общеніе. И результаты его воздѣйствія на молодежь были поразительны. Вотъ что говоритъ объ этомъ, на основаніи рассказовъ и воспоминаній современниковъ, проф. Яр. Волчекъ. „Многія изъ тогдашнихъ студентовъ лица не имѣли еще національнаго сознанія, не знали даже своего родного языка. Они разсуждали, вели диспуты, смѣялись надъ всѣмъ, но не принимали участія ни въ чемъ, кромѣ безшабашной, разгульной жизни своихъ товарищессьмадьяръ. Не разъ одно лишь пламенное слово Штура, одинъ лишь предложенный имъ вопросъ, возвращалъ такого заблудшагося къ дѣятельности и самосознанію, и никто изъ этихъ обращенныхъ не жаловался потомъ на свое обращеніе; жгучія слова Штура постоянно отзывались въ ихъ душахъ. На собраніяхъ и въ часы

*) Slovenské Pohl'ady. 1881, 113.

досуга великій учитель читаль свои рефераты, давалъ разъясненія и всячески побуждалъ свой маленькій кружокъ къ дѣятельности. Онъ говорилъ своимъ слушателямъ о давно усопшихъ ихъ предкахъ, раскрывалъ передъ взорами собравшихся цѣлую галерею портретовъ и образовъ изъ славянской исторіи, филологіи и философіи; не разъ уводилъ онъ своихъ слушателей на лоно цвѣтущей природы и тутъ съ жаромъ объяснялъ имъ оду Мицкевича „Къ юности“, эту великую славянскую пѣсню, полную высокихъ пророчествъ и смѣлыхъ картинъ. Каждое слово его о трогательныхъ моментахъ въ жизни великихъ мужей, этого украшенія исторіи, обь именахъ, принадлежащихъ всему міру, и мучениковъ за идею, лавою вливалось въ воспламененныя сердца юношей. Всему этому не мало способствовала непреодолимая сила Штурова краснорѣчія: она сразу преображала самага низменнаго эгоиста въ возвышеннаго идеалиста. „Это бывало всегда въ прекрасный вечеръ“, вспоминали впоследствии многіе изъ его учениковъ, когда великій мужъ уже давнымъ давно почивалъ въ могилѣ: „обаяніе природы, звѣздное небо и прохладный вѣтерокъ, обвѣвавшій наши разгорѣвшіяся лица, служили пополненіемъ къ рѣчамъ учителя Людевита. Эхо повторяло въ горахъ пѣсню, которою мы обыкновенно заканчивали нашу оживленную бесѣду“ *). Дѣятельность Штура однако въ этотъ періодъ не ограничивалась Пресбургскимъ лицеемъ и состоящимъ при немъ „Словенскимъ литературнымъ обществомъ“. Онъ завязывалъ тѣсныя дружескія отношенія съ другими словацкими и инославянскими патриотами, писалъ корреспонденціи о положеніи дѣлъ у словаковъ въ чешскія и другія газеты, самъ собиралъ корреспонденціи изъ разныхъ частей словацкой земли и принималъ мѣры къ ихъ распространенію въ печати, устраивалъ цѣвческія общества, содѣйствовалъ возникновенію „Общества путешественниковъ по славянскимъ землямъ“, принималъ участіе въ изданіи литературныхъ сборниковъ въ родѣ появившагося въ 1836 г. подъ заглавіемъ: „Plody zboru učenců řeči československé presporského“, сочинялъ самъ поэтическія произведенія—оды въ честь великихъ славянскихъ людей или элегіи по поводу бѣдствій словацкаго народа, появлявшіяся въ чешскихъ журналахъ: „Tatranka“, „Hronka“, „Květy“. Наконецъ, подъ вліяніемъ Пресбургскаго славянскаго общества и его вождя Л. Штура, возникли подобныя же общества при евангелическихъ лицеяхъ въ другихъ частяхъ словацкой земли: въ Баньской Штявницѣ, Кежмаркѣ, Пряшевѣ и Левочѣ. Національное движеніе среди молодежи быстро

*) Яр. Волчекъ. Исторія словацкой литературы. Кіевъ, 1889. 33—34.

росло и крѣпло. Благодаря національной идеѣ, старая вѣроисповѣдная рознь стала ослабѣвать, католики начали сближаться съ протестантами и постепенно подготовлялась почва къ полному единенію словацкихъ патріотовъ, раздѣленныхъ вѣрою. Л. Штуръ былъ горячимъ сторонникомъ этого единенія и много способствовалъ установленію дружественныхъ сношеній между евангелическими и католическими школами и возникшими при нихъ національно-просвѣтительными учрежденіями. Такимъ образомъ, словацкая молодежь обоихъ вѣроисповѣданій, сблизившись между собою и будучи воспитана въ славянскомъ духѣ, общала новую, лучшую будущность національной жизни словаковъ. Мадьяры съ негодованіемъ и подозрѣніемъ смотрѣли на это движеніе въ средѣ словацкой молодежи и съ цѣлью ослабить его предприняли преслѣдованіе студенческихъ обществъ. Весной 1838 г., по распоряженію королевскаго намѣстника въ Будѣ, было закрыто главное Пресбургское Словенское общество, а затѣмъ той же участи подверглись всѣ подобныя кружки, возникшіе при другихъ евангелическихъ школахъ. Однако, катедра словенскаго языка въ Пресбургскомъ лицейѣ была сохранена подъ руководствомъ и покровительствомъ стараго профессора Палковича. Она носила названіе: „Института чешско-словенскаго языка и литературы“. Около этого института сгруппировались члены закрытаго Словенскаго Общества. Л. Штуръ былъ избранъ помощникомъ Палковича по его катедрѣ и открылъ лекціи по исторіи литературы и языкованія славянскихъ народовъ. Онъ проявлялъ прежнюю энергію и даже расширилъ свою дѣятельность, широко привлекая въ свою аудиторію молодыхъ людей даже изъ низшихъ сословій. Общество такимъ образомъ продолжало существовать, хотя и въ другой формѣ, согласованной съ новымъ закономъ.

Однако ученая пылкость Л. Штура не удовлетворялась окружавшею его дѣйствительностью. Его тянуло къ обогащенію ума новыми познаніями, къ углубленію и расширенію своего образованія. Въ 1839 г. онъ отправляется въ Галле, въ университетъ, захавъ по пути на короткое время на родину. Съ юношескимъ пыломъ отдался Л. Штуръ изученію въ университетѣ историко-политическихъ наукъ, философіи и языкованія. Однимъ изъ главныхъ руководителей его занятій былъ знаменитый лингвистъ Августъ Поттъ, ознакомившій его съ основами и методами сравнительнаго изученія индоевропейскихъ языковъ. Въ области философіи Л. Штуръ особенно увлекался системой Гегеля. Удивительная стройность, всеобъемлемость и глубина этой системы, устанавливавшей свѣтлый и ясный взглядъ на судьбы человѣчества, не могли не произвести сильнаго впечатлѣнія на даровитаго словацкаго ученаго-идеалиста.

Изъ Германіи онъ возвращается на родину готовымъ, убѣжденнымъ гегеліанцемъ. Во всѣхъ своихъ написанныхъ позже ученыхъ изысканіяхъ и трактатахъ онъ уже исходитъ отъ основъ философскаго ученія Гегеля. Послѣ почти двухлѣтняго пребыванія въ Галле, Л. Штуръ вернулся въ близкій его сердцу Пресбургъ. Ему предлагали богословскую кафедру въ Кежмаркскомъ лицѣѣ, но онъ отказывается отъ нея, предпочитая остаться на прежнемъ мѣстѣ помощника профессора славянской кафедры въ Пресбургскомъ лицѣѣ. И еще три года онъ провелъ въ дорогомъ для него учрежденіи въ качествѣ учителя и воспитателя словацкой молодежи. Тяжелы были условія его существованія въ Пресбургѣ вслѣдствіе постоянного недостатка денежныхъ средствъ, но за то въ это время все выше и выше поднимался его нравственный авторитетъ среди нарождавшагося словацкаго общества. Съ неустанной энергіей Штуръ создавалъ цѣлую школу патриотически настроенной молодежи, проникавшейся горячею любовью къ родинѣ. Имя его начинало пользоваться широкою извѣстностью по всей словацкой землѣ. Но это обстоятельство все болѣе озлобляло противъ него мадьяръ, враговъ словацкаго народа. Собирались грозныя тучи надъ словаками. Мадьярскія націоналистическія притязанія росли безгранично и омадьярненіе славянъ принимало широкіе размѣры. Въ теченіе тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ изданъ былъ цѣлый рядъ законовъ, обезпечивавшихъ мадьярскому языку перевѣсъ и господство въ предѣлахъ Угорскаго королевства, въ замѣнъ прежняго государственнаго языка латинскаго. Въ силу этихъ законовъ (принятыхъ полнѣйше на сеймахъ 1840 и 1843 гг.) въ законодательствѣ, судопроизводствѣ, администраціи, церковныхъ отношеніяхъ и также въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ долженъ былъ употребляться исключительно мадьярскій языкъ. Сдѣлана была попытка распространить это правило и на народныя школы, но это удалось лишь позже сейму 1848 г. Предоставленіе мадьярскому языку такихъ исключительныхъ правъ въ государствѣ и насильственное навязываніе его всѣмъ немадьярскимъ народностямъ королевства было для послѣднихъ угрозой ихъ отдѣльному національному существованію и могущественнымъ средствомъ для распространенія мадьяризаціи. Всѣ эти націоналистическія выступленія мадьяръ направлены были главнымъ образомъ противъ славянъ и прежде всего противъ словаковъ, смѣло заявлявшихъ о пробужденіи своего національнаго сознанія. Въ эту пору среди правящихъ классовъ, а затѣмъ съ печати, открыто высказывался взглядъ на мадьяризацію, какъ на высшее благо для угорскаго королевства и населяющихъ его народовъ. Такъ раньше другихъ рѣзко выступалъ въ

защиту этого взгляда графъ Зай, генеральный инспекторъ лютеранской церкви (въ 1840 г.). Въ своихъ рѣчахъ, посланіяхъ и брошюрахъ онъ цинично заявлялъ, что „славизмъ тождественъ съ деспотизмомъ, а мадьяризація—со свободой и что въ силу этого, мадьяризація становится священнѣйшей обязанностью всякаго искренняго патріота Угріи, всякаго защитника свободы, каждаго представителя интеллигенціи, всякаго вѣрнаго подданнаго Австрійскаго дома“. Съ другой стороны онъ утверждалъ, что всякая попытка противодѣйствія идеѣ мадьяризаціи есть угнетеніе самыхъ жизненныхъ интересовъ образованнаго общества, конституціонной свободы и протестантизма. Мадьярскій языкъ, по его словамъ, составляетъ самую важную защиту отечества, Европы, протестантизма, а торжество мадьяризаціи есть вмѣстѣ съ тѣмъ торжество разума, свободы и интеллигенціи. *) Въ томъ же духѣ и направленіи заговорили всѣ наиболѣе вліятельныя мадьярскія газеты. Такъ, одна изъ нихъ высказывала подобныя пожеланія и рекомендовала такой способъ дѣйствія для истребленія славянъ: „Безспорно очень желательно, чтобы славянскій языкъ исчезъ какъ можно скорѣе изъ предѣловъ Угріи! Дѣло только въ томъ: какими позволительными и непозволительными средствами омадьярить славянъ и лишить ихъ своей національности... Гдѣ слова, деньги, угрозы не помогаютъ, тамъ нужно употреблять физическія средства, чтобы славяне скорѣе исчезли изъ числа живыхъ народовъ**). Другіе органы печати составляли цѣлые планы систематической мадьяризаціи словаковъ. Вполнѣ понятно, что эти исполненные ненависти къ словакамъ призывы не могли пройти безслѣдно. Проведеніе въ жизнь программы омадьяренья должно было сопровождаться насиліями надъ словацкой народностью. Штуръ и его славянскій кружокъ снова стали предметамъ яростныхъ нападокъ со стороны мадьяръ. Въ 1841 г. графъ Зай назначилъ слѣдствіе надъ Штуромъ по обвиненію его въ противоправительственной политической агитаціи. Однако излѣдованіе дѣла не открыло ничего противоправительственнаго и преступнаго, и Штуръ сохранилъ за собою мѣсто и продолжалъ энергично дѣло воспитанія словаковъ въ духѣ народности. Для предупрежденія возможности какихъ-либо сплетенъ и нареканій имъ заведена была строгая дисциплина; собранія молодежи какъ въ лицеѣ, такъ и въ общественныхъ мѣстахъ, посвященныя занятія литературой, бесѣдамъ и пѣснямъ отличались благороднымъ, безукоризненнымъ характеромъ. Тѣмъ не менѣе враги не унимались. Интриги и до-

*) Славянскій сборникъ, т. I. 167—168.

***) Тамъ же.

носы со стороны мадьяръ не прекращались. Въ результатѣ въ іюнѣ 1843 г. было назначено вторичное слѣдствіе. Предчувствіе угрожающей гибели уже носилось въ Пресбургскомъ лицѣѣ въ самомъ началѣ академическаго года. Между прочимъ оно выразилось въ слѣдующемъ прекрасномъ стихотворномъ привѣтѣ одного изъ старшихъ воспитанниковъ, Яна Матушки, обращенномъ ко вновь поступающей братіи. „Милые братья!—воскликаетъ юный поэтъ— Вы вышли изъ дому, оставя семью и нашли здѣсь своихъ. Вы еще вздыхаете? Часы пройдутъ и болѣе радостныя минуты вознаградятъ васъ за все. Право, тамъ—тишина, а тутъ—буря, гроза; но тамъ васъ мало, и тутъ—цѣлый народъ. Мы сошлись здѣсь на народномъ полѣ, гдѣ уже давно померкла слава словаковъ: сыны ихъ подпали низкому рабству, и, быть можетъ, для нихъ уже готовы тутъ могилы. Обширная страна, ты была нѣкогда въ славѣ, но другой вырвалъ у тебя изъ рукъ пальму этой славы! А кто?... Умолкни, пытлиное сердце, не раздувай сокрытый въ груди огонь и не проклинай хищное племя, довольствуйся слезами, текущими по лицу; туча закрывающая отъ тебя свѣтъ, пронесется, и почка сокрытой славы разцвѣтетъ!“ *)

И это предчувствіе сбылось. Въ іюнѣ 1843 г., подъ вліяніемъ новыхъ мадьярскихъ доносовъ и интригъ, было наряжено вторичное слѣдствіе. И на этотъ разъ оно не открыло ничего предосудительнаго въ дѣятельности чешско-словенскаго кружка. Тѣмъ не менѣе судьба Штура была рѣшена: въ январѣ 1844 г., въ силу постановленія пресбургскаго церковнаго конвента, онъ былъ лишень профессорскаго мѣста, несмотря на петиціи молодежи и протесты евангелической церкви. Огорченная молодежь, видя, что она уже не смѣетъ учиться и слушать того, въ чьихъ рѣчахъ она находила высочайшее духовное наслажденіе, спѣшила покинуть Пресбургъ и потянулась въ другія учебныя заведенія. Большая часть ея обосновалась въ Левочскомъ славянско-евангелическомъ лицѣѣ вокругъ энергичнаго Янка Римавскаго—Францисци. И здѣсь вскорѣ началась дѣятельность въ духѣ и направленіи Л. Штура. Самъ Штуръ, лишившись мѣста, которое ему давало самый скромный кусокъ хлѣба, продолжалъ оставаться въ Пресбургѣ, не переставая слѣдить за успѣхами словацкаго юношества, образованію котораго онъ посвятилъ лучшіе годы своей жизни. Что было запрещено дѣлать открыто—дѣлалось тайкомъ. Каждый день вечеромъ молодые люди появлялись на улицѣ, гдѣ жилъ Штуръ, и по одному, по два исчезали въ его домѣ, гдѣ заслушивались его бесѣдами часто за полночь, и снова, какъ схо-

*) Яр. Волчекъ. Исторія словацкой литературы. Кіевъ 1889, стр. 41.

дились, такъ и расходились тайкомъ. Такъ образовались остатки Штуровой школы, какъ они сами себя называли. Штуръ съ неослабъвающей энергіей старался вдохнуть въ нихъ свои возвышенныя идеи. Среди этихъ послѣдователей Штура было не мало учившихся въ Пресбургѣ сербовъ, къ которымъ отставленный профессоръ относился съ искреннею любовью и вниманіемъ, всячески охраняя ихъ отъ сближенія съ разгульными мадьярами. Благодаря настояніямъ Штура, сербская молодежь завела въ Пресбургѣ славянскую бібліотеку съ заломъ для чтенія и общество для усовершенствованія родного языка. Штуръ, въ качествѣ наставника, нерѣдко посѣщалъ ихъ собранія; кромѣ того, онъ много содѣйствовалъ умственному и нравственному образованію ихъ, занимая ихъ по вечерамъ чтеніемъ о славянской поэзіи. Впослѣдствіи эти молодые люди съ восторгомъ вспоминали о своемъ великомъ учителѣ и его пламенныхъ, душевныхъ бесѣдахъ. Въ числѣ ихъ были такіе знаменитые люди, какъ неустрашимый вождь Св. Милетичъ, Ненадовичъ, Поповичъ и другіе дѣятели 1848 г., энергично выступившіе противъ мадьяръ въ защиту поправныхъ правъ сербскаго народа.

Такова была дѣятельность Л. Штура въ качествѣ воспитателя славянской молодежи въ народномъ духѣ. Она наполняла почти всецѣло первый періодъ его жизни. Штуру не было и 30 лѣтъ, когда онъ былъ удаленъ изъ Пресбургскаго лиція, а между тѣмъ уже и въ эту пору какъ велики были его заслуги передъ родиной! Онъ далъ ей цѣлое поколѣніе молодыхъ людей, согрѣтыхъ чувствомъ любви къ родному, приниженному народу, проникнутыхъ общеславянскимъ сознаніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ закаленныхъ въ трудѣ и твердыхъ нравственныхъ началахъ. Но это была только одна сторона подвига, совершеннаго имъ въ отношеніи дорогой его сердцу родины. Въ ближайшее время его ждали иные, не менѣ славные труды.

IV.

Съ 1844 г. для Л. Штура начинается новый, къ сожалѣнію, очень непродолжительный періодъ жизни, исполненный разнообразной, кипучей дѣятельности на пользу словацкаго народа. Изъ скромнаго профессора и воспитателя молодежи онъ превращается въ вождя народнаго и смѣлаго борца за права родного народа. Съ именемъ Л. Штура, наряду съ именами его сподвижниковъ І. Гурбана и Годжи, связаны всѣ важнѣйшіе моменты великаго національнаго

движенія словаковъ этой эпохи, завершившагося вооруженнымъ возстаніемъ 1848 г. и развитіемъ словацкой литературы на народномъ языкѣ. Въ эту знаменательную пору Штуръ выступаетъ съ одной стороны какъ политикъ, дипломатъ и предводитель повстанцевъ, съ другой—какъ ученый-филологъ и историкъ, публицистъ, писатель. И вся эта, согрѣтая высокимъ идеализмомъ, дѣятельность направлена къ одной цѣли—возрожденію родного словацкаго народа.

Насильственное навязыванье словакамъ мадьярскаго языка и гоненія, какимъ подвергались словація просвѣтительныя учрежденія со стороны такихъ администраторовъ, какъ инспекторъ графъ Зай, внушили Л. Штуру сознание необходимости организовать такія мѣропріятія, которыя помогли бы словакамъ вести борьбу противъ воинствующаго мадьяризма. Важнѣйшими, притомъ вполне лояльными и мирными мѣропріятіями этого рода, по его мнѣнію, должны были быть: ознакомленіе общественнаго мнѣнія какъ въ Австро-Венгрии, такъ въ другихъ государствахъ Европы съ несправедливыми притязаніями мадьярь и бѣдствіями словаковъ, обращеніе къ Верховной власти съ мольбой о защитѣ гонимыхъ народовъ и укрѣпленіе національнаго самосознанія широкимъ развитіемъ литературы на народномъ языкѣ. На осуществленіе своей программы путемъ этихъ мѣропріятіи прежде всего и направилъ свои старанія Л. Штуръ. Съ 1843 г. въ разныхъ нѣмецкихъ газетахъ и особенно въ *Augsburger Allgemeine Zeitung* стали появляться его корреспонденціи и другія статьи о положеніи дѣлъ въ словацкой землѣ. Одновременно съ этимъ были изданы имъ знаменитыя его политическія брошюры: *Klagen und Beschwerden der Slovaken wider die Uebergriffe der Magyaren* (Leipzig 1844); „*Das neunzehnte Jahrhundert und der Magyarismus*“ (тамъ же 1845). Это былъ громкій голосъ, обращенный къ общественному мнѣнію Европы въ защиту своего народа. Бѣдствія словаковъ и насильственныя притязанія мадьярь изображены въ этихъ политическихъ брошюрахъ въ яркой, правдивой картинѣ. Но кто въ Европѣ могъ тогда принять участіе въ судьбѣ гибнущаго славянскаго народа? Это былъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ!

Столь же бесплодна была попытка обращенія за справедливостью и защитой къ Верховной власти. Благодаря стараніямъ Штура въ 1842 г. и затѣмъ въ 1844 г. были отправлены въ Вѣну къ императору депутація, представившая, въ видѣ петиціи, мольбу словацкаго народа о защитѣ противъ мадьярь и о разрѣшеніи словакамъ безпрепятственнаго пользованія своимъ народнымъ языкомъ въ школахъ и въ церкви. Эти петиціи остались безъ

всякихъ послѣдствій, хотя представитель правительства министръ Меттернихъ ласково принялъ первую депутацію и оправдалъ образъ ея дѣйствій. Главная просьба словаковъ противорѣчила законамъ, принятымъ Угорскимъ сеймомъ и утвержденнымъ императоромъ, а отмѣнить эти законы Меттернихъ не имѣлъ возможности. Такимъ образомъ съ заявленіемъ протестовъ и требованій приходилось обращаться непосредственно къ Угорскому сейму. Позже Штуръ вмѣстѣ съ другими народными дѣятелями обращается и къ этому средству, но, какъ и слѣдовало ожидать, столь же безуспѣшно.

Иное значеніе имѣли заботы Л. Штура объ укрѣпленіи національнаго сознанія у словаковъ путемъ развитія литературы на народномъ языкѣ. Вопросъ о происхожденіи словаковъ и мѣстѣ этой народности въ ряду другихъ славянскихъ народовъ еще служить предметомъ разногласія между учеными. Тогда какъ одни видятъ въ словакахъ самостоятельную разновидность славянства, другіе считаютъ ихъ лишь частью единаго „чехо-словенскаго“ народа. Но какъ бы не рѣшать этотъ вопросъ, нельзя не признать, что словаки стоятъ къ чехамъ ближе, чѣмъ къ какой-либо другой славянской народности, хотя и представляютъ не мало своихъ весьма характерныхъ этнографическихъ особенностей.

Этимъ объясняется, что въ XVI и XVII ст. у словаковъ вмѣстѣ съ реформаціей, проникшей изъ Чехіи, распространилось употребленіе чешскаго литературнаго языка, которымъ словацкіе писатели пользовались почти исключительно до конца XVIII ст. Но такъ какъ этотъ книжный чешскій языкъ весьма значительно отличался отъ народной рѣчи словаковъ, то словацкіе писатели, съ цѣлью сдѣлать его болѣе доступнымъ народу, нерѣдко вносили въ него не мало словацкихъ словъ и тѣмъ существенно видоизмѣняли его древній типъ, а съ конца XVIII в. Бернолакомъ и его послѣдователями (особенно извѣстнымъ поэтомъ Я. Голымъ) сдѣлана попытка ввести въ литературу одно изъ словацкихъ нарѣчій, именно западное, Тернавское, наиболѣе близкое къ чешскому языку.

Такимъ образомъ въ первой половинѣ XIX в., когда пробудилось національное сознаніе словаковъ, вопросъ о языкѣ національной литературы оставался открытымъ. Словацкіе патріоты и писатели не пользовались однимъ литературнымъ языкомъ. Одни строго держались стараго чешскаго языка (языка книгъ Чешскихъ братьевъ и Золотого вѣка), отъ котораго, однако, значительно отошелъ новый литературный чешскій языкъ, выработавшійся въ эпоху возрожденія; другіе — произвольно измѣняли старую чештину внесеніемъ въ нее то въ большей, то въ меньшей степени, словакизмовъ; третьи писали на западномъ словацкомъ нарѣчій, далеко не самомъ ха-

рактерномъ среди словацкихъ нарѣчій. Это литературное разбѣденіе отчасти совпадало съ раздѣленіемъ народа въ вѣроисповѣдномъ отношеніи. Словаки-протестанты держались преимущественно чештины; католики, напротивъ, стояли за народный языкъ, считая чешскій языкъ Кралицкой библии еретическимъ. Самъ Штуръ въ первый періодъ своей дѣятельности въ Пресбургѣ держался чешскаго языка, училъ ему молодыхъ словаковъ и самъ писалъ на немъ, слѣдуя примѣру знаменитыхъ своихъ земляковъ, Шафарика и Коллара. Но когда опасность полнаго порабощенія родного народа мадьярами стала очевидной, у Штура и ближайшихъ его сотрудниковъ, І. Гурбана и Годжи, явилась мысль осуществить наиболѣе вѣрное средство борьбы со страшнымъ врагомъ, именно расширение и углубленіе національнаго самосознанія путемъ возведенія народнаго языка на степень литературнаго и превращенія его въ органъ просвѣщенія народа. Созданіемъ новаго литературнаго языка на чисто-народной основѣ представлялась возможность устранить литературный разбродъ и религіозный разладъ между писателями и объединить всѣхъ народныхъ дѣятелей и патриотовъ въ общей работѣ для спасенія и освобожденія родного народа. И эта мысль была блестяще проведена въ жизнь Л. Штуромъ и двумя упомянутыми его соратниками, Гурбаномъ и Годжей.

Въ 1845 г. всѣ эти три дѣятеля, по взаимному соглашенію, при ярко-выраженномъ сочувствіи словацкой молодежи, стали писать и издавать свои произведенія на звучномъ среднемъ словацкомъ нарѣчій, которое съ этого времени легло въ основаніе словацкаго книжнаго языка, нынѣ признаннаго во всей словацкой землѣ и уже представленнаго значительной литературой. Въ томъ же году Л. Штуръ получилъ послѣ продолжительныхъ хлопотъ, разрѣшеніе издавать на народномъ языкѣ первую словацкую газету Slovenske Národné noviny съ беллетристическимъ приложеніемъ „Orol Tatranski“.

Появленіе этого прекраснаго изданія было цѣлымъ событіемъ для словацкой земли. Газета Штура приняла на себя дѣло защиты реформы литературнаго языка и распространеніе послѣдняго въ широкихъ кругахъ общества. Всѣ молодые словацкіе писатели сгруппировались около „Новинъ“ и „Орла“. Штуръ редактировалъ ихъ съ необыкновеннымъ усердіемъ и любовью. Все, что только казалось важнымъ и полезнымъ для словацкаго народа, находило себѣ мѣсто на страницахъ этихъ изданій. На ряду съ указаніемъ высокихъ задачъ и стремленій, стоявшихъ передъ нарождавшимся словацкимъ обществомъ, въ нихъ отмѣчались разные недостатки: лѣнь, мелочность, пустота, отсутствіе энергіи. Помѣщавшіеся въ

приложеніи къ газетѣ прекрасные рассказы, научные очерки и публицистическія статьи будили общественную мысль и поднимали народное чувство, все болѣе укрѣпляя любовь къ родному слову. Черезъ годъ, въ 1846 г., появилось и другое періодическое изданіе подобнаго рода, предпринятое д-мъ Гурбаномъ. Это были не менѣе знаменитые „Slovenské Pohľady na vedu, umenia a literaturu“, журналъ, посвященный политикѣ, литературѣ и наукѣ, много содѣйствовавшій развитію національнаго и умственнаго движенія среди словаковъ и установленію у нихъ новаго литературнаго языка. Съ цѣлью обоснованія всей необходимости и важности литературной реформы Л. Штуръ издалъ въ 1846 году двѣ книжки: 1) *Nauka reči slovenskej* и 2) *Nárečia slovenskô alebo potreba písania u tomto nárečí* (Пресбургъ), въ которыхъ между прочимъ далъ характеристику словацкаго языка и выяснилъ всю необходимость возвышенія его на степень языка литературнаго. Наконецъ, успѣху новаго важнаго дѣла не мало способствовало возникшее въ 1844 г. въ Липтовскомъ св. Микулашѣ общество „Татринъ“, которое задалось цѣлью помогать литературѣ и промышленной культурѣ угорскихъ словаковъ всѣми способами, какіе только дозволены закономъ. Это общество приняло новый литературный языкъ подъ свое покровительство и не мало содѣйствовало его широкому распространенію.

Дѣло возсозданія словацкой литературы, прекрасно выполненное Л. Штуромъ и его друзьями, естественно встрѣчено было не только сочувствіемъ, но и рѣзкимъ осужденіемъ и протестами, исходившими отъ нѣкоторыхъ старыхъ словацкихъ дѣятелей и особенно со стороны чешскихъ ученыхъ и публицистовъ. Даже такіе глубокіе умы, какъ Шафарикъ, не поняли литературнаго значенія словацкаго языка какъ для „Словенска“, такъ и для славянства; даже такіе проникательные и дальновидные дѣятели, какъ Колларъ, поддались ложнымъ воззрѣніямъ и объявили стремленіе словаковъ неразумными, вредными и даже ненаціональными. Чешскій музей въ Прагѣ издалъ уже въ 1846 г., цѣлую книгу подъ заглавіемъ: „Hlasové o potřebě jednoty spisovného jazyka pro Čechy, Moravany a Slovanu“, гдѣ собраны старыя и новыя мнѣнія въ защиту единенія словаковъ и чеховъ въ одномъ литературномъ языкѣ. Здѣсь молодымъ словацкимъ дѣятелямъ прямо бросали упрекъ въ сепаратизмъ и измѣнѣ національной идеѣ. Творцы литературной реформы съ своей стороны должны были защищаться отъ подобныхъ нападеній и упрековъ. Возникла цѣлая полемика, исходъ которой съ наибольшою справедливостію рѣшила сама жизнь. Литература на словацкомъ языкѣ получила всеобщее признаніе въ народѣ и,

переживъ тяжелую пору политическихъ бѣдствій, осталась по нынѣ главнымъ выраженіемъ и опорой національной жизни словаковъ. Непосредственнымъ, дѣятельнымъ и живымъ участіемъ въ созданіи этой литературы Л. Штуръ оказалъ неоцѣненную услугу родному народу.

Такъ началась широкая и благотворная работа словацкихъ патриотовъ надъ проясненіемъ и укрѣпленіемъ національнаго сознанія народныхъ массъ. Къ сожалѣнію эта безобидная политическая и культурная дѣятельность была непродолжительна и уже черезъ нѣсколько лѣтъ была прервана грозными событіями вспыхнувшей въ Венгріи революціи. Национальное возбужденіе мадьяръ росло съ поразительной быстротой. Вожди народные, во главѣ съ Кошутомъ, строили планы о полномъ освобожденіи отъ деспотической власти Габсбурговъ и возсозданіи независимаго Венгерскаго королевства; при этомъ проектировалась перестройка всѣхъ государственныхъ и общественныхъ отношеній въ духѣ шедшихъ съ запада конституціонныхъ свободъ и демократическихъ началъ, съ признаніемъ, однако, исключительнаго господства мадьярской народности и отрицаніемъ всякихъ правъ на существованіе за другими народами, входящими въ составъ королевства. Последнее обстоятельство, естественно, заставляло угорскихъ славянъ и прежде всего словаковъ позаботиться о самозащитѣ. Они сами жаждали для себя всякихъ гражданскихъ и политическихъ свободъ, но отнюдь не хотѣли быть рабами мадьяръ, ни, тѣмъ болѣе, превращаться въ мадьяръ. Отсюда становилась неизбежной борьба словаковъ со своими притѣснителями. Она началась съ произнесенія пламенныхъ рѣчей патриотами на сеймѣ и заявленія протестовъ на многочисленныхъ народныхъ собраніяхъ, а завершилось открытымъ возстаніемъ и кровавымъ столкновеніемъ съ мадьярами въ 1848 и 1849 гг. Л. Штуръ принялъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ событіяхъ этого времени. Въѣстѣ съ Гурбаномъ и Годжей онъ былъ главнымъ руководителемъ народнаго движенія. Его одушевленіе, предприимчивость, горячая преданность идеѣ народной свободы не знали предѣловъ. Онъ не щадилъ ни силъ, ни здоровья, ни жизни, и всего себя отдалъ на служеніе народу, принимая на себя самыя разнообразныя роли: депутата, оратора, публициста, дипломата, вербовщика добровольцевъ, вождя повстанцевъ. Популярность его была огромная. Имя его, какъ героя и борца народнаго, разносилось по всей словацкой землѣ. Мадьяры боялись, ненавидѣли его, старались всячески погубить его. Но Богъ хранилъ народнаго героя. Въ 1847/48 гг. собрался знаменитый Угорскій сеймъ, на которомъ мадьяры вынудили у императора назна-

ченіе отвѣтственнаго министерства и добились изданія законовъ въ духѣ конституціонныхъ и демократическихъ идей западной Европы. На этомъ сеймѣ, Кошутъ, вождь оппозиціонной демократической партіи, вызываяще заявилъ: „я никогда и ни подъ какимъ видомъ не признаю въ земляхъ Угорской короны другой національности, кромѣ мадьярской; я знаю, что существуютъ расы, которыя говорятъ другимъ языкомъ, но народъ въ нашей землѣ существуетъ только одинъ“. Ему и другимъ подобнымъ ораторамъ смѣло и съ большимъ достоинствомъ отвѣчалъ, защищая права словацкаго народа, Л. Штуръ, явившійся на сеймъ уполномоченнымъ вольнаго города Зволена, „Весело было глядѣть на достопочтеннаго депутата города Зволена“, говоритъ одинъ изъ современниковъ: „опершись лѣвою рукою на мечъ, онъ говорилъ на чистомъ мадьярскомъ языкѣ твердымъ и громкимъ голосомъ, такъ что слова его слышны были во всѣхъ углахъ залы. Онъ строго поглядывалъ на своихъ противниковъ, когда они перебывали ему рѣчь своими восклицаніями“. Онъ выражалъ сочувствіе новымъ законамъ, ограничивавшимъ права шляхты, отмѣнявшимъ барщину и крѣпостное право, улучшавшимъ положеніе крестьянъ и низшихъ классовъ общества, но въ то-же время онъ настойчиво требовалъ признанія правъ словацкаго языка и словацкаго народа. Послѣ такихъ рѣчей въ сеймѣ пребываніе Л. Штура въ Пресбургѣ стало не безопасно. Нерѣдко онъ сталъ встрѣчать на улицахъ людей съ пистолетами подъ шинелью и съ дикимъ, изступленнымъ выраженіемъ на лицѣ; ему приходилось слышать, какъ представители мадьярской молодежи, проходя мимо него, бормотали между собой: „Попадись этотъ панславистъ на мадьярскій сеймъ“.

Въ виду возрастающаго изступленія мадьяръ, Штуръ въ исходѣ марта 1848 г. оставилъ Пресбургъ и уѣхалъ въ Вѣну. Это было сдѣлано какъ разъ во время. Вскорѣ послѣ его отъѣзда толпа разнузданныхъ мадьяръ сдѣлала нападеніе на редакцію „Словенскихъ Новинъ“, чтобы захватить издателя. Тѣмъ не менѣе вскорѣ Штуръ вернулся на родину и провелъ почти всю весну въ разъѣздахъ по словацкой землѣ, подготавливая народное движеніе и постоянно подвергаясь опасности быть захвачену мадьярами. Продолженіе изданія „Новинъ“ сдѣлалось невозможнымъ. Прекратились и другія словацкія изданія. Совершенно замерла литературная дѣятельность. Перестало существовать и общество Татринъ. Чувствовалось предвѣстіе надвигавшейся бури. 10 мая 1848 года въ Липтовскомъ св. Микулашѣ состоялось собраніе словацкихъ патріотовъ, на которомъ была выработана петиція, обращенная къ императору, сейму и министерству съ изложеніемъ желаній словацкаго народа.

Въ ней словаки требовали полной равноправности съ мадьярами, своихъ школъ, своихъ національныхъ учрежденій, своей національной гвардіи и широкой гражданской свободы. На другой день, ночью, на тайномъ народномъ собраніи, эта петиція была объявлена національной программой. Однако, какъ ни справедливы были эти требованія словаковъ, проведеніе ихъ въ жизнь въ тѣ времена было неосуществимо. Мадьярскія власти объявили Липтовское собраніе бунтомъ и обратились къ жестокимъ репрессивнымъ мѣрамъ. Прежде всего предписано было схватить главныхъ вождей движенія, Штура, Гурбана, и Годжу. Но всѣ эти три дѣятеля успѣли во время бѣжать. Изъ нихъ Штуръ вынесъ особенно много приключеній, пока, послѣ разныхъ опасностей и тайныхъ скитаній по деревнямъ и селамъ, успѣлъ добраться до границы. Потерпѣвъ неудачу въ преслѣдованіи главныхъ организаторовъ Липтовскаго собранія, мадьярское правительство перенесло свою месть на другихъ словацкихъ патріотовъ, и многихъ изъ нихъ посадили въ тюрьмы, а затѣмъ, провозгласивъ военное положеніе въ словацкихъ комитатахъ, терроромъ старались подавить начинавшіяся волненія въ народѣ. При всемъ томъ многимъ словацкимъ народнымъ дѣятелямъ удалось скрыться отъ мадьярскихъ притѣснителей бѣгствомъ за предѣлы родной земли. Всѣ эти бѣглецы-словаки направлялись главнымъ образомъ въ Вѣну и Прагу. Здѣсь оказался и Штуръ.

Словацкимъ патріотамъ становилось ясно, что единственнымъ выходомъ изъ тяжелаго положенія, созданнаго мадьярами, могло быть только народное возстаніе. Мадьярскимъ насиліямъ оставалось противопоставить борьбу вооруженною рукою. Но для успѣха этой борьбы необходимо было соглашеніе съ другими славянскими народами, страдавшими отъ мадьярскаго насилія, т. е. съ угорскими русскими, хорватами и сербами. Л. Штуръ былъ душою этого широкаго по замыслу плана и сталъ ревностно стремиться къ его осуществленію. Еще во время пребыванія въ Пресбургѣ, на сеймѣ въ 1847 г., онъ познакомился съ сербскимъ патріотомъ Раяичемъ, обсуждалъ съ нимъ планъ общихъ дѣйствій сербовъ и словаковъ и получилъ отъ него нѣкоторыя денежные средства на организацію дѣла. Когда въ концѣ марта 1848 г. Штуръ, спасаясь отъ преслѣдованія мадьяръ, прибылъ въ Вѣну, то встрѣтилъ здѣсь нѣсколько депутатовъ отъ южныхъ и сѣверныхъ славянъ, явившихся ко двору для защиты своихъ правъ. Національное движеніе въ эту пору захватывало все шире славянскіе народы монархіи Габсбурговъ, томившіеся подъ тяжелымъ гнетомъ нѣмцевъ и мадьяръ. Естественна была совмѣстная борьба австрійскихъ сла-

вянъ съ ихъ общими врагами. Понимая все важное значеніе этой идеи, Штуръ воспользовался пребываніемъ въ Вѣнѣ, чтобы укрѣпить связь съ сербами и познакомиться съ только-что назначеннымъ тогда хорватскимъ баномъ Елачичемъ, котораго онъ посвятилъ въ положеніе дѣлъ на своей родинѣ и просилъ оказать помощь словагамъ, Банъ Елачичъ дружески принялъ Штура и обѣщала ему энергическую защиту. „Ваше дѣло“, сказалъ банъ, „становится и нашимъ дѣломъ, ваше рабство—и нашимъ; когда мы станемъ воевать за свободу хорватовъ и сербовъ, то сдѣлаемъ все возможное и для васъ“. Л. Штуръ вмѣстѣ съ Гурбаномъ посѣщала собранія съѣхавшихся въ Вѣну славянскихъ депутатовъ и произносилъ на нихъ на своемъ родномъ языкѣ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ и убѣдительною рѣчи, въ которыхъ доказывала необходимость братства и единенія между всѣми австрійскими славянами. Эти рѣчи его, появившіяся въ нѣмецкихъ и мадьярскихъ газетахъ, производили огромное впечатлѣніе на своихъ и чужихъ, вызывая у послѣднихъ злостныя толки о панславизмѣ.

Во время этихъ переговоровъ въ Вѣнѣ поднятъ былъ вопросъ о славянскомъ съѣздѣ. Штуръ былъ горячимъ поборникомъ этой идеи, ѣздилъ въ Прагу хлопотать по поводу устройства этого съѣзда въ Прагѣ и подписалъ вмѣстѣ съ другими патріотами напечатанную 1-го мая прокламацію на имя австрійскихъ и другихъ славянъ, приглашавшую ихъ къ участию въ предстоящемъ съѣздѣ. Вскорѣ послѣ того Штуръ оставилъ Прагу, чтобы принять участіе въ Липтовскомъ собраніи, результаты котораго уже изложены выше. Вынужденный вновь ѣхать изъ родины, онъ опять прибылъ въ Прагу и еще настойчивѣе сталъ заботиться объ устройствѣ славянскаго съѣзда. Наконецъ, этотъ съѣздъ состоялся 2 іюня 1848 г. На него собрались почти исключительно австрійскіе славяне въ количествѣ 340 человекъ; позже прибыло нѣсколько представителей и другихъ славянъ, но они были гостями, а не членами съѣзда. Цѣлью съѣзда было прежде всего дать поводъ къ сближенію между австрійскими славянами, чтобы въ будущемъ они могли соединять свои силы для отпора общимъ врагамъ—мадьярамъ и нѣмцамъ. Но во время засѣданій съѣзда, которыя продолжались до 12 іюня, выяснилось, что нельзя ограничиваться общими положеніями, а необходимо разработать точно опредѣленную программу, которою могли бы руководствоваться всѣ австрійскіе славяне. Программа эта была выработана въ трехъ секціяхъ: чешско-словацкой, польско-русской и югославянской. Въ концѣ концовъ, рѣшено было написать манифестъ на имя европейскихъ народовъ, въ которомъ бы излагались положеніе славянъ и ихъ стремленія, и адресъ на имя императора съ

подробнымъ изложеніемъ требованій отдѣльныхъ славянскихъ племенъ имперіи. Благодаря настояніямъ Штура и Гурбана, въ адресъ были включены требованія Липтовской петиціи о предоставленіи словакамъ полнаго равноправія съ мадьярами.

Однако, этотъ первый славянскій съѣздъ постигла печальная участь. 12 іюня отправлялось на площади Св. Вячеслава, подъ открытымъ небомъ и при громадномъ стеченіи народа, богослуженіе по славянскому обряду; когда участники возвращались въ процессіи и проходили мимо дворца графа Виндишгреца, коменданта Чехіи, раздался подготовленный мадьярами провокаціонный выстрѣлъ въ сторону военнаго корпуса. Это обстоятельство подало поводъ къ смутамъ, извѣстнымъ подъ именемъ Пражской революціи. Пражское возстаніе было усмирено войсками, а съѣздъ былъ распущенъ прежде, чѣмъ онъ успѣлъ послать депутацію къ императорскому двору. Одни изъ участниковъ съѣзда спѣшили сами уѣхать, другіе были высланы изъ Праги. Къ числу послѣднихъ принадлежали и словацкіе патріоты. Гурбанъ и Штуръ уѣхали сперва въ Вѣну, и потомъ явились въ Загребъ съ цѣлью искать помощи у хорватовъ, которые, подъ руководствомъ бана Елачича, готовились къ войнѣ съ мадьярами. Они были приглашены въ засѣданія хорватскаго сейма и здѣсь нѣсколько разъ въ яркихъ краскахъ изображали бѣдственное положеніе словацкаго народа и притѣсненія, какія онъ долженъ былъ выносить отъ мадьяръ. Наконецъ, давно подготовлявшійся разрывъ между хорватами и мадьярами состоялся, банъ Елачичъ заявилъ словацкимъ патріотамъ полную готовность поддержать ихъ и снабдилъ ихъ значительной суммой денегъ на организацію возстанія. Штуръ пріѣхалъ въ Вѣну и немедленно приступилъ къ организаціи повстанческаго вооруженнаго отряда. Между тѣмъ съ родины шли мрачныя вѣсти. Мадьярскіе комисары свирѣпствовали въ словацкихъ комитатахъ: по городамъ и селамъ поставлены были висѣлицы съ военными караулами; всякій, кто не стыдился своего языка, за патріотизмъ и „панславизмъ“ былъ схватываемъ и отводимъ въ тюрьму, если не успѣвалъ бѣжать въ горы; бѣдствія и тягости, обусловленные военнымъ положеніемъ, были невыносимы для народа. Медлить было нечего. Банъ Елачичъ со своей арміей перешелъ Драву и, такимъ образомъ, объявилъ войну мадьярамъ. Въ Вѣнѣ происходило вербованіе словацкой молодежи для возстанія. Къ 17-му октября набралось уже 500 ополченцевъ. Образованъ былъ „Словенскій Національный Совѣтъ“ (Slovenska Národnja Rada), въ составъ котораго вошли Штуръ, Гурбанъ, Годжа и три чешскихъ офицера. Совѣтъ принялъ на себя обязанность управлять народными дѣлами. Руководящая роль въ немъ опять

принадлежала Л. Штуру. 17 сентября, съ остальными членами совѣта, онъ отправился въ словацкую землю на войну съ мадьярами. 18-го сентября, передъ самымъ вступленіемъ на родную землю, онъ произнесъ одушевленную рѣчь, послѣ которой всѣ присутствовавшіе поглялись дѣйствовать единодушно. Жители ближайшаго Нитранскаго округа приняли ихъ съ восторгомъ и 19-го сентября, въ Миявѣ, въ народномъ собраніи Штуръ говорилъ вторую рѣчь объ освобожденіи словаковъ отъ мадьярскаго господства и о необходимости каждому словаку итти на войну. Такъ началось народное возстаніе словаковъ. Оно тянулось съ перерывами съ осени 1848 до осени 1849 г., но не получило большихъ размѣровъ и не захватило широкихъ народныхъ массъ. Причинъ тому было нѣсколько. Словацкій народъ былъ терроризованъ мадьярскими военными и гражданскими властями; у него почти не было настоящаго оружія: повстанцамъ приходилось выступать противъ регулярныхъ войскъ мадьярскаго правительства съ косами, серпами, вилами въ рукахъ; императорское вѣнское правительство въ началѣ отнеслось непріязненно къ словацкому движенію и открыто въ прокламаціяхъ объявило Штура, Гурбана и Годжу измѣнниками, а позже, когда началась правильная кампанія для подавленія мадьярской революціи, правительственныя войска смотрѣли надменно и пренебрежительно на словацкихъ повстанцевъ и не оказывали имъ существенной поддержки; наконецъ, вмѣшательство русскихъ войскъ, подавившихъ мадьярское движеніе, сдѣлало участіе привиженныхъ и неподготовленныхъ къ дѣлу словаковъ ненужнымъ въ военныхъ предпріятіяхъ. Тѣмъ не менѣе Л. Штуръ принималъ близко къ сердцу все движеніе, оставался главнымъ его руководителемъ. Онъ принималъ участіе въ экспедиціяхъ народнаго ополченія, происходившихъ въ Нитранскомъ, а потомъ въ Тренчинскомъ и Турчанскомъ комитатахъ, энергично набиралъ добровольцевъ, пламенными рѣчами призывалъ населеніе вступить въ борьбу съ притѣснителями, помогалъ руководителямъ и вождямъ ополченія совѣтами и указаніями. Во время вынужденнаго перерыва въ дѣятельности повстанцевъ, онъ ѣздилъ вмѣстѣ съ Гурбаномъ и Зохомъ въ Оломуць, гдѣ представлялся императору и отъ имени Словенскаго народнаго совѣта передалъ жалобы на мадьярскія насилія и требованія объ отдѣленіи словацкаго народа отъ остальной Угріи. Эти жалобы и требованія до нѣкоторой степени были приняты во вниманіе вѣнскимъ правительствомъ, когда наступило время ликвидировать революцію 1848 г.

Въ 1849 г. не только въ Венгріи, но и во всѣхъ другихъ областяхъ монархіи Габсбурговъ всѣ возстанія и народныя движе-

нія были усмирены. Австрія уцѣлѣла отъ полнаго разгрома, благодаря словакамъ и помощи русскаго императора Николая Павловича. Въ то время какъ почти всѣ наиболѣе крупныя народности имперіи стремились къ явному разрушенію государства, при чемъ одни, какъ итальянцы и нѣмцы, явно мечтали о соединеніи со своими національными государствами, а другіе, какъ мадьяры, добивались полной самостоятельности угорскаго королевства, только славяне не домогались уничтоженія Австріи, а, напротивъ, въ ея предѣлахъ добивались обезпеченія своихъ національныхъ правъ, опираясь преимущественно на историческое право. Отсюда естественно, что австрійскіе славяне рассчитывали на извѣстную благодарность со стороны императорскаго правительства и, какъ на выраженіе ея, на общее улучшеніе своего политическаго положенія. Однако, эти расчеты не оправдались, отчасти, быть можетъ, и по винѣ самихъ славянъ, не успѣвшихъ воспользоваться сложившимися для того благопріятными обстоятельствами. Выработанная министерствомъ конституція 4 марта 1849 г. освобождала славянъ отъ господства нѣмцевъ и мадьяръ, объявляла равноправность всѣхъ народностей имперіи и предоставляла значительную автономію отдѣльнымъ славянскимъ землямъ. Но конституція эта не была проведена въ жизнь, отчасти потому, что не была поддержана славянами. Взятънъ ея 31 декабря 1851 г. былъ обнародованъ императорскій указъ, въ силу котораго провозглашена была абсолютическая форма правленія. Во главѣ министерства сталъ Бахъ, прославившійся, какъ ярый представитель самаго суроваго въ Европѣ абсолютизма и централизаціи. Правда, нѣкоторое время правительство по политическимъ соображеніямъ еще поддерживало кое въ чемъ славянъ противъ нѣмцевъ и мадьяръ; такъ, наприкладъ, въ Венгріи стали предоставлять мѣста чиновниковъ словацкимъ патріотамъ, дотолѣ подвергавшимся гоненіямъ со стороны мадьяръ, и за словацкимъ языкомъ были признаны кое-какія права въ школахъ и церковной жизни. Но въ общемъ въ государственныхъ и общественныхъ отношеніяхъ имперіи повѣяло реакціей. Всякое проявленіе національнаго духа представлялось Баху революціоннымъ и опаснымъ государству. Поэтому такіе дѣятели, какъ Л. Штуръ, не могли рассчитывать на благосклонное отношеніе къ себѣ со стороны высшей администраціи. Главный вожь народнаго движенія словаковъ, не смотря на хлопоты друзей, остался въ тѣни и послѣ 1849 г. совсѣмъ устраняется отъ политической дѣятельности. Позже, въ 60-хъ годахъ, въ Вѣнѣ и совсѣмъ были забыты угро-славяне и, съ установленіемъ т. н. дуализма, нѣмцы и мадьяры снова получили господствующее значеніе въ государствѣ.

V.

Послѣ усмиренія революціи, Л. Штуръ удалился въ словацкій городъ Модру и поселился здѣсь въ семьѣ своего брата Карла, священника, директора гимназіи и извѣстнаго поэта. Въ январѣ 1851 г. Карль Штуръ умеръ, и Людевитъ принялъ на себя заботы о воспитаніи его дѣтей сиротъ. Между тѣмъ въ это время въ Венгріи, благодаря стараніямъ министровъ Баха и Туна, производилась коренная административная ломка съ цѣлью ослабленія мадьярскаго шовинизма, и старяне призывались къ занятію чиновничьихъ и общественныхъ должностей. Словацкіе патріоты воспрянули духомъ. Строились планы о предоставленіи Л. Штуру какого-либо виднаго мѣста. Шли хлопоты о назначеніи его надзупаномъ Нитранскаго комитата или же профессоромъ словенскаго языка и литературы въ Пресбургскомъ лицѣѣ. Но ни то, ни другое назначеніе не состоялось: Баху Штуръ представлялся опаснымъ панславистомъ, а министръ народнаго просвѣщенія гр. Л. Тушь, заботившійся о введеніи въ словацкихъ школахъ преподаванія на чешскомъ языкѣ вмѣсто мадьярскаго, видѣлъ въ немъ поборника самостоятельнаго развитія словацкаго языка, не болѣе какъ фанатика сепаратизма. Такъ Л. Штуръ остался безъ мѣста и почти безъ средствъ для своего пропитанія.

Тяжелое чувство тоски и разочарованія овладѣло Штуромъ. Оно нашло свое выраженіе въ прекрасныхъ стихотвореніяхъ, написанныхъ въ это время. Поэтъ признается, что „мечты и надежды погибли“, что „свѣтъ, къ которому мы такъ стремились и за который умирали, намъ не пришлось увидѣть“. (Prípomienka, 1850). „Дни наши прошли, время наше миновало!“ съ грустью восклицаетъ Штуръ въ 1851 г. Два года спустя, онъ уже только обращаетъ свои взоры къ небесамъ: „дай силы пройти этотъ путь, пусть духъ не слабѣетъ на немъ“. Временами, мрачныя думы всецѣло охватывали душу поэта. „Янко мой, печальна душа моя до смерти!“ взывалъ онъ къ своему вѣрному другу Калинчаку и, смотря безнадежно на настоящее, искалъ утѣшенія въ воспоминаніяхъ о минувшемъ. Обращаясь къ своей покойной матери, онъ восклицалъ: „Еслибъ ты увидѣла, какое время переживаемъ мы здѣсь, то ты навѣрное слетѣла бы навѣстить своихъ любезныхъ дѣтей. Одинокіе, въ тревогѣ, мы пробираемся по этому міру, вперивъ свои взоры въ прошлое... Нѣтъ здѣсь для насъ утѣшенія. — Все тамъ!“ Но до полнаго отчаянія Л. Штуръ не доходилъ. Онъ продолжалъ вѣрить, что „была ночь, будетъ и день для словаковъ“.

Мечты о грядущей свободѣ словаковъ не покидали его. Для осуществленія этой мечты онъ желалъ жить и работать. Не имѣя возможности принимать широкаго участія въ общественной жизни, на которую легла тяжелая печать реакціи, онъ отдался почти всецѣло литературѣ и наукѣ. Этотъ послѣдній періодъ его жизни, продолжавшійся всего 6 лѣтъ ознаменовался появленіемъ прекрасныхъ трудовъ, которые обезпечили ему видное мѣсто среди наиболѣе замѣчательныхъ славянскихъ писателей и мыслителей. Въ 1853 г. вышелъ сборникъ его стихотвореній „Sprevy a piesne“, распадающійся на два отдѣла: героическій эпосъ (поэмы „Святойбой“ и „Матвѣй Тренчинскій“) и воспоминанія. Сюда вошли какъ новыя піесы, такъ и раньше написанныя стихотворенія Л. Штура: тѣ и другія на родномъ нарѣчій. Замѣчательнѣйшее изъ нихъ— героическая поэма „Матвѣй Тренчинскій“ (Matuš z Trenčína). Поэтическія произведенія Штура не лишены художественныхъ достоинствъ и въ свое время, какъ раньше опыты художественнаго словацкаго творчества, имѣли весьма важное значеніе для нововозникавшей литературы. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ указано, ярко отражается угнетенное настроеніе поэта въ послѣдніе годы его жизни. Но не только личное поэтическое творчество занимало Штура въ это время. Главный выходъ своей тоскѣ находить онъ въ занятіяхъ наукой, имѣющей своимъ предметомъ тотъ славянскій міръ, которому онъ посвятилъ всю свою жизнь. Въ томъ же 1853 г., когда появился его сборникъ стихотвореній, чешской матицей было издано въ переводѣ на чешскій языкъ его сочиненіе „О народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ славянскихъ племенъ“. (O národních písních a pověstech plemen sloavnských). Этотъ трудъ замѣчательнъ по широтѣ замысла и по оригинальности мысли автора. Онъ имѣетъ задачей выяснить общій характеръ народной поэзіи славянъ, на основаніи доступныхъ для того времени матеріаловъ, которые Штуръ началъ собирать еще со времени своей преподавательской дѣятельности въ Пресбургѣ. Въ общемъ введеніи къ своему труду онъ признаетъ за славянской поэзіей первое мѣсто въ поэзіи всемірной, ставя ее въ отношеніи формы и содержанія выше даже поэзіи классической и западно-европейской—романтической. Главное вниманіе его обращено на раскрытіе этического содержанія славянской народной поэзіи. На основаніи представленныхъ ему данныхъ онъ пытается возсоздать отличительныя черты славянскаго народнаго характера. И эта попытка вышла весьма удачною. Онъ сумѣлъ прекрасно изобразить глубокое чувство славянъ, проявляющееся въ ихъ воззрѣніяхъ на природу, въ символическомъ одушевленіи ея и сочувствіи ко всему живому и неживому; затѣмъ

имъ прекрасно обрисована горячая преданность и любовь славянъ къ родинѣ и всему родному; наконецъ, не менѣе удачно имъ схвачены нравственные мотивы отношеній славянъ къ другимъ народамъ, насколько они проявляются въ подвигахъ славянскихъ богатырей. Во концѣ концовъ, Штуръ приходитъ къ признанію единства народнаго пѣсеннаго творчества славянъ. „Славянскія пѣсни, говоритъ онъ, встрѣчаемыя у всѣхъ племенъ нашего народа, могутъ считаться проявленіемъ одного и того же духа народнаго. Общій источникъ для всѣхъ ихъ—единое славянское воззрѣніе на міръ, единая мысль, единое чувство; и внѣшняя форма ихъ, хотя и представляющаяся въ разныхъ видахъ, въ разныхъ нарѣчіяхъ, въ сущности есть одна и та же рѣчь. Изъ этого видно, что народъ нашъ во всѣхъ своихъ частяхъ одушевленъ однимъ и тѣмъ же духомъ, одною мыслью и живетъ одинаковою духовною жизнью“.

Такимъ образомъ, Л. Штуръ видѣлъ въ славянскомъ народѣ единое цѣлое, проникнутое однимъ и тѣмъ же духомъ и въ своемъ сочиненіи раскрываетъ лучшія стороны славянскаго характера. Если его изображеніе не отличается цѣльностью и полнотой, въ зависимости отъ недостатка матеріала, доступнаго ему въ то время, то все же имъ подмѣчено все самое существенное. Въ своемъ трудѣ Л. Штуръ выступаетъ замѣчательнымъ знатокомъ славянской народной жизни и народнаго духа. Изданіе сочиненія о славянской народной поэзіи рѣшительно выдвинуло Л. Штура на широкой путь разъясненія и распространенія идеи славянскаго національнаго единства и славянской взаимности, уже намѣченный и расчищенный его знаменитыми земляками Шафарикомъ и Колларомъ. Родной славянскій народъ все яснѣе вырисовывался передъ нимъ, какъ часть единаго славянскаго міра, единаго славянскаго племени. Судьба словаковъ представлялась ему тѣсно-связанной съ судьбой всего славянства. Отсюда онъ не могъ, подобно другимъ славянофиламъ, успокоиться на мысли о родственности и близости отдѣльных славянскихъ народовъ и литературной взаимности между ними, а въ своихъ размышленіяхъ шелъ дальше, задумываясь надъ проблемой о сущности сложнаго славянскаго вопроса и возможныхъ способахъ его практическаго рѣшенія. Доказавши, что славянскій міръ въ духовномъ отношеніи составляетъ одно нераздѣльное цѣлое, Л. Штуръ естественно перешелъ къ вопросу: какова судьба этого единаго славянскаго міра и какая предстоитъ ему будущность. Отвѣтъ на эти два вопроса данъ въ его послѣднемъ сочиненіи: „Славянство и міръ будущаго“, которое написано авторомъ на нѣмецкомъ языкѣ, издано было въ первый разъ въ 1867 г. въ русскомъ переводѣ и теперь печатается полностью въ настоящемъ

изданіи. Нѣсколько замѣчаній о содержаніи и значеніи этого замѣчательнаго труда предлагается ниже, въ послѣдней главѣ настоящаго очерка. Здѣсь достаточно ограничиться указаніемъ, что въ своемъ трактатѣ Л. Штуръ проявилъ, на ряду съ глубокимъ славянскимъ патріотизмомъ, необыкновенную силу и ясность мысли, широкій историческій кругозоръ и замѣчательно вѣрное пониманіе отношеній славянъ между собой и къ міру западному. Точно время написанія этого сочиненія неизвѣстно, оно колеблется между 1850—1855 гг. Во всякомъ случаѣ это былъ предсмертный трудъ Штура. Въ началѣ 1856 г. Л. Штура не стало. Онъ погибъ влѣдствіе собственной неосторожности. Будучи идеалистомъ, онъ чрезвычайно любилъ природу, чистый воздухъ и прогулки за городомъ, во время которыхъ отдыхалъ отъ работы и огорченій, напѣвая свою любимую пѣснь „Nitra milá, Nitra“. Не проходило дня, чтобы онъ, съ ружьемъ черезъ плечо, не появлялся въ ближней рощѣ. Не разъ отдыхая на мягкой лѣсной муравѣ, онъ былъ застигаемъ ночною тьмою, и тогда, глядя на падающія звѣзды, онъ видѣлъ въ нихъ исчезающія надежды народа, заходящія блаженные дни его собственной юношеской жизни въ Пресбургѣ. 12 января 1855 г. Штуръ вышелъ по обыкновенію на охоту. Встрѣтивъ на пути ровъ и перепрыгивая черезъ него, онъ неловко оперся на ружье, которое выстрѣлило, причемъ весь зарядъ крупной дроби попалъ ему въ лѣвую ногу. Рана оказалась смертельной и, мѣсяць спустя, 12 января 1856 г. Штуръ скончался, не достигши и 41 года.

По словамъ одного современника *), уже умирающій, онъ особенно сожалѣлъ о томъ, что оставляетъ недоконченными множество „подготовленныхъ работъ“. Какія это были работы, осталось неизвѣстнымъ. Тотъ же современникъ сообщаетъ слѣдующія подробности о наружности и характерѣ Л. Штура: „Онъ былъ высокаго роста, статенъ и одаренъ крѣпкимъ сложеніемъ; въ чертахъ лица выражался его холерическій темпераментъ. Изъ-подъ густыхъ рѣсницъ его сверкали огненные глаза, какъ скоро приходилось ему говорить о любимомъ предметѣ. Его рѣчь была жива; отдѣльные выраженія кратки и выразительны. Что касается до его души, то про него можно сказать, что онъ жилъ идеаломъ; по сердцу онъ былъ откровенный, прямой человѣкъ. Недостатки его происходили отъ того, что онъ создавалъ себѣ идеалы, которые не соответствовали дѣйствительности; онъ понималъ всѣ вещи не въ настоящемъ ихъ видѣ, а такъ, какъ они должны быть. Неудивительно послѣ этого, что многія надежды его не сбывались. Но благодаря

*) Русская Бесѣда. 1860. Кн. I. Смѣсь, 59.

своей простотѣ, онъ переносилъ всякое подобное разочарованіе съ твердостью и великодушіемъ, и никогда ничѣмъ не оскорблялъ тѣхъ, въ комъ ему приходилось ошибаться“.

Смерть Л. Штура, угасшаго въ самомъ расцвѣтѣ своихъ умственныхъ силъ, вызвала всеобщую скорбь въ словацкой землѣ. Даже литературные противники заговорили о немъ съ чувствомъ уваженія, заявивъ, что, какъ человѣкъ, онъ не имѣлъ враговъ. Позже „славянская матица“ украсила его могилу въ Модрѣ изящнымъ памятникомъ. Но онъ самъ воздвигъ себѣ нерукотворный памятникъ въ сердцахъ всего столь любимаго имъ родного народа. Новѣйшій историкъ словацкой литературы, Я. Волчекъ, такъ опредѣлялъ заслуги и значеніе Л. Штура: „Многія надежды, которыя носилъ Л. Штуръ въ своемъ сердцѣ, остались невыполненными. Но того, что онъ сдѣлалъ, вполне достаточно для краткой жизни человѣка. Онъ возвысилъ, углубилъ и, такъ сказать, воссоздалъ нашу литературу. Его политическая, поэтическая и научная дѣятельность привнесла въ литературу, въ сравненіи съ тѣмъ, что было раньше, возвышенныя черты человѣчности, чисто славянское сознаніе и правильный народный взглядъ. Онъ много видѣлъ свѣтъ и принесъ домой большой запасъ новыхъ идей. Онъ исходилъ вдоль и поперекъ словацкую землю, прислушиваясь къ звукамъ родного языка. Онъ заглядывалъ съ плечъ Коллара и Шафарика далеко въ славянскую будущность, неся утѣшеніе своему всѣми покинутому народу изображеніемъ его идеаловъ; онъ соединилъ въ письменности массы людей, раздѣленные прежде происхожденіемъ и вѣрою, воспламенилъ и воспиталъ цѣлый рядъ свѣтлыхъ талантовъ, оживившихъ собою жизнь и литературу; возникавшую литературу онъ вывелъ изъ стадіи ученыхъ опытовъ передъ широкое лицо народа, обезпечивъ ей будущность и защитивъ ее отъ высыханія. Народное сознаніе, насколько оно выразилось у насъ въ 1848 и 1849 гг., было главнѣйше его дѣломъ. Онъ не былъ ни крупнымъ поэтомъ, ни первостепеннымъ ученымъ, ни выдающимся стилистомъ: какъ вдохновенный, готовый на самопожертвованіе учитель цѣлыхъ поколѣній, мужественный, идеальный характеръ и яркій выразитель основного настроенія достопамятной эпохи славянскаго возрожденія, онъ имѣетъ въ нашей и славянской образованности выдающееся значеніе“ *).

Трудно прибавить что-либо существенное къ этой сжатой, но мѣткой характеристикѣ. Штуръ былъ крупный, выдающійся славянскій дѣятель. Память о немъ дорога не только словакамъ, но и всему славянскому міру.

*) Jar. Vlček, Dějiny literatury Slovenskej. V Turč. Sv. Martine. 1870, str. 190.

VI.

Замѣчательнѣйшимъ плодомъ учено-литературной дѣятельности Л. Штура, наиболѣе яркимъ выраженіемъ какъ общаго его міросозерцанія, такъ въ частности присущаго ему славянскаго самосознанія, нужно признать посмертный его трудъ „Славянство и міръ будущаго“. Если всѣми сторонами своей трудовой жизни Л. Штуръ принадлежитъ прежде всего своему родному народу, Словакамъ, то этимъ своимъ произведеніемъ онъ сталъ дорогъ, и на долгіе годы, всему славянству. Въ немъ знаменитый словацкій дѣятель выступаетъ не узкимъ націоналистомъ, не печальникомъ только о своемъ народѣ, а глубокимъ мыслителемъ, проникнутымъ пламенной любовью ко всему славянскому міру, задумывающимся надъ судьбами всего славянскаго племени. Здѣсь онъ старается раскрыть самую сущность такъ называемаго славянскаго вопроса, уяснить его возникновеніе и разныя стадіи развитія и намѣтитъ вѣрный путь къ его рѣшенію, наиболѣе правильному и благопріятному для славянства. Здѣсь передъ читателемъ подымается во весь ростъ мощная личность Штура—панслависта, славянофила, горячаго поборника славянскаго единства.

Замѣчательно, что въ высказанныхъ въ этомъ сочиненіи основныхъ взглядахъ на славянскій міръ и его отношенія къ міру западному и на роль Россіи въ славянствѣ Л. Штуръ близко примыкаетъ къ воззрѣніямъ русскихъ славянофиловъ А. С. Хомякова, М. П. Погодина, братьевъ Кирѣевскихъ, Аксакова и ихъ послѣдователей, и еще болѣе замѣчательно, что эти взгляды, насколько можно судить по имѣющимся біографическимъ даннымъ, сложились у него самостоятельно, помимо какого-либо вліянія со стороны русскаго славянофильства. Какъ вѣское, прекрасно обоснованное, искреннее и горячее слово западнаго славянина, принимавшаго непосредственное и живое участіе въ борьбѣ за свободу славянства, данное сочиненіе Л. Штура занимаетъ выдающееся мѣсто въ публицистической литературѣ о славянствѣ и славянскомъ вопросѣ и въ отношеніи основныхъ своихъ положеній вполнѣ сохраняетъ свое значеніе и въ настоящее время.

По формѣ и изложенію посмертное произведеніе Штура, написанное, какъ уже было упомянуто, на нѣмецкомъ языкѣ, прекрасно обработанный историческій и политическій трактатъ. Авторъ отправляется отъ характеристики положенія современнаго ему славянства, разьединеннаго, поработченнаго чужими народами, затѣмъ онъ изображаетъ прошлое славянскаго міра и, наконецъ, задается

вопросомъ о будущности славянства. Въ общихъ чертахъ ходъ его мыслей таковъ.

Жалкое настоящее положеніе славянскаго міра имѣетъ свои причины въ прошедшемъ. Причинъ тому главныхъ двѣ. Вслѣдствіе особенностей народнаго духа и условій патриархальнаго народнаго быта, славяне не умѣли и не успѣли создать единаго сильнаго славянскаго государства въ то время, когда это было необходимо, когда имъ грозили сильные и воинственные сосѣди. Это одна причина гибели и упадка западныхъ вѣтвей славянскаго племени. Другая причина—усвоеніе этими вѣтвями римскаго католицизма, привязавшаго значительныя части славянскаго міра къ чужому центру, и религіозному, и политическому, и внесшаго духовную и культурную рознь въ семью славянскихъ народовъ. Племена наши, утверждаетъ авторъ, пали и по своей винѣ и по той причинѣ, что жизнь ихъ, имѣвшая въ себѣ менѣе внутренней энергіи и менѣе правъ на самостоятельное существованіе, вошла въ соприкосновеніе съ жизнью (представляемой Германской имперіей), сознававшей свое міровое значеніе и заявлявшей болѣе высокія права на свое существованіе. Изъ всѣхъ славянскихъ народовъ только одинъ русскій народъ сумѣлъ и успѣлъ создать могущественное государство, продолжающее понинѣ расти и развиваться.

Затѣмъ авторъ задается вопросомъ: что же ждетъ славянское племя въ цѣломъ? Придетъ ли когда-нибудь и для него время, когда оно будетъ имѣть возможность развиться во всей полнотѣ своихъ силъ или же движенія славянъ въ послѣднее время представляютъ лишь своего рода предсмертную агонію умирающаго народа? Прежде чѣмъ отвѣтить прямо на этотъ вопросъ, Штуръ обращается къ исторіи государствъ западной Европы и пытается объяснить начала, на которыхъ они построены, чтобы потомъ, по сравненіи съ ними, выяснитъ себѣ и настоящее положеніе славянъ, и возможное для нихъ будущее. Его сужденія о Западѣ очень суровы, даже рѣзки и близко напоминаютъ ученіе славянофиловъ о разложеніи западно-европейскихъ народовъ и государствъ. По его мнѣнію, міръ западно-европейскій уже не имѣетъ зародышей для своего дальнѣйшаго мощнаго развитія въ болѣе свѣжемъ направленіи. Онъ падаетъ все ниже и ниже, а вмѣстѣ съ тѣмъ теряютъ свою жизненность и приближаются къ разложенію и тѣ формы, въ которыхъ онъ жилъ. Эти формы или совсѣмъ устарѣли или представляютъ новѣйшія извращенія, какъ социализмъ и коммунизмъ, какъ религіозный разбродъ сектъ, какъ нападенія на христіанство, какъ фальшивыя, неудовлетворяющія своему назначенію, конституціи и т. д.

Въ противоположность разлагающемуся Западу Европы Л. Штуръ указываетъ на раскинувшійся широко на востокѣ народъ славянскій; это—народъ будущаго. Здѣсь возможно развитіе самобытной жизни на исконныхъ славянскихъ національныхъ началахъ, совершенно противоположныхъ началамъ западно-европейскимъ. Важнѣйшія изъ этихъ началъ, по мнѣнію автора, слѣдующія: своеобразный народный характеръ славянъ, строй ихъ народной жизни, въ которомъ бросается въ глаза отсутствіе соціального вопроса, понятіе о государствѣ и верховной государственной власти, какъ объ обширной общинѣ съ племеннымъ старшиною во главѣ, уваженіе къ правамъ всякой личности, принятіе всеобщей равноправности, безграничная любовь къ людямъ, способность къ самоуправленію. Всѣ эти элементы здороваго развитія, политическаго и духовнаго, Штуръ усматриваетъ въ ихъ болѣе чистомъ видѣ въ русскомъ народѣ и государствѣ. Потому-то здѣсь и для всего остального славянства единственное прибѣжище и спасеніе.

Что же нужно славянамъ для ихъ возрожденія, для занятія ими во всемирной исторіи мѣста, соответствующаго ихъ силамъ и способностямъ? На этотъ вопросъ Л. Штуръ даетъ опредѣленный, вполне обоснованный отвѣтъ. Славяне должны, прежде всего, освободиться отъ невыносимаго чужого ига, приобрести себѣ государственную самостоятельность. Но какъ этого достигнуть? Тутъ возможно одно изъ трехъ рѣшеній вопроса: 1) образованіе федераціи изъ славянскихъ земель; 2) образованіе изъ Австріи средоточія для всѣхъ западныхъ и южныхъ славянскихъ племенъ и 3) присоединеніе другихъ славянъ къ Россіи. Штуръ подробно разбираетъ всѣ эти рѣшенія и въ концѣ концовъ признаетъ единственно естественнымъ и наиболѣе возможнымъ послѣднее, т. е. соединеніе южныхъ и западныхъ славянъ съ Россіей. Онъ идеализируетъ Россію и русскій народъ, говоритъ о нихъ въ самыхъ восторженныхъ словахъ, выражаетъ въ самой искренней формѣ глубокую вѣру въ великое будущее русскаго народа. Славянство должно довѣриться Россіи: оно найдетъ твердую политическую опору во вѣшнемъ ея могуществѣ и обновится тѣсными связями и постояннымъ общеніемъ съ русскимъ народомъ. Л. Штуръ считаетъ излишнимъ и преждевременнымъ опредѣлять способы соединенія южныхъ и западныхъ славянъ съ Россіей, а равно подробно намѣчать формы, въ которыя могли бы вылиться взаимныя отношенія между остальными славянами и Россіей. Соединенное славянство съ Россіею во главѣ— вотъ идеаль, достойный великаго славянскаго духа. Тѣмъ не менѣе въ общихъ чертахъ будущее всеславянское государство онъ представляетъ себѣ въ формѣ самодержавной монархіи, управляемой

скаго міра. При этомъ рѣшеніе вопроса объ общеславянскомъ языкѣ самую живную даетъ именно то, за которое ратовалъ Л. Штуръ. Повсюду въ западно-славянскихъ земляхъ теперь усердно изучается русскій книжный языкъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ширится знакомство съ русской литературой и, такимъ образомъ, подготавливается и осуществляется безмолвное призваніе русскаго языка общеславянскимъ. Дѣлаетъ нѣкоторые успѣхи и ростъ славянскаго самосознанія въ Россіи, о чемъ такъ заботился Штуръ. Наконецъ, осуществляются и мечты нашего автора о великихъ преобразованіяхъ внутри русскаго государства. Замѣчанія его о томъ, чтобы народное представительство въ славянскомъ государствѣ не создавалось по западно-европейскому шаблону, а опиралось на исконныхъ народныхъ началахъ, вполне жизненны и въ наше время въ примѣненіи къ положенію дѣлъ въ Россіи.

Всего этого вполне достаточно, чтобы признать особенно своевременнымъ и умѣстнымъ переизданіе сочиненія Л. Штура. Въ настоящую пору, когда надъ славянствомъ собираются со всѣхъ сторонъ грозовыя тучи, когда борьба мелкихъ славянскихъ народовъ за самое право національнаго существованія, повидимому, вступаетъ въ наиболѣе опасную стадію, да послужить этотъ трудъ выдающагося славянскаго ума и таланта однимъ изъ средствъ къ дальнѣйшему проясненію и укрѣпленію славянскаго сознанія среди нашего образованнаго общества, начинающаго уже постигать всю запутанность, сложность и важность славянскаго вопроса. Пусть нарисованная въ этомъ трудѣ картина будущей судьбы славянства будетъ для насъ тѣмъ, чѣмъ считалъ ее самъ писатель, — возвышеннымъ, чистымъ идеаломъ, который славяне постоянно должны имѣть въ виду, чтобы достигнуть будущности, достойной великаго славянскаго племени.

Г. Флоринскій.

Изъ литературы предмета. Dr. Hurban, L'udevit Štur (Slovenské Pohľady 1881—1889). Людвигъ Штуръ (Русская Бесѣда. Москва. 1860. I); Dan. Lichard, L'udevit Štur (Sokol. I. 1862). Slovenské Pohľady 1846—1851; Hodža. Der Slowak. 1848; Dohnaný, Historia povstania slovenského 1850; Koleda 1858; Fer. Čenský. Z dob probuzení, 1875; Vrahobor, Rozpomienky na dni peknej mladosti (Orol. IV, 1873; Pauliny-Tóth, Besiedki. 1867—1870. Письма къ Погодину изъ славянскихъ земель. Вып. III, 1881. (Письмо Л. Штура къ Погодину, изъ Вѣны, отъ 31 октября 1846 г. Описаніе положенія дѣлъ въ словацкой землѣ, въ частности борьбы за литературу на

народномъ языкѣ. Въ концѣ письма поклонъ Бодянскому и Шевыреву); О. Пичъ, Очеркъ политической и литературной исторіи словаковъ за послѣднія сто лѣтъ. (Славянскій Сборникъ. Т. I и II. Спб. 1875, 1877); А. Н. Пыпинъ. Панславизмъ (Вѣстникъ Европы. 1878 г., ноябрь); Яр. Вѣлчекъ, Исторія Словацкой литературы. Переводъ А. Опфермана съ предисловіемъ проф. Т. Флоринскаго. Кіевъ, 1889; Jar. Vlček, Dejiny literatúry slovenskej. V Turč. Sv. Martine. 1890; Проф. Т. Флоринскій. Всѣми забытый и униженный славянскій народъ. Кіевъ. 1897 г.

Таблица численности славянъ.

(Изъ труда Т. Д. Флоринскаго „Славянское племя“, Кіевъ, 1907).

1. Русскихъ	102.840.000
2. Болгарь	5.440.000
3. Сербо-хорватовъ	9.135.000
4. Словинцевъ	1.475.000
5. Чеховъ	7.237.000
6. Словаковъ	2.671.000
7. Сербовъ-лужичанъ	157.000
8. Поляковъ	19.200.000
9. Кашубовъ	366.000
	<hr/>
	148.521.000

ПРЕДИСЛОВІЕ

къ I-му изданію.

Подлинникъ предлагаемаго сочиненія словака Людевита Штура, написаннаго имъ незадолго до его смерти на нѣмецкомъ языкѣ, былъ подаренъ мнѣ друзьями покойнаго, въ бытность мою въ Угорщинѣ въ 1862 г. Вскорѣ потомъ я узналъ, что есть исправленный сочинителемъ и начисто переписанный экземпляръ. Владѣлецъ его, нашъ соотечественникъ, одинъ изъ близкихъ друзей Штура и лучшихъ у насъ знатоковъ современнаго славянства *), получилъ этотъ списокъ отъ самого сочинителя. Этотъ другъ покойнаго посылалъ рукопись въ Россію для напечатанія, кажется, въ концѣ 50-хъ годовъ, но получилъ ее обратно. Обмѣнявшись съ другомъ сочинителя нашими рукописями, я изъ Австріи, еще въ 1863 г., отправилъ этотъ списокъ къ одному редактору. Но и на этотъ разъ рукопись пролежала около двухъ лѣтъ въ редакціи не просмотрѣнною, пугая своимъ объемомъ, мелкимъ почеркомъ и непріятнымъ готическимъ письмомъ.

Благодаря редакціи „Чтеній“, теперь есть возможность русскимъ читателямъ ознакомиться съ предсмертнымъ произведеніемъ одного изъ благороднѣйшихъ и даровитѣйшихъ славянскихъ дѣятелей новѣйшаго времени. Сочиненіе это съ необычайною ясностью ставитъ и разбираетъ самые коренные и жгучіе вопросы относительно всѣхъ славянскихъ племенъ безъ изъятія. Въ исторіи такъ называемаго панславизма оно займетъ, по своему содержанію и изложенію, гораздо болѣе почетное мѣсто, чѣмъ надѣлавшая въ свое время столько шуму въ средней Европѣ знаменитая брошюра родоначальника новѣйшаго панславизма, словака же, Я. Колара: „О литературной взаимности славянъ и пр.: Ueber die literarische Wechselseitigkeit zwischen den verschiedenen Stämmen und Mundarten der

*) Извѣстный дѣятель-славянофилъ, о. протоіерей (въ Вѣнѣ) М. О. Раевскій.

slawischen Nation. Von Johann Kollar. Pesth. 1837“. Переведена была въ Отеч. Зап. 1839.

Сочиненіе Штура „Славянство и міръ будущаго“, хотя и писанное 11—12 лѣтъ тому назадъ, является нынѣ какъ нельзя болѣе кстати. Въ Россіи, съ подъемомъ народнаго самосознанія, все болѣе и болѣе выясняется обществу и его передовымъ людямъ великое призваніе русскаго народа въ міръ славянскомъ, все полнѣе и полнѣе обличается высокое значеніе славянской идеи. Двѣ же дряхлыя имперіи, Турецкая и Австрійская, этѣ темницы южныхъ и западныхъ славянъ, по выраженію Штура, съ каждымъ годомъ обнаруживаютъ несомнѣнные признаки совершеннаго истощенія и упадка. Въ то же время объединеніе Италіи и Германіи, введеніе системы двоеправленія (дуализма) въ Австріи, или, что то же, заключеніе мадьяро-нѣмецкаго союза противъ славянъ, мужественная борьба критянъ, глухое волненіе всѣхъ турецкихъ христіанъ, военныя приготовленія княжества сербскаго, возбужденіе русскаго духа въ Галиціи, постепенное уразумѣніе въ Россіи истинныхъ къ намъ отношеній русскихъ и германскихъ нѣмцевъ, наконецъ возбужденіе сильнаго соперничества между Германіею и Франціею, которая должна же, наконецъ, сознать, какую великую и неожиданную помощь могла бы она получить отъ славянства въ предстоящей борьбѣ ея съ его исконными врагами и угнетателями: всѣ эти современныя явленія указываютъ славянамъ на новыя и великія, предстоящіе Европѣ, перевороты и только ускоряютъ недавно начатую усиленную работу славянскаго самосознанія. Нѣкогда пламенные ревнители сильной, единой, федеративной Австріи постепенно теряютъ вѣру въ пользу и необходимость Габсбургской имперіи для славянскихъ народностей, справедливо замѣчая: „Мы были до Австріи, будемъ и послѣ Австріи“, и тѣмъ удачно исправляя свое прежнее изреченіе: „Если бы не было Австріи, славяне должны бы были ее создать“. Прежніе безусловные приверженцы самостоятельности не только въ отношеніи къ политикѣ, но даже и языку, мало-по-малу приходятъ, наконецъ, къ признанію слабосилія отдѣльно взятыхъ славянскихъ народностей и рѣшительной для нихъ невозможности уберечь и обезпечить свою народную самобытность отъ посягательствъ и захватовъ сильныхъ иноплеменниковъ, безъ нѣкотораго сближенія и извѣстныхъ союзовъ или договоровъ съ Россіею, безъ принятія русскаго языка за обще-славянскій дипломатическій языкъ.

Мысль о внѣшнемъ сближеніи славянскихъ племенъ съ Россіею и объ обще-славянскомъ значеніи русскаго языка была основнымъ убѣжденіемъ Л. Штура. Ею проникнуто все его сочиненіе.

Добросовѣстный читатель, даже и несогласный съ его направле-
ніемъ, признаетъ съ сочинителѣмъ рѣдкія дарованія, высокій умъ,
честное, ненавидящее неправду, сердце, горячую любовь къ свободѣ,
славянству и человѣчеству. Во всякомъ случаѣ, каждый мыслящій
человѣкъ прочтетъ это блестящее произведеніе новѣйшаго пансла-
визма съ самымъ живымъ любопытствомъ. Это сочиненіе особенно
будетъ дорого всѣмъ русскимъ патриотамъ, не привыкшимъ и
у своихъ отечественныхъ писателей часто встрѣчать такую горя-
чую, искреннюю любовь къ Россіи, такое гениальное предчувствіе
ея незримыхъ, сокровенныхъ силъ и столь смѣлое прозрѣніе въ
ея славное будущее. Еще недавно даровитый и любимый русскій
художникъ, въ своемъ добровольномъ отчужденіи отъ Россіи, изъ
своего нѣмецкаго далека, не замѣтилъ въ ней ничего, кромѣ дыма,
и предсказалъ ей спасеніе только въ рабски-вѣрномъ подражаніи
западно-европейской образованности, которую нашъ барскій эпику-
реизмъ давно призналъ за единственно возможную, единую и обще-
человѣческую. И лѣтъ 12 тому назадъ не писавшій красиво, а
всею своею страдальческою и подвижническою жизнью на дѣлѣ
доказавшій, что жизнь не есть наслажденіе, а борьба, отреченіе
и долгъ, иноземный славянинъ до конца глубоко вѣрилъ въ вы-
сокое и самобытное призваніе Россіи, не смущаясь ни крѣпост-
нымъ правомъ и безмолвіемъ, ни тупымъ равнодушіемъ и безсозна-
тельностью русскаго общества, которое живо сочувствовало мадья-
рамъ и мадьяронамъ и давало влачить страшную, нищенскую
жизнь Л. Штуру, лично преслѣдуемому мадьярами и нѣмцами за
его любовь къ Россіи. Вѣра его оправдала. Его лебединая пѣснь,
его пророческій голосъ во всеуслышаніе раздастся впервые на
Руси, когда уже спали съ нея оковы рабства, и наше общество
начинаетъ сознавать славянское призваніе Россіи и ясно видитъ,
что русскимъ художникамъ предстоитъ иное, высшее дѣло, чѣмъ
писать красивыя картинки на нѣмецкія изреченія о Россіи, под-
слушанныя или вычитанныя ими въ прекрасномъ для нихъ, безъ
сожалѣнія промѣнномъ на Русь, далекѣ. Для преданныхъ націо-
нальной идѣи русскихъ людей память Штура дорога и священна!
Про него смѣло можно повторить слова Пушкина:

Хвала! Онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ.

Да искупится же, наконецъ, наше прежнее безсердное равно-
душіе и тупое невниманіе къ этому доблестному мученику и красно-
рѣчивому проповѣднику славянской идеи. Любовь и почитаніе, ко-
торыми мы, русскіе, обязаны его имени, перенесемъ къ его народу,

въ короткое время давшему славянству такихъ мужественныхъ подвижниковъ, какъ Коларъ, Шафарикъ, Кузmani и Штуръ. И теперь не одна тысяча друзей, учениковъ и почитателей Штура, ведетъ глухую, но славную борьбу съ изступленнымъ, азиатскимъ фанатизмомъ мадьяръ, изощреннымъ принятою ими нѣмецкою образованностью и съ прямымъ содѣйствіемъ самихъ нѣмцевъ, которые еще, къ несчастію, не перестали думать, будто ихъ священный долгъ истреблять и искоренять славянство, гдѣ только можно. Наконецъ, современные славянскіе дѣятели борются еще съ своею испорченною до мозга костей шляхтою, измѣвившею народу и за честь себѣ вмѣняющею быть мадьяронами, которые для славянъ столько же хуже мадьяръ, во сколько потурченяки хуже настоящихъ турокъ. При крѣпостномъ правѣ, когда направление „Вѣсти“ было, можно сказать, господствующимъ въ значительной части образованнаго русскаго общества, сочувствіе наше къ венгерцамъ, т. е. къ мадьярамъ и мадьяронамъ, было совершенно естественно и понятно, ибо тогда дѣло словаковъ, дѣло Штура и его друзей было намъ не вразумительно и не любо, какъ не барское, не господское дѣло. Но теперь, кажется, можно бы ожидать отъ нашего общества иныхъ воззрѣній и сочувствій.

Будемъ надѣяться, что изданіе настоящаго сочиненія Штура принесетъ намъ и ту пользу, что обратитъ наконецъ, вниманіе многихъ и многихъ русскихъ людей на три милліона словаковъ, едва-ли не самаго даровитаго и наиболѣе намъ, русскимъ, сочувственнаго славянскаго племени. Тамъ, въ величественныхъ Татрахъ и въ живописныхъ долинахъ Вага и Грона, на берегахъ Дуная, много уже (и постоянно возрастаетъ ихъ число) вѣрныхъ учениковъ и поклонниковъ Штура, свято соблюдающихъ его завѣты и преданія доблестныхъ борцовъ славянства, добровольныхъ мучениковъ вѣры въ Россію и ея великое призваніе. Кто изъ насъ въ нее не вѣритъ и все въ ней считаетъ дымомъ, не оскорбитъ, надѣмся, своими шляхетскими насмѣшками ихъ чистой вѣры, дающей имъ силу выносить тяжелую борьбу. Кто въ Россію вѣритъ и былъ къ славянству равнодушенъ по невѣдѣнію или недоразумѣнію, тотъ оцѣнитъ жизнь и мысли Людевита Штура, и въ собственной душѣ найдетъ указанія на обязанности національно-развитога русскаго человѣка по отношенію къ нашимъ соплеменникамъ, и особенно къ ближайшимъ нашимъ братьямъ, словакамъ, плотною массою населяющимъ весь сѣверъ Угорщины, отъ русскихъ Карпатовъ по Дунай у Пресбурга, и весь востокъ Моравіи. Ближайшіе сосѣди и друзья угорской Руси, словаки, служатъ посредствующимъ звеномъ между Русью и мораванами и чехами съ одной, и черезъ свои многочисленныя и цвѣ-

туція поселенія въ средней Угріи между Тисою и Дунаемъ, между Русью и сербами и хорватами съ другой стороны. Если русскому языку дѣйствительно суждено быть обще-славянскимъ дипломатическимъ языкомъ, то его распространеніе у славянъ произойдетъ преимущественно черезъ Угорскую Русь и словаковъ. И теперь уже между самими крестьянами словаками вы найдете сотни людей, превосходно говорящихъ по-русски, особенно въ Турчанской Стѣлицѣ (округѣ).

В. Ламанскій.

Москва.
23 апрѣля 1867.

Пора, братья, сговориться намъ. Настоящее своимъ строгимъ, внушительнымъ голосомъ призываетъ насъ къ дѣлу, а для этого всего нужнѣе предварительное соглашеніе.

Выслушайте эти рѣчи; цѣль ихъ—взаимное соглашеніе между всѣми нами, братья. Выслушайте ихъ вы, братья пространнаго, могучаго Сѣверовостока и порабощеннаго Юга, и вы западные братья, состоящіе въ сокрушающемъ васъ услуженіи чужеземцамъ. Внемлите словамъ моимъ во всѣхъ земляхъ и во всѣхъ округахъ, гдѣ только раздается славянская рѣчь; ознакомьте съ ними всѣхъ, кто только можетъ ихъ понять и чувствуетъ въ себѣ силы на дѣло! Мы еще никогда не сговаривались, но за-то никогда и не дѣйствовали сообща, между тѣмъ какъ мы всѣ, родные братья, испытали одинаковую судьбу и наслѣдуемъ одно и то же будущее.

Искренна и откровенна, строга и мужественна будетъ эта рѣчь; исходя изъ груди человѣка, котораго вниманіе съ ранней юности живо занято судьбами нашего племени, взоръ котораго печально созерцалъ наше многострадальное прошедшее и сіялъ радостно передъ картиною нашей великой, чудной будущности, который самъ трудился и страдалъ для нашего племени и никогда не поддавался внѣшнимъ противнымъ вліяніямъ. Но о томъ пусть свидѣтельствуетъ само посланіе наше.

Да не смущается никто, что идея славянская раскрывается здѣсь впервые съ такою откровенностью, да не пугаются слабыя души прямоты нашей рѣчи! Мы должны же наконецъ сговориться и объединиться: будемъ только всегда дѣйствовать въ согласіи, поставивъ себѣ общую цѣль. Наши силы прибываютъ съ каждымъ днемъ, а силы враговъ нашихъ слабѣютъ и падаютъ. Если только смѣло примемся за дѣло, насъ ожидаетъ рѣшительная побѣда, а враговъ нашихъ рѣшительное пораженіе. Никакая сила въ мірѣ, никакія правительства уже болѣе не въ состояніи потоптать наши народности, носяція въ себѣ идеи будущаго. Счастье и несчастье будутъ имъ благопріятствовать; подъ ведромъ и непогодю, подъ громомъ и молніею, будутъ онѣ созрѣвать. Таково уже естественное развитіе! Бѣдствія, угнетенія и преслѣдованія только закаляютъ

наши силы, подвинуть нашъ духъ, укрѣпить наши воли; а для нашего великаго дѣла мы нуждаемся въ силахъ, отвагѣ и смѣлости въ желѣзныхъ, непреклонныхъ воляхъ. Итакъ, братья, да будетъ рѣчь эта искренна и мужественна!

Кто изъ васъ, увлеченный вышею силою, не уносился мысленно отъ будничныхъ заботъ и не обращалъ своихъ взоровъ на нашъ обширный мѣръ? Кто изъ васъ не скорбѣлъ изъ глубины души объ этомъ многочисленномъ народѣ, о тысячелѣтнихъ бѣдствіяхъ, его преслѣдующихъ, о бремени, надъ нимъ тяготѣющемъ, о позорѣ, его покрывающемъ? Да, несказанно велики несчастія нашего народа. И если глубоко тронутый наблюдатель задастъ себѣ вопросы, какъ это случилось, какъ это могло произойти, то въ первую минуту, вмѣсто отвѣта, онъ нѣмѣеть отъ горя. Въ самомъ дѣлѣ, раздираетъ душу зрѣлище, представляемое народомъ многочисленнѣйшимъ въ Европѣ, раздѣленнымъ, разбитымъ, разорваннымъ. Тамъ онъ томится подъ игомъ турокъ, здѣсь отъ вѣка служитъ нѣмцамъ, прежней священной римской Имперіи, теперь австрійцамъ, пруссакамъ и саксонцамъ; тамъ онъ поглощается, раздирается и поработается итальянскою, здѣсь мадыарскою стихіею; повсюду запряженъ въ триумфальную колесницу чужеземцевъ, только предлагаетъ изъ себя матеріалъ для чужихъ построекъ и, въ награду за все это, еще покрывается насмѣшками, стыдомъ и позоромъ. Жалостно видѣть, какъ значительная часть этого народа на берегахъ Лабы и Одры, по берегамъ Поморья Бальтійскаго, уже вся вымерла подъ тяжкимъ игомъ нѣмцевъ, на сѣверъ отъ Италиі перешла въ чужую народность, а въ Турціи отпала отъ вѣры своихъ отцовъ и стала главною опорою угнетателей своей родины. Таково зрѣлище, поражающее пробужденное чувство славянина; ибо что иное могутъ ему представить могилы и развалины его народа, его міра? Многіе изъ насъ глубоко чувствовали печаль по этомъ и выразили ее въ горестныхъ жалобахъ. Вмѣсто многихъ приведемъ только Николая Томасею (Томашича), который, хотя и служитъ другимъ, однако, вспомнивъ свое происхожденіе, изъ-чужа бросилъ сочувственный взглядъ на славянскій мѣръ и свою глубокую горестъ краснорѣчиво выразилъ въ прекрасныхъ „Искрицахъ“. Въ 27 Искрицѣ онъ говоритъ:

„Расторгнуты твои члены, дорогой народъ славянскій, но еще теплится въ нихъ общая жизнь, и съ каждымъ днемъ все жизненнѣе кипитъ и течетъ въ нихъ твоя кровь. Долга была твоя холодная, страшная зима, но и для тебя забрезжили весенніе дни, и для тебя уже расцвѣтають многими слезами политые цвѣты. Нѣчто великое знаменуетъ твое возрожденіе; какъ сестра походить на сестру,

такъ похожи между собою твои поколѣнія, дорогой народъ. Твои нарѣчія обличаютъ святое и безсмертное свое братство. Великое знаменуетъ твое возрожденіе. Но далекія горы и пустыни подобно морю отдѣляютъ братьевъ отъ братьевъ; жалокъ сынъ, который не знаетъ своихъ единоутробныхъ. О, какъ жалки мы всѣ: легче намъ ненависть, чѣмъ любовь; мы скорѣе разлучаемся, чѣмъ сходимся; руки наши скорѣе убиваютъ, чѣмъ обнимаютъ братьевъ. Мало сдѣлали мы доселѣ, чтобы узнать другъ друга, какъ подобаешь намъ, братски подать другъ другу руки и обняться. Мы допустили, чтобы несчастія разсѣяли насъ, какъ вѣтеръ разноситъ солону. Все у насъ неопредѣленно и непостоянно: выговоръ, письмо, наука, законы, обычаи. Все это должно быть воссоздано; подвигъ великъ, но еще больше будетъ радость. Преклонимся передъ великой задачей, насъ ожидающей, вооружимся крѣпкимъ терпѣніемъ, великодушнымъ смиреніемъ. Не время теперь воспѣвать нашъ былой покой. Какъ человекъ, поднимающій великую ношу, трудится и глубоко вздыхаетъ, такъ будемъ и мы трудиться, будемъ дѣятельны, и трудомъ и работой добудемъ тяжкій вѣнецъ благодатной свободы“.

Мало того, что славянскій міръ отъ своихъ злосчастныхъ раздѣленій и раздоровъ представляетъ теперь по большей части однѣ развалины, надъ которыми въ теченіе вѣковъ горестно склоняется геній славянства, подобно Изидѣ, плачущей надъ разсѣянными костями Озириса; въ этомъ злополучномъ распаденіи, къ довершенію своего несчастія, славяне, какъ справедливо замѣчаетъ Томасео, забыли о своемъ общемъ происхожденіи и тѣмъ самымъ погрузили въ глубокую тьму забвенія всѣ узы родства и братскаго единенія.

Въ эту глухую ночь, въ эти для славянъ темныя, печальныя времена, когда тѣло ихъ лежало, казалось, бездыханнымъ, а чужеземцы раздѣляли и сокрушали его члены, все приближаясь къ къ самому сердцу, ни одно племя не думало о нуждахъ другого, но втиснутое въ чуждую оболочку, на привязи у чуждыхъ повелителей, служило орудіемъ для притѣсненія и дальнѣйшаго порабощенія своихъ братьевъ, на радость господамъ. Въ эту мрачную ночь, когда все позабыло другъ друга, иногда какъ-бы во снѣ, раздавался голосъ, напоминавшій о нашемъ общемъ происхожденіи, то слабѣе, то сильнѣе, смотря по силамъ и дарованіямъ подававшего голосъ въ этомъ глубоко павшемъ славянскомъ мірѣ, и только въ этихъ призывахъ слящее славянство хоть нѣкоторымъ образомъ внимало голосу своего духа. Такіе голоса, напоминающіе распавшимся славянскимъ племенамъ объ общемъ происхожденіи и объ утраченномъ единствѣ, подавались въ славянскомъ мірѣ Св. Кирилломъ и Меѳодіемъ, Несторомъ, Св. Проко-

помъ, Далимиломъ, Пясецкимъ¹⁾ т.-д., и съ ними, какъ и со всѣми преданіями, связано сознание общаго происхожденія у всѣхъ племень, которое проходитъ цѣлыя столѣтія и никогда вполнѣ не вымирало. Эти преданія иногда выражаются очень ясно объ общности происхожденія нашихъ племень, какъ напримѣръ, о выселеніи грехъ братьевъ, Чеха, Ляха и Руса, изъ одной и той же земли, или представляютъ это аллегорически, какъ напримѣръ, одна старинная народная сказка, рассказывающая о братьяхъ, которые, вслѣдствіе домашнихъ раздоровъ, покинули свой отчій домъ и пошли блуждать по дальнему свѣту, за исключеніемъ старшаго, вступили въ службу чужеземцамъ, и наконецъ, послѣ тяжелыхъ испытаній, съ примиреннымъ духомъ, всѣ снова возвратились домой, и уже всѣ жили потомъ въ мирѣ и согласіи²⁾. Есть эпохи у отдѣльныхъ славянскихъ племень, когда они достигали извѣстнаго развитія силъ и, вслѣдствіе вышеупомянутаго смутнаго сознанія, стремились къ единству. Такъ жила въ могучихъ Гуситахъ (причемъ мы совершенно соглашаемся съ русскимъ писателемъ, Елагинимъ, въ противность Палацкому) память о нѣкогда общей всѣмъ нашимъ племенамъ Греко-Славянской Церкви, почему и Гуситы сносились съ царьградскимъ патріархомъ о присоединеніи къ православнои церкви³⁾; такъ, между прочимъ, и многіе энергическіе сла-

¹⁾ Эти свидѣтельства гораздо многочисленнѣе. Ср. обширное сочиненіе проф. I. Первольфа. Славяне и ихъ взаимныя отношенія и связи. Три тома. Варшава, 1886—1893. Т. Ф.

²⁾ Въ этомъ отношеніи къ славянамъ легко примѣняются стихи Лермонтова:

„Разлучивъ, насъ сдружила неволя,
Познакомила общая доля,
Возродило желанье одно“. В. Л.

³⁾ Статья Г. Елагина объ Исторіи Чехіи Ф. Палацкаго въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ“ (1848 г., кн. 7, IV, стр. 1—44). Подробнѣе и лучше объ этомъ у Г. Новикова (также, кн. 9, IV, стр. 94 и слѣд.) съ прим. Бодянскаго: „Православіе у Чеховъ“, и въ особомъ сочиненіи „Гусъ и Лютеръ“. Москва, 1859 г., 2 ч. Укажу здѣсь на одно важное свидѣтельство самого друга Гусова, Иеронима Пражскаго, приводившаго въ вязъ ихъ ученіе съ древнимъ православіемъ въ Чехіи. На это свидѣтельство не обратили должнаго вниманія ни Палацкій, ни Неандеръ (Allgem. Gesch. d. christl. Religion und Kirche. 3 Auflage. Gotha 1856. 2 B. 2 Abth. Ss. 767 и слѣд., и особенно стр. 872—877), ни Новиковъ (?), ни Круммель (Gesch. d. böhmischen Reformation im 15-ten Jahrh. Gotha 1866, X und 678. Трудъ почтенный!). Въ засѣданіи 26 мая 1416 г. (вторникъ), на Констанцкомъ Соборѣ, Иеронимъ въ рѣчи своей указалъ на многихъ славныхъ мужей изъ міра классическаго и ветхозавѣтнаго, наконецъ на первомученика Стефана. „Et descendendo ad speciem, dixit, quod per neminem condemnaretur, nisi per suos de Bohemia et Teutonicos, qui odio ipsum haberent. Et allegando causam odii dixit, incipiendo, qualiter Regnum Bohemiae fuisset constructum

вянскіе государи, какъ напрімѣръ Само (623—662), великоморавскіе Ростиславъ (846—870) и Святополкъ (871—894), хорватскій жупанъ Людевитъ († 823), сербскій царь Душанъ (1336—1355), чешскій Брячиславъ (1024—1061) и польскій Болеславъ Храбрый (902—1025) стремились присоединить къ своимъ монархіямъ всѣ сосѣднія племена⁴). Впрочемъ, все это было отрывочно; всѣ эти усилія разбились о спящее самосознаніе нашихъ племенъ.

et Bohemi descendissent a Graecis. Et quomodo fuisset invidia inter Graecos et Teutonicos, et tandem devenisset illud Regnum Bohemiae ad manus Imperatoris Caroli IV... (V. d. Hardt. Conc. Const. t. IV, p. 755). Конечно, тутъ разумѣется происхожденіе, начало не въ смыслѣ этнологическомъ, а религіозномъ, церковномъ. Палацкій нашелъ въ молитвенникѣ чешскаго брата Коранды (въ Пражской унив. библіотекѣ) слѣдующее любопытное его примѣчаніе: „О, если бы чехи увидали, что Папа со своими естъ Церковь Западная, и оставивъ ее, обратились бы къ Восточной, и устроивъ ее (у себя), достали бы себѣ епископовъ своего языка, а не нѣмцевъ и не итальянцевъ! Тогда бы (мы) достигли свободы христіанской вѣры, и какъ относительно причащенія въ обоихъ видахъ, такъ и вообще дѣла пошли бы своимъ настоящимъ путемъ. И не было бы надобности брать палліевъ изъ Рима, ибо это очевидно святопродавческая ересь“. (Dějiny národu Českého. Praha. 1865. D. V. str. 351). Также прибавляетъ Палацкій, что въ XV в. чашниковъ чешскихъ часто упрекали за то, что если между ними появится какой-нибудь грекъ, русь или сербъ, то они обыкновенно ухаживали за ними съ такими особенными ласками, какъ будто они были лучше иныхъ христіанъ. Укажемъ на весьма любопытное свидѣтельство очевидца, не отмѣченное ни Палацкимъ, ни Гиндели (Gesch. d. Böhm. Brüd. Prag 1857. I, 67—69), между тѣмъ какъ оно служитъ важнымъ дополненіемъ и поясненіемъ извѣстнаго посланія Цареградскаго 1462 г. къ чехамъ. Разумѣю „Ubertini Pusculi Brixiensis Constantinopoleos libri IV (новѣйшее изданіе Эллисена: E. Ellissen, Analecten d. mittel- und neugriech. Literatur. Leipzig 1857. 3 Th. Anhang). Здѣсь, во 2 кн. (II, ч. 498—558) Пускуло рассказываетъ, какъ очевидецъ, о пребываніи въ Цареградѣ, наканунѣ его взятія турками, одного пламеннаго чеха, гусита, о сочувствіи къ нему грековъ и объ его обличительныхъ рѣчахъ противъ римской ипохвальныхъ въ пользу греческой церкви. Православные сербы, современники Гуса, считали его православнымъ (см. Григоровича: О Сербіи. Казань. 1859, стр. 55). В. Л.—Отмѣчу еще весьма важное сочиненіе по данному вопросу: А. Ф. Гильфердингъ. Гусъ. Его отношеніе къ православной церкви. Спб. 1871. Т. Ф.

⁴) Штуръ забылъ чешскаго короля Оттокара II (1253—1278 г.). Одному римскому кардиналу онъ жаловался на постоянное предпочтеніе нѣмцевъ славянамъ. „И неприлично, тяжело и предосудительно, и для насъ, и для королевства нашего, и для языка (народа) славянскаго, что какъ въ Чехіи, такъ и въ Польшѣ братья Минориты различными прижимками до того подавлены, что не могутъ также свободно совершать божественныхъ таинъ и другихъ своихъ обязанностей, какъ то: проповѣди и исповѣди, какъ это совершаютъ того же ордена инородцы, посѣщающіе ихъ края. Для отстраненія ихъ (славянъ) посылаются братья нѣмецкаго языка въ отдѣльные дома этого ордена въ нашемъ королевствѣ и въ княжествахъ польскихъ, тогда какъ братья славянскаго языка рассылаются къ чужимъ народамъ, гдѣ они бесполезны, такъ что это

Но побѣдимъ мужественно нашу горестъ и подумаемъ объ устройствѣ лучшаго будущаго для нашихъ племенъ. Разсмотримъ теперь, какъ могло стать, что славянскій мѣръ подпалъ такой безпримѣрной злой участи и въ значительной части достался въ добычу чужеземцамъ? ⁵⁾.

обращается въ величайшій вредъ для душъ рода славянскаго. Въ презрѣннѣ къ намъ и къ нашему роду, запрещается сказаннымъ братьямъ Чехіи и Польши ихъ начальниками избирать себѣ изъ своей среды прелатовъ, какъ это дѣлаютъ другіе народы (см. Pala s k y Gesch. v. Böhmen. Prag 1847. II B. I Abth. S. 287).

Да, непривольно было славянамъ-католикамъ въ римско-нѣмецкомъ мѣрѣ. Ни нѣмцы, ни Римъ никогда имъ вполне не довѣряли. И такое отстраненіе славянъ входило въ политику и нѣмцевъ, и Рима. Польскій сенаторъ, Янъ Острогъ, въ своей запискѣ, представленной Петровскому сейму въ 1459 г., такъ жаловался на нѣмецкое духовенство въ Польшѣ: „Дурно и позорно для поляковъ, что во многихъ у насъ церквахъ говорятъ проповѣди по-нѣмецки, и то въ мѣстахъ богатыхъ и важныхъ, гдѣ нѣмецкую проповѣдь слушаютъ двѣ какія-нибудь бабы, между тѣмъ какъ огромная толпа поляковъ толчется гдѣ ни есть въ углу съ своимъ проповѣдникомъ. Кто хочетъ жить въ Польшѣ, тотъ пусть учится по-польски“... „Господа, правящіе государствомъ, какъ же вы неразумны и можете переносить, что изъ монастырей, основанныхъ на имѣніяхъ и доходахъ нашихъ предковъ, монахи, живущіе на польской землѣ и съ нея кормимые поляками, выключаютъ вашихъ земляковъ, не впускаютъ въ братство, потому что ихъ обязываетъ уставъ принимать въ монастырь однихъ только нѣмцевъ? Уставъ этотъ смѣха достоинъ и противенъ церковнымъ уставамъ. Кто можетъ осмѣлиться на вольное королевство Польское, Король котораго есть Государь Самодержавный, не признающій ни чьей другой верховной власти, налагать такое ярмо, подъ ложнымъ видомъ покровя? Не допускайте же далѣе, почтенные мужи, если хотите быть мужами, чтобы всѣ глупые и женоподобные монахи смѣялись надъ народомъ польскимъ и обманывали его ложною набожностью!“. Въ 1278 г. Оттокаръ, готовясь къ роковой своей борьбѣ съ Рудольфомъ Габсбургскимъ, писалъ польскимъ князьямъ въ Силезіи о необходимости общаго, единодушнаго сопротивленія нѣмцамъ, для благовременной защиты славянъ: „Многочисленность славянъ, прибавляетъ онъ, ненавистна нѣмцамъ; Чехія есть оплотъ славянскихъ земель противъ нѣмцевъ“. Dolliner. Codex epistolaris Prim. Ottoc. II. Boh. Reg. Viennae 1802, p. 93—95.

Чешскій король Карлъ I (1346—1378 г.) писалъ, въ 1355 г., сербскому царю Стефану Душану (1336—1355 г.): „Если общность существа человѣческаго внушаетъ намъ глубокое сочувствіе къ ближнему, то какая должна быть связь между нами, братьями по величію царственному, по единству благородной рѣчи славянской, по общности происхожденія отъ одного великаго племени!“ (de vobis, quem ejusdem nobilis Slavici idiomatis participatio facit esse communem). В. Л.

⁵⁾ Общая картина современнаго положенія славянскаго міра представлена на основаніи новѣйшихъ этнографическихъ и статистическихъ данныхъ въ моемъ сочиненіи „Славянское племя“. Кіевъ. 1907 г. Съ приложеніемъ двухъ этнографическихъ картъ. Т. Ф.

I.

Славяне преимущественно привязаны къ семейной жизни; они чувствуют особенное счастье принадлежать къ семьѣ, и въ этомъ счастіи они находятъ свое удовлетвореніе. Нигдѣ слово „родина“ (семья) не имѣетъ такого глубокаго значенія, какъ у славянъ, нигдѣ такъ не живо участіе ко всѣмъ ея членамъ. Полякъ, произнося свою обожаемую ойчизну (отечество), мыслить при этомъ прежде всего о своихъ родныхъ и ближнихъ, которые, въ обширнѣйшемъ смыслѣ, составляютъ отечество. Никакой другой народъ не празднуетъ семейныхъ праздниковъ съ такою любовью, поэзіею и роскошью, какъ славяне; но и разлука съ покидающими навѣки семью или, какъ говорится, „отходящими къ праотцамъ“ нигдѣ такъ глубоко не чувствуется, такъ искренно не оплакивается, какъ у нихъ. Семейная жизнь для славянина составляетъ тотъ кругъ, въ которомъ онъ постоянно обращается и живетъ съ наибольшимъ удовольствіемъ, на который онъ съ грустью глядитъ издалека и къ которому онъ обращаетъ самыя душевные свои помыслы. Ни у одного народа, кромѣ славянъ, нѣтъ такой развитой поэзіи, воспѣвающей и прославляющей эту семейную жизнь. Распространенная семья для славянина есть община, —эта его сильная и вмѣстѣ его слабая сторона. Такому понятію его объ общинѣ отвѣчаетъ цѣлое ея устройство у всѣхъ нашихъ племенъ. Въ древности община по закону ручается за каждаго члена; она внутри себя не терпитъ нищихъ, но заботится о каждомъ нуждающемся и больномъ, подобно семьѣ, пекущейся о своихъ членахъ, и недвижимая собственность принадлежитъ не отдѣльнымъ лицамъ, но общинѣ, какъ представителю всѣхъ членовъ общины. Это послѣднее, чисто славянское, устройство только еще въ Россіи удержалось до настоящаго времени, какъ и вообще въ земляхъ славянскихъ, не покоренныхъ чужеземцами, сохранились болѣе или менѣе старославянскіе обычаи. До настоящаго времени въ славянскихъ общинахъ уцѣлѣлъ обычай, по которому всѣ исходящія отъ правительства распоряженія, напримѣръ сборъ податей, поставка рекрутъ и пр.,

поручаются не чиновникамъ отъ правительства, но общиннымъ старостамъ, которые, по предварительномъ совѣщаніи и по своему усмотрѣнію, распредѣляютъ подати, поставляютъ рекрутъ и т. д.

Распространенная община есть округа, многозначительная въ славянской жизни жупа. Какъ дѣлами общинъ завѣдываютъ ихъ старосты, отцы семействъ, такъ дѣлами цѣлой округи заправляютъ всѣ землевладѣльцы округи на своихъ сходкахъ (русскія вѣча, польскіе seymiki, чешскіе sněmu, угорскія конгрегаціи, югославянскія скупштини). Первоначально все это были отцы семействъ (владыки, изъ которыхъ впоследствии образовалось дворянство), съ одинаковымъ правомъ на участіе въ общихъ совѣщаніяхъ. Въ Россіи, вслѣдствіе препятствій со стороны верховной власти, эти окружныя собранія не достигли того развитія и значенія, какъ, напримѣръ, въ Польшѣ, въ Угріи и т. д., но и тамъ даже до настоящаго времени дворянство имѣетъ право собираться, выбирать своихъ предводителей и судей двухъ первыхъ инстанцій, а также еще и нѣкоторыхъ чиновниковъ по управленію⁶⁾. Отъ округи идетъ дальнѣйшее развитіе къ государству, какъ высшей власти, обнимающей и объединяющей всѣ округи, т. е. всю землю. Но создать эту власть или государство въ истинномъ смыслѣ и ввести его въ жизнь съ силою, соразмѣрною его призванію, славяне не могли, и можемъ даже прибавить, и не хотѣли. Въ собраніяхъ общинныхъ, окружныхъ взгляды, требованія и притязанія всѣхъ должны быть, по возможности, принимаемы во вниманіе, мнѣнія, интересы всѣхъ, по возможности, сохранены и уважены. Тѣ же, о которыхъ идетъ тутъ рѣчь, суть сами совѣщающіеся, которые, сверхъ того, считаются членами одной и той же семьи, равными братьями (równi bracia). Иное дѣло въ государствѣ. Государство обязано блюсти цѣлое и внутри, и извнѣ. Оно должно болѣе обращать вниманіе на общее, чѣмъ на частности, и не столько можетъ, соотвѣтствующимъ имъ образомъ, удовлетворять возрѣніямъ, притязаніямъ и интересамъ всѣхъ, сколько считаетъ себя необходимымъ признанное наилучшимъ проводить въ жизнь, несмотря на сопротивленіе единицъ, даже съ устраненіемъ частныхъ ихъ требованій и интересовъ. Сверхъ того, оно обязано принимать во вниманіе и единицы, и ихъ силы, какъ нравственныя, такъ и матеріальныя. Это отреченіе отъ самого себя, это

⁶⁾ Это утвержденіе Штура относительно Россіи, высказанное въ 1852—53 г. въ настоящее время, послѣ давняго введенія земскаго и городского самоуправленія и особенно послѣ учрежденія Государственной Думы, теряетъ свое значеніе. Т. Ф.

подчиненіе единицы общему, эта служба цѣлому, которое представляется болѣе въ мысли, чѣмъ въ наглядномъ представленіи, при чемъ часто совершенно отсутствуетъ столь сродная славянамъ семейная и общинная жизнь,—все это въ разрѣзъ противорѣчило славянской природѣ, и потому-то съ такою силою сопротивлялись наши племена вездѣ и всюду образованію сильнаго правительства, органическаго государства, и никогда не допускали развиться изъ племенъ большому государственному единству. Большое, цѣльное государство мало можетъ угождать единицѣ, скорѣе требуетъ самопожертвованія и, для своего поддержанія, нуждается въ большой власти, а все это нелюбо было нашимъ племенамъ. Бѣглый взглядъ на славянскую исторію подтверждаетъ эти положенія во всѣхъ отношеніяхъ. Если славяне и имѣли гдѣ достаточно побудительныя причины образовать плотныя, могущественныя государства, то это именно на окраинахъ, гдѣ они соприкасались съ чужими народами, то-есть на Лабѣ и на Одрѣ, а также и на нижнемъ Дунаѣ. Но тамъ именно мы и видимъ совершенно противное этому. Нигдѣ столько раздѣльности и раздробленности, нигдѣ больше несогласія и раздоровъ, какъ именно здѣсь. Удивительно ли послѣ того, что всѣ они здѣсь, вмѣстѣ и отдѣльно, стали добычею чужеземцевъ? Посмотримъ же теперь, какъ тутъ происходило дѣло.

На Лабѣ и Одрѣ, тамъ, гдѣ напоръ нѣмцевъ былъ всего сильнѣе, мы видимъ ихъ уже раздѣленными на три группы: бодричей, лютичей и сербовъ, а тѣхъ, въ свою очередь, на безчисленные отдѣлы и частицы, изъ которыхъ каждый имѣлъ своего князька. Нечего и думать о большихъ союзахъ между ними, даже при очевидной опасности. Напротивъ, мы видимъ у нихъ постоянную вражду и ненависть, и если осмѣлятся одинъ изъ нихъ поднять на другихъ руку, чтобы хоть силою принудить ихъ къ общему дѣйствию, то они тотчасъ, во вредъ цѣлому, отдаются подъ покровительство нѣмецкихъ императоровъ, какъ то часто бывало у бодричей и сербовъ, чтобы только сохранить свою особность. Мы видимъ ихъ въ непрерывной и мужественной до самозабвенія войнѣ съ нѣмцами, но другъ славянъ сталъ бы напрасно ожидать отъ нея благоприятныхъ послѣдствій. Они всѣ болѣе и болѣе поддаются нѣмецкому игу, и послѣ мучительнаго боренія со смертію совершенно исчезаютъ, сохранившись лишь въ ничтожныхъ остаткахъ сербовъ въ обѣихъ Лужицахъ, которые удержались тамъ донинѣ, какъ-бы съ тѣмъ, чтобы отъ имени тамошняго вымершаго славянства привѣтствовать новый восходящій славянству день. На другихъ предѣлахъ славянскаго міра возникаютъ затѣмъ Чехія, Моравская держава, на югѣ образуются Хорватія, Хорута-

нія и далѣе къ юго-востоку Сербія, Боснія, Болгарія — земли, которыя въ послѣдствіи увеличиваются нѣкоторыми новыми областями, какъ то: Крайною, Истриею, Далматіею, Славоніею, Герцеговиною и т. д.; вообще, государства вырастаютъ тамъ, какъ грибы. И какъ нѣкогда грибы составляли лакомое кушанье на столахъ нашихъ вельможъ, такъ и теперь эти произрастанія наши составляютъ, для владѣющихъ нами покровителей, предметъ особеннаго вниманія и благосклонной попечительности, какъ то можно видѣть на новѣйшихъ коронныхъ земляхъ Австріи. Ни одну изъ нихъ нельзя задѣть, или еще менѣе притѣснить, но по однажды принятому началу равноправности, всѣ должны развиваться и процвѣтать. При всемъ томъ, что всѣ эти государственные союзы, возникшіе на границахъ славянскаго міра, были малы и безсильны, чтобы съ успѣхомъ бороться противъ иноземцевъ, со всѣхъ сторонъ вторгавшихся въ нашу область, мы находимъ и у нихъ то же самое раздѣленіе и ту же вражду, какія видѣли у славянъ полабскихъ. Изъ всѣхъ этихъ союзовъ, безспорно, самымъ значительнымъ была Великая Моравія, которая, вдоль и вширь собирая наши племена въ одно цѣлое и идя объ руку съ славянскими апостолами, готова была образоватъ въ средней Европѣ могучее срединное государство Славянское. Но прежде, чѣмъ она еще достигла той высоты, съ которой бы могла провести свои широкіе замыслы, и въ то время, когда его непріатели и, самый естественный, нѣмецкая имперія, обратили на то вниманіе и всячески старались помѣшать этимъ замысламъ, два чешскихъ князя, Спитигнѣвъ и Вратиславъ, отдѣляются отъ великоморавскаго союза, къ которому применилъ ихъ отецъ, Боривой, и поступаютъ подъ покровительство нѣмецкой имперіи, чтобы, въ удовлетвореніе своему стремленію къ особности, служить орудіемъ имперіи противъ славянскаго единства. Такимъ образомъ, лишенная одной изъ главнѣйшихъ своихъ опоръ и обнаженная съ этой стороны, держава велико-моравская была принуждена разрывать связь съ славянскими племенами, жившими за чехами. Братская рука бросила ее въ пасть врагамъ. Правда, Чехія съ той поры наиболѣе выдерживала натискъ нѣмцевъ и въ теченіе вѣковъ противопоставляла мужественный отпоръ удвоеннымъ усиліямъ и нападеніямъ на ея самостоятельность, и на этой окраинѣ была послѣднимъ бойцомъ повсюду падавшаго славянства съ нѣметчиной, но тѣмъ не менѣе и Чехію постигла участь государства велико-моравскаго, паденію котораго она сама содѣйствовала, конечно, постигла гораздо позже, но все-таки постигла; и чехи точно также должны были преклонить свою выю, какъ и другіе ихъ братья

(1620 г.). Не лучшая участь выпала на долю другимъ пограничнымъ славянскимъ союзамъ: Хорватія своими жупанами, которые всѣ стремились къ самостоятельности, или лучше къ особности, вовлечена была въ непрерывныя смуты, и, будучи не въ состояніи существовать, какъ одно цѣлое, вскорѣ должна была вступить въ переговоры съ мадьярами, именно съ Коломаномъ, и признать его своимъ государемъ. Хорутанія была присоединена къ нѣмецкой имперіи; Сербія точно также раздиралась кровавыми усобицами жупановъ, и хотя потомъ нѣкоторое время была сильна и самостоятельна, однако, вскорѣ затѣмъ, сдѣлалась добычею варваровъ. Такая же судьба постигла и Боснію, всегда стремившуюся къ обособленію или, въ славянскомъ смыслѣ, къ самостоятельности, а также еще прежде и Болгарію. Съ паденіемъ Сербіи погибли всѣ надежды южныхъ славянскихъ племенъ. Такимъ образомъ все славянство въ этихъ пограничныхъ областяхъ подпало рабству иноземцевъ, на весь этотъ міръ обрушились страшныя бѣдствія, и славяне испытывали стыдъ и поношеніе.

Какъ славянскія племена понимали государственное единство, всего лучше видно изъ примѣра Польши. Тамъ не только каждый находилъ удовлетвореніе внутри общины, но и каждый изъ владыкъ, образовавшихъ дворянство, по понятіямъ польскимъ, долженъ былъ въ общихъ собраніяхъ и при тамошнихъ рѣшеніяхъ быть вполнѣ выслушанъ и удовлетворенъ; взгляды, мнѣнія, притязанія и выгоды всѣхъ и каждаго должны были быть не только принимаемы во вниманіе, но и совершенно признаваемы и приводимы въ дѣйствіе. Въ противномъ же случаѣ, общее рѣшеніе, при недовольствѣ имъ даже одного лица, бывало бессильно и ничтожно. Такова знаменитая практическая равноправность поляковъ; тутъ каждый отдѣльно бывалъ равноправенъ въ отношеніи къ цѣлому и общему, становился на одну доску съ цѣлымъ, а цѣлое и всеобщее, т. е. воля всѣхъ, выразившаяся въ общемъ рѣшеніи, была совершенно безправна въ отношеніи къ одной личности. Такимъ образомъ общественное благосостояніе попиралось ногами одного лица, бывало въ зависимости отъ прихоти каждаго, черезъ что отрывался просторъ безграничному произволу, и государство предавалось въ жертву всѣмъ возможнымъ потрясеніямъ; въ идеѣ оно совершенно уничтожалось. Что можно было предвидѣть, то и случилось въ дѣйствительности. Польша погибла прежде всего изъ-за своего знаменитаго „nie rozvalam“, изъ-за своего вошедшаго въ нѣмецкую поговорку „польскаго хозяйства“, изъ-за плохо понятой польской свободы,—и образъ этой свободы, отъ которой избави насъ Боже, все еще носится передъ большинствомъ этихъ заблуд-

шихъ, почти потерянныхъ сыновъ славянства, ибо у нихъ всегда на устахъ слова „demokrata“ и „demokratia“, и при этомъ каждый думаетъ только о себѣ, о своемъ „я“, своихъ высокоумныхъ притязаніяхъ.

Государственные союзы у славянъ образуются также совершенно иначе, чѣмъ у ихъ сосѣдей, нѣмцевъ. Движимые внутреннимъ стремленіемъ, нѣмцы выступаютъ завоевателями, и воинственный духъ проникаетъ ихъ государственный союзъ; стоящій во главѣ воинской дружины „Hérigo“ или „Schora“ (Sire) становится княземъ, а воинскій нарядъ — нарядомъ земскимъ, такъ что слуги короля, такъ называемые графы, завѣдываютъ дружиною, судами, управленіемъ въ округахъ. При всемъ томъ король управляетъ и владѣетъ страню не самовластно и, при всѣхъ общеважныхъ рѣшеніяхъ (placita regia), онъ ограниченъ совѣтомъ своихъ вождей. Они же, съ своей стороны, вмѣняютъ себѣ въ непремѣнную обязанность вѣрность своему князю, которая дѣйствительно въ то время жила въ ихъ сердцахъ. Мы видимъ здѣсь твердое, разчлененное государственное единство, представляющее основаніе для могущественнаго развитія цѣлаго и благопріятное для великихъ предпріятій.

Совершенно иначе у славянъ. Искони жили они въ раздѣленіи на множество племенъ, въ бытѣ патриархальномъ, не думая объ единствѣ и о какихъ-нибудь внѣшнихъ предпріятіяхъ. Это подтверждается свидѣтельствомъ Прокопія; онъ говорилъ, что они не признаютъ единовластія, но живутъ въ народоправленіи. Это свидѣтельство нѣкоторыя и даже самыя лучшія головы толковали въ похвалу славянъ, и уже изъ этой демократіи строили нѣчто въ родѣ греческихъ республикъ. По нашему мнѣнію, слова Прокопія объясняются совершенно иначе. Съ своими византійскими понятіями объ императорской власти Прокопій у славянъ могъ тутъ найти нѣчто подобное республикамъ, но упоминаемую имъ демократію надо собственно разумѣть въ томъ смыслѣ, что извѣстныя ему славянскія племена жили патриархально, малыми группами. Какъ слагалась тогдашняя жизнь, объясняетъ намъ Маврикій, который пополняетъ Прокопія замѣчаніемъ, что славяне не терпѣли у себя никакого повелителя, взаимно ненавидѣли другъ друга, сами племена точно также, какъ и вожди ихъ (reguli), собственно племенные старѣйшины, патриархи. Если бы славянскія племена не жили такъ разрозненно, а были бы какъ-нибудь соединены, то могло ли бы случиться, что всякая орда варваровъ, приходившая изъ Азіи въ Европу, гунновъ и аваровъ, хазаровъ и печенѣговъ, такъ легко проходила черезъ земли славянъ, увле-

кая ихъ за собою, и возмутительнѣйшимъ образомъ обращалась съ ними? ⁷⁾ Иначе какъ бы могло случиться, что мадьяры спокойно проникли въ средину славянскихъ народовъ, какъ-бы погруженныхъ въ глубокой сонъ, и поселились на прекраснѣйшихъ равнинахъ, въ сердцѣ славянъ? ⁸⁾ О, достойная подражанія демократія

⁷⁾ Тутъ нужно обращать вниманіе на географическое положеніе славянскихъ земель, на ихъ огромный просторъ и малонаселенность (особливо тогдашнюю) и вмѣстѣ на многочисленность нападавшихъ на славянъ азіатскихъ ордъ, которыя притомъ всегда почти находили себѣ союзниковъ, или пособниковъ, въ грекахъ или нѣмцахъ. Во всякомъ случаѣ, исконные противники славянъ, азіаты и нѣмцы, всегда, сознательно и безсознательно, помогали другъ другу въ покореніи славянъ, за которыми обезпеченные романо-германцы могли спокойно отдаваться мирнымъ занятіямъ промышленностью и торговлею, искусствами и науками. Что же касается до исчезновенія нѣкоторыхъ племенъ славянскихъ, напр., полабскихъ, балтійскихъ и морейскихъ славянъ, то Штуръ, вслѣдъ за нѣкоторыми иностранными учеными, слишкомъ опрометчиво и неосновательно заключаетъ, яко бы о превосходствѣ въ этомъ отношеніи племени нѣмецкаго передъ славянскимъ. Развѣ мало погибло нѣмцевъ: готовъ, вандаловъ, геруловъ, лангобардовъ? Что стало съ франками въ Галліи, съ норманнами въ Сициліи? Что происходитъ съ нѣмцами, живущими среди словаковъ, въ верхней Угрии? О быстромъ ихъ ослабленіи см. Чернига (*Ethnographie d. oest. Monarchie. Wien 1857, II B. §§ 75—92, III B. §§ 48—49*). И если не русѣютъ нѣмцы въ Россіи такъ, какъ бы слѣдовало, то единственно лишь благодаря удивительнымъ ихъ внѣшнимъ преимуществамъ и страннымъ привилегіямъ, которыя, если Россіи не суждено скоро погибнуть, долго существовать не будутъ. Развѣ не быстро исчезаютъ нѣмцы въ англо-саксонской стихіи въ Австраліи и Америкѣ, и не французятся ли они во Франціи? Разница только въ томъ, что обстоятельства, облегчающихъ такую утрату народности, у славянъ больше, чѣмъ у нѣмцевъ или романцевъ, и это именно потому, что въ теченіе вѣковъ славяне выносили двойную борьбу съ азіатами и нѣмцами, и тѣмъ развлекали свои силы. Съ другой стороны, природа и внѣшнія обстоятельства благоприятствовали романцамъ и нѣмцамъ гораздо прежде достигнута литературнаго и политическаго объединенія, къ которому теперь стремятся славяне, какъ о томъ живо свидѣтельствуетъ и само сочиненіе Штура. По близости нѣмцевъ къ кельтамъ и къ Риму, волною событій они были увлечены въ историческій водоворотъ цѣлыми 4 или 5 вѣками раньше славянъ. Не въ томъ ли ужъ ихъ духовное превосходство передъ нами? Не выше, а старше они насъ. В. Л.

⁸⁾ Торжество латинско-нѣмецкаго духовенства съ Викингомъ и изгнаніе учениковъ св. Меодія изъ Моравіи было для нея гораздо гибельнѣе прихода мадьяръ, которые бы, въ случаѣ сохраненія славянской Церкви, неминуемо слились съ славянами, подобно болгарамъ, въ одинъ народъ. Мы даже думаемъ, согласно съ Г. Елагинымъ (*Русская Бесѣда 1858, I.*), что мадьяры, разумѣется, безсознательно оказали славянству пользу тѣмъ, что уберегли угорскихъ славянъ отъ нѣмецкаго вліянія. Въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, мадьяры похожи на турокъ, которые, своимъ тяжелымъ игомъ, сохранили славянъ отъ болѣе тяжкаго рабства романо-германскому міру. В. Л. Подробное обоснованіе и развитіе этого взгляда Елагина и В. И. Ламан-

нашихъ предковъ, которая безъ ропота даетъ себя разрывать и топтать, безъ сопротивленія, кротко преклоняетъ выю подъ иго и завѣщаетъ потомству тысячелѣтное рабство! Перестаньте же восхвалять демократію древнихъ славянъ, не проливайте и слезъ о страданіяхъ нашего народа, которыя имъ приготовила азіатская варварская орда, но вооружитесь справедливымъ негодованіемъ противъ слабости, неблагоразумія и беспомощности нашего народа! Упоминаемая Прокопѣмъ демократія древнихъ славянъ была не что иное, какъ первоначальное, неразвитое, младенческое состояніе нашего народа.

Но на этомъ намъ нельзя было остановиться. Какъ славяне были со всѣхъ сторонъ давимы и угнетаемы, а кругомъ ихъ существовали уже чужія государства или образовывались новыя, грозившія ихъ поглотить, то и они начинаютъ тѣснѣе сплачиваться между собою и, наконецъ, доходятъ до образованія государствъ. Но какъ они всегда твердо держались своихъ общинъ и жупъ, въ основаніе которыхъ легли первоначальные роды, племена, и какъ, съ одной стороны, они не умѣли ввести ихъ въ кругъ государства, а съ другой государства возникали не изъ идеи положительной, а скорѣе лишь отрицательной, изъ потребности взаимной защиты и болѣе спокойной жизни, то и не могли они получить того первоначальнаго сильнаго толчка, какъ нѣмецкія государства, и не было въ нашемъ государственномъ устройствѣ ничего правильнаго и твердаго. Не могучія, смѣлыя и предприимчивыя личности выступаютъ во главѣ славянскихъ государствъ, но простые, миролюбивые поселяне, какъ Пясть у поляковъ, Премысль у чеховъ⁹⁾. Въ Хорутаніи новоизбранный князь долженъ былъ, при своемъ вступленіи на княжескій престолъ, являться передъ собравшимся народомъ въ одеждѣ крестьянина. Нѣкоторое уклоненіе отъ этого составляютъ сербы, превосходившіе силою нѣкоторыя другія наши племена. Ихъ жупанъ, Стефанъ Неманя, достигши высшей власти въ народѣ, тотчасъ подчиняетъ себѣ не только другихъ жупановъ, но и окружныя племена. Совершенное исключеніе составляютъ русскіе, и при томъ въ высшей степени замѣчательно, что не сами славяне закладываютъ русское государство и съ самаго его начала развиваютъ всеподчиняющую силу,

скаго на значеніе для славянъ мадырскаго погрома представлено въ извѣстномъ изслѣдованіи проф. К. Я. Грота: Моравія и Мадыры съ половины IX до начала X вѣка. Спб. 1881. Т. Ф.

⁹⁾ См. объ этомъ Тюринга: Общественная жизнь и земскія отношенія въ древней Руси. Спб. 1850 (изъ Библиотеки для чтенія), въ 8 д., стр. 90 и Иречка. Slovanské právo v Čechach a na Moravě. Praha 1863, I, str. 119 и сл.

объединяющую разрозненные части въ одно великое цѣлое, а чужеземцы — германскіе норманны. Эта изчужа привитая Руси сила принялась въ способномъ русскомъ народѣ и перешла въ наслѣдство къ носителямъ высшей въ немъ власти. Она существенно содѣйствовала тому, что русское государство не только пережило всѣ другія славянскія государства, но и сложилось такъ, что своею величественною громадою представило единственный и могущественнѣйшій оплотъ противъ дальнѣйшаго напора чужеземныхъ стихій въ нашемъ мірѣ и отразило этотъ напоръ на всѣхъ точкахъ. Всѣ другія наши племена, не въ силахъ будучи себя отстоять, поддались чужому напору; только на границахъ Россіи останавливается онъ, и самыя чуждыя стихіи становятся въ Россіи служебнымъ элементомъ¹⁰⁾. Хотя славянамъ и удавалось образовать государства, но все-таки они были безсильны вполне обезпечить жизнь нашихъ племенъ и вести ихъ къ высшему назначенію, потому что чувство, играющее такую широкую роль въ жизни семейной и общинной, перенесенное въ тѣхъ же размѣрахъ въ государство, гдѣ разсудокъ долженъ владѣть чувствомъ, приноситъ тутъ только зло и несчастія. Такъ дѣйствительно и было въ нашихъ государствахъ¹¹⁾. Какъ только князья нѣсколько крѣпче натягивали бразды правленія и помышляли о введеніи необходимаго единства въ государствѣ, тотчасъ встрѣ-

¹⁰⁾ Сходныя съ этимъ замѣчанія были высказаны мною задолго до моего знакомства съ сочиненіемъ Штура. См. въ „Русской Бесѣдѣ“, 1860 г., кн. 1, Смѣсь. Впрочемъ, надлежитъ прибавить, что нѣмецкая стихія въ Россіи далеко не служебное занимаетъ положеніе, и если въ борьбѣ съ нею наша народность вскорѣ не восторжествуетъ, то Россіи смѣло можно предсказывать участь всѣхъ прежнихъ славянскихъ государствъ. Нечего обольщаться огромнымъ пространствомъ и нашею многочисленностью: враги наши неизмѣримо сильнѣе прежнихъ враговъ соплеменныхъ намъ державъ. Не забудемъ, что у насъ отнимаютъ послѣднее море и съ усиленною дѣятельностью прусскіе и всякіе имъ сочувствующіе нѣмцы скупаютъ земли въ Царствѣ Польскомъ, въ Ковенской губерніи, и Академію Наукъ, Дерптскимъ университетомъ, множествомъ нѣмецкихъ гимназій, прогимназій и училищъ, разводятъ и укрѣпляютъ нѣмецкій духъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ, которыя во Франкфуртѣ въ 1848 г. были признаны необходимою составною частью Германіи. Число нѣмецкихъ поселенцевъ-рабочихъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ, равно какъ и количество онѣмечивающихся латышей и эстовъ, прибываетъ съ каждымъ годомъ. В. Л.

¹¹⁾ Россія въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія. Русское самодержавіе и московскаго и петербургскаго періода, главнѣйше основано на безграничной преданности и безусловной довѣренности народа къ царю. Точно также на одномъ чувствѣ, безъ участія разсудка и критики, основаны воззрѣнія простонародья славянскаго на цесаря въ Австріи и на султана въ Турціи. При всѣхъ своихъ бѣдствіяхъ славяне вездѣ и всюду приговариваютъ „До Бога высоко, до Царя далеко“. В. Л.

чали они упорное сопротивленіе въ недовольныхъ и, наконецъ, изгнаны были изъ государствъ заговорщиками. Такъ, новгородцы, по словамъ митрополита Евгенія, въ теченіе ста лѣтъ отстранили или изгнали болѣе 30 князей; и нынѣшніе сербы въ этомъ отношеніи вѣрно подражаютъ нашимъ предкамъ, выгоняя своихъ князей одного за другимъ... Всякій, кто только предполагаетъ за собою право на что-нибудь, хотя бы и безъ достаточнаго основанія, всякій, кто стремится къ отличіямъ, могуществу и даже верховной власти (а до нея большинство изъ насъ считаетъ себя доросшими), всякій, чьи притязанія не были удовлетворены, чьи взгляды и мнѣнія не были приняты въ соображеніе, становится въ ряды недовольныхъ. пылая мщеніемъ въ своей ярости, онъ уже не отдѣляетъ личности человѣка отъ личности стоящаго во главѣ цѣлаго и потому неразрывно съ этимъ цѣлымъ связаннаго, если поводъ къ недовольству исходилъ отъ лица, облеченнаго высшей властью, и при первомъ удобномъ случаѣ губить своего противника.

Наша исторія кипитъ постыдными дѣлами подобнаго рода. Когда въ Чехіи мудрая Любуша, въ собраніи владыкъ, по поводу спора двухъ братьевъ Кленовичей, издаетъ рѣшеніе по земскому обычаю и за обоими братьями признаетъ равное участіе въ отцовскомъ наслѣдствѣ, то старшій, желавшій себѣ предпочтенія, по обычаю нѣмецкому, выходитъ изъ себя. Тутъ Любуша въ негодованіи произноситъ слѣдующія слова: „Идите, изберите себѣ мужа, который бы судилъ васъ съ желѣзомъ въ рукѣ!“ Князь новгородскій Гостомысль, при постоянной враждѣ и усобицахъ своихъ подданныхъ, добровольно отказывается отъ княжеской власти и даетъ имъ совѣтъ избрать себѣ князя, который бы управлялъ ими съ оружіемъ въ рукахъ. Такой дѣйствительно и явился у нихъ въ лицѣ норманна Рюрика. Самъ велико-моравскій Святополкъ, стремясь къ верховному господству, измѣняетъ своему князю, своему дядѣ и благодѣтелю, мудрому и сильному Ростиславу, передаетъ его жестокимъ его непріателямъ, нѣмцамъ, и тѣмъ повергаетъ государство въ величайшую опасность, изъ которой онъ, правда, освободилъ его, раскаившись въ своемъ поступкѣ, нанесъ потомъ нѣмцамъ страшное пораженіе и широко распространилъ свою державу, передъ которой трепетали Каролинги съ своею имперіею. Два его младшихъ сына, изъ тѣхъ же причинъ, какъ и онъ самъ, возстаютъ противъ старшаго брата и, для своихъ злостныхъ намѣреній, вызываютъ изъ Германіи вспомогательное войско, и такимъ образомъ помогаютъ столкнуть въ пропасть уже ослабленную и стоявшую на ея краю державу. Храбрый, полный великихъ замысловъ, сербскій государь, Стефанъ Душанъ, въ преждевременномъ стремленіи къ власти, самъ

совершаетъ тяжкое преступленіе, которое онъ отчасти только искупилъ своими великими, благими для народа, подвигами. Такъ, Тугумиръ въ Браниборѣ изъ грязныхъ, корыстныхъ видовъ измѣняетъ полабскимъ славянамъ именно въ то время, когда они составили союзъ всѣхъ тамошнихъ племенъ, чтобы свергнуть нѣмецкое иго; такъ, Милота, изъ мелочного мщенія, измѣняетъ своему королю, богатырю Оттокару, въ самое рѣшительное мгновеніе битвы, а этотъ король-богатырь уже присоединилъ къ своему чешскому королевству многія области и былъ страшенъ нѣмецкой имперіи. Такимъ же образомъ и Бранковичъ изъ властолюбія измѣняетъ, въ пользу турокъ, князю Лазарю и сербамъ на роковомъ Косовомъ полѣ (1389 г.) и черезъ то повергаетъ свой народъ въ вѣковое постыдное рабство и униженіе¹²⁾. Да, имена этихъ трехъ несчастныхъ: Тугумира, Милоты и Бранковича, уже не могшихъ никогда искупить своихъ постыдныхъ дѣлъ, повсюду, гдѣ только раздастся славянская рѣчь, должны быть прибиты къ позорному столбу, какъ имена самыхъ отчаянныхъ преступниковъ. И зачѣмъ были изгоняемы одинъ за другимъ нынѣшніе сербскіе князья? Зачѣмъ, что нѣкоторые сербы, побуждаемые демономъ честолюбія, сами питали, въ своихъ зловныхъ сердцахъ, тайныя желанія и виды на высшую власть: для того должны были быть удалены сильный, хотя и несвободный отъ преступленій, Милошъ и его благонамѣренный сынъ, благородный Михайлъ. И какъ въ этомъ отношеніи обстоитъ у поляковъ? При раздѣлѣ этой несчастной страны она кипитъ настоящими предателями; по счастью, еще служили они все-таки благородному и къ господству призванному братскому племени. Мнимыхъ же предателей было у нихъ безчисленное множество, потому что поляки, исполненные еще болѣе другихъ славянъ самолюбія и самовластія, называли измѣнникомъ всякаго, кто не держался мнѣній и

¹²⁾ Дѣйствительно, общая черта славянской исторіи,—это разрывъ дружины и возникшихъ изъ нея бояръ, властелей, шляхты, дворянства съ народомъ и постоянное ихъ стремленіе завладѣть и разрабатывать верховную власть въ свою исключительную пользу и въ сословныхъ видахъ. Они же первые открывали путь иноземному господству. Въ Сербіи и Босніи дворянство переходитъ въ исламъ, въ Славоніи, Хорватіи и Западной Руси въ католичество, тамъ туречится, тутъ полячится, въ Чехіи нѣмечится, въ Далматіи итальянится, въ Угорщинѣ мадярится. Въ началѣ XVII в. московскіе бояре, Салтыковы и Мстиславскіе, всего болѣе стараются о Владиславѣ и Сигизмундѣ. Въ XVIII в. верховники и вообще дворянство, закрѣпощая народъ, часто пренебрегая вѣру, языкъ и народность, списываютъ шведскую и польскую конституціи и за честь себѣ ставятъ именоваться шляхетствомъ, въ противности „подлому народу“. Польшу губила и губить шляхта. В. Л.

взглядовъ того или другого, считавшаго себя самымъ лучшимъ патриотомъ, или извѣстной партіи (а партій въ Польшѣ нѣсть числа!), которой онъ держится. Такъ они въ новѣйшее время провозгласили измѣнниками даже Хлопицкаго и Скржынецкаго.

И у другихъ народовъ, именно у нѣмцевъ, точно также бывають недовольные, и мы видимъ, что недовольные сыновья королей, или маркграфовъ, часто прибѣгаютъ къ нашимъ князьямъ съ просьбою о защитѣ и помощи, но все-таки они не пылають тѣмъ мщеніемъ, ихъ дѣйствія не отличаются такою жестокостью, какъ у славянъ, и они всегда почти примиряются, прежде чѣмъ дойдуть до окончательнаго разрыва, и часто даже, отложивъ свои споры, дружно борются съ прежними вождями недовольныхъ. О злостныхъ, коварныхъ замыслахъ противъ Имперіи тутъ нѣтъ и рѣчи; здѣсь недовольство бываетъ преходящее, и ненависть обращена только противъ отдѣльнаго лица; договоръ Вердѣнскій былъ заключенъ между тремя народами, нѣмецкимъ, итальянскимъ и французскимъ, и только то въ немъ распалось, что не составляло органическаго цѣлаго.

Съ другой стороны, и государи славянскіе поступаютъ не лучше своихъ народовъ. Они глядятъ на свои государства, какъ на свою семейную собственность, и посему постоянно раздѣляютъ ихъ между своими сыновьями, предоставляя младшимъ большіе удѣлы, съ наружнымъ надъ ними главенствомъ старшаго. Гражданское право славянскихъ племенъ совершенно не знаетъ маіората; это нѣмецкое учрежденіе поддерживаетъ отвлеченное понятіе семьи, и, довольствуясь такимъ образомъ поддержаніемъ семьи, оно ни мало не заботится о земномъ существованіи всѣхъ членовъ семейства. Славянамъ же и ихъ учрежденіямъ всѣ члены семейства одинаково дороги, и посему они даруютъ имъ равное участіе въ отцовскомъ наслѣдіи, даже съ предпочтеніемъ младшаго, что уже совершенно противоположно маіорату. Славянскіе государи распоряжаются въ своихъ владѣніяхъ совершенно семейнымъ образомъ, по народному обычаю, и народы переносятъ это, ибо такимъ образомъ они достигаютъ столь любезной имъ особы. Такъ, велико-моравскій Святополкъ раздѣляетъ на смертномъ одрѣ свою державу, хотя съ очевиднымъ неудовольствіемъ, между тремя своими сыновьями, и тѣмъ причиняетъ гибель собраннаго съ великимъ трудомъ и жертвами государства. Точно такъ же поступаетъ и польскій король Болеславъ III († 1139), раздѣливъ Польшу между четырьмя своими сыновьями, вслѣдствіе чего не только подвергаетъ королевство внутреннимъ усобицамъ и потрясеніямъ, но и приготовляетъ совершенное отъ него отдѣленіе Силезіи и присоединеніе ея къ нѣ-

медвой имперіи¹³⁾. Даже потомокъ норманновъ въ Россіи, Владимиръ, въ этомъ отношеніи уже ославяненный, раздѣляетъ свою страну между двѣнадцатю сыновьями. Не что иное, какъ именно это, причинило поражение многихъ несогласныхъ между собою русскихъ князей въ битвѣ съ монголами на Калкѣ, прямымъ послѣдствіемъ которой было постыдное, 226-лѣтнее, тяжелое для славянъ, господство монголовъ надъ Русью. А сколько раздѣловъ было въ въ Чехіи при Премысловцахъ! Вслѣдствіе возникавшихъ отсюда раздоровъ и мятеежей государство часто едва не погибало. Мало тутъ помогало признаніе раздѣленными братьями первенства старшаго брата, или подчиненіе удѣльныхъ князей въ Польшѣ великому князю краковскому, а на Руси—кіевскому. Это не устраняло несчастій, происходившихъ отъ раздѣла земель.

Печально и грустно для друга славянъ глядѣть на этотъ міръ, погибшій отъ своей собственной вины. Напрасно, разсматривая его, сталь бы онъ искать утѣшенія. Что не можетъ держаться,—падаетъ; чтò лишено внутреннихъ жизненныхъ силъ,—умираетъ, и народы, не способные по той или другой причинѣ къ самообладанію и самоуправленію, или не готовые на всѣ жертвы для поддержанія своей народности и самостоятельности, такіе народы должны быть руководимы, управляемы другими, должны поступать въ услуженіе къ другимъ народамъ, а наконецъ, даже и исчезать въ нихъ. Такъ случилось съ первоначальными галлами на многихъ мѣстахъ, такъ же точно и со славянами на сѣверовостокѣ Германіи. Въ самомъ дѣлѣ, неутѣшительный выводъ представляется наблюдателю, который изучаетъ обломки нашего міра. Только съ другой стороны почерпнешь себѣ нѣкоторое утѣшеніе, именно въ прошедшемъ, въ исторіи, въ самой глубинѣ духа. Какъ человекъ, не привязанный въ жизни ни къ какому труду, не руководимый никакою мыслью, преданный самому себѣ,

¹³⁾ Онѣмеченіе Силезіи началось съ того, что сынъ Болеслава Кривоустаго, Владиславъ, князь Силезскій, и его преемники женились на нѣмецкихъ принцессахъ; не имѣя славянскаго богослуженія и славянской письменности князя легче принимали нѣмецкіе нравы, обычаи и языкъ. Ихъ нѣмецкія жены заводили нѣмецкіе монастыри, раздавали имъ большія земли и вызывали нѣмецкихъ поселенцевъ. Въ XIV в. нѣмецкій языкъ въ Силезіи уже сильно распространился, а въ 1495 г. Іоаннъ, епископъ Влатиславскій (Бреславльскій), даже издалъ повелѣніе, въ силу котораго окрестные славяне (въ мѣстѣ Во й ц ѣ) должны были въ 5-лѣтній срокъ выучиться по-нѣмецки, а иначе пришлецъ-нѣмецъ грозилъ согнать славянъ съ ихъ отцовскихъ земель. См. Stenzel u. Tzschoppe, Urkundensammlung zur Gesch. d. Ursprungs d. Städte u. d. Einführ. u. Verbreit. Deutsch. Kolonisten u. Rechte in Schlesien u. Ober-Lausitz. Hamburg. 1832. В. Д.

впадаетъ въ безсильную, пустую хандру, какъ то же самое замѣчаемъ мы у пережившей нынѣ свою роль свѣтской аристократіи и у католическаго духовенства; точно то же самое, наконецъ, бываетъ и съ народами, на что исторія представляетъ множество примѣровъ. Еврейскій народъ, нѣкогда сильный и единый вѣрою въ единаго Бога, дошелъ до безсильнаго ничтожества, когда одна часть его только лицемѣрила завѣщанною отъ отцовъ вѣрою и утратила ея сущность въ обрядовой внѣшности, другая отвергла всякую вѣру и осмѣяла ее, третья же, избѣгая этого паденія, предалась нѣмымъ созерцаніямъ и нашла успокоеніе въ жизни созерцательной, словомъ, когда еврейскій народъ распался на секты фарисеевъ, саддукеевъ и ессеевъ и разорвалъ скрѣпившій его союзъ. Послѣ того евреи распались на безчисленные партіи и, раздираемые ими, отдались жизни пустой и безцѣльной. Такимъ образомъ они естественно должны были подчиниться господству римлянъ и навсегда пасть съ своимъ разрушеннымъ Іерусалимомъ. Не велики числомъ, но велики силами и славны были еллины, пока прекрасное царило у нихъ въ искусствѣ, религіи, государствѣ и общественной жизни¹⁴⁾; но какъ только отвернулся грекъ отъ своихъ прежнихъ идеаловъ и наложилъ самъ святотатственную руку на свои художественные образы и священныя роци, самъ сталъ осмѣивать свою религію и подорвалъ прежніе обычаи въ государствѣ, тогда пришелъ конецъ еллинству и еллинской свободѣ. вмѣсто господства прежней красоты въ Греціи, мы видимъ въ ней несчастную пелопонезскую войну, въ которой истребляютъ себя греки, разорванные на множество партій въ отдѣльныхъ городахъ, какъ бы соперничая между собою за то, чтобы скорѣе похоронить свой міръ и свою свободу. Гдѣ прежде достаточно было нѣсколькихъ тысячъ, для пораженія безчисленныхъ полчищъ врывавшихся въ Грецію персовъ, теперь само краснорѣчіе Демосѣена не могло воспламенить забывшихся грековъ къ успѣшной борьбѣ за свободу. И такимъ образомъ должны они были подпасть владычеству Филиппа, а потомъ, вмѣстѣ съ Македоніею, признать господство римлянъ. Эти послѣдніе точно также стали великими, свободными, могущественными, міродержавными, — благодаря своему добровольному, строгому подчиненію знамени отечества; но когда они впоследствии отклонились отъ этой, добровольно на себя принятой, обязанности, предались роскошной жизни

¹⁴⁾ О служеніи эллиновъ прекрасному на русскомъ языкѣ см. статью М. С. Куторги: „О поэтической и философской сторонѣ афинской образованности“ (Актъ въ С.-Петербург. унив. 1843), и въ Прописяхъ статьи Г. Леонтьева о Гротѣ и пр. В. Л.

и дали волю другимъ дѣйствовать за нихъ, тогда мы видимъ, какъ достаются они въ добычу сначала нѣсколькихъ сильныхъ личностей, а потомъ одной, которая вытѣсняетъ всѣ другія, и римскій міръ въ это время погружается въ пустую, праздную, безрадостную жизнь. Онъ падаетъ все ниже и ниже, самодержавіе все болѣе распускается и слабѣетъ, преторіянцы самовластно распоряжаются имперією, одновременно выставляютъ трехъ, даже шестерыхъ кандидатовъ на престоль, области отлагаются, и наконецъ ничего болѣе не остается, какъ предоставить имперію, правда, грубымъ, но болѣе сильнымъ и понимающимъ свое призваніе германцамъ. Но еще горше были бѣдствія и несчастія восточной римской имперіи, въ которой наслѣдственная идея господства исторически сохраняется и продолжается, хотя не въ той уже степени, какъ въ западной. Христіанство уже было не въ силахъ оживить этотъ перерѣзанный міръ, преданный чувственнымъ удовольствіямъ, и хотя оно и тамъ было принято, какъ и на Западѣ, однако тамъ оно не проникло въ глубину народнаго духа¹⁵⁾. Въмѣсто того, чтобы служить животворящею силой, оно скорѣе подавало перерѣзному восточному народу поводъ къ самымъ разнообразнымъ и упорнымъ спорамъ изъ-за пустяковъ, при которыхъ партіи ожесточались сильнѣйшимъ образомъ и побивали другъ друга тысячами. Въ предыдущія столѣтія, какъ и въ наши дни, постигла и папство печальная участь. Осуществляя свое призваніе у народовъ, оно не только становится само въ себѣ не единымъ, такъ что являются и папы, и антипапы, отлучаютъ другъ друга отъ церкви и отвратительно между собою враждуютъ; но оно въ добавокъ все болѣе и болѣе теряетъ свое обаяніе у народовъ и съ каждымъ годомъ становится бессильнѣе. Реформація окончательно приноситъ ему отказъ въ повиновеніи, отнимаетъ у него цѣлыя народности, и подъ ея вліяніемъ учрежденіе это, нѣкогда глубоко проникавшее въ жизнь народовъ, лишается послѣдняго своего блеска и величія. Ничего не помогли никакія проклятія и лиги; напрасно дикая испанская инквизиція забирала въ свои кровавыя судилища сотни тысячъ людей, напрасно пытались іезуиты тысячею средствъ вознесты папство къ прежнему міровому господству: нынѣ папство не имѣетъ у народовъ никакой почвы, и еще печально и едва замѣтно прозябаетъ единственно по милости нѣкоторыхъ державъ. Человѣкъ, лишь только душа отъ него отлетѣла, становится трупомъ: и всякое явленіе и учрежденіе,

¹⁵⁾ Сужденіе о Византіи слишкомъ односторонне. Глубокой и вѣрный на нее взглядъ и мѣткое указаніе ея заслугъ и великихъ недостатковъ проведены Хомяковымъ (Сочиненія I т.). В. Л.

если отрекается отъ своего призванія, тѣмъ самымъ заключаетъ свое жизненное поприще. Если оно и живетъ еще, то это—существованіе механическое, подобно тому, какъ трутъ не сразу истлѣваетъ.

Нашимъ племенамъ недоставало такихъ объединяющихъ и возвышающихъ идей¹⁶⁾. Племенное сродство не есть такая идея: оно даже было безсильно удержать племена отъ несогласія и раздоровъ. Часто раздѣляются братья изъ одной семьи, и тѣмъ чаще это бываетъ съ племенами, которыя, въ теченіе времени и по дальности разстояній, отчуждаются другъ отъ друга въ нравахъ, языкѣ и различныхъ учрежденіяхъ. Одного происхожденія съ нѣмцами, скандинавскіе норманны часто вели съ ними войны и наконецъ покорили англовъ и саксовъ въ Британіи. Племенное сродство не могло образовать для нашихъ племенъ никакого связующаго звена и въ такой степени животворно на нихъ подѣйствовать, чтобы съ успѣхомъ бороться противъ ихъ злѣйшихъ враговъ, нѣмцевъ, которые по всей ихъ западной границѣ крѣпко утвердились съ своими величавыми, горделивыми идеями, а потому и крѣпкими учрежденіями. Нѣмцы собственно похоронили римскую имперію, державную, по тогдашнему представленію, *imperium orbis*, и потому считали себя нѣсколько въ правѣ овладѣть этимъ *imperium*. Впослѣдствіи, съ усиленіемъ папства, это представленіе еще болѣе выработалось и рѣзче выразилось. Римскій епискомъ считалъ себя преемникомъ и намѣстникомъ Св. Петра, и въ силу этого—не

¹⁶⁾ Это несправедливо. Просвѣтительное начало и идея, объединявшая и объединяющая славянъ православныхъ, гораздо выше римско-нѣмецкой идеи о папѣ и императорѣ. Объ этомъ подробно въ моихъ „Чтеніяхъ.“ Полагаю излишнимъ распространяться о папствѣ; что касается цезаризма или императорства, то и безпристрастные западно-европейскіе ученые начинаютъ трезво глядѣть на эту Римско-Нѣмецкую теорію или фикцію и справедливо указываютъ на тотъ вредъ, который она приносила и Италіи (*Revue de l'Empire Allemagne et l'Italie au moyen-âge* (въ *Séances et Travaux de l'Academie des sciences morales et politiques*. Paris 1859, 3-me série, t. XXVII, p. 321—367, и t. XXVIII, p. 161—218), и Германіи (*Sybel, Die Deutsche Nation und das Kaiserreich*. Düsseldorf. 1862, 2 Abdruck, 8°, XVI und 261). Изъ главныхъ возражателей Зибеля см. Клоппа (*Klopp, Die Gothaische Auffassung d. deutsch. Gesch. und d. National-Verein*. Hannover 1862, 8°, S. 62), и Франтца (*Frantz, Const., Die Wiederherstellung Deutschlands*. Berlin 1865, 8°, VIII und 476;— О Зибелѣ S. 156—160). Впрочемъ, и Зибель, безпристрастный въ своемъ воззрѣніи на отношенія Германіи къ Италіи, несправедливъ во взглядѣ на ея отношенія къ славянамъ. В. Л.—Развитіе высказаннаго здѣсь взгляда В. И. Ламанскаго см. въ его работѣ: „Видные дѣятели западно-славянской образованности въ XV, XVI и XVII вв. Историко-литературные и культурные очерки“. (Славянскій Сборникъ, т. I. Спб. 1875).

только за перваго между равными, но и за того, которому, благодаря этому намѣстничеству, была непосредственно Богомъ дарована власть надъ всѣмъ христіанствомъ. Это стремленіе къ главенству и господству, сперва въ духовномъ отношеніи, возымѣло огромное вліяніе съ тѣхъ поръ, какъ Римъ, съ которымъ, въ глазахъ народовъ было связано *imperium orbis*, сдѣлался столицею римскаго епископа. Когда же франкскіе короли неоднократно освобождали римскаго епископа отъ грозившей ему опасности и даже доставили ему самостоятельное положеніе, такъ называемое *patrimonium Petri*, то епископы изъ признательности не только появлялись при коронованіи, но сами совершали помазаніе и вѣнчали ихъ королями и императорами въ Римѣ. Такимъ образомъ, переданную или лучше признанную за ними власть императоры почитали за власть, полученную ими изъ рукъ самого намѣстника Божьяго на землѣ, и потому за единственно законную. Отнынѣ господствовать долженъ въ духовномъ отношеніи признанный намѣстникъ Петра, а въ мірскомъ—имъ избранный и помазанный императоръ, тѣмъ болѣе, что, по представленію современниковъ, послѣдній являлся продолжателемъ всемірной римской имперіи. Государство франковъ уже называется послѣ того Священною Римскою Имперіею; ея императоры только себя считаютъ „Божьей милостью“ призванными и уполномоченными къ господству. И, въ слѣдъ затѣмъ, мы видимъ, что такъ называемые римскіе императоры объявляютъ свои притязанія на господство во всѣхъ прилежащихъ къ имперіи земляхъ, и безъ всякихъ другихъ юридическихъ доказательствъ, но лишь на основаніи ихъ верховной законной власти они объявляютъ свои притязанія не на отдѣльныя лишь, не соединенныя въ государственные союзы, племена, но на всѣ сосѣднія земли и государства, наприм., Чехію, Угрію, Польшу и пр., передаютъ ихъ князьямъ королевскіе вѣнцы и требуютъ, чтобы отъ нихъ государя получали въ даръ свои государства и становились къ нимъ, римскимъ императорамъ, въ подданническія отношенія. Этимъ стремленіемъ были одушевлены не только каролинги, но и короли послѣдующихъ династій, саксонской—Генрихи и Оттоны, вейблингской—Гогенштауфены; а насколько въ эту власть глубоко проникали духовныя побужденія, видно изъ того, что нѣкоторые изъ Гогенштауфеновъ, Конрадъ III, Фридрихъ II, рѣшались даже на крестовый походъ на Востокъ. Такое стремленіе, само по себѣ великое, сверхъ того много содѣйствовало выше отмѣченному единству и организациі имперіи. Это же стремленіе воодушевляло и воспитало рыцарство, въ его гордыхъ понятіяхъ, въ его чести и вѣрности, и все это возбуждало имперію не только къ ея внѣшней дѣятельности, но и

воздѣйствовало на ея крѣпость и внутреннее единство. Что же могли наши племена противопоставить этой единой, въ самой себѣ организованной имперіи, далеко разносящей христіанскую идею и церковь, стремившейся къ всемірному господству и возбуждаемой и воодушевляемой рыцарствомъ? Свое язычество, свои тѣла, свои несогласныя между собою общины... При такихъ обстоятельствахъ побѣда не могла быть сомнительна, не могла долго замедлиться: она напередъ была рѣшена въ пользу нѣмцевъ.

Причина этого явленія заключалась въ міровомъ положеніи обоихъ народовъ. Нѣмцы стремились на югъ и, сверхъ того, граничили съ Италіей, точно такъ же, какъ онѣмечившіеся и олатиненные галлы съ другой стороны. Италія была послѣднимъ гнѣздомъ образованности древняго міра; здѣсь подъ конецъ сосредоточилось все, что создали сами римляне и что они заимствовали отъ грековъ¹⁷⁾. Сверхъ того, здѣсь впервые съ наибольшею силою распространилось христіанство и привлекло на свою сторону первое обширное государство. Весьма естественно, что нѣмцы, прибывшіе къ средоточію образованности и христіанства, должны были прежде другихъ получить сокровища древней образованности вмѣстѣ съ христіанскимъ ученіемъ и, съ ихъ помощію, возвыситься. Наши племена шли въ слѣдъ за нѣмцами, были отдалены отъ средоточія древней культуры; имъ какъ бы самой судьбой уже указаны были однѣ обширныя и пустынные степи¹⁸⁾. Много нужно времени для народа, особенно, если онъ еще находится въ естественномъ, первобытномъ состояніи грубости, какъ древніе германцы, чтобы усвоить себѣ цѣлую міровую образованность, переработать, обогатить ее и сообщить ее болѣе отдаленнымъ сосѣдямъ. Славяне воспринимаютъ культуру только черезъ германцевъ и ихъ дальнѣйшихъ сосѣдей, галловъ¹⁹⁾.

¹⁷⁾ Это несправедливо. Византія въ теченіе почти всѣхъ среднихъ вѣковъ оставалась средоточіемъ высшей образованности. Энней Сильвій Пикколомини (впослѣдствіи папа Піи II) писалъ въ половинѣ XV в.: „Константинополь до нашего времени оставался памятникомъ древней мудрости, жилищемъ наукъ и словесности, твердынею философіи. Никто изъ латынянъ не могъ быть достаточно образованъ, если нѣкоторое время не прожилъ въ Константинополѣ, въ занятіяхъ словесностію. Что для наукъ въ цвѣтущее состояніе Рима были Аѳины, то въ наше время былъ Константинополь“. (Ер. 162). В. Л.

¹⁸⁾ Это несправедливо, особенно относительно южныхъ задунайскихъ славянъ, болгаръ и сербовъ. Довольно для этого вспомнить блестящее развитіе древне-славянской письменности въ царствованіе болгарскаго царя Симеона (907—927 г.). В. Л.

¹⁹⁾ А Чехія въ XIV и XV в., во многихъ отношеніяхъ стоявшая выше современной ей Германіи? А Дубровникъ еще гораздо раньше этого и послѣ до 2-й половины XVII в.? На Дубровникъ и Далматію нѣмцы и галлы (французы) до послѣдняго времени не имѣли никакого вліянія. В. Л.

Итогомъ всего этого оказывается то, что наши племена пали не по одной своей винѣ, но и потому, что жизнь ихъ менѣ сильная, менѣ правъ имѣющая, войдя въ непосредственное соприкосновеніе съ жизнью, обладающей высшими правами и сознающей въ себѣ міровое значеніе, должна была ей подчиниться и покориться. Однимъ словомъ, мы были тогда въ періодѣ уже изжитого (для нашихъ сосѣдей) возраста, отстали отъ времени. Не все растеть одинаково послѣшно, не все одновременно цвѣтеть въ природѣ; каждое созданіе, а также и каждый народъ, имѣетъ свое время подъ солнцемъ; такъ, липа начинаетъ цвѣсти, когда дубъ давно уже отцвѣлъ.

II.

Существуетъ ли однако такая идея, которою бы могли подняться славянскія племена изъ паденія, объединиться и окрѣпнуть? Имѣютъ ли также эти племена какое-нибудь высшее историческое призваніе, или же они на всегда осуждены на подчиненную роль въ исторіи, на простое служеніе другимъ? Имѣютъ ли эти многообразныя движенія между славянскими племенами, обнаружившіяся какъ-бы разомъ въ новѣйшее время повсюду и въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, въ литературѣ, въ общественной жизни, въ политическихъ стремленіяхъ, даже въ послѣднихъ возмущеніяхъ (1848—49 г.), въ борьбѣ противъ ихъ притѣснителей мадьяръ, имѣютъ ли всѣ эти движенія какой-нибудь смыслъ, какое-либо значеніе, какую-либо, хотя и не всегда ясно сознаваемую, цѣль? Не пустыя ли это подражанія Западу? Не послѣднія ли это судорожныя движенія угасающаго и замирающаго міра, или, какъ любятъ выражаться враги наши, гальваническіе опыты славянства? Есть ли въ нихъ содержаніе, свѣжая, живая сила, или наши племена уже до того убиты чуждымъ вліяніемъ, что они едва лишь чувствуютъ и сознаютъ себя и уже не въ состояніи извлечь изъ праха и развалинъ свою растрченную жизнь? Очевидно, это самые важные вопросы для славянина, и отъ ихъ основательнаго разрѣшенія зависитъ все наше будущее. И такъ приступимъ безъ предубѣжденія, съ духомъ, жаждущимъ истины, къ изслѣдованію этихъ вопросовъ.

Вросимъ взглядъ на западъ Европы: какія же явленія представляются тамъ нашему испытующему взгляду? Въ продолженіе многихъ столѣтій, преимущественно же со времени реформаціи, мы видимъ одно стремленіе во всѣхъ движеніяхъ, какъ ею вызванныхъ, такъ съ нею и связанныхъ, или наконецъ параллельныхъ ей по-

литическихъ явленій, мы видимъ одно неудержимое стремленіе къ освобожденію и уравниенію человѣка съ человѣкомъ; мы слышимъ непрерывно крикъ: свобода, равенство, братство! Во всѣхъ этихъ движеніяхъ народы стремятся къ освобожденію отъ неограниченной власти церкви, отъ государственнаго самовластия (абсолютизма), отъ сословнаго притѣсненія, отъ родовой и, такъ называемой, денежной аристократіи, вообще отъ всевозможнаго гнета и насилія. Здѣсь совершенно отказываютъ въ повиновеніи господствующей церкви, какъ, напримѣвъ, въ Германіи и нѣмецкихъ земляхъ; тамъ признаютъ власть ея только по имени, какъ напримѣръ, во Франціи; тутъ ниспровергаются правительства, достигшія уже неограниченной власти, или только стремящіяся къ ней вопреки сословному государственному устройству, какъ напр. въ Нидерландахъ, Англіи, Франціи и напослѣдокъ въ Испаніи и Португаліи; даже подъ конецъ безсильная, болѣе по имени существующая, нѣмецкая Имперія распадается, аристократія уничтожается, ее или разтаптываютъ, какъ во Франціи, или, по крайней мѣрѣ, ограничиваютъ въ политическомъ вліяніи, въ правахъ и преимуществахъ; народъ вырывается изъ рукъ своихъ прежнихъ поработителей, освобождается отъ невыносимыхъ повинностей, уравнивается въ гражданскихъ и политическихъ правахъ съ другими сословіями общества. Напослѣдокъ пытаются даже осуществить это уравниеніе въ общественно-хозяйственномъ, имущественномъ отношеніи, съ помощью социализма и дикаго коммунизма, представляющаго новѣйшую теорію для утвержденія такъ называемой человѣческой свободы и благосостоянія народовъ. Во всѣхъ этихъ великихъ стремленіяхъ, стоившихъ жизни милліонамъ людей, вызвавшихъ самыя ужасныя потрясенія, руководящая мысль была, какъ мы уже сказали, свобода человѣка: каждый человѣкъ долженъ имѣть такое же значеніе, какъ и другой, каждый долженъ наслаждаться духовными и земными благами міра. Мысль эта зародилась еще въ обществѣ масоновъ, которые, по образцу искусно выстроеннаго собора, стремились привести родъ человѣческій къ одному гармонически соединенному цѣлому, облагородить и чрезъ то осчастливить его; ту же самую мысль преслѣдуютъ тысячи различныхъ благотворительныхъ заведеній, разнообразныхъ вспомогательныхъ обществъ и товариществъ; ее возбуждаютъ, содѣйствуютъ ей, согласно потребностямъ времени; и всѣ эти общества существуютъ какъ-бы взаимно въ томъ, что движущая и руководящая мысль не приведена еще въ исполненіе. Въ пониманіи, и особенно въ проведеніи этой мысли смѣшано истинное съ ложнымъ, высокое съ низкимъ, перемѣшаны великія истины съ величайшими заблужденіями и

самыми ложными направленіями. Но, оставляя пока это въ сторонѣ, постараемся подмѣтить, какъ вышеупомянутое начало является итогомъ всей исторіи, какъ оно необходимо, и какъ оно будетъ и должно сохранять свою дѣйствующую силу и въ будущемъ.

Вся исторія служитъ духу или, другими словами, духовные интересы, какъ то вѣра и государство, искусство и наука, проявляютъ въ ней свое дѣйствіе и вліяніе. Они все болѣе и болѣе облагораживаютъ человѣчскій родъ, освобождаютъ и приводятъ его къ самосознанію, приближая его къ идеалу человѣческой жизни. Такъ какъ исторія не останавливается на томъ или другомъ народѣ, но увлекаетъ въ свой кругъ все человѣчество вообще, и все болѣе и болѣе распространяется, то она представляетъ собою непрерывное цѣлое, великую работу времени. Если бы кто захотѣлъ оспаривать эти положенія, отрицать неудержимое стремленіе человечества, въ продолженіе всей исторіи, къ устроенію болѣе человѣчной жизни, и отрицать единство во всемъ историческомъ развитіи, то для того значить не существуетъ вообще ни исторіи, ни человечества, ни духа. Какая огромная разница между бывшимъ и настоящимъ! И кто захотѣлъ бы утверждать, что безъ грековъ и римлянъ, безъ германцевъ и галловъ, мы бы также далеко ушли въ развитіи, какъ теперь? что въ государственномъ устройствѣ, въ основаніи политической и гражданской свободы, въ сознаніи религіозномъ, въ искусствѣ и наукѣ, мы стояли бы также высоко, какъ теперь? Конечно, ни одинъ мыслящій человѣкъ не станетъ этого утверждать, развѣ лишь мелкій умъ, или человѣкъ, поработанный чувственными побужденіями и желаніями, въ состояніи подумать, что человѣческая дѣятельность не что иное, какъ безумныя, ни къ чему не ведущія хлопоты, а исторія — ристалище, въ которомъ противники спорятъ, изливая свою ярость за клочекъ земли. Неужели были напрасны величайшія усилія, благороднѣйшія стремленія, тысячи и тысячи различныхъ жертвъ? И за что же прославляютъ и теперь какого-нибудь Перикла, Платона, Катона, Гракха и тысячи другихъ, какъ-будто они жили еще вчера?

Исторія начинается съ Азіи, о которой мы имѣемъ мало что сказать, такъ какъ здѣсь только въ теченіе тысячелѣтій совершается что-либо, и то небольшое; поэтому мы будемъ говорить о ней только для сохраненія связи въ цѣломъ. Человѣчество въ Азіи находится въ состояніи младенчества; исполненное страха и, такъ сказать, униженія передъ тѣмъ, что оно называетъ чѣмъ-то высшимъ, божествомъ, оно точно также распростерто въ прахъ передъ

верховнымъ свѣтскимъ властелиномъ, зависить единственно и исполнѣть отъ его произвола и порабощено въ быту государственномъ, общественномъ и семейномъ. Въ такомъ состояніи находятся Китай, Индія, Персія, Мидія, а также Египеть, который, въ историческомъ отношеніи, можно причислить къ Азіи. Здѣсь человѣкъ, какъ человѣкъ, не имѣетъ никакого значенія; касты, однако же, пользуются уваженіемъ, хотя низшія относительно высшихъ совершенно безправны. Въ Индіи браминъ считаетъ себя въ правѣ дѣлать съ какимъ-нибудь Вайсіею или Судрою все, что ему заблагоразсудится; онъ можетъ его бить, даже убить на улицѣ. Индусъ строитъ и тщательно поддерживаеъ лѣчебницы для обезьянъ и коровъ, а позаботиться о человѣкѣ, или радушно принять утомленнаго путника ему и въ голову не приходитъ. Убивать и мучить человѣка дозволено, но лишать жизни звѣрей запрещается. Сотнями бросаются индусы подъ колеса торжественной колесницы божества Вишну, но принятыя за какое-нибудь новое дѣло они не имѣютъ духа. Объ искусствѣ и наукѣ, въ настоящемъ смыслѣ слова, у нихъ не можетъ быть и рѣчи. Индусы хотя и воздвигаютъ огромные храмы въ скалахъ, а египтяне—удивительныя пирамиды,obelisks и лабиринты, но сами, собственно говоря, не знаютъ, кому и за что. Поэзія воспѣваетъ сошествіе боговъ на землю, ихъ превращенія въ разныя существа, ихъ шутки съ людьми, но воспѣвать человѣка, его страданія и радости, его дѣла, совершенныя имъ въ минуту одушевленія, она не можетъ. Какъ ей воспѣвать человѣка, когда онъ не имѣетъ ни значенія, ни достоинства? Какъ ей найти его и познать, когда онъ самъ себя не познаетъ? Съ немногими отличіями въ вышеупомянутыхъ странахъ положеніе это остается однимъ и тѣмъ же, съ тою только разницею, что чѣмъ болѣе оно удаляется отъ колыбели индо-европейскаго человечества, отъ Индіи, и чѣмъ болѣе приближается къ Западу, тѣмъ оно принимаетъ лучшія, болѣе совершенныя, болѣе выработанныя формы. У евреевъ замѣчается также строгое поклоненіе Всевышнему, передъ которымъ, по ихъ выраженію, человѣкъ долженъ простираться въ прахъ; точно такъ-же и передъ свѣтскимъ властителемъ. Между тѣмъ они представляютъ себѣ Всевышняго, хотя еще и внѣ міра, но духовнымъ образомъ: природа, обоготворенная въ восточной Азіи, лишается здѣсь своей божественности и представляется только украшеніемъ Всевышняго, въ которомъ онъ является изумленному взору человѣка во всемъ своемъ величіи; искусство, поэзія дѣлается содержательнѣе и въ своемъ возвышенномъ строѣ не находитъ достаточно словъ для прославленія того, къ чему все существуетъ, живетъ и движется; она увлекательна; да

и въ государственной жизни изъ еврейскаго народа выдаются болѣе самостоятельныя личности, имѣющія огромное вліяніе на судьбу своего народа и даже общечеловѣческой интересъ. У эллиновъ исчезаетъ униженіе человѣка передъ богами: эллинъ не представляетъ ихъ себѣ, подобно азіату, силами природы, но красивыми духовными существами въ человѣческомъ образѣ, которыя являются болѣею частію доброжелателями людей; даже живое воображеніе эллиновъ, при всемъ ихъ уваженіи къ богамъ, допускаетъ шутку съ ними. Вслѣдствіе всего этого природу не обоготворяютъ въ Греціи, но видятъ въ ней какъ-бы отраженіе божества, которое посредствомъ ея возвѣщаетъ свою волю и намѣренія. Поэтому они объявляютъ всѣ явленія природы, и знаменитый оракулъ въ Додонѣ, равно какъ и всѣ прочіе, существуютъ на томъ же основаніи. Такимъ образомъ въ эллинскомъ государствѣ не можетъ имѣть мѣста слѣдное азіатское повиновеніе и исключительная зависимость отъ произвола властителя. Они удаляютъ даже властителей, болѣе предводительствующихъ ихъ племенами, чѣмъ властвующихъ надъ ними, и свободное рѣшеніе въ дѣлахъ государства получаетъ все болѣе и болѣе значеніе. Въ этомъ рѣшеніи принимаютъ участіе всѣ тѣ, которые, по рожденію своему, имѣютъ на то право, т.-е., всѣ *εὐγενεῖς*, благородные, а это по-гречески означаетъ всѣхъ гражданъ государства. Но чтобы имѣть возможность заниматься государственными дѣлами, граждане предоставляютъ рабамъ всѣ свои домашнія занятія. Управление государствомъ проистекаетъ, какъ мы уже сказали, изъ свободнаго, самосознательнаго рѣшенія лицъ, имѣющихъ на то право, и только въ самыхъ важныхъ случаяхъ они связаны изреченіемъ оракула. Такъ въ Греціи являются настоящія и единственно истинныя республики. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ грекъ пользуется такою же свободою, даже женщина выходитъ изъ азіатскаго рабства и дѣлается подругою мужа. Человѣкъ впервые становится предметомъ искусства, именно поэзія чудно прославляетъ его личную дѣятельность, его храбрость, его подвиги. Неизмѣнная и характеристическая черта эллина заключается въ томъ, что онъ дѣйствуетъ свободно и поступаетъ хорошо, но не по какой-либо глубоко сознанной обязанности, не съ полнымъ сознаніемъ, но потому, что это его свободное побужденіе: эта черта составляетъ прекрасную, но вмѣстѣ и слабую черту эллинской жизни. У римлянъ религія далеко не имѣетъ той важности, какъ у грековъ, хотя они также имѣютъ своихъ боговъ и дѣлаютъ много шума изъ-за своихъ „*sacra*“. Но они причисляютъ къ богамъ своимъ всевозможныхъ боговъ, въ самомъ пестромъ смѣшеніи, и въ „*sacris*“ первосвященникъ возвѣщаетъ волю

боговъ такъ, какъ того хотятъ желающіе дѣйствовать Сенатъ и народъ. Съ религіею находится въ самой тѣсной связи государственная и общественная жизнь народовъ ²⁰⁾. Римскій гражданинъ, конечно, свободенъ въ государствѣ до тѣхъ поръ, пока онъ имѣетъ силу добровольно и строго подчиняться повелѣніямъ отечества, но лишившись этой силы, онъ подвергается самому безграничному произволу своихъ императоровъ, настоящихъ деспотовъ, точно также какъ весь окружающій міръ прежде былъ подчиненъ владычеству и произволу римскаго народа. Слѣдуетъ, однако же, замѣтить, что въ Римѣ впервые уважается личность человѣка: ей оказывается полное удовлетвореніе во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, въ замѣнъ утраченной политической свободы, и такимъ образомъ появляется на свѣтъ знаменитое римское право, которому удивляется потомство и которое приняла и возвела въ идеаль гражданскаго права продолженная римская имперія, германская монархія. Среди этого бѣдствія, происшедшаго отъ ужаснаго владычества римскихъ деспотовъ, когда не открывалось никакого исхода къ лучшему, когда у поработеннаго человѣка и народовъ отнята была всякая надежда, является христіанство и приносить съ собою освобожденіе, хотя не политическое, какъ того ожидали іудеи, однакожь и ему постепенно пробивающее дорогу. Богъ есть духъ, учить Христось, и какъ Духъ, онъ не можетъ быть представленъ ни въ какомъ видѣ; люди, которыхъ онъ сотворилъ по своему подобію и одарилъ духомъ, суть поэтому сыны Божіи и, какъ таковыя, всё между собою равны, всё другъ другу ближніе, вслѣдствіе того всё равноправны и предназначены къ одной цѣли въ этомъ мірѣ. Но хотя и всё люди между собою равны, вслѣдствіе внутри ихъ обрѣтающейся могучей силы и энергіи, но изъ нихъ избраны и преимущественно призваны тѣ, которые видятъ царство Божіе, слѣдовательно, которые вездѣ постигаютъ одну и ту же истину и ее осуществляютъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, во всей своей жизни. Въ чемъ

²⁰⁾ Эта мысль очень хорошо развита въ замѣчательномъ сочиненіи: Coulanges (Fustel de), La Cité antique, étude sur le culte, le droit, les institutions de la Grèce et de Rome. Paris 1864, 8°, 525 p. Точно также и въ новѣйшее время государственный строй нѣмецкой имперіи тѣсно связанъ съ римскимъ католичествомъ, а развитію аристократіи гораздо болѣе благоприятно латинство, или протестанство, чѣмъ восточное православіе, отъ чего происходитъ, что въ православныхъ земляхъ высшія сословія, стремящіяся къ особеннымъ политическимъ правамъ и преимуществамъ, часто высказываютъ расположеніе къ латинству, и наоборотъ, — что торжество послѣдняго въ прежнихъ православныхъ земляхъ славянскихъ всегда сопровождалось образованіемъ и усиленіемъ аристократіи. В. Л.

состоить истина, объ этомъ подробно говоритъ Христось, излагая всѣ обязанности человѣка и убѣждая въ нихъ всѣхъ, собравшихся вокругъ него. Это ученіе, истинно божественное, есть поворотная точка всей исторіи. На всемъ Востоцѣ природа обоготворяется, а человѣкъ живетъ въ униженіи и рабствѣ; здѣсь наоборотъ: природу признають лишенною своего божественнаго величія, а человѣкъ, какъ причастный божественному, пріобрѣтаетъ достоинство и занимаетъ первое мѣсто, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и все природное и чувственное подчиняется господству духа. Съ этихъ поръ человѣкъ имѣетъ значеніе, не потому, что онъ принадлежитъ къ какимъ-либо кастамъ; онъ получаетъ возвышенное положеніе не потому, что онъ случайно „высокоблагородный“ гражданинъ государства, аристократъ по рожденію, но онъ пользуется правомъ и свободою единственно и исключительно потому, что онъ „человѣкъ“. Это единственный титулъ и право на его преимущества, на всѣ его права. Никто по рожденію не осужденъ на рабство, никто по происхожденію не возводится въ дворянство, и такимъ образомъ христіанское ученіе есть постоянный, вѣчный протестъ противъ всякой несправедливости, всякаго угнетенія, лишенія достоинства, злоупотребленія и униженія человѣка. Такимъ образомъ оно пролагаетъ путь также къ политической и общественной свободѣ человѣка, уничтожаетъ рабство древнихъ государствъ и порабощеніе женщины на Востоцѣ. Но идея сама по себѣ безсильна, если не найдутся люди, вполне постигающіе ее, и если она не встрѣтитъ людей и народовъ, способныхъ къ такимъ жертвамъ, которыя бы, вопреки всѣмъ препятствіямъ, провели ее въ жизнь. Ей предстоитъ тѣмъ большая борьба, тѣмъ большія препятствія громоздятся на ея пути, чѣмъ она возвышеннѣе, благороднѣе; а идея христіанства возвышеннѣе всѣхъ прочихъ, потому что только она одна человѣчна. Слѣдуетъ также принять въ соображеніе, что идея эта сначала проникаетъ къ народамъ грубымъ, духъ которыхъ, однако же, безконечно воспримчивѣе къ ней, нежели духъ римлянъ, получившихъ совершенно другое образованіе, привыкшихъ къ другимъ понятіямъ, къ другимъ нравамъ и уже состарѣвшихся въ своей жизни. Въ продолженіе столѣтій она, такъ сказать, проповѣдывается только въ церквахъ, безъ всякаго дальнѣйшаго примѣненія къ жизни, и только постепенно пробуждаются мыслящія головы, которыя воспринимаютъ ее, изслѣдуютъ, проводятъ ее въ богословіе, философію, отсюда переносятъ въ политику и такъ, мало-по-малу, приводятъ въ сознаніе рода человѣческаго. Изслѣдованіе и распространеніе ея стоило ей громадной борьбы, вѣшной и внутренней, ей приходилось устранять тысячи препятствій, а сколько еще при дальнѣйшемъ разви-

ти ея предстоит ей борьбы съ различно-настроеннымъ духомъ народовъ, съ предразсудками и съ смертельнымъ врагомъ ея, себя-любимъ чловѣка? Церковь, принимая на себя дальнѣйшее про-веденіе и распространеніе этой идеи между народами, дѣйствуетъ ревностно, не щадя жертвъ и усилій: она приноситъ нѣкоторое успокоеніе одичалому духу народовъ, нѣкоторую нравственность въ полужыцескіе еще дома владыкъ и, сверхъ того, охраняетъ ученіе отъ разложенія и распаденія, которымъ угрожаютъ ему многочисленныя ереси. Большая ихъ часть вырываетъ изъ христіанства нѣкоторыя положенія, безъ всякаго пониманія его въ цѣломъ и, выдавая себя за единыхъ истинныхъ послѣдователей Христа, лучше другихъ понимающихъ полное Его ученіе, признаетъ все прочее ложнымъ. Противъ этого церковь имѣетъ свое церковное проклятіе и прочія наказанія: она употребляетъ ихъ не только въ этихъ случаяхъ, но также и противъ государей, уклонившихся отъ своего призванія, и противъ заблуждающихся народовъ; притѣсненнымъ же, напротивъ того, она приноситъ утѣшеніе и помощь ²¹⁾. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ церковь и католическій понтификатъ сдѣлали великое, достойное признательности, полное заслуги дѣло передъ чловѣчествомъ; но думая, что они исполнили свое назначеніе, со всеобщимъ признаніемъ и распространеніемъ христіанскаго ученія, и, съ торжествомъ своей идеи, достигнувъ высшей власти, позабывъ свое высокое призваніе, они присваиваютъ себѣ свѣтскую власть, и въ такомъ положеніи предписываетъ народамъ свои уставы вѣры. Противъ этого свѣтскаго направленія и, вслѣдствіе того, наступившаго искаженія церкви и ея служителей, противъ единого и безусловнаго принятія того, что церковь выдаетъ за истины вѣры, возникаетъ реформація и, среди испорченности и властолюбія церкви, указываетъ на чистоту нравовъ, на смиреніе и готовность къ самопожертвованію первыхъ христіанскихъ общинъ и ихъ служителей. Противъ же предписываемыхъ уставовъ вѣры она взываетъ съ Священ-

²¹⁾ Замѣчательны слова св. Амвросія Медіоланскаго къ императору Тео-доцію В., въ 388 г. Онъ превосходно опредѣлялъ отношеніе церкви (не въ смыслѣ римскомъ, не одной іерархіи, а всего общества вѣрующихъ) къ государству и верховной власти. Амвросій говорилъ: „*Neque imperiale est libertatem dicendi denegare, neque sacerdotale, quod sentias, non dicere. Siquidem hoc interest inter bonos et malos principes, quod boni libertatem amant, servitutum improbi. Nihil etiam in sacerdote tam periculosum est apud homines, quam, quod sentiat, non libere denuntiare*“ (Ep. 40). „*Allegatur imperatori licere omnia, ipsius esse universa. Respondeo: Noli te gravare, imperator, ut putes te in ea, quae divina sunt, imperiale jus habere; noli te extollere, sed si vis diutius imperare, esto subditus Deo!*“ (Ep. 20).

нымъ Писаніемъ въ рукахъ къ истинной вѣрѣ, живущей въ сердцѣ благочестиваго, къ изслѣдованію, къ разумнѣю догматовъ вѣры, вообще къ внутренней свободѣ. Вслѣдствіе реформаціи, которая своимъ протестомъ противъ неограниченнаго владычества церкви и своею внутреннею свободою сильно расшевелила народы, государи отмѣняютъ нѣкоторыя вопіющія злоупотребленія, то коренившіяся еще въ государственной жизни нѣмецкихъ племенъ, то съ теченіемъ времени въ нее проникшія, а народъ, глубоко удрученный повинностями и разными бѣдствіями, самостоятельно домогается облегченія и своихъ правъ, но дѣйствуетъ, какъ всякій, вырвавшійся изъ оковъ, съ варварскимъ насиліемъ, не находя ни съ какой стороны помощи, потому что дѣятельная сила уже оставила нѣмецкій народъ. вмѣсто того, чтобы уменьшать и уничтожать злоупотребленія, глубоко испорченный французскій дворъ прибавляетъ только новыя къ старымъ, а французская аристократія не знаетъ уже границъ въ разореніи, притѣсненіи и униженіи народа, и все это съ цѣлью предаваться своимъ прихотямъ. Но во французскомъ народѣ жили внутреннія силы, и онъ возстаетъ и сокрушаетъ все, что притѣсняло его. Реформація потребовала для человѣка свободы совѣсти, французская революція вызвала ее наружу и, во имя правъ человѣческихъ, провозгласила свободу и равенство всѣхъ людей безъ различія. Правда, ужасы совершались тамъ, но развѣ злоупотребленія и нагроможденные злодѣянія, послужившія поводомъ къ взрыву, не были ужасны? Событія, наступившія въ Европѣ послѣ французской революціи, суть дальнѣйшія, прямыя или косвенныя, ея слѣдствія.

Итакъ, Западъ, какъ мы уже сказали, ищетъ свободы во всѣхъ отношеніяхъ, и вытекающей изъ историческаго развитія и завоеванный имъ принципъ свободы онъ хочетъ осуществить во всѣхъ направленіяхъ; онъ хочетъ освободиться отъ неограниченной власти церкви, государства и т. д. Но какого свойства стремленіе его въ этомъ случаѣ? Католическая церковь, въ продолженіе многихъ столѣтій, не только терпѣла многія злоупотребленія, но и сама вводила и поощряла не малое ихъ число; вслѣдствіе положенія, выпавшаго на долю ея, въ теченіе историческаго развитія, она захватила въ свои руки не только духовную, въ былыя времена, но, вмѣстѣ съ нею, и свѣтскую высшую власть. Вслѣдствіе этого считаетъ ли Западъ нужнымъ вообще оторгнуться отъ церкви и предоставить ее погибели? Или имѣютъ другое значеніе и смыслъ движенія нѣмецкихъ католиковъ, напр. секты Ронгейская, Черскаго, и другія, подобныя имъ, приверженцы которыхъ всегда, сообразно временной потребности, желанію и случайному произволу собирающихся лицъ, составляютъ,

переписываютъ, измѣняютъ и передѣлываютъ догматы вѣры? Не имѣютъ ли они цѣлью устраненіе всѣхъ догматовъ вѣры вообще? Если же нѣтъ, то, въ силу внутренняго развитія, не послѣдуетъ ли само собою такое устраненіе? Сколько же символовъ вѣры у этихъ такъ называемыхъ католиковъ, и кто изъ вновь увѣровавшихъ обращается къ нимъ? Напротивъ того, не думаетъ ли каждый изъ нихъ, что и онъ могъ бы самъ составить новое вѣроисповѣданіе, по своему усмотрѣнію? Съ догматовъ ли вѣры начали изъ протестанства возникшіе друзья просвѣщенія и нынѣшніе ихъ единовѣрцы? Не признали ли они ихъ, наоборотъ, вранѣе вовсе не нужными? Во Франціи уже разъ была уничтожена церковь, вмѣстѣ со всякою религіею, правительственнымъ рѣшеніемъ, и только въ послѣдствіи, когда конвентъ снова убѣдился въ необходимости какой бы то ни было религіи, сочинили нѣчто похожее на религію; церковь же гораздо позже была возстановлена силою мощной руки Наполеона. Но въ какомъ положеніи находится эта, силою возстановленная и охраняемая церковь во Франціи,—можетъ видѣть всякій, у кого есть глаза. Образованныя сословія вовсе ея не предерживаются, считая ее не болѣе, какъ обветшалымъ учрежденіемъ, необходимымъ лишь для простаго народа, который однако же, съ своей стороны, также имѣетъ свои собственныя понятія о церкви, навѣянные на него духомъ, распространеннымъ въ образованныхъ сословіяхъ. Западные народы болѣе или менѣе обнаруживаютъ такое настроеніе. Распространяясь все далѣе и отражаясь во всѣхъ ихъ движеніяхъ, оно въ весьма непродолжительномъ времени охватитъ весь Западъ и принесетъ свои плоды. Но существовать вовсе безъ церкви человѣчеству совершенно не возможно. Всякая вѣра, какъ бы она ни была еще несовершенна, выражалась особенными постановленіями; охраненіе этихъ постановленій принимали на себя нѣкоторые лица, или оно вмѣнялось имъ только въ обязанность. Такимъ образомъ всегда возникала церковь, форма которой была тѣмъ несовершеннѣе, чѣмъ несовершеннѣе была сущность, и наоборотъ. Подобно весталкамъ, охранявшимъ священный огонь, призваніе церкви — охранять, укоренять, распространять и развивать вѣру, возвѣщать ее вновь нарастающимъ поколѣніямъ, воспитывать ихъ въ ней. Это призваніе, общее со всѣми прежними церквами, имѣетъ и совершеннѣйшая изъ всѣхъ прочихъ—церковь христіанская, но она, сверхъ того, приняла еще на себя обязанность твердыхъ закалять, малодушныхъ укрѣплять, падшихъ воздвигать, счастливыхъ предостерегать, несчастныхъ утѣшать, сильныхъ увѣщевать и воздерживать, угнетеннымъ помогать въ отысканіи правъ, надменныхъ поражать, смиреннымъ воз-

давать честь, всегда и непрестанно направлять и обращать взоры смертных къ безсмертному, низшихъ къ высокому, многихъ къ единому, тлѣнныхъ къ вѣчному и неизмѣнному. Уничтожьте церкви ваши, наполовину уже павшія поколѣнія Запада, и тогда чѣмъ вы замѣните ихъ, при стремящейся на васъ со всѣхъ сторонъ гибели?

Съ другой стороны, католическая церковь и глава ея, римскій первосвященникъ, столько же виновны въ распространяющемся на западѣ отпаденіи отъ церкви, какъ и сами народы. Было вѣ-когда время, и это время было въ первые вѣка христіанства, когда, помня высокое свое призваніе, церковь съ могучимъ гнѣвомъ возставала противъ существовавшего у грубыхъ еще народовъ, нѣмцевъ и галловъ, вреднаго торга людьми, противъ рабства и неволи, налагала тяжкія наказанія за дурное обращеніе съ людьми; было время, и оно продолжалось въ теченіе многихъ столѣтій, когда она властно увѣщевала государей, притѣснявшихъ народъ, обуздывала ихъ, угрожая временнымъ и вѣчнымъ наказаніемъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, способствовала и къ водворенію мира между народами; было время, когда она являлась на помощь народамъ, обремененнымъ войною, преимущественно, если невѣрные угрожали христіанамъ тяжкими оковами: она снабжала ихъ всѣми средствами, даже золотомъ и серебромъ, привезеннымъ изъ римскихъ церквей; было время, когда римскіе епископы, какъ въ жертвованіяхъ всякаго рода, такъ и въ христіанскомъ смиреніи, превосходили всѣхъ христіанъ; но всѣ эти времена давно прошли! Церковь, и преимущественно римское папство, обогащенное мірскими благами, возсѣло въ средѣ свѣтскихъ владѣтелей и, услаждаясь своимъ положеніемъ, предоставило народы на произволъ судьбы; мало того, оно нашло даже для себя прибыльнымъ извлекать изъ нихъ пользу, для временныхъ своихъ выгодъ. Съ другой стороны, достигнувъ высшей власти, видя постановленія свои признанными повсюду, эта церковь мало по малу остановилась въ своемъ развитіи и, такимъ образомъ, полагая свое призваніе яко бы исполненнымъ, объявила себя непогрѣшимою и окаменѣла, предавая проклятію всякое дальнѣйшее усовершенствованіе, дальнѣйшее движеніе. Но въ такомъ видѣ она сдѣлалась противоположностью прежней церкви. Пренная церковь поставляла себѣ цѣлью охранять права народовъ, права человѣка, помогать ему во всякомъ бѣдствіи, новѣйшая же бьетъ лишь на то, чтобы самой по возможности обманывать людей: преданная сребролюбію, она заставляетъ и теперь еще со всѣхъ сторонъ стекаться деньгамъ въ Римъ, подъ самыми непозволительными, церкви недостойными, предлогами. Въ своей непогрѣшимости и съ нею связанномъ оцѣпененіи, угрожаемая

въ свѣтской власти реформаціею, она не нашла ничего лучшаго, какъ броситься въ объятія іезуитовъ, чтобы съ помощью ихъ сохранить свое прежнее вліяніе и утвердить за собою свѣтскую власть. Такимъ образомъ соединилась церковь съ этимъ позорнымъ исчадіемъ человѣчества, которое и стало ея злымъ духомъ. Іезуиты перевернули христіанское ученіе вверхъ дномъ и вывели изъ христіанства самыя превратныя теоріи, единственно съ тою цѣлью, чтобы льстить людямъ, никогда не свободнымъ отъ страстей, чтобы развращать ихъ и, такимъ образомъ, властвовать надъ ними. Властолюбивая церковь не обратила, однако же, вниманія на всѣ эти противохристіанскія дѣйствія, вступила въ союзъ съ іезуитами и ихъ свѣтскими покровителями, и чрезъ то сама себѣ изрекла проклятіе ²²⁾. Что же случилось съ стоящими надъ папою соборами? Они исчезли, потому что бесполезны и не правятся непогрѣшимымъ папамъ. При нынѣшнемъ папѣ Піѣ ІХ-мъ были минуты, въ которыхъ, какъ-бы въ сновидѣніи, вспоминалъ онъ о дѣйствіяхъ и высокомъ призваніи древней церкви ²³⁾; но подъ тяготѣющимъ надъ нимъ вліяніемъ стѣснительныхъ обстоятельствъ Запада, поддерживаемый французскими и австрійскими дипломатами, въ страхѣ революцій, вызванныхъ и оправдываемыхъ его дѣйствіями, ниспровергнутый своимъ политически незрѣлымъ и легкомысленнымъ народомъ, въ настоящую минуту лежитъ онъ безсильный, распростертый долу. Если бы онъ и захотѣлъ даже сдѣлать что-либо доброе, то онъ уже не можетъ болѣе. Вотъ какъ далеко зашли дѣла въ Западномъ мірѣ и его церкви. Итакъ, дни ея уже сочтены. Одна и та же участь ожидаетъ обоихъ: церковь, вмѣстѣ съ питомцами своими, идетъ рука объ руку на встрѣчу своей гибели. Реформація, въ началѣ, была слишкомъ бессильна, и потому хотя и содѣйствовала повсюду совершенствованію и отворяла двери истинному знанію, но никогда, однако же, не вступалась за право положительно, довольствуясь однимъ лишь пассивнымъ отношеніемъ къ насилью. Безпомощный, лишенный совѣта, народъ, который возсталъ во время реформаціи, чтобы добиться правъ и облегченія своей участи, обратился съ неотступною просьбою къ Лютеру о

²²⁾ Въ этомъ случаѣ сочинитель очень близко сходится съ Ю. Э. Самаринымъ. См. его замѣчательное сочиненіе: *Іезуиты*. Москва 1866., В. Л.

²³⁾ Штуръ разумѣетъ здѣсь первые два года правленія Піа ІХ, когда свободномыслящіе Італьянцы возлагали на него большія надежды, преимущественно возбужденныя въ Італьянскихъ умахъ даровитымъ, благонамѣреннымъ, но не глубокимъ, Джоберти (см. его *Primato*. 1843, и болѣе серьезное сочиненіе *Della Riforma Cattolica della Chiesa*. Frammenti di Vincenzo Gioberti, per cura di G. Massari. Torino. 1856). В. Л.

совѣтъ и помощи, но Лютеръ остался глухъ къ воплямъ притѣненныхъ. У Меланхтона хотя и было сердце, способное сочувствовать страданіямъ народа, но сила его характера не соотвѣтствовала его состраданію.

Не только противъ церкви вооружается Западъ, но и противъ самой вѣры. Религія вообще есть представленіе жертвы и непрерывное приглашеніе и возбужденіе къ ней. Религіозное служеніе представляетъ жертву символически; религіозное ученіе возбуждаетъ къ ней духъ вразумительнымъ, яснымъ, вдохновеннымъ словомъ. Какъ не было ни одной религіи безъ жертвы, такъ и христіанская религія преимущественно основывается на жертвѣ Искупителя, необходимой для человѣчества. И чего же можно достигнуть въ жизни безъ жертвы? Не жертвуетъ ли собою мать для малолѣтняго ребенка цѣлые дни, цѣлыя ночи, даже цѣлые годы? Не жертвуетъ ли собою отецъ во всѣхъ отношеніяхъ для воспитанія сыновей своихъ? Воздвигаетъ ли община свои храмы и прочія общественныя зданія безъ пожертвованій? Можетъ ли государство сдѣлать что-либо для народа безъ многихъ, самыхъ разнообразныхъ, жертвъ со стороны отдѣльныхъ лицъ? Приобрѣталъ ли народъ когда-либо свободу, завоевывалъ ли безъ жертвъ, наконецъ завоеванную не принужденъ ли онъ непрерывно охранять постоянными жертвами? Можемъ ли мы представить себѣ какую-нибудь истину, какой-нибудь великій подвигъ, не запечатлѣнные жертвою? По способности къ пожертвованію мы оцѣняемъ человѣка, народы; и потому именно, что жертва имѣетъ такое глубокое значеніе въ жизни, необходимо должна и высшая сфера жизни—религія имѣть свою жертву, изображать ее и непрерывно возбуждать къ ней духъ человѣческой. Вотъ причина, по которой мы указали и выставили жертву, какъ главный отличительный признакъ религіи. Религія вообще поучаетъ насъ, чтобы мы отказывались отъ своеволія и себялюбія, признавая надъ ними высшую цѣль и, сливаясь съ этою высшею, всеобщею цѣлью, дѣйствовали для нея и готовы были пострадать за нее, чтобы духовное мы предпочитали земному и чувственному, всеобщее частному. Въ этомъ-то и заключается глубокая истина жизни, что отдѣльное можетъ существовать только чрезъ всеобщее, что особенное можетъ сохраниться только въ союзѣ, что такимъ образомъ каждая отдѣльная личность развивается и совершенствуется только содѣйствіемъ многихъ, каждая община только содѣйствіемъ государства, каждое государство или народъ только вліаніемъ другихъ государствъ и народовъ. Сознаніе и примѣненіе этой истины составляетъ сущность образованія; поэтому мы и требуемъ отъ cadaго истинно образованнаго человѣка,

чтобь онъ дѣйствовалъ сообразно съ этимъ сознаниемъ и никогда не упускалъ его изъ виду. Даже въ обыкновенномъ кругу общесѣтїа отъ каждаго изъ присутствующихъ требуется, чтобы онъ дѣйствовалъ не такъ, какъ необразованные и грубые члены общества, выставляя только свое я и занимая общество только разсказами о своемъ житьѣ-бытьѣ, о своемъ горѣ и радости, но чтобы онъ затрогивалъ предметы общественнаго интереса и старался присоединить свои взгляды къ воззрѣніямъ другихъ, не измѣняя своей самостоятельности.

Такимъ образомъ Западъ считаетъ возможнымъ отложить въ сторону религію, «эти помочи для грубыхъ, непросвѣщенныхъ умовъ и народовъ,» какъ тамъ любятъ выражаться. Тѣ же, которые желаютъ слыть за такъ называемыхъ образованныхъ людей, въ своемъ высокомерїи мечтаютъ, что они выше религіи. Такъ называемые эмансипированные осмѣиваютъ ее и требуютъ ея уничтоженія; различныя ученія и секты и тысячи другихъ обществъ между рабочими-коммунистами въ Швейцарїи и другихъ краяхъ видятъ въ отмѣнѣ ея зарю своего благоденствїа, и возвѣщаютъ это, какъ евангелїе. Руге, Бруно Бауэръ и сотни ихъ единомышленниковъ, въ сочиненїяхъ своихъ, повергаютъ ее въ грязь и проклинаютъ, какъ источникъ человѣческаго порабоженїа. Въ Германїи паденїе ея утверждается на такъ называемомъ научномъ основанїи, которое, начиная съ протестантства, проходитъ черезъ раціонализмъ и его дальнѣйшія развѣтвленїа, черезъ секты «друзей просвѣщенїа» и ихъ подражателей. Во Франціи происходитъ отпаденїе въ массѣ изъ косности (апатїи). Въ Испанїи, Португалїи, Италїи, преимущественно въ Неаполѣ и Церковной области, религія упала до того, что просто стала пустою, обыденною формальностью, безъ всякаго значенїа, разумнїа и святости. Не лучше положенїе ея и въ другихъ католическихъ странахъ, напр., въ католической Германїи и въ нѣмецкой Австрїи, гдѣ, для оживленїа религіознаго чувства въ народѣ, хватаются за миссіи іезуитовъ, и только достигаютъ этимъ противоположной цѣли. Вслѣдствїе того эмансипированный Западъ, подобно рабамъ, освобожденнымъ изъ темницы, бросается изъ покинутыхъ церквей въ вихрь всѣхъ наслажденїей жизни «и пьетъ (любимое ихъ выраженїе) блаженство полною чашею,» какъ-бы желая вознаградить себя за тѣ лишенїа, которымъ онъ прежде себя подвергалъ по внушенїю религіи.

Эмансипація (освобожденїе изъ-подъ власти, надзора) плоти и женщинъ становится лозунгомъ, а что подъ этимъ разумѣется, ясно само собой. „Эмансипированные“ вмѣстѣ съ эмансипированными женщинами и всякимъ сбродомъ проводятъ цѣлые дни въ трактирахъ безъ работы, утопая въ наслажденїяхъ. Приверженцы

эмансипации размножаются съ каждымъ днемъ и, вообще, ничѣмъ не занимаются такъ усердно, какъ образованіемъ и распространеніемъ удобныхъ, хорошо устроенныхъ сборищъ и мѣстъ увеселенія. Веселье и наслажденіе—ходячее дневное слово; для достиженія его всѣ средства хороши; вотъ почему мы встрѣчаемъ во Франціи тѣ ужасающіе уголовные процессы, въ которыхъ разсматривается самое бѣшеное распутство, самыя гнусныя преступленія, какъ, напр., отравленія, коварныя убійства по поводу брачныхъ отношеній, и т. п.

Да, дѣйствительно, религія исчезла изъ сердца людей, а съ нею и самоотверженіе. Итакъ, не нужно ни въ чемъ себѣ отказывать, не нужно отречься отъ своеволія и себялюбія; напротивъ того, мы можемъ себѣ позволять все, чего ни пожелаемъ. Бываютъ и въ другихъ странахъ развратъ, заблужденія, но они существуютъ въ видѣ исключенія, они прячутся въ темнотѣ; на Западѣ же подобныя дѣла совершаются явно, при полномъ свѣтѣ; они даже требуютъ себѣ оправданія, хотятъ получить право гражданства; о нихъ даже разглашаютъ и хвастаютъ ими, подобно тому, какъ одинъ вѣнскій профессоръ, во время тамошней революціи, шутками назидаль и увеселялъ своихъ слушателей. Въ этомъ-то именно и заключается глубокая испорченность.

Въ этомъ униженіи и упадкѣ вѣры католическая церковь виновна не менѣе самихъ народовъ; въ этомъ случаѣ она даже предупредила ихъ. Продавая свои отпущенія грѣховъ (индальгенціи), заставляя платить за реликвіи, выставляемыя какъ-бы на поклоненіе, а въ сущности на продажу, она превратила себя въ лавку барышниковъ. Продолжая совершать католическія таинства въ литургіи на непонятномъ и недоступномъ народу языкѣ, она превратила богослуженіе въ пустую церемонію. Безбрачіемъ духовенства, давно уже потерявшимъ всякое значеніе, она сама проложила путь и широко распахнула двери столь распространенной теперь на Западѣ безнравственности. Хорошо ей теперь гремѣтъ своими буллами противъ упадка религіи; при каждой таковой буллѣ ей слѣдовало бы ударять себя въ грудь и каяться: „Я, я самая виновная изъ всѣхъ!“ Правительства Запада принимаютъ религію подъ свое покровительство и хотятъ придать себѣ видъ строгой набожности, но въ сущности и они также заражены и испорчены, какъ ихъ народы. Они лицемѣрятъ передъ церковію, показывая ей преданность, даже дѣлаютъ ей новыя уступки, какъ, напр., австрійское правительство. Но все это совершается въ предположеніи и съ цѣлью сдѣлать религію орудіемъ для своихъ мірскихъ цѣлей, для того, чтобы удобнѣе притѣснять, обманывать и проводить народы.

Точно также дѣйствовала и повѣйшая церковь. Въ этомъ и состоитъ причина ихъ сердечнаго союза съ нею.

Если же мы обратимъ взоръ свой на политическое поприще, то что мы увидимъ и услышимъ? Много дыма безъ пламени, много шума безъ всякаго одушевленія, тѣмъ больше шума, чѣмъ меньше было воодушевленія. Объ истинномъ самоотверженіи здѣсь не было и рѣчи. Во время послѣднихъ смуть низшія сословія думали только о хлѣбѣ, но кричали: „Свобода!“ потому что вожди ихъ общали имъ хлѣбъ послѣ побѣды. Вожди ихъ также кричали: „Свобода!“ но при этомъ помышляли только о власти и наслажденіи. Первыхъ привели въ волненіе „rapes“, послѣднихъ „сіrcenses“. Характеръ всѣхъ возмущеній отпечатлѣвается на ихъ вождахъ: чѣмъ основательнѣе первыя, тѣмъ замѣчательнѣе, тверже, пластичнѣе послѣдніе. Вся исторія доказываетъ истину этихъ словъ. Итакъ, приложимъ мѣрило вождей къ послѣднимъ возстаніямъ, оглянемся и посмотримъ, что это были за люди?—Болтуны, и между ними люди алчные и трусы. Нѣкоторые изъ нихъ, чтобы продлить свою жалкую жизнь, отреклись отъ христіанства и перешли въ исламъ, который, съ своей чувственностью, конечно, для нихъ привлекательнѣе строгаго, требующаго самопожертвованія, христіанства. Люди приговоренные не обнаружили достаточнаго мужества и просили помилованія, какъ, напр., это дѣлали почти всѣ приговоренные мадьяры, или сами отъ своего имени, или черезъ своихъ родственниковъ и защитниковъ. И, однако, еще мадьяры боролись съ большимъ, чѣмъ другіе, одушевленіемъ, ибо въ нихъ сильно дѣйствовала глубокая ненависть къ Австрійскому дому и нѣмцамъ; но они уже почти совершенно подчинились губительнымъ западнымъ ученіямъ, льстившимъ ихъ чувственности и ихъ духовной пустотѣ. Потому-то они и не сопротивлялись до конца, а положили оружіе. Русскіе явились, наложили молчаніе, и молчаніе воцарилось. Чешскимъ предводителямъ 17 вѣка сами побѣдители давали возможность бѣжать, но они отказались; имъ же было предложено просить о помилованіи, но они всѣ безъ исключенія отвергли это предложеніе и умерли геройскою смертью²⁴). Такъ поступаютъ люди и народы въ сознаніи своего высокаго и праведнаго дѣла! Кто изъ западныхъ народовъ могъ сравниться въ одушевленіи съ возставшими противъ мадьяръ сербами? Не обу-

²⁴) См. Historia o těžkých protivenstvích Církvé (894—1632). V Hišberku. MDCCCXLIV, и приложенное тутъ свидѣтельство очевидца о послѣднихъ дняхъ и кончинѣ знаменитыхъ Чешскихъ страдальцевъ, 21 Іюня, 1621 г.: „Koruna neuvadlá mučedlníkův Božích Czeských;“ также Peschek: Geschichte d. Gegenreformation in Böhmen. Leipzig 1850, 8°, 2 Ausg. 2 Bänd. В. Л.

ченныя военному дѣлу сербы, съ нѣсколькими опытными солдатами, пять мѣсяцевъ съ успѣхомъ держались противъ всѣхъ обученныхъ и не обученныхъ военныхъ силъ мадьярскихъ, даже приобрѣтали надъ ними значительный перевѣсъ, сотни повѣшенныхъ мадырами сербовъ умирали мужественно, и никакія каннибальскія жестокости не могли поколебать народа; только въ послѣдствіи стали нѣсколько охладѣвать сербы, когда замѣтили ложь и предательство австрійцевъ, но, снова вспомнивши свою храбрость и честь, они были увлечены на поля битвъ юношескимъ воодушевленіемъ своего патріарха, старца Раячича, непреклонною твердостью Кнителянина и пылкою храбростью Стратимировича. Если бы послѣднія европейскія движенія имѣли благородное побужденіе и содержаніе, то, при бывшихъ у нихъ средствахъ, они бы непременно достигли важныхъ послѣдствій; но каковы же они были? Не Французская ли республика? Но о ней послѣ. Или созданіе единой великой Германіи во Франкфуртскомъ національномъ парламентѣ? Или, быть можетъ, освобожденіе всею Германіею воспѣтаго Шлезвигъ-Гольштейна отъ ужаснаго датскаго ига? Или образованіе могущественной Угріи, провозглашеніе самостоятельности „благородной и великодушной Угорской націи“, какъ она уже стереотипно называлась въ либеральныхъ и подкупленныхъ нѣмецкихъ газетахъ? При настоящемъ воодушевленіи всѣ эти движенія не только бы имѣли послѣдствія, но и не нуждались бы въ тѣхъ искусственныхъ средствахъ, къ которымъ они отъ начала до конца прибѣгали; ибо нужно было постоянно поддерживать искусственное возбужденіе, и все было хорошо, что служило этой цѣли. Болѣе колоссальной лжи, вѣрно, нигдѣ не было, чѣмъ во время мадьярской революціи, когда распространяли ее въ народѣ сами правители. Единственная выгода отъ этихъ движеній заключалась въ проведеніи нѣкоторыхъ общественныхъ преобразованій, именно: освобожденіи поработеннаго народа отъ произвола его угнетателей и отъ барщины. Но это начало было уже завоевано Французскою революціею, и нужно было только небольшого толчка, чтобы это дѣло, такъ сказать, двинулось само собою. Въ австрійскихъ земляхъ оно было признано еще до революціи и занесено въ законы.

Католическая церковь съ своими чадами утратила способность къ жертвамъ, а протестантство никогда ея и не имѣло, равно какъ и жертвы въ богослуженіи. Нѣкоторыя исключенія не нарушаютъ правила. Отечество и почва протестантства—Германія. Здѣсь бы оно должно было сохраниться. При составленіи символа вѣры, еще во время реформаціи въ Германіи, составители его кланялись и

сгибались передъ свѣтскими владыками, даже весь свой трудъ подчинили волѣ и покровительству государей. Самъ Лютеръ колебался цѣлый день на имперскомъ сеймѣ, въ Вормсѣ, но ни минуты не колебался Гусъ въ Костницѣ²⁵⁾. Когда же въ Германіи дошло дѣло до войны, чтобы завоевать реформаціи нѣкоторыя права, и когда при этомъ протестантскіе князья были разбиты, то они, словно школьники, на колѣняхъ вымаливали прощеніе у императора, который въ самомъ дѣлѣ и простилъ имъ воликодушно ихъ заблужденіе. Въ тридцатилѣтнюю войну, которая, подъ наружнымъ религиознымъ предлогомъ, преслѣдовала политическія цѣли, протестантскіе государи выступали робко и мѣняли знамена, соображаясь съ временными выгодами, даже измѣнили своимъ единовѣрцамъ, чехамъ, и еще сами помогали ихъ покоренію и уничтоженію. Самопожертвованіе на Западѣ, какъ это видно изъ всего, почти совершенно исчезаетъ, а съ этимъ замѣтно слабѣетъ все высшее и общее, къ жертвѣ принуждающее.

Вѣра, которую задумали на Западѣ похоронить и уничтожить, есть не что иное, какъ само христіанство; объ ея уничтоженіи проповѣдываютъ во всеуслышаніе соціалисты и коммунисты, секты Маррея и ихъ многочисленные пособники, которые положительно утверждаютъ, что христіанство должно погибнуть, чтобы дать мѣсто человѣческой свободѣ. Сочиненія же Руге, Бруно Бауера и ихъ единомышленниковъ стараются доказать научнымъ образомъ необходимость паденія христіанства. Такимъ образомъ, вы стремитесь уничтожить это, составляющее эпоху въ исторіи, ученіе, лишь съ появленія котораго есть и можетъ быть рѣчь о человѣкѣ въ истинномъ его значеніи, на которомъ утверждается всякое стремленіе къ освобожденію человѣка, и безъ котораго нельзя помышлять о свободѣ и равенствѣ и вообще о признаніи истиннаго человѣческаго достоинства? Итакъ, вы хотите истребить въ человѣчествѣ этотъ, вѣчно дѣйствующій, творящій и образующій духъ, лишь съ помощью котораго люди становятся настоящими людьми? Развѣ вы ужъ достигли этого благородства души, этой почти недоступной высоты мысли, которая проявляется въ христіанствѣ? Развѣ ужъ духъ вашъ такъ полонъ дѣятельной, готовой ко всякаго рода пожертвованіямъ и безпритязательной любви къ ближнему, безъ рѣдкихъ проблесковъ которой человѣческое общество давно бы обратилось въ случайную толпу, — такъ уже полонъ, что вы полагаете возможнымъ обойтись безъ вѣчно истиннаго закона для человѣчества? И если бы вы даже достигли этой

²⁵⁾ Прекрасное сравненіе нравственныхъ характеровъ Гуса и Лютера см. въ замѣчательномъ соч. Новикова: „Гусъ и Лютеръ. М. 1861.“ В. Л.

высоты, то развѣ не нужно, чтобы это ученіе постоянно высылось, подобно пирамидѣ, въ предостереженіе людямъ отъ впаденія въ прежнюю грубость и самообожаніе? Но вы ищете свободы въ потворствѣ вашимъ желаніямъ, вы хотите, во имя ея, повелѣвать другими и разрабатывать ее для вашихъ временныхъ выгодъ, и вотъ вы бѣжите отъ христіанства и его отвергаете, ибо оно носить въ себѣ совершенно иную свободу, учить совершенно иному обращенію съ людьми. Презрѣнны всѣ тѣ, которые во имя законной власти, чинятъ другимъ насиліе и ею злоупотребляютъ; но не менѣе презрѣнны вы всѣ, жалкіе, пресмыкающіеся передъ лучезарною высотой христіанства! Что бы иное могло занять и удержало неоспоримое значеніе въ человѣчествѣ, если бы не заключающіяся въ христіанствѣ и религіею освященныя истины, которыя столь возвышенны, что они сообщили самой этой религіи непреходящую святость? Были ли бы тогда достаточны ученія нѣкоторыхъ мудрецовъ, нѣсколькихъ философовъ? Этимъ бы ученіямъ противорѣчили другія и возникли бы новыя: гдѣ же тогда была бы у человѣчества увѣренность, гдѣ все рѣшающій авторитетъ? Но вы отвергаете всякій авторитетъ и, тѣмъ не менѣе, хотите, чтобы другіе признавали ваши ученія и измышленія и имъ бы слѣдовали, и тѣмъ сами подкапываете почву подъ вашими ногами и никогда не достигаете чего-либо прочнаго, соглашенія и мира.

Со времени христіанства появилось ли въ сферѣ отношенія человѣка къ Богу и его ближнему что-нибудь лучшаго, совершеннѣйшаго и болѣе истиннаго, или что-нибудь въ этомъ смыслѣ новаго, и не старались ли, напротивъ того, всѣ жившія доселѣ поколѣнія, народы и мыслящіе люди о томъ, чтобы слово, сказанное христіанствомъ, доказать, повсюду распространить и привести въ дѣло? Кто же иначе сокрушилъ могущество сильныхъ, кто защитилъ права презираемыхъ, маленькихъ людей, этой черни, по выраженію аристократовъ, этихъ униженныхъ и притѣсненныхъ, кто, наконецъ, осмѣлился о нихъ помышлять, какъ не заповѣди христіанства, постоянно возглашаемая въ Божьихъ храмахъ, проникшія въ науку, философію, богословіе, право и въ нихъ переработанныя и всесторонне доказанныя, и наконецъ явившіяся, какъ требованія, въ области политики и достигшія признанія и значенія въ жизни? Была ли въ христіанства свобода человѣческая? Да, въ Греціи и Римѣ были свободные граждане, но не было свободныхъ людей; тамъ, рядомъ съ этими свободными гражданами, были несвободные, вполне отданные произволу своихъ господъ, рабы, такіе же люди, какъ и первые и изъ того же самаго народа. Ни тѣ своей свободы, ко-

торая распоряжается человѣкомъ по произволу, ни они своего рабства, никогда не подвергали сомнѣнію; даже самыя свѣтлыя, самыя мыслящія головы древности, Платонъ и Аристотель, одинъ ученикъ Сократа, другой—учитель Александра Великаго, защищали и признавали необходимымъ, одинъ—подкидываніе дѣтей, другой—рабство. А что было въ Римѣ при императорахъ? Римскому народу подпаль нѣкогда міръ, а позже міръ съ римскимъ народомъ подпаль власти римскихъ императоровъ. Они не знали никакихъ границъ своей власти, не считали нужнымъ ставить преградъ своему произволу; они имѣли кругомъ себя подданныхъ, просто какъ вещи и орудія въ ихъ рукахъ; они также не знали ни людей, ни человѣческихъ обязанностей. Не бывало развѣ такихъ чудовищъ на римскомъ престолѣ, которыя высказывали пламенное желаніе, чтобы у римскаго народа была одна шея? Бывали тираны и злодѣи на престолахъ христіанскихъ, но подобныхъ изверговъ не бывало. Потому-то и бѣжали люди изъ римскаго міра въ пустыни, чтобы укрыться тамъ отъ безграничнаго произвола и позабыть объ обществѣ; они бросали свои сокровища на улицахъ, ибо самое наслажденіе не имѣло для нихъ никакой прелести. Мы знаемъ, конечно, о рабствѣ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, и знаемъ, какъ ужасно обращались съ своими рабами англійскіе и французскіе поселенцы; но заклеяно уже и это язычество и противъ него ежедневно человѣчество все болѣе и болѣе подымаетъ свой голосъ.

Посреди этой стаи крикливыхъ голосовъ противъ христіанства, душѣ нашей въ высшей степени было больно услышать одинъ такой же голосъ и изъ славянскаго міра, и еще оттуда, откуда бы всего менѣе мы могли его ожидать,—изъ Россіи, правда не изъ греко-славянской Россіи, но отъ одного потеряннаго и заблудшагося на чужбинѣ русскаго ²⁶⁾. Въ его, изданныхъ въ Гамбургѣ, сочиненіяхъ: „Съ того берега“ (Vom andern Ufer), и „Письма изъ Италіи и Франціи“ (Briefe aus Italien und Frankreich), есть много справедливаго, но общее политическое направленіе—ложно и дурно, начинено испорченными западными понятіями ²⁷⁾, и при этомъ еще

²⁶⁾ А. И. Герценъ-Искандеръ.

²⁷⁾ Въ этомъ удивленіи Штура выразилась главная ошибка въ воззрѣніи его на Россію. Глубоко и инстинктивно, какъ славянинъ и высоко даровитый человѣкъ, понимая русскій народъ, его историческія основы и задачи, Штуръ часто не видалъ его слабостей и недостатковъ, и еще менѣе понималъ, такъ называемое, образованное русское общество, не воображая, что оно такъ много дурного и такъ мало хорошаго приняло отъ Запада, что всѣ почти темныя стороны западной жизни, на которыя Штуръ такъ мѣтко указываетъ, болѣе или менѣе сильно развиты и въ нашемъ обществѣ и главнѣйше претятствуютъ самобытной славянской образованности и политикѣ Россіи. В. Л.

несчастнѣй, у славянина вдвойнѣ достойнѣй проклятiя, мятежъ противъ христіанства! Русскій писатель хочетъ содѣйствовать политической будущности славянъ, и при этомъ подгапываетъ основаніе, на которомъ славянство и можетъ только стоять и совершить великое для человѣчества. Онъ ясно выражается, что „христіанство уже ничего болѣе не значить и должно погибнуть“, замѣчая, что „надобно уничтожить и послѣднее ничтожное титло христіанскаго, феодальнаго и римскаго міра“. Такимъ образомъ онъ соединяетъ христіанство съ феодализмомъ, какъ будто оно дѣйствительно съ нимъ связано, и даже имѣетъ съ нимъ нѣчто общее! О громадное, возмущающее душу, ослѣпленіе! Не боролось ли всегда христіанство и не борется ли оно и теперь противъ феодальныхъ учрежденій? Виновата ли въ томъ христіанская вѣра, что народы, принявшіе и развившіе феодализмъ, не выполнѣ ею прониблись? Должно ли потому погибнуть христіанство, что эти народы не имѣли въ себѣ достаточно силы и самообладанія, чтобы приготовить христіанству подлѣйшее осуществленіе въ мірѣ? Не должны ли тутъ быть испытаны силы другихъ народовъ? Не потому ли пережило себя христіанство, что отдѣльные люди пережили себя? Или уже всѣ дни наши сочтены и мы пришли къ концу міра? Развѣ право отъ того дурно и бесполезно, что многіе чинятъ неправду, или надо откинуть честь, потому что иные поступаютъ безчестно? Все это передумалъ, вѣроятно, единственнѣй русскій человѣкъ не въ своемъ народѣ: ему лишь Западъ внушилъ эти мысли.

III.

Этимъ пагубнымъ направленіямъ въ области вѣры и церкви параллельны на Западѣ разрушительныя стремленія въ государствѣ и гражданскомъ обществѣ. Первые въ постепенномъ порядкѣ и опредѣленномъ развитіи преимущественно являются у нѣмцевъ, такъ какъ ихъ умственная дѣятельность, направленная болѣе внутрь, особенно наклонна къ занятію церковными и религіозными вопросами; послѣдніе же, напротивъ того, всего болѣе выступаютъ у народовъ романскихъ, которые обращаютъ особенное вниманіе на внѣшнюю форму. Тамъ совершается отпаденіе отъ церкви, съ одной стороны, епископальною церковью, пресвитеріанцами, индепендентами, ливеллерами (levellers) и т. д., а съ другой протестантствомъ, раціонализмомъ, сектами нѣмецкихъ католиковъ, друзьями просвѣщенія и т. д., и кончается все рѣша-

ющимъ личнымъ произволомъ и полнымъ безвѣріемъ; здѣсь напротивъ того, происходитъ раздѣленіе въ такъ называемомъ конституціонномъ устройствѣ государствѣ, которое съ расширеннымъ основаніемъ переходитъ въ новыя, провозглашенныя или замышляемыя, республики и наконецъ вырождается въ социализмъ и коммунизмъ, причемъ государству грозитъ полное разрушеніе. Какъ оба эти направленія въ церковной и политической жизни развиваются параллельно, такъ сходятся онѣ и по началамъ, ибо какъ тамъ въ крайнемъ развитіи произволъ надъ всѣмъ возводится въ принципъ, такъ здѣсь особь, ея сохраненіе и поддержаніе, дѣлается мѣриломъ всѣхъ государственныхъ дѣйствій, наконецъ—основаніемъ государственной силы; по духу невѣрующей и коммунистъ чувствуютъ взаимное тяготѣніе, такъ какъ они презираютъ всякій авторитетъ и все положительное. Коммунизмъ, какъ бы ни былъ принимаемъ, въ дикомъ ли возрѣніи Бабѣфовъ, Сень-Симоновъ, Фуррье, Прудоновъ или Кабе, уничтожаетъ ли онъ вовсе частную собственность, по извѣстному основанію: *La propriété c'est le vol*“, или съ наружнымъ ея сохраненіемъ, желаетъ ли онъ раздѣленія доходовъ сообразно съ трудомъ, талантомъ и капиталомъ, или же различаетъ онъ виды собственности, по способу ея происхожденія, фиктивнымъ завладѣніемъ, праздною волею, или трудомъ, во всякомъ случаѣ коммунизмъ есть устраненіе и уничтоженіе государства. Государство же именно возвышается надъ общиною и гражданскимъ обществомъ, которымъ ближе всего подлежитъ благосостояніе единицъ, и призвано служить во внѣшнихъ дѣлахъ представителемъ и защитникомъ вѣрной своему назначенію церкви. Задача государства—оберегать право въ его области, опредѣлять его во всѣхъ человѣческихъ отношеніяхъ, соединеніемъ всѣхъ въ народѣ дѣйствующихъ силъ, облегчать имъ достиженіе конечныхъ ихъ результатовъ, но такъ, однако, чтобы все, въ немъ соединенное цѣлое, которое оно представляетъ внутри и внѣ, вести къ болѣе свободной и человѣческой жизни. Обо всемъ этомъ ничего не знаетъ и знать не хочетъ коммунизмъ; ибо, обѣщая доставить каждому одинаковое право, онъ учиняетъ не только величайшую неправду относительно всего гражданского общества, но каждому заранѣе опредѣляя собственность или, по крайности, обеспечивая ему доходъ, онъ совершенно уничтожаетъ всякое личное стремленіе и самоопредѣленіе, всякій сильный порывъ и соревнованіе, исключаетъ всякое самопожертвованіе, всякую дѣятельную любовь къ ближнему, и этимъ обращаетъ всѣхъ и каждого въ рѣшительныхъ эгоистовъ, прекращаетъ всякое развитіе и обращаетъ человѣческое общество въ рабочій

домъ и фабрику, въ которыхъ всѣ люди машинально заняты своими работами.

Итакъ, высшая идея, къ которой приводитъ коммунистическое государство или, лучше сказать, коммунистическая скороспѣлая система, есть пропитаніе, насущный хлѣбъ. Подъ этимъ предлогомъ, надѣляя каждаго своимъ правомъ, столь желанною свободою и равенствомъ, вознаграждая трудъ каждаго, и при этомъ принимая побудительною причиною и исходною точкою всѣхъ дѣйствій одно только тѣло, его потребности, его наслажденія, она освобождаетъ тѣло и въ другихъ отношеніяхъ, уничтожаетъ таеъ называемое принужденіе и даетъ полную волю всѣмъ страстямъ. Она эмансипируетъ женщину сообразно съ понятіемъ о равенствѣ, разрушаетъ семью, уничтожаетъ домашній очагъ, и такимъ образомъ даетъ широкій просторъ безнравственности, распутству и невоздержности. Она разрываетъ всѣ союзы человѣческаго общества и ставитъ на мѣсто этихъ священныхъ узъ себялюбіе, прихоть и т. п., вновь повергая человѣчество въ животное состояніе.

Стало быть, коммунизмъ достигаетъ той же цѣли, какъ и невѣріе и упадокъ христіанства. При всемъ томъ, во всѣхъ измѣненіяхъ коммунизма болѣе или менѣе проникли первоначальныя постановленія Бабёфа, который положительно не допускаетъ ни государства, ни церкви, ни собственности, даже для основанія и сохраненія равенства, никакой науки и высшаго образованія. Онъ побуждаетъ всѣхъ людей къ занятію сельскимъ хозяйствомъ, какъ единственному источнику пропитанія рода человѣческаго, и вслѣдствіе того предписываетъ разрушеніе всѣхъ большихъ городовъ, образованіе ограничиваетъ самымъ лишь необходимымъ чтеніемъ, письмомъ, счетоводствомъ, вмѣстѣ съ нужнымъ познаніемъ законодательства, исторіи, географіи и статистики республики. При этомъ Бабёфъ вводитъ строжайшую цензуру надъ печатью; въ тѣсномъ кругу этихъ республиканскихъ началъ считаетъ нужнымъ учредить одно только вѣдомство—для склада и ежедневной раздачи съѣстныхъ припасовъ. Поэтому въ каждомъ коммунизмѣ, построенномъ на подобныхъ началахъ, открывается поле не только для жизни мрачной, лишенной всѣхъ благороднѣйшихъ наслажденій, но и для самаго ужаснаго деспотизма. Если различные оттѣнки коммунизма и не прямо стремятся къ этому, и не всѣ требованія Бабёфа примѣняютъ къ своимъ послѣдователямъ, то во всякомъ случаѣ, рано или поздно, всякое коммунистическое правленіе неизбежно должно прійти къ тому же самому итогу, потому что каждый коммунизмъ призываетъ грубую, чувственную, себялюбивую толпу къ владычеству. И все это должно терпѣть

человѣчество ради жалкаго куска хлѣба, который земля Божія производитъ въ достаточномъ количествѣ, лишь бы только въ человѣческомъ обществѣ существовали такія учрежденія, при которыхъ каждый, если бѣ захотѣлъ, могъ бы заработать себѣ столько хлѣба, сколько ему нужно; лишь бы только въ человѣческомъ обществѣ сердца бились человѣчнѣе и всякому нуждающемуся, какъ своему ближнему, охотно удѣляли кусокъ хлѣба, если онъ не можетъ снискать его самъ! Какъ бы ни старался коммунизмъ представить себя защитникомъ правъ человѣческихъ, но самъ онъ не знаетъ вовсе человѣчества, жалкимъ образомъ унижаетъ его, и такъ какъ онъ прилѣпляется къ учрежденіямъ непрактичнымъ и невыполнимымъ, то и принадлежитъ къ самымъ нелѣпымъ порожденіямъ человѣческаго мозга.

При совершенно негодномъ, невыполнимомъ, человѣчество унижающемъ характерѣ его ученія, коммунизмъ, несмотря на то, уже сильно распространенъ на Западѣ. Настоящая родина его — Франція, а оттуда вредное ученіе его проникло въ Германію, Швейцарію и т. д.; оно приобрѣло много приверженцевъ между рабочими, даже между такъ называемыми образованными людьми. Коммунизмъ не пощадилъ и самую Англію.

Въ новѣйшихъ западно-европейскихъ смутахъ онъ также болѣе или менѣе проявилъ свое вліяніе; но, будучи убѣжденъ, что сила его еще недостаточна и что день его еще не насталь, онъ, участвуя только въ возбужденіи этихъ возстаній, держался болѣе позади, въ выжидательномъ положеніи, предоставляя другимъ стихіямъ сражаться за себя. И въ послѣдствіяхъ у него также не было полного недостатка, хотя послѣдствія новѣйшихъ возмущеній, какъ мы уже замѣтили, были весьма скудны; тѣмъ не менѣе, однако же, онъ содѣйствовалъ учрежденію такъ называемой Французской республики, въ надеждѣ, что со временемъ она превратится въ республику социальную. Въ случаяхъ же, гдѣ онъ не надѣялся добиться до республики, онъ, по крайней мѣрѣ, всѣми силами старался расширить основаніе такъ называемыхъ конституціонныхъ государствъ.

Бросимъ теперь взглядъ на Французскую республику и на западныя конституціонныя государства, и посмотримъ, покоятся ли они на прочномъ основаніи, заключаютъ ли въ себѣ надежный зародышъ дальнѣйшаго развитія и усиленнаго подражанія для остальной части Европы.

Французская республика есть противорѣчіе самой себѣ, и потому она не имѣетъ въ себѣ ни жизненной силы, ни будущ-

ности. Тамъ рѣшеніе государственныхъ дѣлъ предоставляется милліонамъ лицъ, — милліонамъ, изъ которыхъ большинство грубо, невѣжественно относительно сущности и потребностей государства, и потому неспособно надлежащимъ образомъ подчинить личную выгоду далеко превышающей ее выгодѣ общественной.

Далѣе, такъ называемая, образованная часть изъ нихъ распадается на тысячи различныхъ политическихъ мнѣній и большею частью состоитъ изъ людей, носящихъ въ головѣ своей уже готовую политическую систему и старающихся осуществить ее во что бы то ни стало. Что же является необходимымъ слѣдствіемъ всего этого? Разумѣется, все большее, силою вынужденное, низверженіе государства въ руки грубой, невѣжественной, себялюбивой, массы народа; сверхъ того, при столь многостороннемъ раздробленіи политическихъ взглядовъ и партій, недостатокъ единства, необходимаго для изданія имѣющихъ общую силу и прочно дѣйствующихъ государственныхъ постановленій. Вслѣдствіе этого, правительство республики признало себя вынужденнымъ значительно ограничить избирательное право, наложить также нѣкоторыя ограниченія на право ассоціацій, свободу печати и, вмѣстѣ съ тѣмъ, если не вынудить силою, чего еще не случалось, то, по крайней мѣрѣ, потаеннымъ образомъ достигнуть необходимаго для веденія дѣлъ единства.

Но республика безъ свободнаго права ассоціацій, безъ свободы печати, безъ крѣпкаго единства въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ, есть ли истинная республика? Нисколько. Греческія республики состояли изъ небольшихъ владѣній, ограничивавшихся почти отдѣльными городами; въ нихъ, безъ сомнѣнія, при ежедневныхъ сношеніяхъ гражданъ между собою, могли образоваться почти одинакія мнѣнія. Сверхъ того, рѣшеніе государственныхъ дѣлъ зависѣло не отъ многихъ уполномоченныхъ, а въ важнѣйшихъ случаяхъ, если мнѣнія распадались, оно подчинялось изреченіямъ оракуловъ и постановлялось согласно ихъ приговорамъ. Позднѣе и въ греческихъ свободныхъ государствахъ образовались прямо противоположныя мнѣнія и стороны, но тогда уже окончилось и существованіе этихъ государствъ. Во Франціи, кромѣ того, господствуетъ глубокая испорченность нравовъ, которая, какъ необходимое слѣдствіе, должна была проявиться и во мнѣніяхъ; иначе приходилось ли бы намъ постоянно слышать горькія жалобы французовъ на подкупность и продажность членовъ республиканской палаты?

Эта подкупность свойственна не однимъ этимъ отдѣльнымъ лицамъ; напротивъ того, мы увѣрены, что еслибъ прежнихъ смѣнили вновь избранные члены, то, при глубоко укоренившейся въ

жизни безнравственности, и они точно также были бы доступны подкупу, какъ и ихъ предшественники. Но въ состояннн ли такой народъ управлять самимъ собою? Не должна ли, напротивъ того, деспотическая власть, по необходимости, замѣнить самоуправленіе, какъ нѣкогда было въ испорченномъ Римѣ? Попытку и удачу въ достиженіи подобныхъ цѣлей облегчаютъ, даже чрезвычайно сильно содѣйствуютъ имъ испорченные нравы или, лучше сказать, безнравственность во Франціи. Развѣ у нынѣшняго президента не тѣ же самыя виды и намѣренія на умѣ, хотя въ его высококомъ призваніи мы имѣемъ основательныя причины сомнѣваться.²⁸⁾

Римская республика держалась строгостью и чистотою своихъ нравовъ, строжайшимъ повиновеніемъ рѣшенію, произносимому совѣщательнымъ собраніемъ отъ имени отечества, покорностью законамъ необходимости. Но и тамъ, когда исчезла прежняя чистота нравовъ и несокрушимое повиновеніе, когда ихъ замѣнила дурная нравственность, пристрастіе къ удобствамъ жизни, когда о Римѣ стали говорить, что его весь можно купить на вѣсь золота, тогда въ скоромъ времени пала и римская республика.

Далѣе нужно принять въ соображеніе еще и то, что во Французской республикѣ многіе милліоны лицъ, посвятившихъ себя политической жизни, отвлечены отъ своего призванія частыми собраніями, имѣющими быть то по случаю выбора представителей, то по случаю воззванія къ народу и другихъ политическихъ движеній. Они брошены въ кругъ дѣйствій, гдѣ, по недостатку образованія, неспособны ни къ всестороннему обсужденію, ни къ законному рѣшенію дѣлъ. Пренебрегая истиннымъ своимъ призваніемъ, эти доморощенные политики причинять вредъ себѣ и всему гражданскому обществу и, при всемъ томъ, дѣйствія ихъ въ новомъ кругѣ жизни будутъ неудовлетворительны, даже вредны. Въ Греціи, Римѣ граждане были отвлечены отъ всякаго иного призванія въ жизни, но тѣмъ самымъ они были поставлены въ такія условія, при которыхъ могли вполнѣ ознакомиться съ потребностями государства; вотъ почему мы замѣчаемъ въ нихъ, относительно этого предмета, высокое образованіе, достойную удивленія смѣтливость (тактъ). Исполненіе же домашнихъ и прочихъ, по ихъ мнѣнію, неприличныхъ имъ занятій, предоставляли они рабамъ своимъ. И Сѣверо-Американскіе штаты также имѣютъ своихъ рабовъ. И что же, произошло ли со времени существованія Французской республики, при участіи многихъ милліоновъ лицъ въ политическомъ самоуправленіи, произошло ли что-либо новое, великое, истинно-

²⁸⁾ Рѣчь о Люд. Наполеонѣ. В. Л.

полезное въ цѣломъ? Не проводятъ ли господа представители, получающіе хорошіе оклады жалованья, цѣлые годы надъ рѣшеніемъ вопросовъ, которое, при содѣйствіи немногихъ лицъ, не продлилось бы даже и нѣсколько недѣль? Кстатѣ замѣтимъ также, есть ли и между многими сотнями представителей люди блестящаго краснорѣчія въ настоящее время? Напротивъ, краснорѣчіе исчезло совсѣмъ. Въ прежнихъ палатахъ видѣли мы людей, отличавшихся на трибунѣ великимъ даромъ слова, и мы съ радостью встрѣчали ихъ ораторскія рѣчи; теперь же въ національномъ собраніи, среди массы ораторствующихъ, едва-ли кто на себя обращаетъ вниманіе ²⁹⁾. Кромѣ этихъ противорѣчій, во Французской республикѣ существуетъ еще одно громадное. Въ республикѣ должно имѣть значеніе какъ единичное, такъ и частное, слѣдовательно, община, округъ или какъ бы тамъ ее ни называли, что мы и видимъ устроеннымъ, во всякомъ случаѣ, лучше другихъ въ Американскомъ союзѣ. Во Франціи же государственное управленіе такъ сосредоточено въ рукахъ правительства, что эта централизація могла бы служить по этому предмету образцомъ. Не только министровъ назначаетъ и увольняетъ правитель государства, но также всѣхъ префектовъ, подпрефектовъ въ департаментахъ и округахъ, даже меровъ въ городахъ съ 5.000 населеніемъ; меровъ же въ округахъ съ меньшимъ населеніемъ опредѣляетъ уже префектъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что всѣ эти должностныя лица ежеминутно, и безъ всякаго права на пенсію, могутъ быть уволены правителемъ государства, слѣдовательно, должны быть услужливыми и вполнѣ преданными орудіями высшей власти; иначе, они подвергаются опасности лишиться своихъ мѣстъ.

Мундиръ и ловко спитое модное платье, которыя французскій народъ такъ любитъ и такъ охотно носить, значить, вполнѣ приноровлены къ этой государственной машинѣ. Даже самая жизнь французовъ во всѣхъ отношеніяхъ сосредоточена въ Парижѣ, и этотъ городъ, заключающій въ себѣ Францію, есть мѣсто-пребываніе этого всеобъемлющаго правительства. Не составляетъ ли все это само собою уже и монархію? „О, вы, республиканцы безъ республики, и республика безъ республиканцевъ,“ какъ кто-то остроумно выразился въ сочиненіи о Парижѣ.

Какъ во внутреннемъ устройствѣ, такъ и во внѣшней политикѣ Французская республика обнаруживаетъ тоже одни лишь противорѣчія.

²⁹⁾ Штуръ обладалъ необыкновеннымъ даромъ слова, какъ и его знаменитые друзья, народные дѣятели словаковъ, Гурбанъ и Ходжа, В. Л.

Римская республика, взывавшая о помощи къ „*alma mater*“, но и сама имѣвшая столь же прочное основаніе, какъ и эта „*alma mater*“, уничтожила свою старшую сестру въ самомъ цвѣтѣ. Пржежня французская республика дала свое имя, по крайней мѣрѣ, твореніямъ своимъ, республикамъ Батавской, Цизальпинской, Лигурской и т. д., и позволила носить его безъ всякаго противорѣчія. Нынѣшняя же отказываетъ сестрамъ своимъ въ этомъ благозвучномъ имени. О, недобрая сестра! Запутанная въ этихъ противорѣчіяхъ и не имѣя возможности изъ нихъ освободиться, Французская республика оказывается несостоятельною, и скоро она обратится въ монархію, которая, въ свою очередь, разъ уже началось броженіе, снова уступитъ мѣсто республикѣ.

Не желая говорить въ пользу нынѣшняго президента, нельзя не замѣтить, что онъ былъ бы очень простъ, еслибъ, видя эту несостоятельность республики, не воспользовался ею для своей выгоды.

Кавеньякъ, желавшій сохранить республику и подавившій коммунистическое возстаніе, можетъ быть и достойный уваженія человекъ, но въ политическихъ взглядахъ своихъ столь же ограниченный, какъ нѣкогда былъ Лафайетъ. Самое неутѣшительное явленіе при этомъ то, что ни для этого народа, живущаго въ разладѣ съ самимъ собою, ни для другихъ, идущихъ по слѣдамъ его, нѣтъ благоденствія³⁰⁾.

Немного въ лучшемъ положеніи находятся и такъ называемыя конституціонныя государства Западной Европы. Они также поражены болѣзненнымъ началомъ. Въ нихъ государственная власть раздѣлена такъ, что одна часть ея принадлежитъ народу, а другая правительству: первому законодательная, второму исполнительная власть. Такое учрежденіе основано на раздѣленіи того, что по необходимости должно быть тѣсно связано, именно: на раздѣленіи высшихъ государственныхъ властей, составляющихъ одно единое цѣлое. Древнія республики, правильно сознавая государственное благо и цѣль, ведущую къ нему, признавали единство власти, предоставляя народу, уполномоченному государствомъ, примѣненіе всѣхъ видовъ этой власти или непосредственно, или черезъ избранныхъ имъ представителей.

Далѣе, такое учрежденіе ведетъ къ окончательному разъединенію правительства съ народомъ, тогда какъ народъ, при правильномъ взглядѣ, составляетъ съ правительствомъ такое же орга-

³⁰⁾ Всѣ эти замѣчанія Штура въ большей или меньшей степени сохраняютъ свою силу и по отношенію къ современной Французской республикѣ. Т. Ф.

ническое цѣлое, какъ голова съ тѣломъ, какъ листья съ деревомъ.

Народъ безъ правительства—существо безъ значенія, въ высшей степени грубое, бѣдное, находящееся почти въ животномъ состояніи. Правительство же безъ народа—безсмыслица. На этомъ разъединеніи различные философы и политики пытались построить свои одностороннія государственныя теоріи, но пришли, однако же, къ самымъ противорѣчивымъ взглядамъ и выводамъ; такъ, напр., Руссо—къ высшему праву народа, а извѣстный Гоббесъ—къ полному произволу правительства во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ. Не говоря уже обо всемъ этомъ, раздѣленіе это еще, сверхъ того, приводитъ правительство и народъ въ постоянно враждебныя столкновенія между собою, возбуждая и поддерживая взаимное недовѣріе, ставитъ какъ народъ, такъ и правительство, въ одинаковое, не соотвѣтствующее ихъ назначенію, положеніе и, подавая поводъ къ взаимнымъ раздорамъ, подвергаетъ, наконецъ, опасности существованіе того и другого. Дѣйствительно, нуженъ народъ просвѣщенный, политически зрѣлый, хорошо умѣющій владѣть собою для того, чтобы тамъ, гдѣ власти, сообразно новѣйшимъ понятіямъ о конституціи, раздѣлены, онъ могъ подвигаться впередъ въ своемъ развитіи, наслаждаться благосостояніемъ и спокойствіемъ; но и тогда еще нельзя ручаться за прочность такого положенія.

Посмотримъ же теперь, что происходитъ въ конституціонныхъ государствахъ Европы? Какимъ беспорядкамъ подверглась Франція со времени введенія хартіи, это мы знаемъ, хотя и не ставимъ всѣхъ ихъ на ея счетъ. Въ какую республику превратилась конституція, это у насъ также предъ глазами.

Въ Германіи, которой политическая жизнь и безъ того стоитъ немного выше нуля, были эти конституціи или очень тихи и смиренны, или обнаруживали одно только пустословіе. Въ Бельгіи, преимущественно же въ Испаніи и Португаліи, онѣ прозябаютъ еще со дня на день. Правительства этихъ государствъ часто бывають поставлены въ критическое положеніе. Будучи не въ силахъ поставить на своемъ, они принуждены бывають выпускать изъ рукъ то, что они желали бы возвести въ законъ; тогда они хватаются за другія мѣры и подвергаютъ народъ вліянію своихъ послушныхъ орудій, а если они не повинуются, то замѣняютъ ихъ другими и, для достиженія желаемой цѣли, подкупаютъ всѣхъ, какъ избирателей, такъ и избираемыхъ, деньгами, обѣщаніями и, такимъ образомъ, пролагають путь испорченности нравовъ въ сердце народа, которымъ они правятъ и который,

слѣдовательно, должны были бы вести къ усовершенствованію. Съ помощью всѣхъ этихъ средствъ достигаютъ они, наконецъ, цѣли, къ которой стремятся, въ доказательство того, что они умѣютъ преодолевать всѣ воздвигаемыя противъ нихъ преграды; но въ этомъ случаѣ они дѣйствуютъ посредствомъ развращенія народа. Такимъ образомъ, произволъ ихъ мало, или вовсе не подвергается стѣсненію, между тѣмъ какъ въ исполненіи высокихъ, благотѣльныхъ государственныхъ цѣлей они встрѣчаютъ затрудненія, или, по крайней мѣрѣ, задержку.

Если же всѣ вышеупомянутыя средства оказываются безуспѣшными, то они хватаются за другія, прибѣгаютъ къ распущенію парламента и т. д. Если новоизбранные члены придерживаются возрѣнія своихъ предшественниковъ, то комедія снова повторяется, и, наконецъ, какое же остается средство? При настойчивости парламента—государственный переворотъ, при упорствѣ и могуществѣ правительства—революція. Такъ и въ конституціонныхъ государствахъ часто опасаются государственныхъ переворотовъ, а революціи слѣдуютъ одна за другой. Сверхъ того, въ этихъ государствахъ, при отвѣтственности министровъ, въ случаѣ, если послѣдніе нарушаютъ основные законы страны и посягаютъ на благосостояніе государства, парламентъ имѣетъ право призывать ихъ къ суду и произносить приговоръ надъ ними. Но случалось ли это безъ революціи?

Не революція ли бросила въ тюрьму Полиньяка, скрѣпившаго своею подписью извѣстные указы Карла? Также и въ новѣйшее время въ Португаліи не революція ли ниспровергла упорное министерство? Постоянная смѣна министровъ, предположеніе, что, послѣ своего паденія, министры, по закону, уже не заслуживаютъ довѣрія страны, и по тому должны удалиться, вскорѣ же послѣ предпринятыхъ измѣненій въ другихъ вопросахъ снова приобретаютъ большинство голосовъ и вторично пользуются довѣріемъ страны,—все это не составляетъ сильной стороны конституціонной жизни. У нашихъ славянскихъ племенъ въ прежнія времена также бывали народныя собранія, но они или состояли при князьяхъ и царяхъ и были болѣе совѣщательнаго свойства, отнюдь не принимая относительно ихъ повелительнаго, рѣзкаго, характера, или присвоивали себѣ всю государственную власть, какъ было въ Польшѣ, вслѣдствіи чего низводили короля на степень простого народного уполномоченнаго и подвергали его выборамъ. Поэтому поляки называли государство свое республикою, и были правы. Но какъ извратились съ теченіемъ времени и тѣ парламенты, и палаты въ своихъ совѣщаніяхъ! Подобно тому,

какъ было во времена древнихъ рыцарскихъ игръ на старинныхъ турнирахъ, такъ собирается на эти совѣщанія толпа, жаждущая зрѣлищъ, юноши и старцы, невѣжды и образованные, мужчины и женщины, всѣ безъ разбора, въ самомъ пестромъ смѣшеніи. При этомъ увлекающіяся и руководимыя всегда чувствомъ и страстію, женщины играютъ первую роль и имѣютъ большое вліяніе на эти совѣщанія. Каждому изъ депутатовъ хочется говорить передъ этою публикой, показать себя, преимущественно передъ женщинами, блеснуть своей государственной мудростію, своимъ ораторскимъ искусствомъ. Дамы смотрятъ на этихъ господъ благосклонно, даже поощряютъ ихъ своими выразительными взглядами, и что же выходитъ изъ всего этого? Одна только болтовня и блескъ, не приводящіе ни къ какому рѣшенію. Дѣла, которыя могли бы кончиться въ два дня, тянутся цѣлые мѣсяцы и даже болѣе, а государство, какъ водится, должно расплачиваться за эти сердечныя изліянія. На воображавшемъ себя въ высшей степени политически важномъ Вѣнскомъ сеймѣ, при предложенномъ уничтоженіи крѣпостнаго права, было представлено множество поправокъ (amendment) къ проекту закона, и все кончилось пустыми высокопарными рѣчами, причемъ главная задача каждаго изъ ораторовъ состояла въ томъ, чтобы только высказаться о такомъ важномъ вопросѣ. Въ званіе депутатовъ избираются также всѣ безъ различія возраста, пожилые и юноши, у которыхъ едва пробивается пухъ на бородѣ. Послѣдніе, вовсе не имѣя ни проницательности въ дѣлахъ государственныхъ, ни сдержанности, ни благоразумія, пробавляются преимущественно разглагольствіемъ и самохвальствомъ, направленіемъ ударовъ противъ правительства, потѣшаются блескомъ, окружающимъ такъ называемыхъ либераловъ и дешевою популярностью. Такъ какъ все имъ сочувствуетъ, то они говорятъ постоянно, безъ умолку; молодостью и либерализмомъ своимъ они увлекаютъ за собою публику, любящую зрѣлища и неожиданности, въ слѣдъ за чѣмъ раздаются громкія одобренія, и дѣла рѣшаются. Такимъ образомъ составляются рѣшенія, которыя суть изъявленіе желаній молодыхъ словоохотливыхъ витій и пристрастной къ зрѣлищамъ публики. До дѣйствія доходитъ рѣдко, развѣ что многіе, съ разныхъ сторонъ наносимые, удары правительству вызываютъ уличные беспорядки, или возмущеніе. Но настоятельныя потребности страны отлагаются въ долгій ящикъ, потому что восторгъ испаряется въ надутыхъ рѣчахъ. Наши славянскія племена также имѣли свои народныя собранія; нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ сербы, имѣютъ ихъ и въ настоящее время. Но они бывають не періодически и вызываються только самими

настоятельными вопросами; къ нимъ имѣютъ доступъ только пожилые, во всякомъ случаѣ основательные, опытные люди, старшины общинъ и т. д. При этомъ мнѣнія не распадаются во всѣ стороны, страсть къ краснорѣчію со своимъ отпечаткомъ не имѣетъ здѣсь мѣста: простыми, говорящими уму и сердцу, доводами легко склонить къ тому или другому убѣжденію и привести дѣло къ скорому рѣшенію. Таковы были народныя собранія нашихъ племенъ, таковы даже и нынѣшнія скупщины сербовъ³¹⁾. О принципиальной оппозиціи, о заранѣе составленной оппозиціонной партіи и рѣчи нѣтъ. Безъ сомнѣнія, народныя собранія не одобряютъ того, что несправедливо; они возвѣщаютъ правительству народное мнѣніе, предлагаютъ добрые совѣты и расходятся. Если правительство не упорно, дорожить сочувствіемъ и содѣйствіемъ народа, то оно все это принимаетъ къ сердцу.

Разсматривая всю эту, мягко выражаясь, конституціонную комедію, мы вполне цѣнимъ изреченіе императора Николая, который сказалъ: „истинными государствами могутъ назваться только республики и самодержавныя монархіи, на Западѣ называемыя неограниченными и деспотическими“. Въ этихъ словахъ онъ показалъ себя славяниномъ, хорошо взвѣсившимъ потребности своего народа, и человѣкомъ глубоко проницательнымъ³²⁾. Что касается до республикъ, то предъ духовнымъ взоромъ царя могли предноситься лишь древнія, съ своими простыми, прекрасными учрежденіями. Въ этомъ разложеніи, въ этомъ упадкѣ западно-европейскихъ конституціонныхъ государствъ не менѣе народовъ виновны и правительства³³⁾. Они виновны еще болѣе потому, что на нихъ

³¹⁾ Въ настоящее время какъ у сербовъ, такъ у другихъ западныхъ славянъ, живущихъ въ конституціонныхъ государствахъ, тѣ же западно-европейскіе порядки, противъ которыхъ возстаетъ Л. Штуръ. Т. Ф.

³²⁾ Штуръ въ этомъ держался мнѣнія, которое особенно было въ свое время распространено въ Америкѣ и во всѣхъ почти славянскихъ земляхъ, въ которыхъ, какъ я лично тамъ убѣдился, образъ Императора Николая представлялся въ самомъ идеальномъ, радужномъ свѣтѣ. Здѣсь не мѣсто говорить о причинѣ и основаніи такого взгляда. В. Л.

³³⁾ Столь же вѣрныя критическія замѣчанія о конституціонализмѣ и парламентаризмѣ встрѣчаются и у нѣкоторыхъ западныхъ писателей, напримѣръ, особенно у Карлейля: (Θ) Latter-day Pamphlets. London 1858; см. Downing-Street, The new Downing-Street, Stump-Oratur, Parliaments, и отчасти у нѣмца К. Франца: Kritik aller Parteien. Berlin 1866, и Die Quelle alles Uebels. Betrachtungen über die Preussische Verfassungskrisis. Stuttgart 1863. У насъ въ русской литературѣ много здравого и глубокаго въ этомъ отношеніи сказано Хомяковымъ и И. Кирѣевскимъ, также Г. Юрьинимъ (Государственные идеалы Зап. Европы. „День“ 1863) и даже въ нѣсколько ухарской статьѣ молодого и даровитаго покойнаго Добролюбова (О говорилъ-

лежитъ обязанность направлять и вести народы къ высшей цѣли. Народы, разъ возбужденные къ движенію, идутъ далеко, но развѣ западно-европейскія правительства во всѣхъ отношеніяхъ не преступаютъ всякую мѣру? Безбожіе, въ соединеніи съ безнравственностью, прежде всего и глубже чѣмъ гдѣ-либо укоренилось въ западно-европейскихъ дворахъ. Оно дѣйствовало тѣмъ разрушительнѣе, чѣмъ болѣе прикрывало себя мантией лицемѣрія, наружнымъ соблюденіемъ церковныхъ постановленій; вслѣдствіи того не только нравственность, но и самая религія подвергались неуваженію, даже презрѣнію. Безнравственность и роскошь сильно пользовались народнымъ богатствомъ и разграбили его непростительнымъ образомъ. Западно-европейскіе дворы постепенно сживались съ мыслью о томъ, что они должны смотрѣть на народы, какъ на добычу, Божіей милостію имъ ниспосланною свыше. Внутреннему образу западно-европейскихъ дворовъ вполне соотвѣтствовали и отношенія ихъ къ другимъ государствамъ. Во внѣшней политикѣ ихъ мало по малу совершенно исчезли честность и довѣріе; хитрость и обманъ пріобрѣли господство.

Временныя выгоды, честолюбіе, прихоти, мщеніе, интриги всякаго рода составляли отличительную черту дворовъ и ихъ министровъ, во всѣхъ ихъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ, союзахъ, войнахъ, мирныхъ договорахъ и т. д. Правдивость и честность не цѣнились вовсе. Ришелье и дворъ его суть вѣрные типы всего этого безчестнаго, порочнаго, даже позорнаго образа дѣйствій и образа жизни. Преслѣдуя всевозможными средствами протестантовъ во Франціи, Ришелье былъ союзникомъ ихъ въ Германіи. Вслѣдствіе этого расточительнаго, капризнаго и недостойнаго управленія, почти всѣ западно-европейскіе дворы впали въ тяжкіе долги. Для того, чтобы уплачивать ихъ сколько-нибудь и въ то же время имѣть возможность хозяйничать и грѣшнить по прежнему, они не только позволяли себѣ, относительно народа, всякія притѣсненія, грабительства и насилія, но даже старались узаконить ихъ. Однимъ словомъ, въ нихъ вселился духъ Маккіавелли, и совѣты его „*Principie*“ встрѣтили у нихъ полное одобреніе. Такимъ образомъ разверзлась глубокая пропасть между правительствами и народами Запада, которую, по нашему мнѣнію, нельзя уже уничто-

н ихъ) гораздо болѣе серъезности, чѣмъ въ разныхъ статьяхъ нашихъ тогдашнихъ серъезныхъ людей, такъ возмущившихся статьями Добролюбова. В. Л. Въ настоящее время въ западно-европейской и русской публицистической литературѣ подобныя указанія на отрицательныя стороны конституціонализма и парламентаризма значительно умножились. Т. Ф.

жить. Народы съ отвращеніемъ отвернулись отъ своихъ царственныхъ домовъ и стали носить въ сердцѣ своемъ глубокую къ нимъ ненависть. Вскорѣ послѣ того повсюду на Западѣ произошли безпорядки и возстанія; они не достигли ожидаемой цѣли и ранѣе или позже всѣ были подавлены, но между правительствами и народами водворилось полное недовѣріе, такъ что и теперь они ни въ чемъ не вѣрятъ другъ другу. Правительства на Западѣ подсматриваютъ всѣ движенія черезъ тайныхъ соглядатаевъ, посредствомъ такъ называемой тайной полиціи. Ея численный составъ, распространеніе и разные дополнительные на нее расходы представляютъ лучшее мѣрило понятія, какое имѣетъ о себѣ правительство, на сколько оно сознаетъ себя любимымъ и уважаемымъ и въ какой степени считаетъ себя сильнымъ. Народы, съ своей стороны, не имѣютъ ни малѣйшаго довѣрія къ распоряженіямъ правительства, и самыя благонамѣренныя дѣйствія его объясняютъ слабостью его и даже принимаютъ ихъ за обманъ и желаніе провести своихъ подданныхъ. Это роковое недовѣріе, по крайней мѣрѣ согласно общепринятымъ понятіямъ, осуждаетъ правительство на полную невозможность провести что-либо хорошее, потому что даже и хорошее подвергается самому ложному истолкованію. Оно причиною столь частыхъ покушеній на жизнь государей и того народнаго обожанія разныхъ героевъ, въ которомъ Фіески, Алибо и др. черпаютъ свои страшные доводы. Оно же, это недовѣріе, все вновь и вновь создаетъ тайныя общества и тяготѣетъ, какъ проклятіе, какъ вѣчно висящій Дамокловъ мечъ, надъ западными народами. Сколько нужно было нагрѣшить, чтобы такая страшная кара постигла западныя государства! Существуютъ ли соблазны и преступленія, которыя не совершились бы при французскомъ дворѣ? Существуютъ ли притѣсненія, которыя бы остались тамъ не испытанными?

Испанскій дворъ, гдѣ даже и теперь соблазны не прекращаются, такъ же, какъ и итальянскій, не исключая и римской курии, являются ли въ этомъ отношеніи чище, свободнѣе отъ упрековъ? Не лучше было и съ англійскими Стюартами. Такъ, и теперь нѣкоторыя, съ Западомъ сосѣднія, правительства стремятся ити по слѣдамъ этихъ образцовъ. Стѣняемая народами, одержимая постояннымъ страхомъ, съ тѣхъ поръ эти правительства не даютъ себѣ труда заниматься государственными дѣлами и вводить необходимыя усовершенствованія. Напротивъ того, они охотнѣе всего останавливаются въ своемъ развитіи, дѣлаютъ только то, къ чему понудятъ ихъ какіе-нибудь внѣшніе толчки, направляютъ все свое вниманіе только на сохраненіе своей жизни, охотнѣе всего прозябаютъ,

и въ этомъ прозябающемъ состояніи идутъ на встрѣчу неизбежной своей участи. Имъ нравится сваливать всѣ возстанія и мятежи на голову возмутителей, но при этомъ они не думаютъ, что возмущенія не имѣли бы никакихъ послѣдствій, если бы болѣзненное начало не коренилось въ самыхъ государствахъ. Гдѣ возникли общество энциклопедистовъ и самая ужасная революція въ мірѣ, какъ не во Франціи, столѣтіями ведомой къ гибели? Они могутъ высылать зачинщиковъ; тѣ могутъ выселиться въ послѣднее убѣжище, въ Америку, но миръ на Западѣ отъ этого не водворится. Раздраженіе слишкомъ глубоко, раны проникли внутрь. Западныя правительства толкуютъ все о злодѣяхъ и возмутителяхъ, приписывая имъ всѣ безпорядки и сами принимаютъ видъ полной благонамѣренности. Напротивъ того, народы кричатъ безъ умолку, во все горло, о недостаткахъ правительства, не видя своей собственной испорченности. Все это, кстати сказать, имѣетъ свою комическую сторону и напоминаетъ двухъ цыяницъ, изъ коихъ каждый бранитъ другого этимъ именемъ, воображая себя самого трезвымъ. Отъ чего же, можно было бы спросить у правительствъ, никто не вѣритъ вамъ, если вы дѣлаете только то, что должно? И вы, избранники народа, участь котораго такъ дорога вашему сердцу, зачѣмъ, вопреки его выгодамъ, вы измѣняете столь боготворимой вами свободѣ и даете подкупать себя? Эти слова можно было бы бросить въ народъ. Такъ будутъ все продолжаться безпорядки на Западѣ, такъ народы будутъ бороться съ правительствомъ до тѣхъ поръ, пока не надутъ оба противника обезсиленными, изнеможенными.

Аристократія въ своемъ быту вполне подражала европейскимъ дворамъ. Подобно имъ, и даже съ избыткомъ, предавалась она расточительности и всякаго рода порокамъ. Во владѣніяхъ своихъ она въ точности поддѣлывалась къ дѣйствіямъ правительствъ въ государствахъ. Грабить и притѣснять такъ называемыхъ своихъ подданныхъ сдѣлалось для нихъ второю природою, и все это съ цѣлью гоняться за всевозможными удовольствіями и потворствовать своимъ страстямъ. Для этого обильно проливался потъ милліоновъ людей, передъ которыми аристократія выставляла на показъ свое презрѣніе къ низшимъ сословіямъ. Что сдѣлала она со взятыми у народа милліонами, что она основала, или произвела, съ помощью ихъ? Дѣйствительно, они были въ состояніи бросать милліоны на свои прихоти, на цѣли же болѣе благородныя они давали ничтожную милостыню. Нѣкоторыя исключенія составляютъ въ этомъ отношеніи англійское и даже мадыарское дворянство, хотя послѣднее съ недавняго времени стремится уже

подражать Западу ³⁴⁾). Подъ именемъ аристократа, по всеобщему убѣжденію, на Западѣ представляютъ себѣ отъявленнаго эгоиста, въ сердцѣ котораго нѣтъ мѣста ни для какого благороднаго побужденія.

Гражданское общество на западѣ Европы находится въ самомъ жалкомъ состояніи. Величайшія богатства, сосредоточенныя въ рукахъ нѣкоторыхъ лицъ и служащія преимущественно средствомъ для наслажденія, стоятъ тамъ рядомъ съ крайнею, на показъ выставляемою, нищетою. Сотни тысячъ голодныхъ, или едва имѣющихъ необходимое, рабочихъ во Франціи рядомъ съ богатѣйшими, въ роскоши утопающими, капиталистами, фабрикантами, банкирами и т. п. Также бѣдствуютъ рабочіе въ Англіи и бѣдные, полунагіе ирландцы въ сравненіи съ предприимчивыми богачами и съ богатѣйшею аристократіей. Такія явленія бросаются въ глаза и раздираютъ сердце. Если изслѣдовать причины такого неутѣшительнаго положенія, то придется искать ихъ въ политическомъ стремленіи западныхъ народовъ, параллельно идущемъ съ нимъ народномъ хозяйствѣ и въ успѣхахъ всякаго рода промышленности. Феодальное право произошло изъ предположенія, что земля, т. е. вся поземельная собственность, принадлежитъ народу, какъ цѣлому, или, лучше сказать, власти сосредоточивающей и представляющей это цѣлое, слѣдовательно — государямъ, владѣльцамъ страны, или главнымъ леннымъ владѣтелямъ, какъ ихъ обыкновенно называли. Эти владѣльцы передавали завоеванную или другимъ какимъ-либо образомъ пріобрѣтенную землю, подъ обязательствомъ своимъ, приближеннымъ дружинникамъ, впоследствии рыцарямъ и дворянамъ, какъ феоды, или какъ аллодіи. Первые имѣли больше значенія, пользуясь только доходами отъ отведенныхъ имъ земель. Они, въ свою очередь, снова передавали часть пріобрѣтенной земли своимъ людямъ, также подъ обязательными условіями. Изъ этого впоследствии развилась гибельная барщина.

Нисколько не защищая феодализма, у славянъ не привившагося, замѣтимъ, однако, что онъ имѣлъ здоровое ядро, именно: основаніе неотчуждаемости и нераздѣльности по отдѣльнымъ семьямъ прямой собственности, хотя и съ принадлежностью всей земли стоящему во главѣ ленному владѣтелю.

Дальнѣйшій выводъ изъ этого взгляда и устройства состоитъ

³⁴⁾ Угрія находится на границѣ между западомъ и востокомъ Европы и въ географическомъ и духовномъ отношеніи. Все, приведенное нами выше, относится собственно къ Западу, о Востокѣ же будетъ рѣчь впереди.

въ томъ, что съ прочностью и преуспѣяніемъ цѣлаго соединена прочность и сохраненіе частнаго. Отдѣлившееся же случайно, при благосостояніи цѣлаго, легко находитъ пріютъ и убѣжище, къ полученію котораго, сверхъ того, способствуетъ живѣйшее чувство христіанской набожности. Но когда на Западѣ всеми сердцами овладѣло политическое стремленіе къ свободѣ, ставшее ея господствующею мыслью, когда кликъ свободы и личной независимости сдѣлался словомъ дня, тогда было ниспровергнуто (уничтожено) и прежнее народно-экономическое устройство, феодалное право, со всеми присущими ему началами, слѣдовательно, съ неотчуждаемостью и нераздѣльностью поземельной собственности, которая предоставлена была въ свободное распоряженіе отдѣльныхъ лицъ. Необходимымъ слѣдствіемъ такой внезапной перемѣны въ хозяйственномъ быту было раздѣленіе, даже раздробленіе, поземельной собственности, которое, въ свою очередь, было причиною чрезмѣрнаго размноженія и наконецъ сильнаго обѣдненія семействъ. Не имѣя возможности содержать себя и всѣхъ своихъ членовъ, они ежегодно высылаютъ изъ дому множество своихъ искать счастья по свѣту. Выгнанные изъ отцовскаго дома, эти бѣдняки вступаютъ въ свѣтъ съ глубокою тоскою по утраченномъ родномъ кровѣ, сильно озабоченные своею будущностью. Безъ всякихъ средствъ, почти безъ всякаго образованія, снабженные только здоровьемъ, они преклоняютъ свою голову гдѣ-нибудь въ углу, на улицѣ большихъ городовъ. Хорошо, если имъ удастся употребить въ дѣло свои силы, если зарабатываютъ себѣ кусокъ хлѣба; если же нѣтъ и этого, то, подвергаясь величайшей нищетѣ и самымъ ужаснымъ лишеніямъ, они часто изъ угла своего, на противоположной сторонѣ улицы, видятъ полное довольство, даже роскошь и великолѣпіе; тогда ими овладѣваетъ отчаяніе: они замышляютъ мщеніе и рѣшаются опрокинуть все вверхъ дномъ, лишь бы добыть себѣ желанную собственность, ведущую ко всемъ благамъ жизни. Вотъ источникъ коммунизма, правда дерзкаго и гибельнаго, но развѣ не былъ дерзокъ и неудержимый кликъ такъ называемой эмансипаціи всѣхъ людей? Развѣ менѣе дерзко и дьявольски злобно могущество, которое, утопая въ наслажденіи и роскоши, хвастаетъ ими, а между тѣмъ на глазахъ своихъ оставляетъ человѣка умирать съ голоду, или, что еще хуже, цѣлые годы безвыходно томиться на прокрустовомъ ложѣ въ бѣдствіи и нищетѣ? Въ Англіи и во Франціи число нищихъ возрастаетъ въ размѣрѣ, возбуждающемъ тревожныя опасенія. Въ первой, при возрастающемъ богатствѣ, вслѣдствіе сильно развитой промышленности, поземельная собственность сосредоточивается все въ

меньшемъ числѣ рукъ, и при этомъ еще существуютъ добровольныя откупныя отношенія. На этихъ бѣдныхъ никто не обращаетъ вниманія, развѣ когда угрожаютъ худыя послѣдствія, близкій взрывъ возмущенія, или когда уже сотни погибли мучительною голодною смертию. Тогда только государство на скорую руку создаетъ имъ работу, чтобы не навязывать ихъ на шею гражданскому обществу и защитить себя отъ ихъ докучливости. Общество соревнуеть ему въ усиляхъ помочь погибающимъ, но, согласно требованію времени, эти усилія состоятъ въ балахъ, вечерахъ и прочихъ увеселеніяхъ, гдѣ жертвуютъ собою въ пользу бѣдныхъ. При этомъ главная задача—увеселенія, собственно же помощь—отдаленный, второстепенный вопросъ, о которомъ думаетъ только меньшинство жертвователей. Конечно, англичане вносятъ ежегодно довольно значительныя суммы на бѣдныхъ, но они тщательно избѣгаютъ наименованія этихъ налоговъ—налогами въ пользу бѣдныхъ, для того, чтобы тѣмъ не могло и въ голову прийти по праву требовать помощи отъ общества. Объ основательномъ изслѣдованіи бѣдствій, удручающихъ общество, тамъ нѣтъ почти и рѣчи; еще менѣе желанія устранить ихъ навсегда.

Доказано простымъ полевымъ хозяйствомъ, что среднія сельскія хозяйства, говоря относительно, приносятъ наибольшій доходъ, потому что къ нимъ примѣнимы и надлежащее воздѣлываніе земли, и непосредственный надзоръ; при томъ они не требуютъ слишкомъ большого капитала для обрабатыванья. Большія хозяйства представляютъ противоположное явленіе, а малыя, раздробленныя, соразмѣрно требуютъ большаго капитала, нежели сколько нужно было бы для ихъ запашки. И это очень просто и естественно: для нихъ, какъ и для среднихъ хозяйствъ, необходимы земледѣльческія орудія, рабочій скотъ и т. п. Они умножаютъ издержки, а взамѣнъ приносятъ гораздо меньше чистой прибыли, слѣдовательно, прокармливаютъ меньшее число людей. Въ Западной Европѣ, во время прежней системы, были по преимуществу среднія хозяйства, теперь же они чрезвычайно раздроблены, разумѣется, не къ общей выгодѣ. Успѣхи промышленности, съ своей стороны, сильно содѣйствовали распространенію бѣдности на западѣ Европы. Множество механическихъ и техническихъ изобрѣтеній усовершенствовали промышленность и упростили производство, быстрое развитіе фабрикъ въ огромныхъ размѣрахъ оживило промышленность, и мелкихъ производителей все болѣе и болѣе отстраняло отъ всякаго совмѣстничества. Они раззорялись и продолжаютъ раззоряться, между тѣмъ богатство не накапливается въ соразмѣрномъ количествѣ. Правда, въ цѣломъ пріобрѣтена выгода,

хотя весьма многие при этомъ пострадали; но настанетъ время, когда всѣ успѣхи, служащіе къ чести ума человѣческаго, будутъ удѣломъ и тѣхъ, кто теперъ отъ нихъ страдаетъ.

Ударъ, нанесенный мелкимъ производителямъ возвысившеюся промышленностью, былъ жестокъ, но и западно-европейское стремленіе къ освобожденію каждой личности, не къ выгдѣ ихъ, вытѣснило цѣхи и общины. Съ исчезновеніемъ общины исчезаетъ и прежнее, въ области ея заключавшееся, общественное призрѣніе, бывшее достояніемъ отдѣльной личности. Предприниматели, разными несчастіями лишенные возможности продолжать свое занятіе, или начинающіе, съ этого времени предоставлены самимъ себѣ, или покровительству значительныхъ лицъ гражданскаго общества, но отъ этого произведенія мелкихъ производителей не сдѣлались ни лучше, ни дешевле. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ бѣдность и число безпомощныхъ увеличивается значительно, различныя благотворительныя заведенія и общественныя пособія далеко не достаточны, чтобы обезпечить нуждающихся. При этомъ высланные въ свѣтъ новички-производители, такъ называемые подмастерья, считаютъ себя освобожденными отъ всякаго надзора и стѣсненія; одичавше и испорченные, буяны по призванію, безъ всякаго образованія, они встаютъ противъ всякихъ положительныхъ мѣръ и цѣлыми толпами (*en masse*) примыкаютъ къ коммунизму. Итакъ, на Западѣ нигдѣ нѣтъ точки опоры, нигдѣ нѣтъ спокойствія, война всѣхъ противъ всѣхъ, положеніе близкое къ отчаянію! Науки и искусства все болѣе и болѣе спускаются съ прежней высоты своей и уступаютъ мѣсто совершенно другимъ занятіямъ. Умы, увлекаемые политическими и преимущественно коммунистическими идеями, все болѣе и болѣе отвращаются отъ христіанства и съ полною распущенностью бросятся въ водоворотъ политическихъ страстей.

Во всѣхъ западныхъ государствахъ, исключая строго-католическихъ, науки и искусства были въ цвѣтущемъ состояніи: въ Англіи, Франціи и преимущественно въ Германіи, гдѣ они принесли самые обильные плоды. Ни одинъ народъ въ мірѣ не оказывалъ такого глубокаго, искренняго участія къ наукѣ, какъ нѣмцы. Очевидною задачею ихъ было открывать, изслѣдывать даже самое сокровенное, непроницаемое, конечно, съ одною только цѣлью—разоблачить все передъ человѣческимъ духомъ. Они усиленно боролись съ небомъ и землею, чтобы все, заключающееся въ нихъ, сдѣлать достояніемъ ума человѣческаго. По-истинѣ высокое стремленіе, и тѣмъ выше, что оно является передъ нами во всей безкорыстной чистотѣ своей; оно достойно уваженія и

признательности всѣхъ людей, въ особенности нашей, потому что у насъ передъ глазами, какъ-бы на коврѣ, разстилается вся исторія, всѣ дѣянія и подвиги народовъ. Намъ остается только умѣнье ими пользоваться.

Въ Англіи и Франціи практическія и реальныя науки возбуди большое вниманіе и подверглись тщательной разработкѣ, философскія же, какъ во Франціи, такъ и въ Англіи, не сдѣлали значительныхъ успѣховъ. По части исторіи у англичанъ много есть замѣчательнаго, у французовъ есть сочиненія, преисполненныя ума, но не имѣющія, однако же, слишкомъ глубокаго взгляда и учености. Въ Германіи же какъ реальныя, такъ и философскія науки глубоко изслѣдованы и разработаны. Но такихъ серьезныхъ трудовъ становится съ каждымъ днемъ все меньше. На нѣмецкомъ небосклонѣ все чаще падаютъ и меркнутъ звѣзды первой величины; конечно, ихъ блещетъ еще довольно, но новыя уже не восходятъ. Направленіе науки обратилось болѣе къ полезному ея примѣненію, изслѣдованія механически переписываются въ различные Conversationslexicons, какъ-будто бы творческій трудъ уже болѣе не нуженъ. Особенное явленіе замѣчаемъ мы, какъ нѣкогда въ Греціи и Римѣ, такъ въ настоящее время во Франціи, преимущественно же въ Германіи, именно то, что народъ, приближаясь къ своему упадку, выдвигаетъ цѣлый рядъ особенно даровитыхъ людей и, вслѣдъ за тѣмъ, исчезаетъ, подобно солнцу, которое передъ закатомъ сопровождается самымъ красивымъ прощальнымъ отблескомъ. Искусство на Западѣ также близко къ паденію. Пѣвцы съ истиннымъ дарованіемъ умолкли одинъ за другимъ; только одно чириканье долетаетъ до насъ съ Запада. Люди съ творческимъ духомъ въ музыкѣ переводятся: одни умираютъ, другіе, какъ будто съ досады, обращаются къ прозѣ жизни; только ловкіе подражатели и механики по этой части разъѣзжаютъ по свѣту и производятъ впечатлѣніе на публику, требующую впечатлѣній. О зодчествѣ и ваиніи нельзя сказать многого, развѣ что первое старается воздвигать удобныя, пріятныя для глаза жилища строенія. Живопись обращается къ такъ называемымъ картинамъ „genre“; вмѣстѣ съ тѣмъ охотно выставляетъ сладострастныя изображенія, преимущественно привлекающія публику, которая не предъявляетъ строгихъ требованій искусству. Она прежде всего хочетъ, чтобъ ее занимали, пріятно забавляли и услаждали. Драматическія творенія, изображающія высокія, благородныя стремленія, приводящія къ созерцанію идеала, теперь уже не имѣютъ успѣха. Мрачная трагедія разгоняетъ публику, которая находитъ удовольствіе пре-

имущественно въ изображеніи странныхъ, уродливыхъ, пошлыхъ житейскихъ отношеній, въ красивыхъ декораціяхъ, блестящихъ одеждахъ, эффе́ктныхъ операхъ, роскошныхъ балетахъ. Въ особенности Вѣнская публика болѣе всего дорожитъ элизіумами³⁵⁾, которые, какъ кажется, пользуются особеннымъ покровительствомъ полиціи, во всякомъ случаѣ благонамѣренной и благоустроенной. Какую толпу истыхъ знатоковъ привлекаютъ эти элизіумы! Современная литература съ похвальныхъ усердіемъ подвизается на этомъ богатомъ и любимомъ поприщѣ. Романы Евгенія Сю, представляющіе въ подробности всю страшную современную испорченность нравовъ, и тысячи другихъ подобныхъ произведеній, встрѣчаютъ неліцемерныя, со всѣхъ сторонъ расточаемыя, одобренія и похвалы. Читали ли вы „Вѣчнаго Жида“, „Парижскія тайны“? раздаются повсюду, и горе тому въ общемъ мнѣніи, кто не читалъ ихъ и не прошелъ по этимъ ступенямъ современнаго образованія. Всѣ эти образцовыя произведенія поглощаются съ жадностью и требуютъ подражанія. Вотъ почему всѣ большіе города на Западѣ должны были раскрыть свои тайны передъ свѣтомъ. Тайны, тайны прежде всего: на нихъ наибольшій спросъ!

„Cette vieille Europe m'ennuie“, сказалъ Наполеонъ, величайшій умъ своего времени. И мы не удивляемся, что даже въ эту жаждущую дѣла душу человѣка, никогда не знавшаго отдыха, переходившаго отъ шума побѣдоносныхъ битвъ къ великолѣпнѣйшимъ пиршествамъ, всегда окруженнаго самымъ изысканнымъ обществомъ, занятого исполинскими предпріятіями, что даже въ его душу закрадывалась скука. Онъ уже тогда видѣлъ положеніе Европы, и на островѣ св. Елены предсказывалъ ей паденіе. Отъ того-то такъ много любителей на Западѣ отправляется къ подземнымъ развалинамъ древняго міра размышлять о бренности земного и въ тиши изливать свои жалобы. Да, какъ утверждаетъ Гизо, замѣчательные люди Запада, напр., Мирабо, Лафайетъ, Наполеонъ и другіе умираютъ съ грустнымъ, весьма грустнымъ, чувствомъ. Даже и мы, стоящіе не далеко отъ этого міра, иногда испытываемъ скуку, и она одолѣла бы насъ совершенно, если бы мы не прозрѣвали духомъ, что готовятся и приближаются великія событія.

³⁵⁾ И въ этомъ случаѣ, слѣдуетъ прибавить, Штуръ ошибался относительно русскаго общества. В. Л.

IV.

Все вышеизложенное, относящееся собственно къ состоянію западной Европы, находитъ полное примѣненіе въ первоначальной стадіи во Франціи. Если подвергнуть французовъ за прежнее время болѣе точному изслѣдованію, разсмотрѣть природный ихъ характеръ, опредѣляющій какъ государственный бытъ ихъ, такъ и внѣшнюю политику, то не окажется въ пользу ихъ особенно благопріятныхъ выводовъ. Французы—подвижной, притворливый, внѣшнимъ впечатлѣніямъ легко поддающійся народъ, но эти впечатлѣнія у нихъ поверхностны, не оставляютъ слѣдовъ въ душѣ. Образъ дѣйствій ихъ, обусловливаемый природными ихъ свойствами, высказывается во всей ихъ исторической жизни.

Первоначально, извѣстные подъ именемъ галловъ, кельты, по завоеваніи провинціи ихъ римлянами, съ прибытіемъ къ нимъ римскихъ гражданъ, легко, почти незамѣтно, утратили свой родной языкъ, не сумѣли использовать паденія Римской Имперіи, чтобы достигъ самостоятельности, мало того — подчинились франкамъ, и только съ помощью ихъ образовалось у нихъ нѣчто цѣлое. Послѣ паденія Каролингской Имперіи, хотя и начали они дѣйствовать самостоятельно, но все-же съ явною нерѣшительностью и непостоянствомъ, попеременно бросаясь то въ ту, то въ другую сторону. Во время крестовыхъ походовъ французы болѣе всѣхъ поддались одушевленію, но при этомъ не достигли никакихъ прочныхъ результатовъ для христіанъ, ни сами не воспользовались ихъ послѣдствіями, наравнѣ съ другими народами. Запутанные въ войну съ Англіею, по случаю притязаній англійскихъ королей на владѣчество во Франціи, они, въ собственной землѣ своей, чуть не подчинились имъ, но, воодушевленные чудесной дѣвственницей, они обнаружили силу, передъ которой наконецъ отступили англичане. Завидуя великой имперіи Карла V, они всячески старались повредить ей, но изъ этого не произошло никакихъ значительныхъ послѣдствій. Въ то время, когда усилилась реформація, они обнаружили къ ней большую ревность, которая, впрочемъ, не помѣшала рѣзвѣ гугенотовъ, извѣстной Варооломеевской ночи. Не смотря на то, что много хлопотали о реформаціи, они никогда не понимали ея истиннаго смысла, и она не принесла во Франціи дальнѣйшихъ плодовъ. Французскому характеру болѣе соотвѣтствовалъ католицизмъ, берущій на себя отвѣтственность за каждаго и въ общемъ все отпускающій, нежели протестантское мудрствованіе и изслѣдованіе. Поэтому они остались, хотя по

внѣшней формѣ, только католическими, стараясь освободиться отъ папской власти посредствомъ догматовъ галликанской церкви. Отъ опытовъ реформаціи и примѣненія ея въ церковномъ и политическомъ отношеніи, отъ Нантскаго указа перешли они къ временамъ Людовика XIII, XIV, XV, къ временамъ Ришелье и Мазарини, къ временамъ владычества духовниковъ и любовницъ. Подвергнувшись всякаго рода униженіямъ, они возстали, сокрушили все подъ своими ударами, изъ неограниченной монархіи создали полновластный народъ, объявивъ республику. Религію они признали ненужною и отбросили ее въ сторону, отбросили и всѣ сопряженныя съ монархіею учрежденія, всѣмъ монархамъ въ мірѣ объявили войну, всѣмъ народамъ обѣщали защиту. Но все это было не-надолго; скоро опять подпали они подъ власть отдѣльнаго лица, которое снова, къ ихъ удовольствію, возстановило все уничтоженное. На знамени ихъ, вмѣсто прежней „Свободы“, написано „Слава“. Итакъ, подъ предводительствомъ знаменитаго вождя своего, прошли они по свѣту, воображая, что именемъ его они могутъ и должны покорять другихъ, распространяя предѣлы своего государства до громаднхъ размѣровъ. Но вотъ неожиданно наступаютъ дни невзгоды; тогда они оставляютъ вождя своего, забываютъ о своей славѣ и, вмѣсто необъятной Франціи, является прежняя Франція съ старыми границами. Послѣ столь многихъ усилій и неудачъ нужна была реставрація, которая и наступила дѣйствительно. Когда они почувствовали себя нѣсколько укрѣпившимися, то принялись вторично за ломку и разрушеніе и, вслѣдъ затѣмъ, за воздвиженіе новаго престола, также не долго существовавшаго и уступившаго мѣсто благополучной нынѣ республикѣ.

Выше мы уже представили предсказаніе этому новому созданію. Въ другихъ частяхъ свѣта владычество французовъ было такъ же неудачно, какъ и у себя дома, хотя они основывали поселенія, приобрѣтали значительныя владѣнія въ Остѣ-Индіи, въ Америкѣ, но не умѣли удержать ихъ за собою и дали себя вытѣснить англичанамъ. Вкратцѣ приведенныя здѣсь черты французской національности явно показываютъ, что французскій народъ органически развиваться не въ состояніи. Онъ колеблется, смущенный непрерывными политическими опытами, и можетъ наконецъ подвергнуться великой опасности, угрожающей ему не столько извнѣ, сколько внутри государства.

Нельзя, впрочемъ, отвергать, что, несмотря на все это, Франція достигла извѣстнаго первенства между образованными народами Европы и приковала къ себѣ, словно къ оракулу, взоры

народовъ. Мы не думаемъ отрицать ея услугъ человѣчеству, но часто между ними попадаются случайныя и сомнительныя. Уже въ прошедшіе вѣка прославляли литературное образованіе французовъ, утонченность ихъ обхожденія и человѣчность ихъ и все это необыкновенно облегчило французскому языку распространеніе во всемъ образованномъ мірѣ и обезпечило за нимъ преобладаніе. Но большая часть того, на чемъ основываются благопріятныя сужденія о такъ называемомъ золотомъ періодѣ французской литературы Людовика XIV, представляя нѣкоторыя достоинства, не выдерживаетъ, однако, критики; строгая научная обработка относится уже къ позднѣйшему времени, а все появившееся тогда въ поэтической или прозаической формѣ имѣло значеніе только для того времени; все это сковано условными правилами, изысканно, принужденно, а многое основано на ложномъ пониманіи древнихъ образцовъ. Конечно, тогдашнему міру, при его бѣдности въ умственныхъ произведеніяхъ всякаго рода, при его подчиненіи древнимъ образцамъ, которые, казалось, исчерпали и обняли все прекрасное, — французская литература, которая часто пробавлялась наружными, даже плохими, подражаніями, представлялась чѣмъ-то великимъ и недосягаемымъ; и однако, какъ многое изъ того, чему тогда удивлялись и предсказывали безсмертіе, теперь, полузабытое, лежитъ въ пыли! Въ общественныхъ отношеніяхъ французовъ, точно такъ же, какъ въ ихъ литературѣ, весь этотъ такъ называемый этикетъ представляется такимъ уже правильнымъ, одеревенѣлымъ, однообразнымъ, какъ-бы дрессировкою, лишень всякой искренности и задушевности, и еще вопросъ, не отживетъ ли онъ свой вѣкъ, вмѣстѣ съ ихъ классическою литературою, не потеряетъ ли своего значенія и кредита. А въ прославленной человѣчности французовъ скорѣе можно видѣть унаслѣдованное отъ ихъ стараго рыцарства благоприличіе (*convenance*), чѣмъ дѣйствительное внутреннее стремленіе и потребность. Истинный человѣкъ всегда тотъ же во всѣхъ мѣстахъ и отношеніяхъ, между тѣмъ какъ французскіе поселенцы уже представляются намъ въ иномъ свѣтѣ. Міръ, глаза котораго прежде такъ прикованы были къ Франціи, послѣ нѣкоторыхъ событій, за которыми, впрочемъ, не Богъ знаетъ что и кроется, начинаетъ уже разочаровываться въ своихъ прежнихъ благопріятныхъ сужденіяхъ о французахъ, отворачиваетъ уже свои глаза отъ этого сіявшаго прежде солнца, и происшествія во Франціи не возбуждаютъ уже въ немъ прежняго живого интереса.

Опасность, которая грозитъ Франціи, вслѣдствіе разнообразныхъ политическихъ и другихъ экспериментовъ, увеличи-

вается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что только $\frac{44}{100}$ населенія занято сельскимъ хозяйствомъ, а между тѣмъ населеніе довольно густо, именно 3.239 д. на квад. милю ³⁶⁾, государственный долгъ значителенъ, и расходы постоянно превышаютъ доходы.

О другихъ значительныхъ романскихъ странахъ, Испаніи и Италіи, нечего много распространяться. Олатиненные готы первой изъ этихъ двухъ странъ, отказавшись отъ поверхностнаго арианскаго ученія, сдѣлались вѣрнѣйшими и преданнѣйшими приверженцами католической церкви, которой единственное и исключительное господство въ этой странѣ, не ослабленное реформаціею, только здѣсь принесло полные свои плоды, такъ что на Испаніи удобно изучать, насколько можетъ развиваться человѣческое образованіе, нравственность и дѣятельность въ строго католической странѣ. Послѣ паденія арабовъ, когда они были вытѣснены изъ послѣдняго своего убѣжища въ Гренадѣ, Испанія, по брачному союзу Фердинанда съ Изабеллою, соединилась въ одно государство; казалось бы, послѣдовавшее затѣмъ открытіе Америки подниметь ее на степень значительной державы, и, однако, эти богатые открытія послужили только ко вреду Испаніи. Скопленные въ другихъ частяхъ свѣта богатства, перетащенные въ Испанію, немедленно были промотаны; вслѣдствіе того, они не только не возбудили народныхъ силъ и дѣятельности, но, напротивъ, еще содѣйствовали ослабленію и паденію ихъ. Испанское правительство, съ своей стороны, съ неутомимымъ усердіемъ работало для той же цѣли. Когда реформація стала распространяться въ Европѣ, то католическій король Испаніи, считая себя стражемъ католической церкви, полагалъ своей священной обязанностью преградить всякій возможный доступъ реформаціи въ правовѣрную страну; съ этою цѣлью введена ужасная инквизиція, въ которой и подвизались жесточайшимъ образомъ мрачные доминиканцы.

Всякое уклоненіе отъ папскаго ученія, даже малѣйшее подозрѣніе въ этомъ, вело за собой изысканнѣйшія пытки и мучительную смерть. Такимъ образомъ инквизиція и незаслуженныя богатства подавили всякую самодѣятельность въ народѣ, скоро погружившемся въ удивительное равнодушіе, безчувственный сонъ, въ которомъ онъ прозябаетъ до сихъ поръ; онъ потерялъ даже силы проснуться. Впавши въ эту спячку, онъ извнѣ получалъ правителей и побужденія къ дѣятельности: война за наслѣдство возвела на тронъ Бурбона; Наполеонъ выгналъ выродившихся Бурбоновъ и назначилъ Испаніи въ повелители одного ихъ своихъ

³⁶⁾ Въ настоящее время эта цифра, конечно, значительно выше. Т. Ф.

братьевъ. Возбужденная католическимъ изувѣрствомъ толпа схватилась за оружіе, и, однако, должна была уступить организованному и одушевленному французскому войску, и это доказываетъ, что никогда изступленная толпа не можетъ сопротивляться одушевленію, опирающемуся на порядокъ и утверждающемуся на законности. Тогда чужестранцы помогли испанцамъ страхнуть французское господство, и съ тѣхъ поръ уже два раза терзали они себя изъ за тѣхъ же правителей, за которыхъ прежде бросались въ битву противъ чужеземцевъ. Въ какомъ положеніи находится теперь испанское правительство, мы упоминали выше: ни въ правительствѣ, ни въ народѣ тамъ нѣтъ честной, сильной воли; напротивъ, вездѣ низость, вялость и испорченность. Испанскій духъ, какъ показываетъ инквизиція, не останавливался передъ самой изысканной жестокостью въ средѣ самого народа, но полную волю давалъ себѣ тамъ, гдѣ онъ являлся повелителемъ чужеземцевъ. Извѣстна кровавая баня Альбы въ Нидерландахъ; извѣстны испанскія гоненія на людей и истребленіе цѣлыхъ племенъ въ Америкѣ ради ничтожной выгоды. Такимъ народамъ не суждено обезпечить за собою на продолжительное время мѣсто въ ряду великихъ народовъ міра ³⁷⁾.

Италія, послѣ распадѣнія римской имперіи, стала ристалищемъ для чуждыхъ народностей; съ того времени чужеземцы топтали ее постоянно и во всѣхъ направленіяхъ, и почти до нашихъ дней непрерывно давали ей законы. Туда дѣлали набѣги различныя германскія племена, ниспровергали, по имени только существующее, римское господство, учреждали свое собственное управленіе, но съ тѣмъ только, чтобы опять уступить его другимъ, позднѣе пришедшимъ народамъ. Быстро слѣдовало одно за другимъ господство остъ-готовъ, византійцевъ, лонгобардовъ, франковъ; Гогенштауфены и Гвельфы избрали Италію полемъ для своихъ битвъ. По прекращеніи усобицъ, или еще въ продолженіе этой борьбы, нѣкоторые города въ Верхней Италіи достигли самостоятельности, развили въ себѣ значительную силу и великолѣпіе, дали у себя пріютъ знаніямъ, особенно искусствамъ, однако не въ состояніи были дать Италіи точку опоры и единство. Такъ, французы, испанцы, австрійцы безпрестанно боролись между собою за господство въ Верхней Италіи, пока наконецъ французы

³⁷⁾ Какъ Испанія у насъ очень мало извѣстна, то мы и позволяемъ себѣ указать читателямъ на замѣчательное сочиненіе Гарридо: Garrido (Fern.), *L'Espagne contemporaine, ses progrès, moraux et matériels au XIX siècle*, Bruxelles et Leipzig. 1862, in 8o, VIII+409 p. В. Л.

не приобрѣли переѣса во время Наполеона, но, по его паденіи, Верхняя Италія опять подпала власти австрійцевъ. Южная Италія представляетъ въ этомъ отношеніи точную копию Верхней. Одни за другими боролись за эту прекрасную землю: византійцы, лонгобарды, сарацены, норманны, нѣмцы, пока наконецъ папы не рѣшились передать страну въ ленное владѣніе французамъ. Но и это не испугало чужеземцевъ: Франція и Испанія вели изъ-за нея долговременныя войны, пока напоследокъ и австрійцы не объявили (хотя безъ особеннаго успѣха) своихъ притязаній на эти страны, и нѣкоторое время даже держали ихъ въ своей власти. Наполеонъ и эту страну захватилъ было въ свою власть, но, съ его паденіемъ, она отошла къ прежнимъ владѣтелямъ. Въ срединѣ Италіи утвердилась римская курія, которая итальянцамъ, со всѣхъ сторонъ попираемымъ чужеземцами, казалась чѣмъ-то въ родѣ національнаго правительства; было даже время, когда курія, повидимому, хотѣла воспользоваться своимъ положеніемъ, но для этого ей недоставало твердаго основанія и силы: она постоянно принуждена была щадить чуждыя власти, разсчитывая на ихъ услуги въ пользу ея собственнаго церковнаго владычества. Кромѣ того, курія видѣла, что, по своему церковному характеру, она неспособна къ широкому политическому господству, и потому должна была оставить свои замыслы и удовольствоваться верховнымъ церковнымъ владычествомъ.

Вообще итальянскій народъ представляетъ печальную картину: всегда покоряемый и попираемый чужеземцами, онъ оставался какъ-бы несовершеннѣйшимъ, понапрасну теряя свои силы. Но, конечно, недовольство такого рода чуждымъ господствомъ давало поводъ, съ одной стороны, къ постояннымъ проискамъ и отвратительному шпіонству, а съ другой — къ измышленію самыхъ разнообразныхъ хитростей, самыхъ гнусныхъ средствъ для сохраненія народа въ рабствѣ. Такимъ образомъ Италія стала родиной той безобразной тайной полиціи и той правительственной системы макіавелизма, которую она разработала въ теоріи и сообщила въ наученіе Западу; и все это итальянскій народъ терпѣливо переносилъ; онъ дѣлалъ это возможнымъ и даже необходимымъ, и такимъ образомъ глубоко развратился. Постоянныя партіи, которыя безпрестанно возникали внутри и внѣ городовъ, проистекающее отсюда ожесточеніе и безнравственность всякаго рода, которою всего болѣе заражена была римская курія, мало способны были доставить Италіи точку опоры противъ чужеземнаго господства. Правда, въ новѣйшее время итальянцы возстали противъ него вездѣ, во всѣхъ мѣстахъ, но нигдѣ не могли

утвердиться и осуществить желанное освобождение отъ чужеземнаго ига. Между тѣмъ это движеніе возбуждено было разрушительными западными вліяніями, и хотя мы питаемъ человѣческое сочувствіе къ несчастіямъ разорванной и попоранной Итали, однако мы убѣждены, что мадзиніевскія операціи и очень сомнительный успѣхъ его плановъ подвергъ бы разнузданную и испорченную Италію безграничной неурядицѣ и разложенію.

Германія достигла высокой степени блеска и силы во время Каролинговъ. Раздѣленные, разбѣдиненныя между собою, нѣмецкія племена уже раньше, при Меровингахъ, но окончательно при ихъ дѣятельныхъ преемникахъ, принуждены были перемѣнить своихъ самостоятельныхъ герцоговъ на вассаловъ и сановниковъ имперіи, и, такимъ образомъ, введеніемъ одного и того же управленія, нѣмецкая имперія соединилась въ одно великое цѣлое. Преемники Каролинговъ, Оттоны и Генрихи, большею частію сильные правители, настойчиво продолжали начатое дѣло, но уже при послѣднихъ Каролингахъ, особенно же при еще сильныхъ Гогенштауфенахъ, герцоги не разъ пытались сдѣлаться самостоятельными; императоры противоудѣйствовали этому тѣмъ, что освобождали менѣе сильныхъ князей отъ зависимости отъ герцоговъ, и надѣляли ихъ герцогскими правами въ ихъ областяхъ. Этимъ средствомъ пользовались они довольно долгое время, что, однако, увеличивало только число стремящихся къ независимому положенію, а это стремленіе находило значительную опору въ избирательныхъ правахъ нѣмецкихъ князей и, кромѣ того, оно усиливалось еще соперничествомъ Гогенштауфеновъ и Гвельфовъ. Въ такомъ положеніи вступили на нѣмецкій престоль Габсбурги, которые сейчасъ обнаружили, что силу своего дома они предпочитаютъ даже благосостоянію и единству имперіи; въ этомъ имъ усердно подражали князья, за которыми Люксембурги въ такъ называемой золотой буллѣ уже законно признали право избранія императоровъ, перенесли его на себя, такъ называемыхъ, курфирстовъ, и на этомъ послѣдніе основывали такія права въ своихъ областяхъ, которыя уже почти равнялись полнотѣ королевской власти.

Черезъ это и вслѣдствіе предоставленнаго имъ значенія въ имперіи, князья необыкновенно возвысились; за избранными послѣдовали въ своихъ стремленіяхъ и остальные. Когда наконецъ разразилась реформація, то эти князья немедленно ею воспользовались для освобожденія своихъ народовъ не только отъ папской власти, но и отъ императоровъ, которые стали между тѣмъ защитниками и передовыми борцами за папство въ Германіи. Въ тридцатилѣтней войнѣ, которая воспользовалась только церковною

причиною для мірскихъ видовъ, это стремленіе уже явно обнаружилось, ибо не только императорская сторона открыто боролась за неограниченную власть въ имперіи, но и противоположная сторона, опиравшаяся на шведовъ, стремилась къ тому же въ своихъ областяхъ, и дѣйствительно, по вестфальскому миру, который привелъ къ удовлетворительному исходу ея усилія, она почти добилась цѣли своихъ стремленій.

Съ этого времени нѣмецкая имперія стала только тѣнью имперіи, нѣмецкое единство не единою множественностію, нѣмецкій императоръ владѣтелемъ безъ земли и силы. Теперь Бранденбургскій князь, Фридрихъ I, безъ боязни могъ возложить королевскій вѣнецъ на свою голову, и императоръ въ послѣдствіи долженъ былъ одобрить это самовозвышеніе; теперь могъ возникнуть безнаказанно позорный для нѣмцевъ Рейнскій союзъ, по которому вступившіе въ него нѣмецкіе князья не только выставили напоказъ все безсиліе священной римской имперіи, но даже побуждаемые своими единичными выгодами, они бросили ее подъ ноги сильному и совершили всевозможныя предательства противъ своего отечества. Наполеонъ игралъ этими князьями, какъ куклами: угодно ему было вычеркнуть кого изъ списка владѣтелей священной римской имперіи, онъ вычеркивалъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій, и они должны были молчать; другіе, по его всесильному слову, опять были коронованы и провозглашаемы государями (Souverainen), королями, полновластными герцогами, конечно, небольшихъ областей; духовныхъ владѣтелей онъ дѣлалъ свѣтскими, или, рѣшивъ, что имъ уже наскучили свѣтскія занятія, отправлялъ къ церковному богослуженію, а то и въ монастыри, для размышленія о бренности блеска сего міра; что можно было забрать изъ имперіи, онъ забиралъ; въ Регенсбургѣ онъ управлялъ рейхсратомъ; однимъ словомъ, какъ изъ старой оружейной палаты, одно вынималъ и, немножко отполировавши, отправлялъ на выставку, остальное заржавленное просто приказывалъ выбрасывать вонъ. Таково именно было обращеніе Наполеона съ нѣмецкой имперіей. Тогдашній августѣйшій глава имперіи, Францъ, замѣтивъ, что Нѣмецкая имперія уходитъ изъ Германіи черезъ Рейнскія ворота, такъ близко принялъ это къ сердцу, что отрекся отъ престола. Такимъ образомъ кончилось существованіе Нѣмецкой имперіи даже по имени,—какъ раньше или позже кончится все, что разложилось уже въ самомъ своемъ существѣ. Послѣ изгнанія Наполеона, князья на вѣнскомъ конгрессѣ заключили, а на франкфуртскомъ возобновили, Нѣмецкій союзъ, но весь этотъ союзъ только жалкій суррогатъ для нѣмецкаго единства и могущества. Мы не знаемъ, выдержалъ ли бы онъ испы-

таніе своихъ силъ; извѣстно только одно: что онъ ихъ испыталъ на свободѣ университетскаго преподаванія, и испыталъ достаточно. Состоящій подъ прусскимъ покровительствомъ, нѣмецкій таможенный союзъ (Zollverein) есть болѣе спасительный якорь для страны, наводняемой произведеніями англійской промышленности, чѣмъ проявленіе силы нѣмецкаго духа; такого рода союзы, основанные на матеріальныхъ выгодахъ, могутъ на время только оживить народное чувство, но они не могутъ ему сообщить необходимой для дѣйствія, но уже погасшей силы.

Это раздѣленіе и разложеніе нѣмецкаго единства есть зло, которымъ страдаетъ нѣмецкій народъ, и мы не надѣемся, чтобы когда-нибудь онъ имѣлъ силы освободиться отъ него. Добродушный характеръ нѣмцевъ, по своей природѣ болѣе расположенный къ внутреннему сосредоточенію, чѣмъ стремящійся къ проявленію себя наружу, по необходимости уклонился изъ области политической дѣятельности и, ко благу человѣчества, перенесъ всю свою мощь на поприще изслѣдованія и изученія. На этомъ полѣ онъ совершилъ многое, достойное признательности, даже великое; онъ теоретически обосновалъ и отстаивалъ церковную реформацію и, вслѣдствіе этого, глубже всѣхъ другихъ народовъ обнялъ и разработалъ науку, но зато на политическомъ поприщѣ онъ долженъ былъ уступить другимъ дорогу, переносить даже оскорбленія. Хотя нѣмцы сами недовольны и бранятъ такое направленіе своего духа, хотя они между собой и подсмѣиваются надъ своимъ мудрствованіемъ, хотя они и называютъ своихъ великихъ мыслителей непрактическими людьми, даже представляютъ это въ смѣшномъ видѣ, однако, хотя бы они и захотѣли въ будущемъ отказаться отъ такого направленія своего духа и обратить свою дѣятельность исключительно на политическое поле, едва-ли и тогда достигли бы они цѣли своихъ стремленій: одушевленіе происходитъ не отъ взаимнаго возбужденія и словъ; оно есть плодъ сознающаго свое высокое призваніе духа. Нѣмцы вступили на поприще всемірной исторіи съ подобнымъ призваніемъ, съ имперією, построенною на идеѣ христіанской. Тогда все имъ было открыто направо и налево, но теперь стало совершенно иначе³⁵⁾. Чтобы сложиться и

³⁵⁾ Прибавимъ, что подозрѣваемая теперь нѣмецкими патріотами мысль о возстановленіи нѣмецкой имперіи и прежняго господства надъ Западомъ и Востокомъ, особенно надъ славянами, эта мысль противна духу времени и требованіямъ свободы, которой себѣ желаютъ же нѣмцы. Эта мысль ведетъ свое начало изъ той средневѣковой воображаемой истины, что власть Рима надъ всѣмъ міромъ перешла отъ грековъ, за ихъ грѣхи, къ нѣмцамъ, говорившимъ въ средніе вѣка:

дѣйствовать, они прежде всего нуждаются въ политическомъ единствѣ, но этому препятствуютъ безконечно малыя государства, изъ коихъ нѣкоторыя, какъ сами нѣмцы смѣются, имѣютъ не болѣе трехъ гусарь, и то объ одну лошадь, которою они дѣлятся по-братски. Воротившись домой съ французской войны, казаки вдосталь подсмѣивались надъ этою раздробленностью государствъ, и на вопросъ, гдѣ они были, въ какихъ земляхъ, отвѣчали: „въ такихъ земляхъ, что въ одной ночевали, въ другой обѣдали, въ третьей ужинали, въ четвертой опять ночевали“. Пока про-

„Romani gloria Regni
Nos penes est“.

Король Людовикъ писалъ императору Василию I (870 г.): „Греки, за свое нечестіе, перестали быть римскими императорами“. Какъ папы въ церкви объявили грековъ и всѣхъ восточныхъ христіанъ рабами и илотами, въ дѣлахъ вѣры не долженствующими имѣть права собственнаго голоса, такъ точно поступили нѣмцы и ихъ императоры съ греками и славянами и въ международномъ правѣ. Въ этомъ отношеніи у Рима съ Германіею была постоянная стачка. Папы дозволяли и помогали нѣмцамъ поработать и нѣмечить славянъ, а нѣмцы облегчали Риму ихъ католиченіе. Главными причинами долгаго господства католичества были не столько невѣжество западныхъ народовъ и непониманіе неправды и вреда латинства, сколько тѣ большія матеріальныя выгоды высшихъ, заправлявшихъ дѣлами, феодальныхъ сословій, которыя они извлекали, съ помощью латинства, изъ своего простого народа, въ особенности же изъ славянъ, литовцевъ и эстовъ. Въ этомъ отношеніи очень важна знаменитая тяжба архіепископа Рижскаго, Фридриха, съ орденомъ у папы Климента V (1309—1314 г.). Впрочемъ, это не единственный примѣръ подкупа Римской курии въ дѣлахъ такой важности; а такіе примѣры доказываютъ, что не одно простодушное вѣрованіе массъ, но и корыстные расчеты предержавшихъ сословій долго поддерживали господство папства въ западной Европѣ. На взглядъ высшихъ сословій Германіи и императоровъ, точно такъ же, какъ и папъ, славяне всегда являлись непослушными подданными и бунтовщиками. Даже покорныхъ Риму и нѣмцамъ славянъ они всегда подозрѣвали въ невѣрности, въ тайномъ сочувствіи схизматикамъ. Движеніе Гуситства, мощно развившееся въ Чехіи только лишь послѣ удаленія огромнаго количества нѣмцевъ изъ Праги (1413 г.) и ослабленія нѣмецкой стороны въ правительствѣ, оправдало эти подозрѣнія. Въ Польшѣ, по свидѣтельству Остророга, до XV в. всѣ почти латинскіе монастыри состояли изъ однихъ нѣмцевъ, не пропускавшихъ славянъ. Изъ письма Оттокара I къ одному римскому кардиналу видно, что Римъ заботливо удалялъ славянъ изъ католическихъ орденовъ, дѣйствовавшихъ на европейскомъ востокѣ и наполнялъ ихъ ряды нѣмцами. Къ сожалѣнію, съ принятіемъ протестантства, нѣмцы не отказались отъ вырощенныхъ на католичествѣ взглядовъ на славянъ и другіе народы. Датчанинъ Гейнрихсенъ (*Die Germanisten u. die Wege der Geschichte*. Kopenhagen. 1848) прекрасно говоритъ объ этомъ: „Какъ Римскій патрицій обходился съ своими рабами, такъ нѣмцы хотятъ обращаться съ другими народами. Что для нихъ справедливо, то для другихъ народовъ должно быть неправдою. Чтобы видѣть образчики нѣмецкаго высокомерія,

должается такое положеніе, Германія ничего не может подѣлать; ея силы надломлены, и страна открыта со всѣхъ сторонъ. Амфиціоновъ союзъ не помогъ грекамъ: извѣстно, какъ Филиппъ сумѣлъ имъ воспользоваться для покоренія Греціи. Но рѣшатся ли нѣмцы положить конецъ этому положенію, и будутъ ли они въ состояніи дать этому рѣшенію нужный толчокъ и, не смотря ни на какія внѣшнія силы и препятствія, провести его черезъ страшный переворотъ, ибо безъ переворота оно слишкомъ трудно, почти невозможно?

Таковы вопросы, которые должны рѣшить нѣмцы, не изслѣдованіями о сущности государства, не различными теоретическими соображеніями и экспериментами, но настоящимъ дѣломъ. Новѣйшія событія, по крайней мѣрѣ, не говорятъ въ пользу желательнаго для нѣмцевъ рѣшенія этого вопроса, и ихъ исторія такого рода, что не позволяетъ выводить благоприятнаго для нихъ заключенія. Когда грянулъ громъ во Франціи въ 1848 году, поднялся великій шумъ и въ Германіи, но, вмѣсто дѣла, соборъ св. Павла во Франкфуртѣ наполнился витіями или, лучше сказать, профессорами философіи и политической экономіи, сверхъ того разными

довольно развернуть какой-нибудь нѣмецкій журналъ и тѣ его страницы, гдѣ идетъ рѣчь о Даніи. Если скажемъ нѣмцу, что ихъ литература вообще богата и прекрасна, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стоитъ ниже датской, что Германія не произвела настоящей національной комедіи, или хорошаго историческаго романа, напр., въ родѣ Ингеманна, что лучший цвѣтъ національности, народный юморъ, нигдѣ ярко не проявлялся въ нѣмецкой литературѣ, ибо, вмѣсто естественности, повсюду выступаетъ разсудочность и размышленіе, — нѣмцы, въ отвѣтъ на это, провозгласятъ всѣ эти роды словесности ниже ихъ достоинства. Я слышалъ, какъ нѣмцы осуждали Гольберга за то, что ему недостаетъ всемірно-исторической почвы. Ихъ страсти къ идеальному распространенію отвѣчаетъ страсть къ поземельному; ближайшіе къ нимъ народы, поляки, чехи, датчане, голландцы и т. д. считаются у нихъ ступенями къ нѣмецкому храму, подножіемъ ихъ міроваго царства (Weltreich) или, какъ говорилъ одинъ нѣмецъ во Франкфуртѣ, его воротами, а самый Франкфуртъ есть новый пупъ земли (теперь Берлинъ), откуда удивленному міру должна провозглашать оракулы нѣмецкая пноія.

Но всей этой наглости будетъ временемъ положенъ конецъ. Правда, противонѣмецкому движенію въ Европѣ, особенно съ востока, еще недостаетъ силы и согласія; но если нѣмцы будутъ упорствовать въ своемъ презрѣніи къ другимъ народамъ, то, когда время исполнится, нападетъ на нихъ славянскій колоссъ, — и всей остальной Европѣ откроются глаза“. Такое вѣрное и столь намъ, русскимъ, сочувственное воззрѣніе датчанъ на нѣмцевъ заставляеть насъ желать, какъ можно болѣе тѣснаго общенія съ Даніею и пріѣзда въ Россію многихъ датчанъ, художниковъ, ученыхъ, государственныхъ людей. Въ ряду послѣднихъ у насъ всегда много было нѣмцевъ: отчего же не быть и датчанамъ? В. Л.

горланами и героями дня, которые взяли себѣ задачею построить нѣмецкое государство въ залѣ собора. Съ помощью этого построения, государственная теорія была основательно разсмотрѣна, отношеніе отдѣльныхъ лицъ къ цѣлому точно и подробно (*en détail*) изложено и формулировано, и когда кончили внесеніе этихъ работъ въ протоколъ, причемъ различныя страны были протоколно присоединены къ единой Великой Германіи, то въ полномъ присутствіи и съ восторженнымъ одушевленіемъ были провозглашены единство и независимость Германіи. Для приданія этому провозглашенію должнаго значенія было торжественно положено учредить единую нѣмецкую армію и единый національный нѣмецкій флотъ, и это рѣшеніе, что особенно важно, было внесено въ протоколъ. Покончивъ такимъ образомъ съ самымъ необходимымъ и важнымъ, и построивъ и устроивъ Германію, какъ слѣдовало, верховные представители нѣмецкаго единства въ церкви св. Павла разослали приказы ко всѣмъ нѣмецкимъ правительствамъ о должномъ имъ во всемъ повиновеніи, о приведеніи арміи подъ обще-нѣмецкія знамена и о присягѣ выработанной ими конституціи. Сверхъ того, вышло воззваніе ко всему нѣмецкому народу о собраніи денежныхъ приношеній на сооруженіе, внесеннаго въ протоколъ, національнаго флота. Что же вышло изъ всего этого? По предварительномъ заявленіи своего глубочайшаго уваженія, воображаемые вассалы верховныхъ строителей Германіи въ соборѣ св. Павла отложили въ сторону всѣ ихъ указы; присягнувшія бумажной конституціи войска горѣли желаніемъ поскорѣе разогнать крикуновъ изъ церкви, и, при великомъ воодушевленіи въ Германіи, потекли изъ всѣхъ нѣмецкихъ краевъ многочисленныя пожертвованія фениговъ и грошей на сооруженіе національнаго флота! Церковь св. Павла, вообще недостаточно къ этому исходу приготовленная, наплась вынужденною прибѣгнуть къ другимъ мѣрамъ, и въ убѣжденіи, что нѣмецкое единство должно имѣть какую-нибудь видимую главу, избрала въ правители имперіи эрцгерцога Іоанна, который согласился, послѣ нѣкотораго колебанія, и въ своей сильной вступительной прокламаціи общалъ такъ крѣпко утвердить нѣмецкое единство, какъ крѣпки нѣмецкія горы. Послѣ того снова потекли приказы по всѣмъ вассальнымъ правительствамъ; но когда и они имѣли сходное съ прежними дѣйствіе, а правителю имперіи народъ объявилъ, что имперія съ нимъ рунится³⁹⁾, тогда этотъ правитель,

³⁹⁾ Въ подлинникѣ игра словъ: „und dem Reichsverweser dabei das Volk nachsagte, das Reich ginge unter ihm in Verwesung über.“ По-нѣмецки Verwesung и глѣние, гніеніе и управленіе.

въ ожиданіи чего-нибудь иного, взялъ съ собою самое дорогое, что онъ только принесъ нѣмцамъ, и убрался во-свояси.

Между тѣмъ имперія не особенно много выиграла отъ провозглашенія ея крѣпости; поэтому представители въ церкви св. Павла рѣшились испытать старое, какъ уже послѣднее, средство для возстановленія нѣмецкаго единства. Это было извѣстное избраніе прусскаго короля въ нѣмецкіе императоры. „Горька мнѣ можетъ быть эта корона“, подумалъ прусскій король, и отклонилъ ее отъ себя, но такимъ образомъ, какъ нѣкогда цезарь оттолкнулъ плечомъ поднесенный ему во время игры вѣнецъ. Послѣ всѣхъ этихъ опытовъ и злополучій съ построеніемъ Германіи, верховные распорядители церкви св. Павла стали, наконецъ, несносны правительствомъ; тамъ и сямъ въ Германіи происходили уличныя беспорядки и мятежи, и ораторы уже утомились; тогда распорядились очень скоро и выпроводили ихъ съ тою же быстротою, съ какою нѣкогда Кромвель разогналъ членовъ исполненнаго Духа Святаго парламента.

Теперь дѣло нѣмецкаго единства пришло въ застой и, быть можетъ, совершенно погибло бы, если бы въ лицѣ Шварценберга не явился новый сильный человекъ и устроитель, который полагалъ всего лучше устроить имперію, вполнѣ подчинивъ ее покровительству Австріи и ея солдатамъ. Но этимъ онъ накликалъ пруссаковъ на шею австрійцамъ. Кто могъ предсказать, что вышло бы изъ этого; быть можетъ, дошло бы до драки, о ужасъ! между австрійцами и пруссаками, если бы могущественный третій не загремѣлъ своего: „Quos ego, etc.“ и тѣмъ не привелъ вооруженныхъ бойцовъ къ спокойствію и размышленію. Такъ не удался и этотъ опытъ, но самоувѣренный устроитель напалъ на остроумную мысль—открыть въ Дрезденѣ совѣщанія съ совершенно новымъ и особеннымъ названіемъ—„свободныхъ конференцій“. Эти свободныя конференціи были открыты и закрыты съ великимъ торжествомъ, но какъ далеко подвинулось ими нѣмецкое единство, объ этомъ никому неизвѣстно,—только газеты сообщаютъ, какъ послѣднее заключеніе о нѣмецкомъ вопросѣ, что было признано за наилучшее возвратиться къ старому союзу. Такимъ образомъ *tantaе molis erat* воротиться къ союзу, и еще къ старому! Нѣмецкій флотъ поднявшеюся, по поводу нѣмецкаго единства, бурей отбитъ отъ берега и, кто знаетъ, куда онъ теперь приставетъ и гдѣ кинетъ свой якорь? Нѣмецкія газеты недавно, впрочемъ, сообщили утѣшительную новость, что ссудою изъ прусскихъ кассъ его существованіе продлится еще на шесть недѣль. Что произойдетъ съ нѣмецкимъ флотомъ по истеченіи

этого рокового срока, это еще загадка. Вѣроятно, онъ отправится въ кругосвѣтное плаваніе, и затѣмъ обнаружитъ какую-нибудь основательную теорію. Два же, другъ противъ друга вооруженные, борца, Австрія и Пруссія, Шварценбергъ и Мантейфель, преспокойно, рука объ руку, отправляются теперь въ Варшаву, чтобы выслушать тамъ главу о нѣмецкомъ единствѣ. До какой карриатуры дошли степенные и мыслящіе нѣмцы своими политическими стремленіями! Еще мадярамъ все это къ лицу, но нѣмцамъ, разсудительнымъ нѣмцамъ!

Возникшіе въ новѣйшее время въ Германіи мятежи были усмирены безъ всякаго труда, и прусскіе полки въ короткое время одержали верхъ надъ густыми, но лишенными всякаго одушевленія, толпами. Вожди устремлялись вдаль, а поднятый народъ предоставлялъ событіямъ идти своимъ ходомъ. Въ событіяхъ послѣднихъ вѣковъ, полныхъ значенія для нѣмцевъ, народныя громады точно такъ же не развернули никакой особенной силы. Ни одинъ правдолюбивый человекъ не станетъ отрицать, что непосредственно слѣдовавшая за реформаціею война была ведена въ высшей степени вяло, а война тридцатилѣтняя со стороны нѣмцевъ была ведена съ очевидною жалкою слабостью. Иначе, какимъ образомъ могла она тянуться такъ долго, и, при иномъ настроеніи народа, не явились ли бы сильныя личности во главѣ мужественнаго народа? Но ничего такого не обнаружилось въ тридцатилѣтнюю войну, за исключеніемъ шведовъ и нѣкоторыхъ смѣлыхъ предводителей въ рядахъ Лиги, и Германія вышла изъ войны совершенно усталою и истощенною. Какъ настроены были нѣмцы въ наполеоновскую эпоху, и какъ они заботились о своей свободѣ, объ этомъ мы уже упоминали. Если бы русскіе не наложили своей руки на всемогущаго, не встряхнули нѣмцевъ и не оказали имъ рѣшительной помощи, кто знаетъ, какаю бы судьба постигла тогда Германію? Въ то время русскихъ въ Германіи не ненавидѣли такъ, какъ теперь: напротивъ, нѣмцы тогда охотно слушали и распѣвали ихъ пѣсни, даже хвалили добрыхъ казаковъ ⁴⁰⁾.

⁴⁰⁾ Да, въ 1813 году нѣмцы пѣли намъ хвалебныя оды, приходили въ восторгъ и умиленіе отъ одного имени великодушнаго Александра, дѣдушки (Altvater) Кутузова и пр., а теперь зачастую отъ нихъ слышимъ, что Россія только отняла у нихъ славу освобожденія отъ Наполеона, или даже, что Германія собственно освободила Россію. Такъ, Виртъ: „Wir sind keineswegs geneigt, die Niederlage Napoleons in Russland als ein so grosses Glück für Deutschland zu betrachten, weil die grössere Hälfte des Ruhmes, der den entscheidenden Triumph über Napoleon umstrahlte, und fast der ganze aus dem Siege hervorgegangene politische Einfluss dem Kaiser von Russland zugeschoben, das

Вы скажете: „Австрія въ французскихъ войнахъ сдѣлала дѣло“. Да, но скажите, пожалуйста, какими силами? Эти силы были столько же нѣмецкія, сколько были римскими тѣ силы, которыми Азцій разбилъ Гунновъ на поляхъ каталаунскихъ. Впрочемъ, не укрывайтесь за Австрію; она была также безсильна, истощена и, до послѣдняго рѣшительнаго вмѣшательства русскихъ, постоянно бита. А потому, что касается Австріи, то о ней уже лучше всего молчать. Приведеніе въ исполненіе, рѣшительно опредѣленнаго въ церкви св. Павла, присоединенія Шлезвигъ-Голштейна къ Германіи также не отличалось особеннымъ успѣхомъ. Хотя общества пѣвцовъ храбро распѣвали по всей Германіи: „Schleswig-Holstein Stamm verwandt“ и „Schleswig-Holstein meerumschlungen“, однако, когда дошло до боя, потянулись изъ округовъ Германіи только немногіе охотники на помощь къ погибавшимъ братьямъ; впрочемъ, сверхъ того, отправлено было усталымъ въ борьбѣ братьямъ порядочное количество пива. Если и не много, то хоть что-нибудь! (Wenn auch nicht viel, doch etwas!). Слѣдуетъ также замѣтить, что величайшіе люди изъ нѣмцевъ отнюдь не люди дѣла, какъ у французовъ, но люди искусства и науки, какъ, напримѣръ, Гёте, Шиллеръ и прочіе до безконечности.

Самое сильное, наиболѣе нѣмецкое государство и при томъ преимущественно протестантское, какъ и подобаетъ нѣмецкому государству, это Пруссія. Протестантское образованіе и направленіе господствуетъ какъ въ народѣ, такъ и въ его правителяхъ, которые, если и не всегда были замѣчательными государями, то всегда честными людьми. При этихъ достопочтенныхъ преимуществахъ прусскаго государства, тѣмъ не менѣе оно не лишено значительныхъ невыгодъ, къ которымъ прежде всего принадлежатъ разбросанность и неокругленность его области и притязанія на званіе великой европейской державы. Такимъ положеніемъ, къ которому Пруссія въ послѣднее время постоянно стремилась и которое совершенно не по ея средствамъ, это государство вѣчно бываетъ вынуждено къ крайнему напряженію силъ, и при этомъ всегда становится въ неловкое положеніе, подобно неимущему че-

deutsche Volk aber um die Früchte seines Sieges und seiner ungeheuren Opfer an Gut und Blut beinahe gänzlich betrogen wurde“. (Wirth, Max. Die Deutsche Nationaleinheit in ihrer volkswirthsch. geist und polit. Entwicklung an der Hand d. Geschichte. Frankf. a. M. 1859, 8°, S. 387). Австрійскій публицистъ, Шулцелька, въ своемъ журналѣ „Reform“ (1862) писалъ, между прочимъ: „Es ist wahrlich nicht Deutschland durch Russland, sondern umgekehrt, Russland ist durch die Erhebung Deutschlands gerettet worden“. По его же замѣчанію, въ 1813 году „ein Preusse für zehn Russen gelten konnte“. В. Л.

ловѣку, который лѣзетъ въ общество богатыхъ вельможъ. Въ европейскихъ событіяхъ Пруссія никогда не можетъ провести своего взгляда, и поэтому должна или навязывать свой взглядъ другой державѣ, болѣе могущественной, или итти по ея слѣдамъ⁴¹⁾. Фридрихъ Великій съ своимъ народомъ совершилъ много славнаго

⁴¹⁾ Новѣйшія побѣды и усиленіе Пруссіи, повидимому, и только отчасти, опровергають замѣчаніе Штура. Оно относится къ прежней, а не нынѣшней, Пруссіи, которая и съ округленіемъ своихъ границъ всетаки не стала настоящею Великою Державою. Теперь настоящія Великія Державы, по мѣткому замѣчанію К. Франца (*Untersuchungen über das europäische Gleichgewicht. Berlin 1859, S. 75—117*), Франція, Англія, Америка и Россія, стали собственно Міровыми Державами (*Weltmächte*), и съ этимъ прежнее значеніе Великихъ Державъ утратило смыслъ. Пруссія въ послѣднее время стала гораздо сильнѣе, чѣмъ была прежде,—это правда; но отъ этого она еще не стала Міровою Державою; не говоря уже о другихъ частяхъ свѣта, въ которыхъ болѣе или менѣе живо затронуты интересы настоящихъ нынѣшнихъ Великихъ или собственно Міровыхъ Державъ, Англіи, Франціи и Россіи, въ самой Европѣ есть важные политическіе вопросы, въ которыхъ Пруссія не можетъ, по своему положенію, имѣть рѣшительное вліяніе и участіе, напр., въ Восточномъ вопросѣ, поскольку онъ касается славянъ турецкихъ; впрочемъ, будущая судьба австрійскихъ славянъ уже касается Пруссіи. Правда, теперь Пруссія весьма усилилась, но въ то же время пораженіемъ Австріи она принесла большую пользу не одной себѣ, но и романцамъ, именно итальянцамъ, которые никогда не откажутся отъ своего стародавняго соперничества съ нѣмцами и славянами, которые съ тѣхъ поръ слишкомъ много испытали, пережили, далеко подвинулись въ правильнѣйшемъ пониманіи своей общей задачи и замѣтно въ своемъ сознаніи сблизились съ Россією. Своимъ нынѣшнимъ усиленіемъ Пруссія возбудила страшную ревность въ честолюбивой и пылкой Франціи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, приготовила, въ близкомъ будущемъ, совершенную перемѣну въ отношеніяхъ Россіи къ Германіи, помогать которой теперь мы, русскіе, не захотимъ ни въ какомъ случаѣ. Въ то же время усиленіе Пруссіи пробудило въ русскомъ обществѣ славянское самосознаніе и показало, что, прежде представлявшееся невиннымъ, нѣмецкое вліяніе въ Россіи можетъ быть еще опаснѣе и вреднѣе польскаго. Наконецъ, какъ бы ни была сильна Пруссія, но она не можетъ довольствоваться настоящимъ своимъ положеніемъ и должна стремиться къ новымъ завоеваніямъ. Всякій же новый шагъ Пруссіи на этомъ пути (какъ бы ни былъ онъ встрѣченъ Францією,—и позволительнѣе сомнѣваться въ ея сочувствіи и помощи, чѣмъ на нее разчитывать), во всякомъ случаѣ возбудитъ вопросъ славянскій, не только въ Турціи, не только по сю, но и по ту сторону Карпатъ, и силою вещей, всевластнымъ потокомъ событий, Россія волею-неволею вступитъ на тотъ путь, который ей указанъ Провидѣніемъ для совершения переворота въ судьбахъ славянскаго міра. Этотъ путь, эта задача Россіи, не ясны и не понятны у насъ людямъ, незнакомымъ съ своимъ отечествомъ и славянствомъ; но, благодаря Бога, нынѣ они все болѣе и болѣе утрачиваютъ свое вліяніе. Проясненію славянскаго самосознанія и въ Россіи и внѣ ея это сочиненіе Штура будетъ много содѣйствовать. В. Л.

и достойнаго удивленія, но съ того времени прусское государство было не въ силахъ само отстоять отъ всѣхъ покушеній свое положеніе и самостоятельность. Приманиваемая Наполеономъ, Пруссія больше изъ боязни, чѣмъ изъ расположенія, или изъ-за выгодъ, держалась позади, но когда дерзнула ему противорѣчить, то однимъ сраженіемъ была почти вычеркнута съ карты Европы. Единственно русскому посредничеству обязана она была своимъ тогдашнимъ плачевнымъ существованіемъ, а позже могущественной русской помощи—своимъ возрожденіемъ. Если Пруссія, по западнымъ понятіямъ, есть государство самодержавное, то все-таки прусскій народъ имѣлъ всѣ причины быть имъ довольнымъ, ибо равный судъ доступенъ былъ каждому, безъ различія сословія, народное образованіе было сильно поощряемо, возрѣнія и обычаи народа уважаемы, и прусское правительство не легко приступало къ какой-нибудь мѣрѣ, не увѣрившись предварительно въ одобреніи народа. Тѣмъ не менѣе, и прусское государство было увлечено въ потокъ новѣйшихъ европейскихъ движеній, что въ нѣкоторой степени, можетъ быть, зависитъ отъ колебаній нынѣшняго короля, въ его непрерывныхъ опытахъ и начинаніяхъ, но преимущественно должно быть приписано распространившемуся въ Пруссіи западно-европейскому направленію. Позднѣйшія нѣмецкія заявленія короля не смогли привлечь къ нему расположенія разъединеннаго съ нимъ народа, и образовавшаяся и тамъ уже пропасть между правительствомъ и народомъ, пропасть, постоянно увеличивающаяся съ дальнѣйшимъ распространеніемъ западно-европейскихъ требованій, грозитъ прусскому государству большою опасностью ⁴²⁾.

Изъ всѣхъ западно-европейскихъ государствъ самое здоровое и сильное есть безспорно Англія. Въ народѣ еще живетъ благочестіе; его спокойный, здравый смыслъ противенъ всякому по-

⁴²⁾ О господствующей нынѣ (т. е. въ 1867 г.) въ Пруссіи феодальной партіи и о внѣшней политикѣ графа Бисмарка см. замѣчательные памфлеты (вѣроятно, К. Франца). Constant (Victor), Le parti féodal en Prusse, au point de vue des intérêts Prussiens, Allemands et Européens. Paris 1865 и La Prusse. Lettre au Comte de Bismarck. Hambourg 1866. В. Л.—Л. Штуръ не дожилъ до Франко-прусской войны 1870—1871 гг. и связанныхъ съ нею событій міровой важности. Объединеніе Германіи, возвышеніе Пруссіи, современная политическая и культурная мощь нѣмцевъ, настойчивое и послѣдовательное стремленіе ихъ къ господству въ мірѣ и въ частности надъ славянами—всѣ эти историческія событія и явленія заставляютъ внести существенныя поправки какъ въ введенныя мнѣнія Л. Штура о Германіи и нѣмцахъ, такъ и въ сужденія В. И. Ламанскаго, изложенныя въ предшествующемъ примѣчаніи. Т. Ф.

спѣшному и торопливому движенію; его мощь въ постоянномъ напряженіи и всегда ищетъ себѣ новыхъ поприщъ. Вообще, это одна изъ особенностей германцевъ, которая вытекаетъ изъ глубины ихъ духа и обнаруживается у нѣмцевъ въ ихъ духѣ изслѣдованія сущности всѣхъ явленій и въ погруженіи въ науку, у англичанъ—въ учрежденіи государства, и у норманновъ—въ быстрыхъ, хорошо обдуманыхъ и рѣшительно исполненныхъ предпріятіяхъ. Государство составляетъ величіе англичанъ, но его устройство не выведено изъ апіористическихъ формулъ, не изучаю взято и перенесено въ Англію; оно проистекаетъ изъ глубины стремленій и потребностей народнаго духа, оно развивалось постепенно и вмѣстѣ съ народомъ, тѣсно съ нимъ срослось, и потому составляетъ съ народною жизнью одно органическое цѣлое. Въ Англіи такъ называемая конституція стала истиною, и потому, что она такъ хорошо удалась въ Англіи, стали думать, что она создана для всѣхъ временъ и всѣхъ странъ; вводили ее, гдѣ только было можно, и надѣялись, такимъ введеніемъ и подражаніемъ, устроить столь же крѣпкое и свободное государство, какъ и въ Англіи. Опытъ показалъ, какъ въ этомъ ошибались. Такая конституція, какъ англійская, имѣетъ также свое время, свое поприще развитія, возможна только въ извѣстныхъ предѣлахъ, требуетъ свойственнаго англичанамъ духа, сдержанности и умѣренности, и нуждается для подѣлки въ столь же трудолюбивомъ и предпріимчивомъ народѣ, какъ англичане. Какой изъ западныхъ народовъ можетъ похвалиться въ той же степени, какъ англичане, этими преимуществами? И въ Англіи также было нѣкогда дворянство привилегировано и всемогуще, земледѣльческой народъ былъ нѣкогда и ему обязанъ барщиною, среднее сословіе въ прежнія времена точно также не пользовалось политическими правами въ той степени, какъ теперь, но какъ же съ теченіемъ времени сгладились всѣ эти неровности въ англійской государственной жизни, какъ всегда умѣло здѣсь дворянство во-время отказываться отъ своихъ правъ, какъ мало возгордилось среднее сословіе, войдя въ обладаніе политическихъ правъ! За исключеніемъ крупнаго землевладѣнія, англійское дворянство почти ничѣмъ не отличается отъ народа, и эти земли наследуются только старшими сыновьями, другіе же, исключенные изъ землевладѣнія, довольствуются удѣлами, или обращаются къ какому-нибудь занятію въ гражданскомъ обществѣ, поступаютъ въ него и совершенно уравниваются во всѣхъ отношеніяхъ съ прочими джентельменами. Какихъ буръ ни вызвало бы проведеніе подобныхъ мѣръ въ другихъ западныхъ государствахъ, тогда какъ въ Англіи онѣ прошли

постепенно и незамѣтно! Въ Англіи случались также государственные перевороты, но какъ они отличаются въ началѣ и исходѣ отъ переворотовъ въ другихъ государствахъ! Послѣ реформаціи въ Англіи двойственное положеніе короля, какъ свѣтскаго и церковнаго главы, существенно способствовало перевороту, такъ какъ глубокомысленная германская природа не могла вынести высшихъ свѣтскихъ предписаній въ дѣлахъ вѣры; сверхъ того, переворотъ произошелъ вслѣдствіе необходимыхъ послѣ открытія Америки и центровъ промышленности перемѣнъ въ государственномъ хозяйствѣ. Но когда палъ Карлъ I и вскорѣ послѣ него сошелъ со сцены и протекторъ, то какъ быстро изгладились всѣ слѣды потрясенія, и какъ снова стала Англія сильна и едина!

При всѣхъ правахъ, какія имѣетъ народъ въ законодательствѣ, отчасти также въ управленіи и судопроизводствѣ страны, какъ возвышается, однако, надъ всѣмъ власть короля, и какъ высоко уваженіе къ верховной главѣ народа! И, несмотря на то, какой свободой пользуется каждый законнымъ образомъ, а при всемъ томъ какое спокойствіе, безопасность и порядокъ въ странѣ! Англія мало имѣетъ дѣла съ тайной полиціей, да и къ чему могла бы она ей служить? Каждый имѣетъ тысячу средствъ высказывать свои желанія, и потому не боится никакихъ преслѣдованій; въ случаѣ обиды и оскорбленія каждому открыты законные пути, и, наконецъ, каждый проникнуть убѣжденіемъ, что необходимы для блага страны мѣры, если не сейчасъ, то со временемъ одержать побѣду. Въ новѣйшее время даже торійское министерство предложило значительныя измѣненія въ основныхъ законахъ страны. Совершенно иначе устроились дѣла съ введеніемъ хартій въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ. Тотчасъ съ ихъ введеніемъ страны распадаются на два враждебные стана, изъ коихъ каждый считаетъ возможнымъ свое дальнѣйшее существованіе только послѣ побѣды надъ другимъ: война на жизнь и смерть будетъ здѣсь рѣшающимъ словомъ. Хотя въ Англіи границы королевской власти строго опредѣлены, однако нельзя думать, чтобы, по духу государственнаго устройства и понятіямъ народа, она существовала, какъ нѣчто отдѣльное; напротивъ, она такъ тѣсно переплетается съ народомъ, что они представляютъ какъ-бы одно цѣлое.

Тѣмъ менѣе можетъ быть здѣсь рѣчь о взаимныхъ столкновеніяхъ: обѣ стороны одинаково вѣрятъ въ свой здравый смыслъ и твердое отстаиваніе своихъ правъ. Всѣмъ извѣстно, какого высокаго положенія, богатства и силы достигла Англія, благодаря этому государственному устройству, которое собственно и соста-

вляеть жизнь англійскаго народа. Англія, между прочимъ, стояла во главѣ западныхъ государствъ въ борьбѣ противъ непобѣдимаго почти императора французовъ: она ихъ соединяла, оживляла павшія надежды, на всѣхъ точкахъ земли смѣло выступала противъ все-сильнаго, помогла, между прочимъ, и Австріи въ ея нуждѣ.

Между тѣмъ, все имѣеть свой конецъ и свою высшую точку: Англія, повидимому, уже прошла чрезъ меридіанъ своей высоты и силы. Мы сказали выше, что только внутри извѣстныхъ границъ возможно удержать учрежденія, подобныя англійскимъ; только народъ образованный, пользующійся благосостояніемъ, имѣющій сильный, заинтересованный въ поддержаніи существующаго сенатъ, — народъ, свободный отъ увлеченій всякаго рода, можетъ пользоваться политическими правами; но коль скоро эти условія разорваны, слѣдуетъ разрушеніе всего государственнаго строя. Англичане хорошо сознають это, и отсюда такъ умѣренно и обдуманно поступательное ихъ шествіе по пути политическихъ преобразованій; поэтому-то каждая новопредложенная мѣра подвергается тысячамъ испытаній. Здѣсь же коренится ихъ боязнь передъ внезапною отмѣною ненужныхъ болѣе, даже смѣшныхъ мѣръ и постановленій.

Господствующее возрѣніе на этотъ предметъ такого рода: законодательное собраніе должно представлять народу добрый примѣръ въ спокойномъ, обдуманномъ шествіи впередъ, законнымъ путемъ предупреждать всякіе крутые перевороты, не отказывая ему въ томъ, что наконецъ созрѣло. На указанныхъ здѣсь основаніяхъ держались также и древнія республики: онѣ тоже имѣли свои сенаты, но ихъ постепенное паденіе ясно доказываетъ, что онѣ утверждены были на болѣе широкихъ основаніяхъ: это открывало свободное поле дѣйствія для легкой подвижности, разнообразія мнѣній и, вслѣдствіе этого, партій. Билль реформы, проведенный въ Англіи въ 1832 г. въ министерство Грея, а возбужденный уже за 50 лѣтъ передъ тѣмъ, отмѣнилъ очевидныя злоупотребленія относительно избирательнаго права; вообще, онъ перенесъ это право на состоятельныя сословія богатыхъ городовъ, призналъ его даже за откушниками, но ни въ какомъ случаѣ не увеличилъ его; онъ только распредѣлил и опредѣлил его, и, однако, англійскій народъ остался недоволенъ этимъ преобразованіемъ, какъ это видно изъ происшедшихъ въ Англіи движеній. Радикалы и хартисты хотять, чтобы избирательное право распространено было вообще на весь народъ безъ различія, не обращая вниманія на состояніе и образованіе, такъ чтобы всѣ отцы семействъ могли въ немъ участвовать: они представили даже въ парламентъ

грозныя прошенія въ этомъ смыслѣ, и ихъ дѣятельность все возрастаетъ. Но если бы когда-нибудь, что очень возможно, этотъ законъ прошелъ и государственныя учрежденія выдвинуты были на это широкое поле, твердая старая англійская конституція пошатнулась бы въ своихъ основаніяхъ; на мѣсто элемента, двигающагося медленно и обдуманно, неизбѣжно выступила бы подвижная, не сдерживаемая надлежащимъ образованіемъ, масса; англійскій сенатъ, такъ называемая верхняя палата, тотчасъ бы былъ уничтоженъ, монархія ниспровергнута, открыта дорога всякимъ страстямъ. Исходъ будетъ, вѣроятно, тотъ же, что и у другихъ государствъ въ подобныхъ положеніяхъ. Такъ какъ это стремленіе возрастаетъ теперь въ силѣ (*consistens*), то и въ парламентѣ обнаруживается его дѣйствіе: старыя партіи торіевъ и виговъ все болѣе и болѣе теряютъ значеніе, строго разграниченныя прежде мнѣнія смѣшиваются, незамѣтно вытѣсняются вновь нарождающимися воззрѣніями. Отсюда уменьшеніе прежней твердости и сплоченности парламента, отсюда же колебанія и нетвердость отдѣльныхъ министровъ. Хотя это внутреннее разложеніе медленно идетъ въ сдержанномъ англійскомъ народѣ, хотя оно значительно сдерживается постоянными занятіями рабочихъ классовъ, вслѣдствіе величественно развившейся промышленности, и отливомъ безземельнаго населенія въ другія части свѣта, тѣмъ не менѣе это разложеніе неоспоримо. Промышленность, развившаяся въ Англіи до громаднхъ размѣровъ, есть ея сила, но въ ней же и слабая сторона Англіи. Не говоря уже о томъ, что черезъ это ея богатство, а съ тѣмъ вмѣстѣ и поземельная собственность, какъ мы выше упоминали, скопляется въ немногихъ рукахъ, вслѣдствіе чего разрядъ бѣдныхъ все возрастаетъ въ числѣ и все болѣе впадаетъ въ глубокую нищету, не говоря далѣе о томъ, что этотъ обѣднѣвшій, бѣдствующій народъ, предоставленный на полную волю или произволь фабрикантовъ, возбуждается къ недовольству и даже ярости, не говоря уже обо всемъ этомъ, замѣтимъ, что своею величественною промышленностью Англія поставлена въ зависимость отъ другихъ странъ, и положенія этого измѣнить нельзя. Послѣ того какъ Наполеону не посчастливилась попытка высадиться въ Англію съ вооруженною силою, онъ обдумывалъ средство другимъ образомъ нанести ей смертный ударъ и думалъ найти его въ извѣстной „континентальной системѣ“. Онъ нашель вѣрное, хотя и неисполнимое для одного, даже сильнаго человѣка, средство: каково же придется Англіи, когда континентальная система войдетъ въ жизнь большей части народовъ не по всесильному повелѣнію, но постепенно, естественнымъ ходомъ

вещей? По всей вѣроятности, теперь ни одинъ народъ, ни одинъ здравомыслящій политико-экономъ не вѣритъ болѣе въ прославленную англійскими политико-экономами свободную торговлю; напротивъ, у всѣхъ народовъ съ каждымъ днемъ невольно утверждается убѣжденіе, что каждый народъ, насколько дозволяютъ его почва, положеніе, развитіе и другія отношенія, долженъ развивать свою собственную промышленность, по мѣрѣ возможности долженъ самъ удовлетворять потребности въ произведеніяхъ промышленности, нѣкоторыя вещи вывозить, если возможно, въ обмѣнъ за необходимыя произведенія чужой промышленности, и такимъ образомъ увеличивать свое богатство, силу, образованность и самостоятельность. На этомъ основаніи уже теперь у многихъ народовъ, гдѣ обращено вниманіе на промышленность и гдѣ это возможно, ввозныя пошлины замѣнены покровительственными, за что, естественно, очень досадовали на нихъ англичане и употребляли всѣ усилія, чтобы онѣ были отмѣнены. Баурингъ (Bowring), посланный англійскимъ парламентомъ на конгрессъ нѣмецкаго таможеннаго общества, употребилъ всѣ возможныя усилія, чтобы убѣдить нѣмцевъ, что ихъ покровительственный тарифъ ни къ чему не годенъ, и что Германія собственно способна только къ земледѣльческой промышленности, но нѣмцы не дали обойти себя въ этомъ отношеніи. Зачѣмъ вездѣ на материкѣ англичане подстрекаютъ къ революціямъ, если не для того, чтобы возникшій въ странѣ, вслѣдствіе войны, недостатокъ промышленной дѣятельности замѣнить произведеніями своихъ фабрикъ и предложить свой промышленный рынокъ неразвитымъ народамъ, которые только революціями могутъ достигъ самостоятельности? Англичане особенно расположены были къ итальянцамъ и мадьярамъ, потому что промышленность здѣсь въ колыбели и оба народа обращались къ англійскимъ промышленнымъ произведеніямъ. Значительные успѣхи дѣлаетъ также фабричная промышленность въ европейскихъ странахъ, особенно же во Франціи, Россіи, Бельгіи, Германіи и внѣ Европы, въ свободныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Въ Россіи, при вступленіи на царство императора Николая, было уже 5.128 фабрикъ въ дѣйствиіи, а года два спустя—болѣе 6.000.

Эта возрастающая промышленность не только закрываетъ рынки данной страны для различныхъ произведеній англійской промышленности, но сама вступаетъ въ состязаніе съ англійскими произведеніями на чужихъ рынкахъ; послѣднее преимущественно можно сказать о Россіи и Соединенныхъ Штатахъ. Россія состязается съ Англією въ Персіи, великой и малой Бухарѣ,

Кокандѣ, Ташкентѣ, Хивѣ, и оттуда русскія фабричныя произведенія идутъ въ другія азиатскія страны, особенно же въ Китай; нѣкоторымъ произведеніямъ русской промышленности, особенно толстому сукну, шелковымъ и желѣзнымъ товарамъ, даже самъ англичанинъ Бернсъ (Burnes) отдастъ преимущество передъ англійскими, именно въ томъ отношеніи, что русскіе могутъ дешевле поставлять эти издѣлія. Въ какой степени возрастаетъ русская торговля въ Азіи, можно видѣть по сравненію вывоза въ Бухару, который въ теченіе времени отъ 1824 до 1832 г. возросъ отъ 8 до 20 милліоновъ. Сѣверо-американцы, подобно англичанамъ, стремятся въ Китай, и если когда-нибудь почва Америки будетъ болѣе обработана, страна болѣе населена и, вслѣдствіе этого, рабочая плата въ Соединенныхъ Штатахъ значительно понизится, тогда соперничество сѣверо-американцевъ можетъ быть опасно англичанамъ. Вслѣдствіе усиленія промышленной дѣятельности въ европейскихъ странахъ и Соединенныхъ Штатахъ, уже теперь англійская промышленность потерпѣла чувствительные удары. Извѣстный Уркхартъ (Urquhart) утверждаетъ: что съ 1836 г. англійскій вывозъ значительно уменьшился, уже въ 1837 г. онъ принесъ 12 милліонами фунтовъ стерлинговъ меньше прежняго, между тѣмъ какъ французская торговля возросла отъ 1824—1836 г. на 108 процентовъ, а американская отъ 1815—1836 г. на 270 процентовъ. Изъ парламентскихъ отчетовъ 1840 г. видно, что въ 1839 г. ввозъ въ Англію хлопчатой бумаги былъ на 100 милліоновъ фунтовъ меньше, чѣмъ въ 1838 г., и количество изготовленной хлопчатобумажной ткани на $36\frac{1}{2}$ милліоновъ фунтовъ меньше прошлогодняго, между тѣмъ какъ эта пряжа составляетъ почти половину всего англійскаго вывоза. Эти убытки, понесенные англійскою промышленностью, побудили парламентъ къ значительнымъ измѣненіямъ законовъ о хлѣбѣ; по крайней мѣрѣ, Пиль объяснялъ ихъ тѣмъ, что англійскій вывозъ значительно убавился послѣ 1836 г., вслѣдствіе чего число бѣднаго, безхлѣбнаго народа очень возросло, и такъ надобно снабдить его болѣе дешевымъ хлѣбомъ. Измѣненіе хлѣбныхъ законовъ имѣлъ въ виду и торговый расчетъ англичанъ: они искали возможности дешевле отпустить свои товары на иностранные рынки. Когда этотъ упадокъ въ англійскомъ вывозѣ со временемъ сдѣлается еще значительнѣе, что наступитъ неизбѣжно, что тогда сдѣлаетъ Англія съ массама бѣднаго народу? Земледѣіемъ занимаются въ Англіи едва $\frac{34}{100}$ народонаселенія, которое такъ плотно, что составляетъ 4.400 душъ на квадратную милю, а если сообразить, что въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи есть горы, на сѣверѣ Шотландіи

лежать огромныя бесплодныя пространства, а во всѣхъ этихъ областяхъ много рѣкъ, озеръ и обширныхъ парковъ дворянскихъ, то можно считать на квадратную милю 5.400 душъ, то есть, тысячью душъ больше⁴³). Что же думаетъ Англія подѣлать съ этою массою людей, не получающихъ пропитанія отъ земледѣлія? Если же ввозъ и вывозъ значительно уменьшается, то уменьшаются въ такомъ же отношеніи государственные доходы: чѣмъ же покроетъ Англія свои государственные расходы? Какимъ образомъ покроетъ она милліоны процентовъ своего государственнаго долга и удовлетворить массу людей, заинтересованныхъ въ этомъ? Въ состояніи ли будетъ тогда англійское могущество и морской флотъ удержаться на теперешней высотѣ? Что станется съ англійскими поселеніями и иностранными владѣніями? Возрастающая въ народонаселеніи Новая Голландія не послѣдуетъ ли примѣру Сѣверной Америки? Высосанное англичанами населеніе Индіи не попытается ли опять стряхнуть ненавистное иго? Англичанамъ повинуются въ Индіи 130 милліоновъ людей: уже ли они навсегда утратили свою независимость? Развѣ не живутъ между ними, или въ ихъ сосѣдствѣ, храбрые Сейки, воинственные Мараты? Не имѣютъ развѣ они примѣра въ Авренгзебѣ, храбромъ Гидеръ-Али, неукротимомъ Достъ-Могаммедѣ? Развѣ недосягаетъ этихъ странъ, до самаго Китая, русская рука? Кромѣ того, не нужно упускать изъ вида, что стихія броженія растетъ внутри Англіи, хартисты имѣютъ своихъ забіякъ, своихъ physical force-men, Англія имѣетъ своихъ Оуеновъ и коммунистовъ; броженіе значительно увеличивается здѣсь еще постояннымъ притокомъ разныхъ искателей приключеній и революціонеровъ изъ большей части европейскихъ странъ. Уже ли волненіе неутомимаго нѣкогда О'Коннеля въ притѣсненномъ англичанами народѣ совершенно замолкло и не будетъ имѣть дальнѣйшихъ послѣдствій?⁴⁴) Въ теперешнихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ англичанъ, въ силѣ господствующей церкви, постепенно, но замѣтно, происходитъ поворотъ. Методисты и диссентеры возрастаютъ въ числѣ, между тѣмъ какъ пюзеизмъ хочетъ возбудить въ епископальной церкви обратное движеніе въ лоно единой спасающей церкви; по крайней мѣрѣ, онъ усиливается подготовить его, и въ новѣйшее время многимъ католическимъ церквамъ посчастливилось въ Англіи. Мы не вѣримъ въ возможность вторич-

⁴³) Въ настоящее время плотность населенія въ Англіи еще значительнѣе. Т. Ф.

⁴⁴) Новѣйшія движенія реформистовъ и феніанъ не позволяютъ обвинять Штура въ излишней наклонности считать все на свѣтѣ дурнымъ и въ недалеконвидности. В. Л.

наго обращенія Англіи въ католичество, но все-таки въ Англіи еще однимъ элементомъ броженія стало больше.

Англичане, какъ народъ, который весь бросился въ промышленность и въ ней почерпаетъ свои жизненныя силы, имѣетъ то общаго съ каждымъ ремесленникомъ и торговцемъ, что они всегда сторожатъ собственный барышъ и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководятся своекорыстіемъ. Теперь, какъ и прежде, напрасно стали бы вы искать у англичанъ чертъ великодушія и еще болѣе человѣчности. Правда, они объявили себя противъ торговаго невольничества и взяли на себя обязательство не терпѣть его, но при этомъ они болѣе всего рассчитывали на большее утвержденіе и распространеніе своего морского господства, такъ какъ подъ этимъ предлогомъ они присвоили себѣ право осматривать каждый корабль и при случаѣ воспользоваться этимъ. Кромѣ того, они надѣялись при этомъ повредить расцвѣтающимъ, имъ невѣрнымъ Соединеннымъ Штатамъ; ибо извѣстно, что Соединенные Штаты, къ ущербу своей чести, посредствомъ этихъ лишенныхъ человѣческаго достоинства людей, воздѣлывали свои плантаціи на югѣ. Что англичане не слишкомъ искренно относились къ отмѣнѣ торговаго невольничества, видно изъ примѣра Португаліи. На вѣнскомъ конгрессѣ португальцы объявили, что они хотятъ, въ теченіе восьми лѣтъ, во всѣхъ своихъ поселеніяхъ уничтожить невольничество, если Англія, въ пользу стѣсненной португальской торговли, согласится на отмѣну нѣкоторыхъ статей заключеннаго въ 1810 г. торговаго договора съ Португаліею, и, однако, Англія не рѣшилась пожертвовать своими выгодами дѣлу освобожденія бѣдныхъ невольниковъ. Развѣ положеніе истощенныхъ Англіею, полуголыхъ ирландцевъ лучше того, въ какомъ находятся крѣпостные другихъ странъ? Если такъ высоко стоитъ въ Англіи человѣчность, то какъ же случилось, что, два года назадъ, когда китайцы запретили ввозъ въ свою страну опиума, англичане пошли на нихъ войною, и дорого обошлось бѣднымъ китайцамъ это запрещеніе? Какъ случилось, что изъ-за двухъ тысячъ гульденовъ они могли угрожать маленькой Греціи войною, нанести ей глубокія раны и все привести въ замѣшательство? Англичане опозорили себя въ исторіи уже однимъ своимъ поведеніемъ относительно Даніи, когда, во время Наполеонова, они хотѣли забрать датскій флотъ въ свою власть. Уже издавна всѣмъ сталъ извѣстенъ подобный образъ мыслей и дѣйствій англичанъ; правда, они приобрѣли себѣ уваженіе народовъ, но не приобрѣли ихъ любви, напротивъ заслужили себѣ всеобщее отвращеніе.

Вслѣдствіе постепеннаго паденія англійской государственной

жизни, въ новѣйшее время уменьшается и иностранное вліяніе Англіи. Виды англійскаго кабинета относительно новѣйшихъ событій, на сколько намъ извѣстно, нигдѣ не оправдались, ни въ дѣлахъ Италіи, ни въ вопросѣ шлезвигъ-голштинскомъ; вѣроятно, и мадьярамъ англійское покровительство не принесетъ особенной пользы.

При этихъ размышленіяхъ передъ нами выступаетъ образъ неутомимаго, но все же, наконецъ, почти обезсиленаго Даніэля О'Коннелъ: когда ему не удалось ни выпросить, ни выманить, ни даже угрозами добиться справедливости для своего попраннаго Гальскаго народа, онъ бросилъ въ лицо врагамъ, указывавшимъ на слабость ирландцевъ: „Вы говорите, что мы слабы и дряблы; но, вѣдь, и Англія стара и дрябла“.

Мы не вѣримъ въ дальнѣйшее мощное развитіе западныхъ народовъ, и объяснили наши основанія, какъ при общемъ изложеніи обстоятельствъ и направленій на Западѣ, такъ и при частномъ обзорѣ западныхъ народовъ. Но съ ними теряютъ свою жизнь и силу и тѣ формы, въ которыхъ они жили и двигались. И кажется, что съ ними они приближаются къ разложенію. Износились католичество и, съ своею все болѣе выступающею слабостью, утрачиваетъ жизнь протестантство. Такъ называемыя конституціонныя государственныя формы оказываются несостоятельными, неудобными, даже и лживыми; на Западѣ же нелѣпо думать о республикахъ.

Католичество, сказали мы выше, задалось распространеніемъ христіанства, и съ замѣчательною мощью успѣло въ томъ, что стало религіею значительнѣйшихъ человѣческихъ племенъ. Но какъ оно заботилось о внѣшнемъ распространеніи христіанства, такъ само оно представляетъ только внѣшнюю его форму. Католичество съ началомъ римскаго развитія отдѣлило знакомыхъ съ содержаніемъ христіанства ученыхъ жрецовъ отъ остальнаго неученаго народа, а въ послѣдствіи даже разорвало всѣ ихъ связи съ народомъ, образовало свое собственное духовное царство и духовныхъ назначило его управляющими, а остальныхъ поставило въ подданническія къ нимъ отношенія: однимъ предоставило полное пользованіе религіозными дарами, а другихъ признало нужнымъ удовлетворять болѣе тѣсными благодѣяніями; только первымъ разрѣшило вникать въ источники религіи, въ священное писаніе, которое предварительно подчинило повѣркѣ, а послѣднихъ отстранило отъ этого изученія или прямыми запрещеніями, или непонятнымъ народу языкомъ. Вслѣдствіе этого католичество пожаловало церкви, т.-е. ея правителямъ, исключительный авто-

ритеть и рѣшительный голосъ въ дѣлахъ вѣры, а всѣмъ остальнымъ повелѣло лишь вѣрить въ ихъ приговоры. Вѣрное этому направленію, католичество свои собственныя предписанія установило за всеобщій образецъ жизни, введеніемъ изображеній святыхъ возбуждаетъ вѣрующихъ къ соревнованію и подражанію, предписываетъ имъ для жизни христіанской различныя внѣшнія упражненія, которыя, съ теченіемъ времени, обращаются въ дѣйствія чисто механическія, поражая умы торжественностью обрядовъ; низводитъ ученіе до предмета побочнаго и въ дальнѣйшемъ развитіи этого направленія, изъ-за почитанія св. Дѣвы Маріи и святыхъ, позабываетъ о Спасителѣ.

Церковь одна присвоила себѣ власть открывать врата неба праведнымъ, а заблуждающихся допускаетъ въ нихъ только подъ условіемъ исполненія ея предписаній, налагая на нихъ наказанія. Позже, при дальнѣйшей порчѣ католичества, римская церковь стала даже продавать за деньги это допущеніе или, такъ называемыя, индульгенціи. Какъ было внѣшне католичество, видно уже изъ того, что оно придавало столько цѣны внѣшнему обладанію земли, гдѣ проживалъ Спаситель, и въ своей ревности назначало крестовыя походы одинъ за другимъ, точно такъ же, какъ и изъ развитаго до высшей степени поклоненія религіямъ. Объ образованіи сердца и духа человѣческаго католичество мало помышляло. Оно довольствовалось внѣшнимъ исполненіемъ предписаній и, объявивъ себя непогрѣшимымъ, рѣшительно высказалось противъ всякаго изслѣдованія и встрѣчало его проклятіемъ. И эти правители духовнаго царства, т.-е., духовенство, захватили потомъ свѣтскую власть, употребили власть духовную для пріобрѣтенія свѣтскихъ благъ, совершенно отдались наслажденію, и, погрязши во всякаго рода порокахъ, для удержанія въ своихъ рукахъ мірскихъ благъ, устремляли самыя нечистыя и нехристіанскія средства, напр., іезуитовъ. Для народовъ грубыхъ эта внѣшность католичества могла еще быть достаточною; но неужели католическая церковь думаетъ, что она пригодна и для народовъ самыхъ образованныхъ? Думаетъ ли она, что грядущія поколѣнія такъ же будутъ довольствоваться внѣшностью христіанства, вмѣсто его содержанія? И думаетъ ли она, что, опираясь на свою непогрѣшимость, она можетъ оставаться оракуломъ народовъ, изгонять всякое изслѣдованіе въ области духа и, съ своею безнравственностью и неестественными правилами, существовать долго у народовъ христіанскихъ? Развѣ она не видитъ, что всѣ образованнѣйшіе народы отъ нея отпали, а въ странахъ, оставшихся ей вѣрными, образованнѣйшія сословія отворачиваются отъ нея, и

какъ быстро отпадаютъ отъ нея всё тѣ, которые хотя сколько-нибудь возвышаются надъ необразованною толпою, хотя внѣшнимъ образомъ и продолжаютъ ей принадлежать? Неужели все это надобно относить къ дурному направленію образованія, соблазнамъ, ослѣпленію и т. п.? Католическая церковь далеко, очень далеко, отстала отъ требованій христіанства, даже отъ требованій лучшаго образованія нашего времени. Она истощилась, окаменѣла, не пользуется вѣрою и довѣріемъ народовъ: безжизненная, холодная и мертвая, идетъ она навстрѣчу своей судьбѣ, къ разложенію и паденію.

Какъ понимаетъ католическая церковь руководство народами и ихъ образованіемъ, всего лучше видно на тѣхъ странахъ, которыя остались чисто католическими, напр., на Испаніи, Португаліи, нѣмецко-католической Баваріи и славянско-католической Хорватіи? Что сдѣлали для наукъ всё эти земли, замкнутыя отъ реформаціи, какъ отъ чумы? Чѣмъ онѣ ознаменовали себя передъ міромъ? Не господствуетъ ли въ нихъ во всёхъ состояніяхъ безстрастіе и безчувственность? Баварія такъ же далеко отстала отъ образованной Германіи, какъ нѣкогда Вiotія отъ образованной Греціи, и единственно по той причинѣ, что она осталась чисто католическою. вмѣсто того, чтобы развивать образованіе, католическая церковь старается его подавить. Въ ней постепенно сложилось убѣжденіе, что церковь призвана удерживать народъ въ духовной тупости, бѣдности и зависимости: такимъ образомъ, говорятъ, онъ будетъ кротокъ и послушенъ. Такъ въ настоящее время понимаетъ свое призваніе большинство католическаго духовенства. Но горе тому, кто считаетъ себя призваннымъ къ преступленіямъ противъ человѣчества! Изъ католическихъ земель Франція только внѣшнимъ образомъ осталась католическою. Но, не примѣнувши всецѣло къ реформаціи, она не произвела того, что Германія для человѣческой образованности.

Протестанство возникло изъ противодѣйствія католической церкви, ея непогрѣшимости, окаменѣлости, ея свѣтскому характеру и всякаго рода злоупотребленіямъ, и хотя оно образуетъ совершенную ей противоположность, тѣмъ не менѣе, однако, находилось съ ней въ самой тѣсной связи, именно относительно своего существованія. Протестанство постольку имѣетъ силы, смысла и значенія, поскольку католичество обладаетъ силою и коренится въ сознаніи народовъ. Постоянная борьба съ католичествомъ поддерживаетъ протестанство, составляетъ его жизнь. Но лишь только падаетъ католическая церковь и утрачиваетъ поддержку народовъ, умолкаетъ съ нею и протестанство и не по-

даетъ никакихъ признаковъ жизни. Въ вопросахъ жизни оно шло съ католичествомъ шагъ за шагомъ, съ одной стороны побѣдоносно разрушало въ сознаниі народовъ все то, на чемъ главнѣйше держалась ихъ церковь и что составляло ихъ сущность, ея непогрѣшимость и ея различныя учрежденія, беспощадно обличало народамъ ея мірскія цѣли, ея злоупотребленія и безнравственность, и тѣмъ самымъ отнимало у католиковъ вѣру въ ихъ церковь, а съ другой стороны, побѣдоносно окончивъ борьбу, протестантство само впадало въ бездѣятельность. Такимъ образомъ у народовъ нѣтъ никакого основанія, даже по внѣшнемъ ихъ отпаденіи отъ католической церкви, для перехода въ протестантство. Все то, что бы они могли получить въ протестантствѣ, уже приобрѣтено ими, съ его помощью, простымъ внѣшнимъ ихъ отпаденіемъ отъ католической церкви. Свободный переходъ изъ одной церкви въ другую почти во всѣхъ западныхъ странахъ закономъ каждому обеспеченъ, но, несмотря на это, при всемъ очевидномъ отвращеніи народовъ отъ католической церкви, мы не видимъ никакихъ переходовъ въ протестантство гуртомъ (*en masse*), какъ было нѣкогда. Отдѣльные случаи этого рода возникаютъ изъ особой (субъективной) потребности, наконецъ изъ побужденій, не на вѣрѣ основанныхъ. Въ настоящее время между католиками и протестантами возстановленъ всеобщій миръ, за исключеніемъ маленькихъ непріятностей; и онъ будетъ существовать, даже безъ обезпеченія положительными законами ⁴⁵⁾. Прегніе ожесточенные противники устали и утомились. Поэтому также понятно, что нѣмецкое католичество, по своемъ отпаденіи, не перешло въ станъ протестантства, но почло необходимымъ пойти далѣе, рассчитывая на большую жизненность и большее количество приверженцевъ. Вникая въ происхожденіе и смыслъ протестантства, увидимъ, что оно является противоположностью католичеству, что оно въ сущности отрицательно, и потому никогда не можетъ достигнуть общности и единства, и въ истинномъ значеніи слова не составляетъ никакой церкви, но только религіозныя общины. Протестанты различныхъ земель всѣ почти имѣютъ различныя исповѣданія, значительно разные обряды и существенно различное внутреннее управленіе. Вспомните только епископальную церковь англичанъ, шотландскихъ пресвитеріянцевъ, шведскихъ, нѣмецкихъ, угорскихъ

⁴⁵⁾ Лучшее этому доказательство представляетъ примѣръ Гизо и другихъ протестантовъ, защищающихъ, противъ многихъ католиковъ, свѣтскую власть папы, и тѣмъ самымъ уже признающихъ его необходимость. См. Guizot, *L'Église et la Société Chrétienne*. Paris et Leipzig 1861. В. Л.

протестантовъ, прусскихъ старыхъ лютеранъ и т. д., и вы увидите, что въ сопротивленіи католическимъ злоупотребленіямъ протестанты никогда не сходились ни въ чемъ положительномъ, развѣ только въ отрицаніи, и еще болѣе по чувству, чѣмъ на дѣлѣ. Такъ какъ протестантство взяло своей исходной точкой изслѣдованіе и познаніе, то, съ одной стороны, оно вызвало къ жизни истинную науку, съ другой, однако, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, перешло въ наши дни, черезъ поверхностный раціонализмъ и, такъ называемое, свободное изслѣдованіе, въ полное отрицаніе всякой церковной жизни и въ совершенное невѣріе, и тогда, по своему образованіи, породило множество сектъ, изъ которыхъ каждая взяла въ главнѣйшее основаніе какой-нибудь текстъ священнаго писанія и считаетъ себя за правовѣрную. Наука составляетъ славу протестантства, — и какая другая страна въ этомъ отношеніи можетъ сравниться съ протестантскою Германіею? точно такъ же, какъ и общее проникновеніе государства христіанскимъ духомъ. Но какъ протестантство въ то же время не составляетъ никакого единства, ничего цѣльнаго, скорѣе разъединяетъ личности и предоставляетъ ихъ самимъ себѣ, не въ себѣ самомъ почерпаетъ творческую силу и жизненность, а въ постороннемъ, — то оно и не внушаетъ никакого одушевленія, внѣ науки не сознаетъ ничего великаго и прочнаго, не собираетъ челоуѣчества къ единству и не создаетъ взаимнаго общенія людей; поэтому-то, для будущаго, всемірно-историческаго развитія, протестантство недостаточно.

Въ политическомъ отношеніи Западъ бросается изъ абсолютныхъ монархій въ конституціонныя, изъ нихъ снова въ политическія и, наконецъ, въ социальныя и коммунистическія республики, гдѣ все оканчивается разложениемъ челоуѣчества и уничтоженіемъ всякой челоуѣчности. Это бросанье имѣетъ въ себѣ то роковое значеніе, что народъ, однажды увлеченный въ этотъ неудержимый потокъ, не можетъ уже въ немъ остановиться. Тутъ нѣтъ остановки и покоя, здѣсь все хочетъ впередъ, все стремится, все рвется, все видитъ конечное, желанное счастье — въ разрушеніи! Революціи будутъ слѣдовать за революціями, и послѣ каждой изъ нихъ народамъ Запада будетъ хуже, чѣмъ было прежде. Нарождающіяся поколѣнія становятся сумасброднѣе и хуже. Онѣ живутъ и питаются уже этимъ воздухомъ. Воспитаніе носитъ на себя печать современнаго западнаго духа: сонливое, усталое, оно по идеѣ лишено всякой строгости; изнѣженность, любовь къ наслажденіямъ, роскошь — все болѣе выступаютъ, вмѣсто старой воздержности, творчества, готовности къ подвигамъ. Пусть мчится колес-

нища впередь—ея колесъ не обратитъ назадъ; пусть мчится она съ народами Запада, пока могучая рука не удержитъ ея на краю пропасти!

Но если горячее, полное любви къ человѣку, сердце напрасно ищетъ помощи на Западѣ, куда же обратитъ взоръ, гдѣ остановить надежду?

Тамъ, на дальнемъ Востокѣ, тамъ широко раскинулся народъ славянскій, тамъ народъ будущаго!

V.

Мы уже выше ставили вопросъ: существуетъ ли такая идея, которою бы могъ подняться славянскій народъ? Есть ли у этого народа призваніе и будущее, и не присужденъ ли онъ навсегда къ подчиненному положенію въ ряду народовъ, и различныя въ немъ движенія, которыя мы примѣтили у его племенъ, имѣютъ ли какое-нибудь высшее значеніе, или только были судорожными попытками и явленіями преходящими? Теперь, когда мы убѣдились въ невозможности ожидать улучшенія человѣческой доли отъ западнаго направленія, время уже отвѣчать на этотъ вопросъ.

Кинемъ взоръ на славянскую древность: какая картина предстанетъ нашимъ глазамъ? Всѣ писатели, и даже иностранные, сохранившіе свѣдѣнія о жизни нашихъ племенъ въ древности, говорятъ единогласно, что ни одинъ народъ не могъ сравниться съ ними въ чистотѣ нравовъ, въ гостепріимствѣ: всякій иностранецъ, откуда бы онъ ни пришелъ и кто бы онъ ни былъ, былъ принимаемъ у нихъ самымъ дружественнымъ образомъ. И они считали своей обязанностью не только снабдить его всѣмъ нужнымъ, но и проводить его далѣе, передать его съ рукъ на руки для дальнѣйшаго слѣдованія. И если съ кѣмъ случалось какое бѣдствіе, каждый славянинъ считалъ себя обязаннымъ отомстить тому, отъ чьей невнимательности и злобы оно произошло. Гостепріимство, продолжаютъ иностранцы, доходило у нихъ до того, что, уходя изъ дому, они оставляли дома столы, покрытые яствами и двери домовъ отворенными, чтобы случайный пришлецъ могъ у нихъ найти не только кровъ, но и подерѣжить свои силы. Сверхъ того, они, по тому же свидѣтельству, черезъ извѣстный срокъ или отпускаютъ военноплѣнныхъ домой, или удерживаютъ ихъ у себя, но не въ рабствѣ, а скорѣе какъ друзей и родственниковъ⁴⁶⁾.

⁴⁶⁾ Императоры Маврикій (582—602), Левъ Мудрый (886—911), Гельмольдъ (ок. 1170) и др. В. Л.

Есть и другіе гостепріимные народы, но есть и такіе, которые вовсе лишены этого качества; однако, примѣры такого народнаго гостепріимства, какъ у нашихъ предковъ, по свидѣтельству иностранцевъ, очень, конечно, рѣдки, и еще рѣже, когда каждый изъ народа и, слѣдовательно, цѣлый народъ, ручается за безопасность и благосостояніе всякаго приходящаго къ нему отдѣльнаго иностранца. Но если есть это и у другихъ народовъ, то такой истинно человѣческой черты, — военноплѣннымъ дарить свободу, или удерживать ихъ у себя, какъ друзей, и тѣмъ самымъ давать имъ полную равноправность въ семействѣ, — такой черты мы не находимъ ни у какаго другого народа въ мірѣ. Такого рода обращеніе съ военноплѣнными было въ обычаѣ нашихъ предковъ. У другихъ народовъ они должны были или выкупать свою утраченную свободу, или оставаться рабами. Но если съ каждымъ иностранцемъ, знакомъ ли онъ, или не знакомъ, обращаются такимъ образомъ, какъ было въ обычаѣ нашихъ предковъ, то тѣмъ самымъ выказывается доброжелательность вообще, и если съ нимъ все дѣлать свое, то значить, считаютъ его за себѣ равнаго, за ближняго, и если врагу, пришедшему съ злымъ умысломъ дарятъ свободу, или даже черезъ нѣсколько времени принимаютъ его въ ряды своихъ и даруютъ ему равныя съ ними и права, то, значить, уважаютъ въ немъ человѣка. Эти черты болѣе или менѣе часто, болѣе или менѣе слабо, встрѣчаются и въ современномъ быту нашихъ племенъ, слабѣе тамъ, гдѣ, по близости Запада, они подчинились чужому вліянію. Еще понынѣ гостепріимство считается у насъ священнымъ, и каждый иностранецъ, проходя наши села, въ каждой общинѣ, въ любомъ домѣ, находитъ себѣ дружескій пріютъ, и въ каждомъ встрѣчномъ, если нужно, — предупредительнаго проводника. Русскій, Веревкинъ, за границей заступається за бѣднаго, обиженнаго человѣка; вызванный за это на дуэль оскорбителемъ, онъ смертельно ранитъ своего противника первымъ выстрѣломъ, но тѣмъ не менѣе ожидаетъ отвѣтнаго выстрѣла; увидя, какъ мѣтко цѣлится его противникъ, онъ обращаетъ на это вниманіе своего секунданта и падаетъ, сраженный пулей. Русскій офицеръ гуляетъ въ Пекинѣ съ австрійскимъ офицеромъ, и встрѣтившись съ бывшимъ раненымъ гонведомъ⁴⁷⁾, просившимъ о помощи, тотчасъ радушно подаетъ ему милостыню, а австрійскаго офицера, обругавшаго просителя собакою, отталкиваетъ отъ себя съ презрѣніемъ: вотъ примѣры, какихъ можно привести тысячу. Покоренные славянами никогда

47) Honvéd — мадыарскій ополченецъ 1848 г. В. Л.

не были обращаемы въ рабство, и не обращены и теперь. Далекіе отъ той жестокой доли, которая повергла насъ въ рабство иностранцамъ, инородцы у славянъ сохранили свои нравы и обычаи, свой языкъ и вѣру. Русскіе покореннымъ ими народамъ насильственно не навязывали своей вѣры и языка. Скорѣе даже русское правительство поставило себѣ задачу оставлять различныя, подчиненныя имъ, народности при ихъ обычаяхъ; само заботилось и постоянно заботится объ изданіи церковныхъ и учебныхъ книгъ на языкахъ этихъ инородцевъ. Русскій человѣкъ, мимо какой бы церкви ни приходилъ, всегда почтительно снимаетъ шапку. Къ намъ, славянамъ, не выказывало такой попечительности ни одно правительство. Насъ католичили, нѣмчили, мадырили, итальянили,—все безъ разбору. Нѣмцы на Сѣверѣ совершали съ нашими предками самыя ужасныя жестокости, и еще долго продолжался обычай, по которому каждый, желавшій поступить въ цехъ или школу, долженъ былъ отрекаться отъ своего славянскаго происхожденія⁴⁸). Что австрійское правительство въ Чехіи и Моравіи дѣлало нѣкогда и дѣлаетъ теперь со всѣми славянскими племенами, какъ погрѣшили противъ славянъ мадыры,—это извѣстно всѣмъ.

Далѣе свидѣтельствуютъ иностранныя извѣстія о нашихъ предкахъ, что въ ихъ общинахъ не было бѣдныхъ и нищихъ, ибо въ древности у всѣхъ нашихъ племенъ были такія же поземельныя общины, какія теперь существуютъ въ Россіи, Сербіи, Черной Горѣ и у болгаръ. Въ этихъ чисто славянскихъ общинахъ земля принадлежитъ всѣмъ сообща, или собственно общинѣ: она даетъ каждому хозяину равный участокъ, и по его смерти беретъ себѣ землю назадъ. Совершеннолѣтніе сыновья получаютъ также участки отъ общины, и сколько совершеннолѣтнихъ сыновей у отца, столько и получаетъ онъ поземельныхъ участковъ. Такимъ образомъ, община заботится обо всѣхъ, и своимъ превосходнымъ устройствомъ дѣлаетъ невозможною бѣдность. Такимъ образомъ, земля не дробится, не отходитъ по наслѣдству, но остается у общины, которая и есть ея правомѣрный собственникъ. Это прадавнее славянское учрежденіе уступило чужому вліянію въ западныхъ славянскихъ земляхъ и замѣнилось другимъ, столько же благотѣльнымъ и почтительнымъ къ единству семьи и общины учрежде-

⁴⁸) Это же правило было примѣнено нашими прибалтійскими нѣмцами къ латышамъ и эстамъ. См. превосходное изслѣдованіе Ю. О. Самарина: „Общественное устройство города Риги. Изслѣдованіе ревизіонной комиссіи, назначенной министерствомъ внутреннихъ дѣлъ 1845—1848 г.“. С.-Петербургъ. 1852 г. т. I (2-го не было). В. Л.

ніемъ. Семейная поземельная собственность была объявлена недѣлимою и неотъемлемою. Семья, какъ бы ни была она многочисленна, не могла ее дѣлить, или уменьшать, ни завѣщаніемъ, ни продажею, и какъ бы семья ни разрасталась, она сходилась у одного очага при главенствѣ старшаго въ родѣ. Если это учрежденіе каждому совершеннолѣтнему и не давало участія въ поземельномъ владѣніи, то зато охраненіемъ семейной собственности каждому обеспечивало участіе въ общемъ доходѣ, каждое лицо ставило подъ защиту всей семьи, и такимъ образомъ избавляло его отъ большой бѣдности, отъ нынѣшняго западно-европейскаго, такъ называемаго, пауперизма или пролетаріата (нищенства). Попеченія о больныхъ, безпомощныхъ и вообще постигнутыхъ какимъ бы то ни было несчастіемъ, лежали священнымъ долгомъ на семьяхъ славянскихъ, а гдѣ средства семьи были недостаточны, тамъ являлись на помощь общины; ибо, по славянскому возрѣнію, община есть распространенная семья. Гдѣ славянской духъ не изгнанъ изъ собственной земли и не отчужденъ совѣмъ, тамъ живетъ еще древній, прекрасный обычай—съ любовью заботиться о больныхъ и бѣдныхъ въ общинѣ. Тамъ каждый подаетъ имъ свой даръ, въ облегченіе ихъ печальной судьбы, радуясь своему доброму дѣлу. Больнымъ посылаются изъ домовъ кушанья и лѣкарства, бѣднымъ радушно подаются милостыни. Героическій сербъ съ восторгомъ слушаетъ своихъ слѣпцовъ-гусяровъ и щедро ихъ вознаграждаетъ.

Какъ глубоко проникнуто славянское сердце любовью къ человѣку, видно изъ поведенія русскаго войска въ послѣдніе походы. Эти мужественные люди всѣмъ встрѣчнымъ бѣднякамъ раздавали, безъ всякой съ ихъ стороны просьбы, все, что у нихъ было съѣстнаго, съ особенною любовью ухаживали за сиротами - дѣтьми и многихъ изъ нихъ увели съ собою домой. Отсюда распространяется поляками молва объ уводѣ русскими дѣтей изъ Варшавы, по усмиреніи польскаго мятежа. Русскіе офицеры, наказавъ, по военной необходимости, деревни, нападавшія на войска съ тыла, полными руками бросали деньги несчастнымъ, доведеннымъ до отчаянія, мадьярскимъ женщинамъ. Московскіе кушцы кидаются къ кибиткамъ, ѣдущимъ съ поляками, ссылаемыми въ Сибирь, и дарятъ имъ на долгій, тяжелый путь одежду, денегъ и прощаются съ ними съ состраданіемъ. И самъ царь, строго карая государственныхъ преступниковъ, всегда поступаетъ челоуѣколюбиво и великодушно съ ихъ несчастными невинными родственниками. Отцу Пестеля онъ даритъ сумму, достаточную на всю его жизнь, а вдовѣ Рылѣва назначаетъ пожизненную пенсію.

Съ вѣрою въ такой образъ мыслей, Рылѣевъ говоритъ въ своемъ стихотвореніи, написанномъ въ казематѣ, за нѣсколько часовъ до его казни, что онъ умираетъ заслуженною имъ смертию, какъ виновный въ покушеніи противъ государства и царя, но что его жена и дѣти невинны и заслуживаютъ иной доли, и онъ совѣтуетъ своей женѣ и дѣтямъ прямо обратиться къ царю, „который умѣетъ карать подвергшихся строгости закона и сострадать невиннымъ“. Царь не дожидается просьбы и поступаетъ по собственному произволенію, по движенію своего сердца. Костюшко, герой Польши, послѣ паденія своей родины, удаляется въ Швейцарію; одинокій, печальный изгнанникъ подаетъ все, что можетъ, каждому, являющемуся къ нему бѣдняку: его верховая лошадь во время прогулки по привычкѣ останавливается передъ каждымъ проходящимъ, такъ какъ онъ подаетъ милостыню каждому встрѣчному нищему. Эти примѣры говорятъ о славянской любви къ ближнему. Духъ народа всего яснѣе выражается въ его замѣчательныхъ людяхъ. Но къ чему отдѣльные случаи? Весь нашъ міръ такъ думаетъ, такъ дѣйствуетъ, съ другомъ и недругомъ, безъ различія, и во всѣхъ нашихъ пѣсняхъ вѣетъ этимъ духомъ. Славянское начало равноправности членовъ семейства и общины, даже и по искаженіи его подъ чужимъ влияніемъ, на столько сохранилось, что всѣ прямые наслѣдники удержали равное участіе въ отцовскомъ имѣніи; даже младшій братъ, какъ слабѣйшій, имѣетъ, по закону, преимущество; такимъ образомъ тутъ совершенная противоположность маіорату. Равноправность совершеннолѣтнихъ въ семьѣ и жителей въ общинѣ составляетъ рѣзко выраженную черту славянскаго духа, и занятіе земель совершается расширеніемъ и передвиженіемъ цѣлыхъ племенъ, а не посредствомъ завоеванія подъ предводительствомъ одного или немногихъ лицъ.

Государственный союзъ беретъ свое начало въ потребности защиты, а не нападенія, и вслѣдствіе этого возникаетъ дворянство, хотя и изъ внѣшняго толчка, но при содѣйствіи народнаго духа. Поэтому всѣ дѣла общины необходимо рѣшаются въ общемъ совѣщаніи всѣхъ равноправныхъ лицъ, подъ руководствомъ почетнѣйшихъ, или свободно избранныхъ, старшинъ; округи же или древне-славянскія жупы, которыя суть не что иное, какъ распространенныя общины, управляются сходомъ всѣхъ общинъ съ выборными чиновниками. Раздача извѣстнымъ лицамъ поземельныхъ владѣній, трудомъ пріобрѣтенныхъ семьями или общинами, откуда бы ни шло это обыкновеніе, словомъ, все феодальное право противно славянскому духу, и всякая личная под-

чиненность или крѣпостная зависимость есть позорное безобразіе у нашихъ племенъ. Верховный глава ихъ считается лишь старшиною и обязанъ вести всѣ общественныя дѣла съ совѣта племенныхъ старшинъ, думы, и даже нерѣдко сообразоваться съ мнѣніемъ всѣхъ общинъ и округовъ. Дворянству же свойственно совершенно другое положеніе и значеніе, чѣмъ у другихъ народовъ. Во всѣхъ славянскихъ земляхъ: въ Россіи, Сербіи, въ турецкихъ областяхъ, Угріи, Хорватіи и т. д., общины пользуются самоуправленіемъ, подъ руководствомъ выборныхъ старшинъ, задача которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы, при соучастіи всѣхъ членовъ общинъ, распредѣлять налагаемыя государствомъ на отдѣльныя общины подати и повинности, вездѣ соблюдать ихъ выгоду, сохранять порядокъ въ общинѣ и въ округѣ, разбирать и судить мелкія гражданскія тяжбы и преступленія. Гдѣ въ славянскихъ земляхъ погибли такія общины, тамъ пала и славянская жизнь. Жупы, если и не подъ одинакимъ названіемъ, существовали во всѣхъ славянскихъ земляхъ. Онѣ были въ Чехіи, Польшѣ, Сербіи; въ Хорватіи и въ Угріи онѣ пали во время послѣднихъ бурь, а въ независимой Россіи понынѣ сохранились ихъ остатки, ибо въ каждой губерніи дворянство имѣетъ свои собранія, на которыхъ выбираетъ своихъ предводителей, древнихъ жупановъ, даже судей двухъ первыхъ инстанцій, предсѣдателей этихъ судовъ и, сверхъ того, еще административно-полицейскихъ чиновниковъ въ уѣздахъ. Кромѣ того, оно имѣетъ право провѣрки (контроля) въ денежныхъ дѣлахъ надъ назначаемыми отъ правительства губернаторами ⁴⁹⁾. Въ городскихъ общинахъ купцы и мѣщане выбираютъ городскихъ головъ и другія городскія власти.

Во всѣхъ славянскихъ земляхъ первоначально поземельное владѣніе было свободно, т. е., всѣ собственники были свободными, равноправными землевладѣльцами, и никогда въ древности не было у нихъ ненавистнаго крѣпостнаго состоянія, унижающаго человѣка и представляющаго его какъ бы созданнымъ для пользы и удовольствія другихъ. Такъ называемое дворянское сословіе возникаетъ у насъ подъ вліяніемъ извнѣ, мало-по-малу принимаетъ на себя защиту страніи отъ слѣдующихъ одно за другимъ нападений иноземцевъ на наши племена, и, вслѣдствіе усилившейся своей власти, начинаетъ смотрѣть на себя, какъ на настоящій народъ, забираетъ въ свое владѣніе свободную прежную землю, а народъ обращаетъ въ крѣ-

⁴⁹⁾ Подобныя ошибки Штура весьма извинительны въ человѣкѣ, никогда въ Россіи не бывавшемъ. Надо еще удивляться, какъ вѣрно, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частныхъ, онъ понималъ наши русскія дѣла. В. Л.

постныхъ людей. Это стремленіе дворянства было вызвано слабымъ положеніемъ правительства, этимъ кореннымъ недостаткомъ славянскихъ государствъ, и потомъ было имъ узаконено. Впрочемъ, вообще говоря, положеніе крѣпостныхъ было довольно сносное, ибо народъ часто жилъ съ своими помѣщиками въ патриархальныхъ отношеніяхъ, почти на дружеской ногѣ. Помѣщикъ въ глазахъ народа заступалъ мѣсто племеннаго старшины, одинъ заботился о другихъ, даже былъ обычай и законъ, какъ и теперь въ Россіи, что помѣщикъ во времена бѣдствій являлся на помощь своимъ людямъ, радости и горести были общія. Но когда дворянство славянскихъ земель ознакомилось съ западно-европейскими нравами и ввело въ свои дома европейскую роскошь, тогда началось настоящее поработеніе бѣднаго народа. Для лучшаго обмана и для полученія съ народа наибольшей выгоды, дворянство стало раздавать земли въ откупъ евреямъ. И тогда настали безконечныя страданія и мученія народа. Это чужое, не связанное съ нашимъ народомъ никакими семейными узами, племя, преднамѣренно отрицающее христіанство и, слѣдовательно, всякую любовь къ ближнему, страшно хозяйничало у нашихъ племенъ, подобно шивкѣ, безсовѣстно высасывало всѣ силы изъ бѣднаго народа въ пользу свою и дворянъ, и притомъ развращало его всевозможными соблазнами, безъ сожалѣнія подвергало его, съ готовою помощью дворянства, всякимъ имущественнымъ лишеніямъ. Отсюда, съ одной стороны, глубокое отвращеніе нашихъ племенъ отъ этого безжалостнаго народа, а съ другой—страшное отвращеніе и отъ дворянства, попиравшаго такимъ образомъ народъ и отдавашаго его въ руки безсовѣстныхъ торгашей. Да, дворянство многихъ нашихъ племенъ, своимъ безобразнымъ обращеніемъ съ народомъ, совершило тяжкое преступленіе въ отношеніи къ славянству, и потому нечего удивляться, что глубокое отъ него отвращеніе во многихъ краяхъ разразилось страшными катастрофами. Отнявъ у дворянства всѣ политическія права, русское правительство своимъ самодержавіемъ оказало въ свое время не одной Россіи, но и всему славянству, услугу неизмѣримую, ибо не только предохранило русское государство отъ распадѣнія, но и значительно обезпечило крѣпостной народъ отъ безграничнаго произвола помѣщиковъ, спасло его отъ возможной уже въ такомъ положеніи, нравственной испорченности ⁵⁰⁾.

Въ Россіи и теперь еще, по имени и на дѣлѣ, существуетъ

⁵⁰⁾ Это замѣчаніе, вѣрное и глубокое, приноситъ великую честь проницательности Штура. В. Л.

крѣпостное право⁵¹⁾, но оно значительно въ ней смягчено патріархальнымъ единствомъ, и, благодаря правительственнымъ мѣрамъ противъ произвола евреевъ и ихъ арендаторства, русскій народъ не такъ разоренъ и испорченъ, какъ прежній крѣпостной народъ въ Польшѣ, Угріи и пр. Въ тѣхъ же славянскихъ земляхъ, которыя сумѣли чище сохраниться, или, по своемъ освобожденіи, воскресили въ себѣ старыя начала, крѣпостное состояніе или не существовало вовсе, или пало подъ напоромъ народнаго духа. Въ всегда независимой Черногоріи не было и слѣда его: у вольныхъ геройскихъ козаковъ оно было совершенно незнакомо до Екатерины II, и больно славянскому сердцу, что оно было введено у нихъ насильственными мѣрами въ новѣйшее время и у мужественнаго народа былъ отнятъ его свѣжій видъ⁵²⁾. Точно такъ же, какъ нѣкогда у козаковъ, нѣтъ крѣпостного права и въ нынѣшней Сербіи, гдѣ оно уничтожено закономъ. Но и въ тѣхъ странахъ, гдѣ оно удержалось до нашихъ дней, не было и нѣтъ недостатка въ попыткахъ и въ благородныхъ усиліяхъ къ его уничтоженію. Въ прежней Польшѣ, извѣстной конституціею 3 мая, оно было объявлено уничтоженнымъ (конечно, въ теченіе десятилѣтняго срока), въ Россіи, въ царствованіе императора Александра, многіе наиболѣе уважаемые люди поднесли этому благодушному государю адресъ, съ многочисленными подписями, большею частью богатыхъ помѣщиковъ, объ отмѣнѣ крѣпостного права, и даже нѣкоторые русскіе патріоты, повинувшись своему славянскому чувству, изъ собственнаго влеченія отпустили на волю своихъ крѣпостныхъ людей.

⁵¹⁾ Слава Богу, теперь уже не существуетъ. В. Л.

⁵²⁾ Такъ думаютъ и многіе русскіе, но, по счастью, добросовѣстные историческія изслѣдованія значительно видоизмѣняютъ и колеблютъ это установившееся мнѣніе. См. любопытное сочиненіе А. М. Лазаревскаго: Малороссійскіе посполитые крестьяне (1648—1783). Историко-юридическій очеркъ по архивнымъ источникамъ. Черниговъ. 1866. „Захвативъ, говоритъ почтенный авторъ, поземельныя права въ свои руки, старшина (казацкая, подражавшая прежней польско-русской шляхтѣ) стала стремиться затѣмъ къ отнятію у посполитыхъ права перехода, пользуясь которымъ крестьяне могли противодѣйствовать общему стремленію малороссійскихъ землевладѣльцевъ расширить свои права надъ крестьянами. Такое стремленіе, не представляя собою въ глазахъ русскаго закона ничего необыкновеннаго, мало-по-малу стало находить себѣ поддержку въ этомъ законѣ, такъ что къ концу XVIII в., съ изданіемъ Указовъ 10 декабря, 1763 и 3 мая 1783 г., нисколько, повидимому, не касавшихся существа юридическихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, въ Малороссіи de facto и de jure образовалось полное крѣпостное право, какъ бы въ силу естественнаго порядка вещей, находившаго свою опору и свое оправданіе въ существовавшемъ уже обычномъ правѣ“ (стр. 2). В. Л.

Гдѣ и много ли такихъ примѣровъ на волнуемомъ свободою Западѣ⁵³⁾?
 Благородный Александръ Ивановичъ Тургеневъ поставилъ себѣ
 задачею жизни отмѣну крѣпостного права въ Россіи, и съ желѣз-
 нымъ трудомъ, съ христіанскимъ благочестіемъ, въ теченіе цѣлой
 жизни жертвовалъ для того своимъ имуществомъ и состояніемъ.
 Онъ умеръ на службѣ страждущимъ братьямъ, оплаканный цѣ-
 лою Москвою, всею Россіею. Такимъ же стремленіемъ воодуше-
 влено само русское правительство, ибо, какъ правительство славян-
 ское, оно чувствуетъ, въ какое тяжкое нравственное положеніе
 становится оно, при сохраненіи крѣпостного права, къ своему на-
 роду, государству и къ цѣлому славянству, и потому старается
 теперь, не только увеличеніемъ числа свободныхъ и такъ назы-
 ваемыхъ государственныхъ крестьянъ, уменьшать количество крѣ-
 постныхъ въ Россіи, но и издаетъ указы, какъ, напр., въ 1842 г.,
 которыми оно поощряетъ и уполномочиваетъ дворянство къ отмѣнѣ
 крѣпостного права заключеніемъ свободныхъ условій съ крѣпост-
 ными. Но скоро и въ Россіи придетъ конецъ крѣпостному
 праву. Правительство стоитъ на уровнѣ своего вѣка и само чув-
 ствуетъ весь позоръ подобнаго уродства въ славянской семьѣ. Къ
 этому стремятся лучшіе люди русскаго народа, всѣ народы сла-
 вянскіе ненавидятъ его и ждутъ его отмѣны; земля вездѣ стала
 свободною до самыхъ русскихъ границъ⁵⁴⁾.

Дворянство, какъ мы видѣли, отличается у нашихъ племенъ
 отъ остального народа, но лица этого сословія равны между со-
 бою, „равные братья (równi bracia)“, какъ они себя называютъ.
 Въ Польшѣ, до ея паденія, не было никакого различія между дво-
 рянами, и король имѣлъ лишь значеніе перваго между равными
 (primus inter pares); только послѣ ея паденія введены были дру-
 гими правительствами графскіе и княжескіе титулы. Въ Угріи
 точно такъ же, какъ и въ Россіи, привились чуждые графскіе и
 княжескіе титулы; прежніе русскіе князья отчасти считали себя

⁵³⁾ См. Порошина: *Дворяне-благотворители*. Спб. 1856. В. Л.—Кромъ того см. „Чтенія въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древн. Россійскихъ“, 1858 г., кн. 2, V, стр. 183; 1859, кн. 3, V, стр. 43—58; 1860, кн. 1, V, стр. 65—74, кн. 2, V, стр. 195—227; 1861, кн. 2, V, стр. 59—139; кн. 3, V, стр. 98—176; 1862, кн. 2, V, 102—139; 1863, кн. 1, V, стр. 192; 1864, кн. 2, V, стр. 85—142, и пр. О. Б. (Бодянский).

⁵⁴⁾ Эти строки могутъ служить лучшимъ мѣриломъ, какъ должны были измѣниться воззрѣнія славянъ на Россію съ 19 февраля 1861 г. Крестьянское положеніе выкупило всѣ ошибки нашей дипломатіи съ 1815 года и открыло новую эпоху не только во внутренней русской жизни, но и во внѣшнихъ отношеніяхъ Россіи къ міру славянскому. Пора же намъ, наконецъ, сознать это и, такимъ образомъ, дѣйствовать съ полнымъ сознаніемъ совершившагося событія. В. Л.

равными съ царствующимъ домою: многіе княжескіе роды были наслѣдственными боярскими владѣтельными родами въ отдѣльныхъ княжествахъ и были единственными царскими совѣтниками. Даже городскія сословія въ Россіи по закону почти равноправны съ дворянствомъ, пользуются наравнѣ съ нимъ полнымъ правомъ владѣнія благопріобрѣтеннымъ имѣніемъ, совершенно свободны въ распоряженіи недвижимою собственностью, могутъ безъ особеннаго затрудненія открывать заводы и фабрики и покупать и продавать земли. При томъ равенствѣ, которое утвердилось у нашихъ племенъ между дворянами, крайне нелѣпо подражаніе западно-европейскимъ выраженіямъ: „благородный, высокоблагородный, высоко-родный“⁵⁵⁾ и пр., ибо нашъ народъ ни въ одномъ изъ своихъ племенъ не знаетъ подобныхъ европейскихъ тонкостей, и потому нашему языку эти выраженія незнакомы и даже противны. У чеховъ, которые ближе всѣхъ другихъ нашихъ племенъ слѣдовали ходу европейскаго образованія, уже рано утвердилось различіе высшаго и низшаго дворянства. Но это единственное исключеніе изъ господствующаго въ славянствѣ обычая⁵⁶⁾.

Положеніе верховнаго главы въ народѣ у нашихъ племенъ вѣрно соотвѣтствуетъ духу общественныхъ учрежденій и составляетъ логическій изъ нихъ выводъ. Славяне вносятъ свою общину въ государство; его верховный глава является имъ, какъ племенной старшина; они всѣ хотятъ принимать участіе въ общихъ совѣщаніяхъ и рѣшеніяхъ, посредствомъ своихъ общинъ и округовъ, но внося и туда чувство, какъ въ жизни семейной и общинной, и тамъ, при обширнѣйшемъ поприщѣ дѣйствія, требуя удовлетворенія всѣхъ участниковъ, они, своими притязаніями и раздражаемымъ черезъ то самолюбіемъ, препятствуютъ всякому цѣльному и могущественному развитію государства, и, вездѣ, наконецъ, падаютъ съ нимъ, въ своемъ стремленіи къ общинной жизни. Конечно, прекрасно и вѣрно представленіе о государствѣ, какъ о пространенной общинѣ и даже въ сущности семьѣ; мы даже убѣждены, что подобное стремленіе во всемірной исторіи не пропадетъ, и въ славянахъ получить лишь опору и носителя; но, при той односторонности, которая въ этомъ отношеніи

⁵⁵⁾ Въ самомъ дѣлѣ, пора бы намъ, хоть изъ языка общежитія, вычеркнуть всѣ эти варварскія, не русскія названія. Конечно, въ письмахъ мы употребляемъ эти выраженія, не придавая имъ никакого значенія. Правда, это мелочь, но и къ мелочамъ не извинительно равнодушіе, если онѣ идутъ изъ дурного источника. В. Л.

⁵⁶⁾ Это не вѣрно. У сербовъ были великіе и малые властели, у поляковъ паны и шляхта. В. Л.

отличала наши племена, и при недостаткѣ государственной выдержанности, это никогда не можетъ удасться. Такое воззрѣніе на государство причинило великія потрясенія въ нашей исторической жизни, и, наконецъ, привело къ гибели большую часть нашихъ государствъ; однако, при всей своей невѣрности, оно имѣетъ нѣкоторыя прекрасныя черты, которыя понынѣ отражаются въ отношеніяхъ нашихъ племенъ къ своимъ государямъ. Глядя на нихъ, какъ на своихъ племенныхъ старшинъ, предводителей, они называютъ своего вождя господаремъ, или, какъ русскіе своего царя, государемъ-батюшкой; правда, и передъ такимъ представителемъ власти нѣтъ никакого основанія унижаться. Конечно, къ нему приближаются съ почтеніемъ и благоговѣніемъ, но безъ заученаго западно-европейскаго этикета и обычнаго тамъ множества церемоній, а наоборотъ, съ полнымъ довѣріемъ и искренностью. Съ другой стороны, и князя наши относятся къ своимъ согражданамъ просто и довѣрчиво. Имъ незнакома столь прославляемая на Западѣ аристократическая снисходительность, заученая искренность и, согласно съ придворными правилами, обращеніе высшихъ съ низшими, и потому приемы и обращеніе поистинѣ искреннія и открытыя. Черногорскій или сербскій князь, являясь въ народное собраніе, обращается къ представителямъ съ привѣтомъ: „Братья!“ И тотъ рѣшительно ошибается, кто обращеніе русскаго царя съ его подданными представляетъ себѣ по образцу восточныхъ деспотовъ, или западно-европейскихъ династовъ. Могуцественнѣйшій владыка земли, онъ, однако, не выставляетъ своего могущества напоказъ передъ своими подданными. Въ самыхъ оживленныхъ улицахъ Петербурга часто можно видѣть царя на дрожкахъ, или саняхъ, въ одну лошадь, вступающаго въ разговоры съ людьми всѣхъ сословій; являются передъ нимъ простые крестьяне—онъ говоритъ съ ними объ ихъ дѣлахъ точно такъ же, какъ съ сановниками о дѣлахъ государственныхъ. Эта простота, далекая отъ западно-европейскаго блеска и пустой болтовни, есть и должна оставаться украшеніемъ нашихъ государей. Она свойственна нашей народности и представляется чѣмъ-то простонароднымъ (плебейскимъ) Западу, насквозь аристократическому и только изъ приличія (convention) снисходящему до человѣческаго. Мы, съ нашей стороны, ни мало не завидуемъ Западу въ его знатности и благородствѣ. При государяхъ у всѣхъ нашихъ племенъ находится совѣтъ (сенатъ), который является постояннымъ представительствомъ округовъ въ рѣшеніяхъ князя и имѣетъ священное призваніе блюсти законъ. Прежніе русскіе бояре представляли въ царской думѣ отдѣльные округа и, такимъ обра-

зомъ, занимали въ ней мѣсто не по праву рожденія, были въ нее призываемы и уполномочиваемы не какъ *optimates regni* и *comites* во всѣхъ германскихъ земляхъ, съ рѣшительнымъ невниманіемъ къ остальному народу, а потому, что они стояли во главѣ отдѣльныхъ областей. Въ Черногоріи и Сербіи сохранились эти первоначальныя славянскія учрежденія, рѣшенія которыхъ тѣмъ болѣе связываютъ государя, чѣмъ вѣрнѣе онъ своему назначенію⁵⁷). Сербскій сенатъ состоитъ изъ числа членовъ, равнаго числу округовъ въ странѣ. Въ прежней Польшѣ и Хорватіи былъ точно также подобный сенатъ.

Народъ, въ душѣ котораго такъ глубоко впечатлѣно уваженіе къ правамъ каждой личности, который, по первоначальному своему возрѣнію, признаетъ общую равноправность, сердце котораго исполнено любви ко всѣмъ людямъ безъ различія, который обладаетъ такою способностью самоуправленія,—такой народъ можетъ быть только справедливымъ, прямымъ, честнымъ народомъ, и такимъ былъ нашъ народъ вездѣ, и теперь остался такимъ же тамъ, гдѣ онъ бережетъ себя отъ господства иноплеменниковъ, или, по крайности, если и поддался имъ, сумѣлъ найти себѣ убѣжище для своей жизни въ своихъ общинахъ и городскомъ управленіи (муниципаліяхъ). Ясно, что онъ не могъ благодушно относиться къ своимъ угнетателямъ, старавшимся объ его матеріальномъ и духовномъ порабощеніи, даже объ его искорененіи.

И нечему удивляться, что нѣмцы, съ древнѣйшихъ временъ, и особенно въ новѣйшее, обыкновенно насъ называютъ людьми злыми, коварными, подслуживающимися и вообще приписываютъ намъ все худое. Величаясь одержанною однажды надъ нами побѣдою, они свалили на наши головы все злое и презрѣнное, нѣкоторымъ нашимъ племенамъ приготовили долгую, мучительную смерть, послѣ нашихъ поражений ворвались въ святыню нашихъ храмовъ, нашихъ общинъ и семействъ, хитростью въ нихъ утвердились, потоптали ногами наши права и опозорили и осмѣяли все наше существованіе. Нѣмцы были и суть наши угнетатели, гдѣ только было можно; пусть же они не удивляются, что наши племена отвѣчаютъ имъ иными, чѣмъ обыкновенными, особыми чувствами. Признается же Фальмерайеръ, въ мѣсячныхъ прибавленіяхъ ко „Всеобщей Газетѣ“ (апрѣля 1845), что все наше, даже добрыя наши стороны: наше трудолюбіе, терпѣніе и проч., было и теперь ненавистно нѣмцамъ; что, вслѣдствіе той ненависти, они не щадили даже

⁵⁷) Въ настоящее время и въ Сербіи, и въ Черногоріи народное представительство имѣетъ иныя, болѣе новыя формы. Т. Ф.

жизни нашей и вездѣ налагали на нее руку, чтобы насъ въ конецъ истребить. Итакъ, пусть же онъ и его сотоварищи поймутъ, наконецъ, что они, съ такими желаніями и дѣлами, не посѣяли въ насъ никакой къ себѣ любви.

Ненависть порождаетъ ненависть: и съ нашей стороны, гдѣ только ни живутъ наши племена, гдѣ только ни есть кто изъ насъ, отъ Рудныхъ горъ до Берингова пролива и отъ Балканъ до Бѣлаго моря, она также искренна, какъ ненависть г. Фальмерайлера и его нѣмцевъ къ намъ. Силою принуждали наши племена принимать навязанныя имъ нѣмцами мнѣнія, а это наиболѣе горько славянскому сердцу, такъ что нѣкоторые изъ нихъ, вслѣдствіе постоянныхъ мученій и дрессировокъ, дѣйствительно, наконецъ, восприняли ихъ. Такъ, напр., провинились въ этомъ чехи, которые послѣ Бѣлогорской битвы лишились своей конституціи, своего общиннаго устройства, своей вѣры, и съ одной стороны достались въ руки наглой и безсердечной нѣмецко-австрійской бюрократіи, а съ другой—были опутаны уже омраченнымъ тогда католичествомъ и его рабами и клеветами,—иезуитами. Какимъ высокимъ, благороднымъ образомъ мыслей отличаются чехи до этого погрома въ своихъ сочиненіяхъ, учрежденіяхъ и подвигахъ, а теперь какая неискренность, непрямота въ обращеніи, какое самохвалство своею малостью вѣдрили въ нихъ и къ тому еще, о позоръ! какой изъ Чехіи образовался питомникъ для гнусной тайной австрійской полиціи!⁵⁸) Вотъ почему чехи менѣе любимы у другихъ славянъ, а нѣкоторымъ, какъ напр., полякамъ, стали даже ненавистны. Послѣдніе узнали ихъ въ новѣйшее время, какъ работниковъ противнаго имъ нѣмецко-австрійскаго хозяйства, какъ орудія бюрократіи и тайной полиціи. И вотъ почему лучшіе чехи такъ хорошо себя чувствуютъ, какъ-бы на родинѣ, среди другихъ славянъ. Мы увѣрены, Чехія страшнѣе съ себя эти иноземные дары, всю грязь и эту благодать нѣмецко-австрійскаго правленія,—конечно, только не тѣмъ путемъ, на который она вступила, т. е. такъ называемымъ либеральнымъ, западно-европейскимъ, путемъ пелѣныхъ теорій, не путемъ австрійскимъ, а тѣмъ, на который собираются вступить всѣ прочія племена, словомъ, путемъ славянства.

Насколько дѣлаемый намъ нѣмецкими либералами упрекъ въ холопствѣ идетъ къ общему нашему свойству, объ этомъ можетъ судить каждый здравомыслящій. Мы вообще крѣпко привязаны къ

⁵⁸) Этотъ рѣзкій отзывъ Штура о чехахъ, высказанный въ тяжелую минуту подъ впечатлѣніемъ недальновидной политики нѣкоторыхъ чешскихъ вождей 50-хъ годовъ, въ настоящее время является, конечно, несправедливымъ въ отношеніи всего народа, мужественно ведущаго борьбу съ нѣмцами подъ знаменемъ всеславянской идеи. Т. Ф.

нашимъ государямъ, не изъ условной (conventioneller), такъ называемой, рыцарской вѣрности, которая, правда, и не удержалась въ наше время; но насъ влечетъ непреоборимое стремленіе къ тому, въ чемъ лицѣ наглядно представляется то цѣлое, къ которому мы принадлежимъ. Не только изъ политическихъ расчетовъ, какъ то хотятъ доказать наши противники, и не только изъ ненависти къ угнетателямъ, поднялись славяне въ послѣднія смуты на защиту всѣми оставленной и въ самой себѣ отчаивавшейся Австріи; но славянскія племена въ Австріи скорѣе для того взяли за оружіе, чтобы освободить австрійскаго государя отъ грозившей опасности. И по-истинѣ не ихъ вина, если эти чувства уступили мѣсто совершенно другому убѣжденію, послѣ испытаннаго ими обращенія, этой чисто нѣмецкой награды...

Въ Россіи народъ привязанъ къ своему царю-государю съ безконечною любовью и одушевленіемъ, выказываетъ ему всяческое уваженіе и почетъ, и да сохраняются эти чувства всегда съ тою же искренностью и свѣжестью! Народъ повинуется царямъ съ радостью, въ убѣжденіи, что его цари не могутъ ему желать ничего злого, съ готовностью приносятъ ему величайшія жертвы, но во всемъ этомъ ни одинъ разумный человѣкъ не примѣтитъ никакой черты холопства. Какъ бы иначе достигли цари этой высоты могущества, какъ могли бы возвести такое величественное зданіе изъ разрозненнаго, если бы русскій народъ не составлялъ съ ними одной души и тѣла. Въ этомъ-то единеніи кроется сила Россіи и—славянства, можемъ мы прибавить, потому-то эта *vis agens*, какъ бѣльмо на глазу, тѣмъ чужимъ народамъ, которые не безъ вѣскихъ причинъ пали вмѣстѣ со своимъ правительствомъ,—отсюда ихъ постоянное порицаніе нашего мнимаго холопства. Да, враги наши желали бы, чтобы мы, раздѣлившись, ослабѣли подобно имъ, даже можетъ быть, еще болѣе, чтобы они могли освободиться отъ страха, который уже проникъ въ ихъ сердца, и даже чтобы они, можетъ быть, могли совершить еще новыя завоеванія на нашей территоріи, ибо извѣстно, что у нѣмцевъ раздѣлъ Польши считается дальнѣйшимъ проникновеніемъ нѣмчины въ славянскую землю.

При этомъ нельзя глубоко не жалѣть, что есть даже нѣкоторые славяне, напр., чехи, которые, обманутые ложными западными либеральными воззрѣніями, въ своихъ сужденіяхъ о нашемъ славянскомъ мірѣ, совершенно руководятся мнѣніями Запада и глядятъ на себя сквозь чужія очки. Довольно послужили мы чужимъ, пора во всѣхъ и каждомъ отношеніи пожелать быть самостоятельными! Холопство—это то, когда отдаются волѣ другого изъ-за почета, изъ-за выгоды; это то, когда изъ-за

мелкихъ, жалкихъ расчетовъ, позволяютъ себѣ дѣлаться орудіями, напр., тайными полицейскими орудіями противъ своего народа, противъ своихъ соплеменниковъ и, наконецъ, противъ какого бы то ни было народа. Но то не подлость и не холопство, что русскіе высоко чтятъ своего государя, для общаго блага подвергаются порядкамъ величайшей строгости, приносятъ величайшія жертвы. Такимъ только образомъ бываютъ народы велики и могущественны. И въ другихъ отношеніяхъ русскій народъ слишкомъ далекъ отъ холопства. Подлыхъ народовъ не ждетъ великое будущее, а его пророчить Россіи даже самый пристрастный и лживый Кюстинъ. Напротивъ того, русскій народъ вездѣ, гдѣ онъ не чувствуетъ злыхъ умысловъ, подобно сербамъ и другимъ нашимъ племенамъ, прямодушенъ, честенъ и откровененъ. Какъ видно изъ правительственныхъ извѣстій, притѣснители народа за свои преступленія получаютъ достойное наказаніе.

Сужденію иностранцевъ, обвинявшихъ насъ въ холопствѣ, не мало способствовало собственное дорогое наше качество, скромность и смиреніе, эти прекраснѣйшія добродѣтели, когда онѣ бываютъ соединены съ силою и самопожертвованіемъ. Явленіе обыкновенное: пустые люди бываютъ надменны и высоко поднимаютъ голову, для того, чтобы прикрыть собственное ничтожество, между тѣмъ какъ человѣкъ, сознающій свою силу и достоинство, бѣжитъ похвалъ толпы. Славянскій народъ обладаетъ также силою, къ сознанію которой онъ еще не вполне пришелъ; къ скромности же и смиренію онъ чувствуетъ внутреннее влеченіе. Гдѣ чище сохранился его бытъ, или, другими словами, гдѣ не утратилъ онъ своей самостоятельности, тамъ всего чище выказываются эти наслѣдственные его добродѣтели. Если кто изъ славянъ имѣетъ право на гордость, то это, конечно, русскіе, но ихъ характеръ—совершенная тому противоположность. Они не величаются передъ міромъ, какъ англичане, своимъ могуществомъ, богатствомъ и почетомъ; напротивъ, изъ обращенія съ ними вы скорѣе готовы думать, что у нихъ совсѣмъ не то на родинѣ. Явленіе могущественнаго царя среди его народа всегда просто и скромно. А русскіе полководцы, могучіе побѣдители сильныхъ враговъ, оказывавшіе непріятелямъ огромныя услуги, даже спасавшіе ихъ государства: такъ Суворовъ, Дохтуровъ, Паскевичъ—какъ они просто себя вели, не возбуждая ничьего вниманія!

Разбивши мадьяръ и спасши на этотъ разъ Австрію, Паскевичъ съ поля битвы кратчайшимъ путемъ уѣзжаетъ въ Варшаву, а Гайнау, который съ безстыднымъ нахальствомъ, по привычкѣ австрійцевъ, приписалъ себѣ побѣду надъ мадьярами, хотя всему міру извѣстно, что русскимъ онъ далъ очень незначительную поддержку, лишилъ бод-

рости австрійскую армію и едва дерзалъ выступать противъ мадьяръ, — послѣ своихъ выдуманныхъ побѣдъ, этотъ Гайнау отправляется въ путешествіе по Европѣ, чтобы порисоваться побѣдителемъ мадьяръ и собрать лавровыя вѣнки, и только въ Англіи ему не посчастливилось. Виновникъ великаго московскаго пожара, Растопчинъ, за этотъ подвигъ оглашенный въ Европѣ варваромъ, былъ высланъ, уступившимъ западному мнѣнію, Александромъ изъ отечества, и явился въ Парижъ, когда мнѣніе объ этомъ перемѣнилось, и этотъ подвигъ стали прославлять, какъ образецъ самопожертванія. Тысячу разъ спрашиваемый въ парижскихъ салонахъ, былъ ли онъ виновникомъ этого дивнаго самопожертванія, всегда во всѣхъ отвѣтахъ старался онъ отклонить отъ себя эту честь, и даже въ запискѣ о своей жизни, написанной, такъ сказать, по требованію публики, вмѣсто ожидаемыхъ подвиговъ, привелъ лишь нѣсколько мелочей изъ своей частной жизни. Неиспорченной душѣ славянской въ высшей степени противно всякое величанье и важничанье. У нашихъ племенъ въ обычаѣ, по совершеніи добраго дѣла, хранить о немъ молчаніе. Явленіе чеха Гуса въ Костницѣ достойно и величественно, но въ высшей степени скромно и совершенно не похоже на явленіе Лютера въ Вормсѣ.

И именно эта сила, въ сочетаніи съ скромностью, строгость, соединенная съ добротою, есть тотъ идеалъ, къ которому отъ глубины души стремятся всѣ лучшіе люди славянскаго міра, и чудною силою лучи его озаряютъ всѣ наши даже погруженные въ бѣдствія и горе племена. Божественные лучи, продолжайте сіять, и согрѣвайте человѣчество, чтобы оно стало, наконецъ, чѣмъ быть должно, и чтобы человѣкъ былъ человѣкомъ! И это начало, перешедшее въ образъ и дѣло, есть та волшебная сила, которая чудно, неудержимо дѣйствуетъ на умы славянъ, чаруетъ ихъ, привлекаетъ и привязываетъ и, когда это нужно, направляетъ во всѣ стороны, а люди, въ которыхъ она, эта сила, олицетворяется, становятся избранниками, духовными вождями нашего міра. Они владѣютъ тѣмъ чудеснымъ перстнемъ нашихъ народныхъ сказокъ, которымъ заклинаютъ духовъ. Все имъ повинуется безъ противорѣчія, все слушается ихъ слова, всѣ съ радостью жертвуютъ для нихъ жизнью. Таковъ былъ полякъ Кордецій, простой монахъ изъ Ченстоховскаго монастыря, который осаждали шведы съ неслыханными усиліями, и все-таки его не взяли; таковъ былъ Суворовъ, мужъ желѣзной воли, самой скромной внѣшности, глубочайшей набожности и безконечной доброты, которому, при всей его строгости, всегда повиновались солдаты съ величайшею охотою, по одному его слову соперничали въ само-

пожертвованіи, и вотъ онъ, послѣ славныхъ побѣдъ, удаляется въ свою скромную деревню, скрываясь отъ взоровъ современниковъ и обожавшихъ его соотечественниковъ. Такимъ былъ Ермоловъ, котораго одно имя разносило ужасъ въ горахъ Кавказа, ибо войска съ такимъ вождемъ казались непріятелю непобѣдимыми, на все готовые. Къ нимъ достойно примыкаетъ простой, мужественный сербъ Князянинъ. Это начало живо въ сознаніи русскаго народа, по его отношенію къ царю, и заключаетъ въ себѣ тайну той безусловной преданности народа своимъ царямъ и того безпримѣрнаго самопожертвованія, къ которому онъ способенъ подъ ея внушеніемъ. Все возможно, думаетъ русскій человѣкъ, ибо царь это считаетъ возможнымъ и этого желаетъ. Русскіе, безъ всякаго сомнѣнія, взяли бы и никогда не сдававшееся Комарно (Коморнъ), ибо они считали это возможнымъ, принимали къ тому всѣ мѣры, и „царь приказалъ“, говорили между собою солдаты. Но передъ этою побѣдою русскихъ австрійцами овладѣлъ большій страхъ, чѣмъ передъ незавоеваннымъ Комарномъ, и потому они согласились на безпримѣрно мягкую сдачу гарнизона. Духъ русскаго народа совершенно господствуетъ въ русскомъ войскѣ. На службѣ, въ строю, обращеніе необыкновенно строгое, а внѣ строя мягкое и благодушное. Тогда какъ австрійскіе офицеры обходились съ солдатами надменно и, при малѣйшемъ промедленіи, ругали солдатъ собаками, русскіе съ своими людьми внѣ службы вообще обращались братски и дружески и никогда русскіе офицеры не прибѣгали къ такимъ браннымъ словамъ. Истинно жаль, что онѣмеченныя дѣти славянъ въ австрійскомъ войскѣ такъ выродились и отреклись отъ своей лучшей природы и приняли скверные нравы.

Эти отличительныя черты нашихъ племенъ повсюду встрѣчаются въ ихъ исторіи. Изъ Гуситства образовались впоследствии такъ называемые чешскіе или моравскіе братья, которые поставили себѣ задачею введеніе чисто-христіанской жизни въ свои общины и храненіе въ своей средѣ строгихъ нравовъ. Они съ братскою любовью помогали другъ другу во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Безъ всякаго интереса, вовсе не изъ такъ называемой политики, по одной лишь просьбѣ императора Леопольда, польскій король Собѣскій спѣшитъ на помощь угрожаемому христіанству, къ обложенной турками Вѣнѣ, и спасаетъ Австрію отъ грозившей опасности. Холодно, спесиво принимаетъ австрійскій императоръ скромнаго, набожнаго героя, и слегка ему кланяется въ станъ, сидя на конѣ, а сына его, Якова, котораго отецъ представилъ ему съ словами: „Вотъ, государь, мой сынъ, воспитанный на защиту христіанства!“ даже не удостоиваетъ взгляда. Освободители, поляки,

по недостатку въ съѣстныхъ припасахъ, уходятъ во-свои си съ большими затрудненіями. Какъ все это вѣрно повторилось съ славянами почти черезъ двѣсти лѣтъ! Русскіе много терпѣли отъ французовъ во время Наполеона, ибо послѣдній двинулъ на нихъ всю Европу; для своего спасенія они должны были рѣшиться на сожженіе своей славной, древней, величественной, дорогой для всей Россіи, столицы и подверглись многимъ другимъ бѣдствіямъ. Но когда императоръ Александръ, во главѣ своего побѣдоноснаго войска, вступилъ въ Парижъ, а позже вошли и другіе союзники, то французами овладѣлъ страхъ, что русскіе отомстятъ французской столицѣ, и когда союзники хотѣли уже предать ее разграбленію, славянинъ Александръ является миротворцемъ и не даетъ тронуть ни единой души⁵⁹⁾. Да прославится за то въ нашемъ мірѣ твое имя, государь славянскій! Даже въ самыхъ кривыхъ направленіяхъ не измѣняютъ себѣ славяне. Въ образованномъ передъ польскою революціею тайномъ обществѣ въ Польшѣ и на Волыни, подъ названіемъ „Вольный Славянинъ“, послѣ нѣсколькихъ религиозныхъ обрядовъ, каждому новопосвященному надѣвали на грудь образъ Богородицы, символъ всежертвующей любви, чтобы онъ во всю жизнь всегда его имѣлъ передъ глазами. Таковы духъ и стремленія нашего міра, еще не достигшія полноты, это правда, но будущее должно ихъ повести къ дальнѣйшему развитію и усовершенствованію.

Внимательный наблюдатель замѣчаетъ у славянъ такое духовное направленіе, въ силу котораго, слѣдуя стремленіямъ своего духа, народъ нашъ признаетъ равноправность за каждою личностію, не терпитъ никакого, кромѣ духовнаго, преимущества, поступаетъ съ иностранцемъ, какъ съ своимъ, съ ближнимъ, принимаетъ его въ свой союзъ безъ всякихъ условій, даетъ спокойно жить и развиваться другимъ народамъ, покорившимся его власти, и самъ заботится объ ихъ благосостояніи, въ своемъ общинномъ строѣ признаетъ за всѣми равныя права на произведенія земли и труда

⁵⁹⁾ Генераль-адъютантъ Наполеона, Сегюръ, говоритъ, въ своемъ превосходномъ сочиненіи: „Histoire de Napoléon et de la grande armée pendant l'année 1812“, t. II: „Les Russes parlent diversement de leur Général et de leur Empereur. Pour nous, comme ennemis, nous ne pouvons juger nos ennemis que par les faits. Or telles furent leurs paroles, et leurs actions y répondirent. Compagnons, rendons leur justice! Leur sacrifice a été complet, sans réserve, sans regrets tardifs. Depuis ils n'ont rien réclamé, même au milieu de la capitale ennemie, qu'ils ont préservée. Leur renommée en est restée grande et pure. Ils ont connu la vraie gloire; et quand une civilisation plus avancée aura pénétré dans tous leurs rangs, ce grand peuple aura son grand siècle et tiendra à son tour ce sceptre de gloire qu'il semble, que les nations de la terre doivent se céder successivement“.

человѣческаго, долгомъ считаетъ окружать попеченіями дѣятельной любви всѣхъ нуждающихся; наказывая виновныхъ, знаетъ милость къ раскаивающимся, скромный и смиренный въ могущество и въ самопожертвованіи, вообще во всемъ цѣнящій все человѣческое. Въ этомъ направленіи отражается вѣчный, неизмѣняемый и непреходящій законъ человѣчества, истинное христіанство и его помазаніе, и народъ, сдѣлавшій задачею жизни вышеупомянутое общинное устройство и дѣйствительно имъ обладающій, почти рѣшилъ въ принципѣ социальныя вопросы человѣчества. Такое направленіе духа и его проявленія, какъ всякому очевидно, есть стремленіе внутреннее. Тутъ нѣтъ ничего, какъ на Западѣ, искусственно сдѣланнаго, или вызваннаго въ жизнь особыми ученіями, или нарочно для того устроенными обществами (Vereine),—все это скорѣе самовольное изліяніе сердца.

Этимъ направленіемъ отличался славянскій народъ еще въ первоначальномъ, чисто-естественномъ быту. Но какъ же онъ подымется и разовьется, когда его идеаль ясно предстанетъ его сознанію въ исполнѣ принятомъ и понятомъ христіанствѣ и станетъ полною правдою! Только тогда славянскій міръ достигнетъ соотвѣтствующей его силамъ дѣятельности и вліянія въ міровой исторіи, и ничто тогда не будетъ въ силахъ помѣшать славянству, отдалить его отъ мірового поприща, ибо съ нимъ будутъ Богъ и человѣчество, а кто противъ Бога и Великаго Новгорода? или, по-нѣмцки, кто противъ Бога и славянства? Западъ искони цѣнилъ человѣка только по его внѣшнему положенію: по имуществу, власти и богатству; правда, онъ боролся за отвлеченныя и безжизненныя свободу и равенство, но не осуществилъ ихъ. Онъ былъ способенъ внѣшне принять и понять христіанство, но, въ силу своихъ природныхъ влеченій, былъ неспособенъ провести его въ жизнь. Эгоистомъ былъ Западъ всегда, а въ послѣднее время онъ опустился до самаго грубаго себялюбія. Ваша свобода, ваши конституціи, вашъ коммунизмъ есть не что иное, какъ это самое себялюбіе. По этому самому и отпадаете вы отъ христіанства. Не противурелигіозное направленіе или эгоизмъ создали насъ и выдвинули насъ въ міръ. Вы умѣете только разрушать и раздѣлять, но вы бессильны созидать и объединять! Что у васъ искусственно, то у насъ природно. Да, славянство есть естественная подкладка человѣческой, христіанской идеи. И славянство имѣетъ свою, исполнѣ ему и его призванію соотвѣтствующую, Церковь, которая стоитъ, какъ особое духовное царство, никогда не вступала въ борьбу съ государствомъ за преобладаніе, не преслѣдовала иномыслящихъ, но была въ союзѣ съ государствомъ и народами, не позволяла себѣ употреблять вѣру

для дурныхъ мірскихъ цѣлей, не повелѣвала властью, но старалась дѣйствовать любовью. Если считать римскую церковь власти церковью апостола Петра, а протестантство—церковью разумѣнія и ученія, церковью апостола Павла, то славянская церковь являлась и является церковью третьяго великаго апостола, Іоанна. Если дѣйствительно суждено Западу, какъ сдается, повидимому, забыться и отпасть когда-нибудь отъ христіанства, то священнѣйшимъ долгомъ славянъ будетъ возстановить своимъ вліяніемъ вѣчный крестъ и доставить ему окончательную побѣду. Не съ обращеніемъ Константина побѣдилъ Галилеянинъ: нѣтъ, — лишь послѣ этой славянской побѣды исполнится изреченіе: „Vicisti tandem cum Slavia, Galilaea.“

Мы уже, съ одной стороны, мысленно видимъ сожалительное пожиманіе плечъ и слышимъ тотъ смѣхъ, который раздастся на Западѣ по поводу нашихъ мыслей, а съ другой—слышимъ поднимающійся изъ-за этого шумъ. Но все это насъ ни мало не смущаетъ. Къ такого рода явленіямъ мы уже привыкли. У того, кто смѣется, лицо, надѣмся, станетъ серьезнымъ, а кто шумитъ, тому придется умолкнуть. Кто могъ бы во времена римлянъ предположить о грубыхъ германцахъ, что они гораздо способнѣе къ принятію и разумѣнію ученія Христа, нежели высокообразованные римляне. И между тѣмъ было такъ! Знаемъ, что насъ на Западѣ упрекаютъ въ слабости, грубости, неспособности, въ недостаточной одухотворенности и поэтому считаютъ насъ на вѣки приговоренными къ подчиненной роли во всемірной исторіи. Но Западъ не въ силахъ доказать это неопровержимыми доводами. Прежде всего надо помнить, что славянскій народъ, какъ таковой, еще не былъ захваченъ высшею историческою жизнью, между тѣмъ какъ среди этой жизни развивались и преемственно, одинъ за другимъ, слѣдовали прочіе народы, по условіямъ времени болѣе способные. При такихъ условіяхъ нашъ народъ не могъ развиваться и дѣйствовать сообразно своимъ способностямъ. Но всему свое время.

Впрочемъ, мы не слѣпы къ слабостямъ и недостаткамъ нашего народа; еще въ началѣ труда нашего мы безощадно обличали и карали главные его недостатки; знаемъ, сверхъ того, что доброе направленіе нашего народнаго духа, именно потому, что оно природное, легко смѣняется обратнымъ, и что славянская природа въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ понынѣ колебалась между двумя крайностями, чѣмъ и объясняютъ противоположныя свидѣтельства писателей о нашихъ предкахъ; но навязываемая намъ иностранцами слабость вовсе не идетъ нашей природѣ. Правда, на нашихъ границахъ мы всѣ поодиночкѣ подпали власти иноплеменниковъ, но они противъ нашей одиночной, обособленной защиты всегда почти выводили всѣ свои соединенныя

силы. Но кто, однако, может похвалиться, что ему болѣе нашего удалось такъ много сохранить изъ своей народности въ теченіе столь продолжительнаго, въ высшей степени тяжелаго рабства. Эта упругость, свойственная нашей природѣ, конечно, есть также сила⁶⁰⁾, и только съ такимъ народомъ могъ удасться, не надорвавъ его жизненныхъ силъ, тотъ громадный опытъ, который былъ произведенъ Петромъ Великимъ.

Только такой народъ, по природѣ своей наклонный къ малымъ, подвижнымъ государственнымъ союзамъ, могъ строжайшимъ своимъ подчиненіемъ единичному представителю общей воли доставить матеріалъ для такого величественнаго зданія, и создать ту монархію, которая своими размѣрами, крѣпостью и силою приводить въ изумленіе міръ. Да, только со славянскимъ, хотя по языку и онѣмеченнымъ, народомъ могъ Фридрихъ Великій совершить свои чудесные подвиги, всегда сизнова начиная съ неодолимою силою и противясь почти цѣлой Европѣ. Не принимайте, подобно австрійцамъ, терпѣнія нашего за слабость! Тутъ всего легче обмануться. Древніе писатели единогласно прославляютъ безпримѣрную, непреклонную выносливость нашихъ предковъ во всякаго рода невгодахъ, ихъ хладнокровное перенесеніе всякаго несчастія, и новѣйшіе, какъ Сегюръ, повторяютъ и нынѣ то же самое. Дѣлаемые намъ упреки неудачны, какъ и производство профессоромъ Лео общаго имени „Slawen“ отъ нѣмецкаго schlaff⁶¹⁾. Даже общее свое имя должны мы были занять себѣ у нѣм-

⁶⁰⁾ Эти черты признаютъ въ славянахъ и безпристрастные иностранцы. Такъ англичанинъ Бра съ говорить въ своей книгѣ (Brace. The races of the old world. A manuel of ethnology. London. 1863): „They show even greater tenacity of character, and a toughness of nature, which causes them to survive all the conquests of which they were the victims. Their instinct of race, or of nationality was as strong in the earliest times as it is now. In the peaceful arts, they were undoubtedly in advance of the Teutons, and there is reason to believe that the word plough (плугъ), as well as the knowledge of some portions of agriculture, came to the Germans from the Slavonians. From the fifth to the ninth centuries, while the Teutons held Western Germany, and the Slaves Eastern, it was observed that the latter country was by far the more peaceful and prosperous. The Slavonians showed no lack of courage and patient endurance, when called to fight, or to suffer for their rights, but their inclinations were always toward commerce and agriculture. It is their high honour, that in an age of servitude, they possessed no slaves, and developed, even in that early time, an instructive example of communal self-government“ (с. 81—82). В. Л.

⁶¹⁾ Согласно съ этимъ и слѣдуя Гефтеру, сочинитель Нѣмецкой Исторіи, Зугенгеймъ, представляетъ славянъ вялыми и холодными, а нѣмцевъ живыми и могучими: „Von Natur ebenso phlegmatisch und indolent, wie

цевъ!... Большою или меньшею грубостью запечатлѣнь первоначальный бытъ каждаго народа, но жестокостей, подобныхъ тѣмъ, какія совершали испанцы въ Америкѣ, нѣмцы съ нашими предками, мы никогда не производили; между тѣмъ, испанцы и нѣмцы географически были ближе насъ къ источникамъ классической и христіанской образованности. Хотя, вслѣдствіе географическаго положенія и духовной преемственности народовъ, мы еще недалеко ушли въ смыслѣ всемірно-историческомъ, однако, мы ужъ и не безъ заслугъ въ успѣхахъ духа и челоуѣчества. Чехъ Гусъ проложилъ дорогу реформаціи и своимъ самопожертвованіемъ сдѣлалъ ее возможною; полякъ Коперникъ открылъ гармонію вселенной, отъ чеха Задужанскаго узналъ Линней о полахъ въ растительномъ царствѣ и проч.; всего этого, конечно, мало для нашего величія, но, съ другой стороны, не мы ли защитили Европу отъ нашествія варваровъ, не мы ли вмѣстѣ съ нею разбили обровъ (аваръ) и сами сокрушили могущество монголовъ, татаръ и турокъ и, такимъ образомъ, обезпечили развитіе европейской образованности. Во всякое время вдохновлялись мы великими идеями и, конечно, въ этомъ отношеніи не превзойдетъ насъ ни одинъ народъ, ибо одушевленіе французовъ—пылкое и преходящее, а наше медленное и сдержанное. Впрочемъ, до сихъ поръ намъ недоставало такой одной идеи, которая бы одушевляла всѣ наши племена вмѣстѣ. Во всякомъ случаѣ, мы не увлекаемся отвлеченными, безсодержательными идеями, какъ напр. завоеваніемъ Гроба Господня, и не склонны къ фанатизму. Но высокія челоуѣческія идеи согрѣвають нашу грудь и укрѣпляютъ нашу силу. Горсть гуситовъ была непобѣдима и разбивала во множествѣ сраженій войска крестоносцевъ половины Европы; шестнадцать тысячъ поляковъ съ губительною для себя храбростью сдерживали, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, силы союзниковъ, пока не было обезпечено отступленіе французовъ, и съ какимъ самопожертвованіемъ и силою отразилъ русскій народъ всю почти Европу, вторгшуюся въ его отечество подъ предводительствомъ геніальнѣйшаго полководца въ мірѣ? Не зима поразила и уничтожила Наполеона, ибо она настигла французовъ, уже при отступленіи, въ Литвѣ, но сила и самопожертвованіе русскихъ.

der Germane rührig und strebsam“ (Gesch. d. deutsch. Volkes u. seiner Kultur. Leipzig 1866, I, 381). Хорватъ, сербъ, словинець, великоруссъ—холодные, а нѣмецъ живъ, воспріимчивъ и стремителенъ! Такъ пишутся историческія и народныя характеристики! И нѣмцы увѣрены, что они единые хранители мудрости, а славяне двигать науку неспособны. На наши опроверженія они отвѣчаютъ только пожиманіемъ плечъ и замѣчаніемъ, что въ насъ нѣтъ научной предметности. В. Л.

Но къ чему все это? Вы не признаете въ насъ воодушевленія, а сами его лишились; даже надъ этимъ воодушевленіемъ чело-вѣческой идеею вы посмѣиваетесь съ сожалѣніемъ; все вы измѣряете только пользою, доводами биржи; все, выходящее изъ этого круга, считаете за марево, суету и утопію. У васъ уже утвердилась жизненная проза; такъ наслаждайтесь же ею покойно и мирно! Но если мы такъ слабы въ вашихъ глазахъ, къ чему эти крики противъ всеславянства (панславизма), поднимающіеся при малѣйшемъ проявленіи славянскаго духа? Зачѣмъ овладѣваетъ вами тайный ужасъ, при малѣйшемъ передвиженіи русскихъ войскъ? Почему не выказываете вы малѣйшей искры сочувствія къ нашимъ стремленіямъ и какой бы то ни было дѣятельности, какъ то дѣлаете съ другими, и враждебно относитесь ко всему нашему безъ различія? Сочувствіе къ себѣ возбуждаютъ слабые и единомышленники, но мы для васъ ни тѣ, ни другіе. Сила у насъ есть, а нынѣшнія ученія ваши, современная жизнь и стремленія противны намъ. Мадыяры, напримѣръ, могутъ домогаться вашего сочувствія, но вы одни, а мы другіе, и идемъ иною съ вами дорогою...

VI.

Для возрожденія нашего, для занятія нами мѣста во всемирной исторіи, согласно съ нашими силами и дарованіями, мы должны разъ навсегда освободиться отъ невыносимаго чужого ига и приобрѣсть себѣ государственную самостоятельность; ибо у народа, находящагося въ рабствѣ, связаны руки, духъ его подавленъ, и онъ всегда подвергается опасности рано или поздно погибнуть. Сверхъ того, каждый народъ, съ утратою своей политической самостоятельности, теряетъ честь, и тотъ, кто всегда служитъ другимъ, беспомощенъ и безсиленъ страхнуть съ себя иго, тотъ нисколько не уважается другими народоправными личностями. Только самостоятельные народы, какъ и независимые люди, могутъ разсчитывать на общественное признаніе и уваженіе; а такъ какъ самостоятельность прежде всего нужна большинству славянскихъ племенъ, то для насъ она вопросъ національный, дѣло первой, рѣшительной важности. Нечего намъ говорить, какого о насъ мнѣнія были другіе народы, видя насъ во всѣхъ краяхъ въ служебномъ отношеніи къ иностранцамъ: нѣмцамъ, мадыярамъ, туркамъ и итальянцамъ, не замѣчая въ насъ никакого стремленія покончить съ такимъ положеніемъ. Иначе должно стать, и станеть въ ближайшемъ будущемъ. Но какимъ образомъ

завоевать намъ себѣ самостоятельность, и какъ потомъ намъ сложиться? По современному положенію нашему, для достиженія этого есть три способа, и господствующія объ этомъ мнѣнія у славянъ слѣдуютъ тремъ различнымъ направленіямъ—въ пользу: 1) образованія союзныхъ (федеративныхъ) государствъ, 2) образованія изъ Австріи средоточія для всѣхъ западныхъ и южныхъ славянскихъ племенъ, такъ, чтобы славянскій элементъ, какъ самый сильный въ ней, поднятый до высшаго государственнаго значенія, существенно измѣнилъ это государство, или, наконецъ, 3) присоединенія къ Россіи. Разберемъ же отдѣльно и безпристрастно всѣ эти предположенія и посмотримъ, которое изъ нихъ представляетъ наиболѣе вѣроятный успѣхъ, наиболѣе обезпечиваетъ благосостояніе и развитіе славянъ, и открываетъ свободный ходъ исторіи.

При рѣчи о союзныхъ (федеративныхъ) государствахъ, осуществимыхъ только въ формѣ республикъ, съ самаго начала надо оставить въ сторонѣ Россію и тѣ племена, которыя или уже вошли въ ея составъ, или поступили подъ признанное международнымъ правомъ ея покровительство, или уже въ такой степени находятся подъ ея вліяніемъ, что ни политически, ни національно не могутъ отъ него отрѣшиться. Слѣдовательно, надо оставить въ сторонѣ: большую часть Польши, такъ называемое Царство Польское, княжество Сербію, всѣ славянскія племена въ Турціи—болгарь, славянъ въ Босніи, Герцеговинѣ, Албани и въ Черногоріи. Только безумецъ можетъ представить себѣ хоть тѣнь вѣроятія въ томъ, что въ Россіи можетъ утвердиться и процвѣтать республиканскій образъ правленія. Но чего Россія не допуститъ внутри своихъ предѣловъ, тому она будетъ рѣшительно препятствовать и въ странахъ, подчиненныхъ ея вліянію. Если же исключить Россію и находящіяся подъ ея вліяніемъ земли, то получимъ: Чехію, Моравію, Лужицы, Силезію, Познань, область словаковъ въ Сѣверной Угріи, Галицію, словинцевъ въ Крайнѣ, Хорутаніи, Штирії, Истріи, Хорватію, Славонію и Далматію, Военную Границу и Сербское Воеводство. При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на внѣшнее и внутреннее положеніе этихъ земель и племенъ, на ихъ взаимоотношенія и на ихъ отношенія къ другимъ народамъ.

Всѣ эти племена и земли находятся въ зависимомъ положеніи и, такимъ образомъ, должны прежде всего завоевать себѣ свободу; всѣ они внутри раздѣлены враждебными стихіями на два противоположныхъ стана, поражены въ своей дѣятельности и обезпечены въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи. Чехія, на свои три милліона чеховъ, имѣетъ болѣе милліона нѣмцевъ; Моравія, на

свои два милліона славянъ, болѣе полумилліона нѣмцевъ; Лужицы имѣютъ только 142.000 славянскихъ жителей, остальные отмѣчены; въ прусской и австрійской Силезіи на $2\frac{1}{2}$ милліона жителей приходится едва $1\frac{1}{2}$ милліона славянъ, а въ Познани на 1.000.000 славянъ множество нѣмцевъ и евреевъ. Хотя область словаковъ вообще чиста, но зато чрезвычайно ослаблена извнѣ идущимъ мадьярскимъ вліяніемъ и значительнымъ числомъ своихъ отщепенцевъ. Славянское населеніе Галиціи, состоящее почти изъ $4\frac{1}{2}$ милліоновъ душъ, раздѣляется на двѣ враждебныя стороны, русскихъ и поляковъ. Это раздѣленіе, вслѣдствіе послѣдняго переворота (1846), стало почти неизлѣчимымъ. Сверхъ того, Галиція была наводнена въ послѣднее время нѣмцами, и уже прежде евреями. Всѣ эти обстоятельства почти совершенно парализуютъ ея дѣятельныя силы. Славянскія племена въ Крайнѣ, Хорутаніи, Штиріи, Истріи, состоящія изъ 1 милліона, перемѣшаны съ нѣмцами и итальянцами, въ Хорватіи и Славоніи число славянъ не доходитъ до милліона и, въ городахъ особенно, не совсѣмъ свободно отъ нѣмцевъ и также не совсѣмъ ограждено отъ мадьярскаго вліянія. Далматія, съ своимъ небольшимъ населеніемъ, около 400.000 душъ, имѣетъ много итальянцевъ въ городахъ. Военная Граница считаетъ въ своемъ милліонномъ населеніи нѣмцевъ и румынъ. Сербское Воеводство въ томъ видѣ, какъ оно теперь существуетъ, плодъ нѣжной австрійской попечительности, въ силу начала равноправности, наполнено, благодаря его устроителямъ, нѣмцами и мадьярами, а также румынами ⁶²⁾.

Притомъ надо также обратить вниманіе на то, что главнѣйшіе города въ земляхъ славянскихъ, гдѣ бы должна быть сосредоточена сила народонаселенія, по большей части, если не вездѣ въ полномъ объемѣ, заняты инородцами; такъ, напримѣръ, главные города Моравіи, Верно (Брюнъ) и Оломуць, почти совершенно достались нѣмцамъ; наконецъ, въ Лужицахъ и Силезіи, гдѣ города совершенно нѣмецкіе, также въ Хорутаніи, Штиріи, Истріи и, какъ мы уже упоминали, въ Далматіи, гдѣ они итальянскіе. Въ чешской столицѣ, Прагѣ, также довольно много нѣмцевъ; въ главномъ городѣ Познани число ихъ почти ежедневно возрастаетъ, благодаря усиліямъ прусскаго правительства; города словенскіе (словаковъ) также не совершенно отъ нихъ свободны, равно какъ и города Галиціи, Крайны, Хорватіи, Славоніи, даже Воеводства. Эти иноземные пришельцы сильно

⁶²⁾ Всѣ приведенныя здѣсь цифры распредѣленія славянъ для настоящаго времени не вѣрны. Болѣе точныя статистическія данныя см. въ сочиненіи Т. Флоринскаго „Славянское племя“, Кіевъ, 1907. Т. Ф.

тормозятъ нашу народную жизнь и дѣятельность, и не только положительнымъ противодѣйствіемъ нашимъ стремленіямъ, но и пассивнымъ къ нему отношеніемъ; а это тѣмъ болѣе чувствительно, что отнимаетъ у насъ значительнѣйшую часть матеріальныхъ средствъ, которые въ нашихъ странахъ скоплены въ капиталы чужеземцами. Чешскіе нѣмцы, во время послѣдняго движенія, дѣлали видъ, что намѣрены примкнуть къ Франкфурту ⁶³), а нѣмцы въ Прагѣ, хотя и были во время чешскаго движенія, какъ слѣдуетъ, обузданы, однако, въ іюнское возстаніе, надо сказать правду, бесполезное и бессмысленное, ничего не дѣлали и даже, по возможности, противодѣйствовали ему. Нѣмцы въ Моравіи, Силезіи, Крайнѣ, Хорутаніи, Штиріи и даже отчасти Чехіи посылали депутатовъ во франкфуртскій парламентъ, хотѣли привести наши племена совершенно подъ власть нѣмцевъ. Моравскіе и силезскіе нѣмцы, по мѣрѣ силъ, преслѣдовали каждаго, кто думаетъ по-славянски. Лужичане и безъ того уже совершенно подпали нѣмцамъ. Познанскіе нѣмцы старались во всѣхъ отношеніяхъ вредить тамошнему польскому движенію, захваченныхъ поляковъ оскорбляли и даже истязали. Нѣмцы въ Галиціи возстановляли русскихъ противъ возставшихъ поляковъ, народъ противъ дворянства и вызвали извѣстныя ужасающія сцены убійствъ. Нѣмцы въ Славоніи и воеводствѣ держали сторону мадьяръ, точно также и въ области словаковъ. Въ Хорватіи нѣмцы въ новѣйшее движеніе еще укрѣпили народъ хорватскій въ его бездѣятельности и сонливости, а итальянцы въ Истріи и Далматіи рѣшительно противодѣйствовали соединенію Далматіи съ Хорватією. Что было причиною столь неправильнаго хода и столь неуспѣшнаго и печальнаго окончанія послѣднихъ новѣйшихъ движеній въ этихъ земляхъ? Кромѣ незрѣлости племенъ, главнѣйшая вина въ этомъ отношеніи все-таки падаетъ на развѣдающую нашу народную жизнь чуждую стихію, и особенно на нѣмцевъ.

Нельзя также оставлять безъ вниманія и религіознаго разнообразія этихъ племенъ. Хотя большинство ихъ принадлежитъ къ католичеству, однако и протестантство, а особенно греко-славянская церковь, имѣетъ очень много приверженцевъ. Все это тормозитъ всякое ихъ общее предпріятіе и даже не мало поселяетъ между ними раздоровъ. Въ Чехіи, кажется, подъ видомъ

⁶³) То же самое стремленіе нѣмцевъ въ Австріи замѣчаемъ и въ наше время стремленіе къ постепенному овѣмеченію прочихъ, а въ крайности и къ соединенію со всѣмъ, что ни есть въ ихъ рукахъ, къ своему *Gesamt-Vaterland*. В. Л.

протестантства, намѣрено распространиться старое гуситство, хотя понинѣ это нисколько не мѣшало развитію народности. Въ словенской землѣ мадьярскіе агитаторы возбуждали забытую католическую часть населенія противъ народнаго движенія, возникшаго въ протестантскомъ населеніи. Русскіе въ Галиціи хотя и присоединены къ уніи, однако они не настоящіе католики и ихъ религіозное отличіе отъ поляковъ не мало способствовало ихъ взаимному ожесточенію. Послѣдствія разновѣрія всего дѣйствительнѣе среди сербовъ: у нихъ каждый буневачъ или шобацъ, т. е. сербъ-католикъ, считается отщепенцемъ и измѣнникомъ своей народности. Въ новѣйшее сербское движеніе, самое сильное изъ всѣхъ послѣднихъ славянскихъ движеній (въ Австріи), католическіе сербы или свирѣпствовали противъ своихъ земляковъ, какъ пособники мадьяръ, или, по крайности, равнодушно относились къ народному движенію.

Точно также надо принимать въ уваженіе и разницу въ степеняхъ развитія этихъ племенъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ народная жизнь совершенно не можетъ развиваться и подъ нынѣшнимъ политическимъ созвѣздіемъ обречена на печальное прозябаніе. Межъ всѣхъ этихъ славянъ наиболѣе успѣха имѣли національныя стремленія чеховъ, но ихъ дворянство, за немногими почтенными исключениями, неблагоклонно къ народу; по большей части инородческое, оно стало аристократическимъ, въ западномъ смыслѣ, почти пропало для славянства и ненавистно народу за свое грубое, грязное себялюбіе. Что сдѣлало оно для народа въ новѣйшее время? ⁶⁴⁾ Въ то время, какъ дворянство мадьярское такъ много жертвовало для своей народности, или собственно для ея господства, чешское, которое нельзя упрекнуть въ недостаткѣ богатства и западно-европейскаго образованія, довольствовалось нѣсколькими подачками на народное дѣло.

Въ Познани передъ тамошнею попыткою къ возстанію быстро развернулась умственная дѣятельность, но послѣ его неудачи все тамъ заснуло. Онѣмеченіе этой области быстро подвигается впередъ, ибо прусское правительство посылаетъ туда нѣмецкихъ чиновниковъ, нѣмецкихъ поселенцевъ, ссужаетъ деньгами желающихъ тамъ поселиться нѣмцевъ, удивительно нѣмечить область системою своего ополченія (ландвера) и вообще поощряетъ онѣмеченіе всѣми зависящими отъ него средствами. Въ Галиціи, благодаря соперничеству враждебныхъ племенъ и дѣйствіямъ австрійскаго правительства, его бюрократіи и полиціи, убита, послѣ революціи, всякая народная дѣятельность, хотя и прежде она не особенно процвѣтала. Ни

⁶⁴⁾ Въ послѣдніе годы и между чехами-аристократами стали появляться люди славянскаго направленія: такъ, напр., графъ Гаррахъ. Въ его брошюрѣ „Spasa Rakouska“ выражается большое сочувствіе къ Россіи. В. Л.

русскіе галичане, ни поляки, не производятъ ничего замѣчательнаго: у однихъ царитъ австрійская бюрократія, у другихъ польское легкомысліе и въ развѣ идущія стремленія, и вообще эта страна представляетъ отвратительную картину.

Въ Хорватіи издавна господствующее темное католичество сдѣлало народъ умственно вялымъ и безчувственнымъ и глубоко его испортило. Тамъ все остается при однѣхъ попыткахъ, ничего не удается, и лучшіе люди, при такомъ порядкѣ вещей, падаютъ духомъ и, наконецъ, наравнѣ съ другими, вязнутъ въ тинѣ безстрастія, лѣни и пошлыхъ житейскихъ удовольствій. Демонстраціи, факельныя процессіи и балы, основаніе обществъ, покупки домовъ для народныхъ цѣлей—все это дѣлается постоянно, но за всѣмъ этимъ нѣтъ ничего серіознаго ⁶⁵). Еще меньше своей родной сестры, Хорватіи, имѣетъ значеніе Славонія. Ни одно племя въ ней не преобладаетъ, и потому нѣтъ въ ней никакого опредѣленнаго направленія и, слѣдовательно, никакихъ стремленій, а лишь постоянное шатаніе безъ опредѣленной цѣли и безъ всякаго проявленія силъ. Въ Военной Границѣ, вслѣдствіе военной австрійской дисциплины, не можетъ развиваться никакой умственной дѣятельности. Хотя и много въ ней силы, мужества и самопожертвованія, но австрійское правительство со своими школами, чиновничествомъ и нѣмецкимъ начальствомъ отечески печется о томъ, чтобы эти силы не измѣнялись во вредную сторону... ⁶⁶). Въ Воеводинѣ у сербовъ точно такъ же, какъ и въ Границѣ, много силъ и способностей, но отдѣльныя, выдвигающіяся изъ народа, личности не умѣютъ освободиться отъ духа партій и себялюбивыхъ стремленій. Хотя общая задача мелькаетъ передъ ними, однако, имъ доселѣ недоставало силъ, чтобы мужественно ей отдаться.

Въ тяжкомъ положеніи находятся словаки, у которыхъ дворянство, вслѣдствіе мадьярства, почти совершенно отреклось отъ народности, съ безпримѣрною яростью противится всякому народному стремленію и совершаетъ преступленіе за преступленіемъ противъ своего народа. Хотя въ самомъ племени много свѣжести, и въ его друзьяхъ много таланта и способностей, но зато тутъ замѣчается полное отсутствіе средствъ. Еще ниже словаковъ стоитъ Моравія, гдѣ, изъ-за господства тупого католичества и преобладанія нѣмцевъ въ

⁶⁵) На эту несеріозность хорватскаго движенія мѣтко указывалъ одинъ изъ лучшихъ хорватскихъ поэтовъ, Антонъ Нѣмчицъ. См. наприм. одно изъ его стихотвореній: „Побратимому Илирству“. (Pěsme Ant. Němčiča. Zagreb, 1851, str. 41—42). В. Л.

⁶⁶) См. Utěšenović: Die Militärgränze und die Verfassung. Wien 1861, 8°, 172. В. Л.

главныхъ городахъ, народность не можетъ развиваться успѣшно. За Моравією влечется, съ своими національными стремленіями, Далмація, гдѣ преобладаетъ итальянское вліяніе, которое при посредствѣ городовъ ведетъ за собою на буксирѣ маленькую страну. Печально прозябаетъ славянская народность въ Силезіи, благодаря исключительному въ ней господству нѣмецкины, и вовсе не лучше положеніе вещей въ Крайнѣ, Хорутаніи, Штирин, Истріи, гдѣ кучка славянъ, хотя и весьма трудолюбивыхъ, способныхъ и дѣльныхъ, почти отовсюду окружена нѣмцами и раздирается ими внутри. Не многіе славяне въ Лужицахъ принуждены ограничиваться маленькимъ литературнымъ диллентатизмомъ, который хотя и достоинъ похвалы, но ничего не можетъ произвести большаго, пока не наступитъ славянскій день ⁶⁷⁾.

Въ большей части этихъ земель стремленія были пока чисто народныя, ибо эти племена прежде всего нуждаются въ жизни и ея обезпеченіи: но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, особенно въ ближайшихъ къ Западу краяхъ, именно въ Чехіи, народное движеніе начинаетъ принимать политическій оттѣнокъ и, вслѣдствіе этого, образуются партіи. Но въ этомъ нѣтъ никакой потребности: все это происходитъ часто изъ опрометчивости, хвастливости и изъ подражанія Западу. Чехи особенно увлеклись конституціями и конституціональною игрою Запада. Съ тѣхъ поръ, благодаря усиліямъ остроумнаго, но поверхностнаго Гавличка, конституція и реакція стали у нихъ лозунгомъ дня, а затѣмъ и радикализмъ, и республика, и коммунизмъ имѣютъ уже въ Чехіи своихъ поборниковъ. Одни выпускаютъ въ свѣтъ эти западныя произведенія; другіе, ни мало не понимая ихъ значенія, пустословятъ вслѣдъ за ними. Такимъ образомъ, этими западными идеями, которыми блистаетъ Ригеръ и дѣлаетъ себѣ карьеру Гавличекъ, Чехія все болѣе отчуждается отъ славянства и стѣсняетъ свое собственное развитіе. Старые, разумные, строгіе, богатые знаніями, вожди чисто народнаго движенія все болѣе утрачиваютъ значеніе. Толпа ихъ покидаетъ и слѣдуетъ своимъ собственнымъ влеченіямъ, или идетъ за нѣкоторыми легкомысленными вождями. Говоря откровенно, мы прежде считали чеховъ болѣе тактичными и дѣльными. Ихъ сдержанность до послѣднихъ событій оправдывала нашу надежду, пока они не разочаровали насъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ падаетъ

⁶⁷⁾ Въ настоящее время славянская народность во всѣхъ этихъ земляхъ сдѣлала огромные успѣхи, хотя и нигдѣ еще не завоевала себѣ (да одними собственными средствами и не можетъ завоевать) первостепеннаго значенія. В. Л. Это замѣчаніе В. Л. справедливо и для настоящаго времени. Т. Ф.

всякое съ ихъ стороны притязаніе на верховенство надъ другими славянскими племенами⁶⁸). Въ Познани и Галиціи ѣдятъ другъ друга такъ называемые аристократы и демократы, и тѣмъ безъ нужды увеличиваютъ несчастія поляковъ. Въ другихъ мѣстахъ, слава Богу, эти западныя порожденія не нашли себѣ мѣста и, повидимому, нигдѣ болѣе и не примутся.

Во взаимныхъ отношеніяхъ этихъ земель и племенъ ихъ общему и успѣшному дѣйствию предстоятъ непреоборимыя препятствія. Первое препятствіе есть разнообразіе самихъ племенъ, изъ коихъ каждое имѣетъ и разрабатываетъ свое собственное нарѣчіе и словесность. Поляки въ Познани, Силезіи и Галиціи, западные сербы въ Лужицахъ, чехи въ Чехіи и Моравіи, словаки на сѣверѣ Угріи, русскіе въ Галиціи и въ Угріи, словинцы въ Крайнѣ, Хорутаніи, Штиріи и Истріи, хорваты въ Хорватіи, Славоніи и въ Военной Границѣ, южныя сербы въ Воеводинѣ, Славоніи, въ Военной Границѣ и Далмаціи, всѣ эти 8 племенъ имѣютъ 8 же нарѣчій и словесностей. Нѣкоторые ученые пытались всѣ эти нарѣчія, за исключеніемъ русскаго, привести къ тремъ, но этотъ пріемъ не уменьшаетъ зла даже временно: пренебрегая развитіемъ отдѣльныхъ племенъ, оно прокладываетъ путь новому, еще большому современемъ несчастію, такъ какъ современное положеніе этихъ племенъ можетъ быть только явленіемъ преходящимъ, а между тѣмъ, разъ соединившись въ большія громады, племена потомъ тѣмъ упорнѣе держались бы своей розни (партикуляризма) и только бы еще упрямѣе противились сліянію въ одно цѣлое. Ясный примѣръ тому поляки, послѣ русскихъ самое сильное славянское племя, имѣющее самую богатую, за исключеніемъ русской, литературу и исторію; они поэтому наиболѣе и противятся великому славянскому единству и тяготѣютъ къ Западу.

Священнѣйшій долгъ каждаго славянина состоитъ въ томъ, чтобы всегда имѣть въ виду не частное, а общее, и возставать противъ частнаго, когда оно старается распространиться на счетъ цѣлаго, ибо лишь съ цѣлымъ оживится когда-нибудь все частное и достигнетъ болѣе счастливаго, столь давно и горячо же-

⁶⁸) Этотъ рѣзкій отзывъ о чехахъ, быть можетъ и справедливый для пятидесятихъ годовъ XIX ст., уже не соотвѣтствуетъ современному положенію дѣлъ. За послѣднія 50 лѣтъ чехи несказанно выросли во всѣхъ отношеніяхъ: національномъ, политическомъ и культурномъ. Проявляя необычайную энергію и стойкость во всѣхъ сторонахъ національной жизни, представляя собой словно передовую бастіонъ западнаго славянства, чехи въ настоящее время, несмотря на партійные раздоры и частныя ошибки вождей, высоко держатъ знамя народности и всеславянства. Т. Ф.

ланнаго будущаго. Естественно, что между этими 8 племенами и 8 словесностями не можетъ быть восстановлено тѣсное согласіе и, такимъ образомъ, нисколько не удивительно, что, несмотря на всѣ похвальные усилія, славянская взаимность не особенно успѣваетъ, и при этомъ порядкѣ вещей никогда не утвердится такъ, какъ бы было желательно. Она тѣмъ менѣе успѣваетъ, чѣмъ болѣе историческіе примѣры и современное развитіе будутъ поощрять отдѣльные племена къ жизни обособленной и къ совершенному современемъ отдѣленію отъ цѣлага; ибо другія, болѣе по-славянски настроенныя или слабѣйшія племена будутъ постоянно и съ полнымъ правомъ противодѣйствовать подобнымъ стремленіямъ. Такого рода противодѣйствіемъ представляется намъ сопротивленіе сербовъ хорватамъ или собственно такъ называемымъ иллирамъ, малоруссовъ — полякамъ и словаковъ въ языкѣ и литературѣ — чехамъ. Руководствуясь приобрѣтеннымъ въ жизни опытомъ, рѣшаюсь осуждать первое, отщепенническое (сепаратистическое) стремленіе и, напротивъ того, хвалить это сопротивленіе.

Есть еще обстоятельство, затрудняющее взаимное соглашеніе и общее дѣйствіе этихъ племенъ. Это именно географическое ихъ положеніе и дальность разстояній между ними. Далекое лежитъ Познань отъ Чехіи и Моравіи, еще далѣе отъ словаковъ и русскихъ, и уже совершенно отдалена отъ сербовъ и хорватовъ. И Чехія не близка къ галицкимъ русскимъ и того далѣе отъ южныхъ славянъ, и между нихъ еще вошли клиномъ нѣмцы и мадьяры. Но имѣютъ ли въ себѣ эти племена силу разбить всѣ эти трудности? Мы думаемъ, что нѣтъ! Въ такомъ случаѣ, какимъ же образомъ, не обойдя подобныхъ препятствій, могутъ они образовать особый союзъ (федерацию)?

Нельзя также терять изъ виду и религіознаго различія, обособляющаго нѣкоторыя изъ этихъ племенъ. Говоря о Галиціи, мы упомянули о немъ примѣнительно къ русскимъ и полякамъ, но еще рѣзче оно выступаетъ въ отношеніяхъ сербовъ къ хорватамъ, изъ коихъ первые крѣпко привязаны къ греко-славянской церкви, а вторые, напротивъ, строгіе католики. Во время послѣднихъ движеній хорваты не сдержали даннаго ими сербамъ слова, помогали имъ вяло и нерѣшительно, и даже еще въ иныхъ случаяхъ, изъ мелочныхъ соображеній, имъ мѣшали. Извѣстно, какихъ соблазновъ надѣлалъ съ сербами католическій епископъ въ Загребѣ, Гавликъ, этотъ вѣрный слуга католической Австріи; и могъ ли бы онъ себѣ это позволить въ народѣ, искренно по-славянски настроенномъ и доброжелательномъ къ роднымъ братьямъ? Даже лучшаго образа мыслей, хотя и слабый, Банъ Елачичъ, когда нужно было

рѣшительно помочь сербамъ, опустили руки, молчали и ничего почти не дѣлали. Вслѣдствіе такой невѣрности и слабости хорватовъ, между братскими племенами возникли непріязненные отношенія, что еще болѣе отдалило Воеводину отъ Бановины, впрочемъ, безъ малѣйшей пользы для славянства.

Наконецъ, внѣшнія отношенія всѣхъ этихъ племенъ такого рода, что провести практически этотъ союзъ (федерацию) есть чистая невозможность. Австрія не представляетъ этому никакого особеннаго препятствія, ибо она стара, слаба и боязливо выжидаетъ будущаго; но преграды ставятъ, съ одной стороны, нѣмцы, въ серединѣ мадьяры, а съ другого конца итальянцы. Неужели федералисты еще столь благодущны, что могутъ вѣрить въ готовность этихъ народовъ спокойно созерцать и ждать, пока федералисты будутъ готовы съ построеніемъ своей теоріи? Напротивъ, не нападутъ ли они тогда на славянъ со всѣхъ сторонъ и не объявятъ ли своихъ притязаній, нѣмцы на Чехію, Моравію, Силезію, Крайну, Хорутанію, Штирію и Истрію (всѣ эти земли принадлежатъ къ нѣмецкому союзу), даже на Познань, мадьяры — на земли словаковъ, Хорватію, Славонію, отрѣзанную Воеводину, а итальянцы — на Далмацію съ Приморьемъ? Имѣютъ ли въ себѣ силу эти славянскія племена одолѣть эти народы съ ихъ притязаніями? Какъ велико ихъ число? Въ цѣломъ оно не превышаетъ и 19 милліоновъ⁶⁹⁾ душъ, и съ этою-то разсѣянною силою думаютъ они защитить свою самостоятельность отъ нападений нѣмцевъ, мадьяръ и итальянцевъ? Но если они не имѣютъ силъ освободиться и устроиться, то что же остается отъ идеи этихъ федеративныхъ государствъ? Чистый нуль, да теорія въ головахъ ученыхъ. Развѣ во время новѣйшихъ замѣшательствъ упомянутые выше народы не владѣли поочередно перечисленными славянскими землями или по крайней мѣрѣ не старались овладѣть ими? Зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, ухватились послѣднія за Австрію, этотъ якорь спасенія въ наставшую бурю?

Но предположимъ, что наши племена надѣлаютъ чудеса и побѣдятъ всѣ упомянутыя затрудненія, что тогда скажетъ Россія этимъ славянскимъ соединеннымъ государствамъ? Россія будетъ противиться этому самостоятельному славянскому государству и въ идеѣ, и всѣми своими матеріальными средствами. Она не можетъ допускать другой, кромѣ себя, самостоятельной славян-

⁶⁹⁾ Въ настоящее время въ Австро-Венгріи и Германіи славянъ насчитывается около 29½ милліонъ (въ Австро-Венгріи болѣе 25 милліонъ и въ Германіи около 4.300.000). Т. Ф.

ской (великой) державы, такъ какъ всякое не русское славянское государство необходимо вступить въ противодѣйствіе (оппозицію) Россіи и должно будетъ, для своей безопасности, или притягивать къ себѣ ея части, или противодѣйствовать ей, съ помощью западныхъ идей и западныхъ народовъ. Россія очень хорошо это понимаетъ. И только этимъ путемъ объяснимо, почему Россія понинѣ такъ мало поощряла славянскія стремленія ⁷⁰⁾, и даже, очень можетъ быть, поддерживала требованія старыхъ угорскихъ консерваторовъ, предъявлявшіяся австрійскому правительству. Это дѣлалось для того, чтобы помѣшать образованію такъ называемаго, лишь проектированнаго, славянскаго австрійскаго государства. У Россіи есть сила, и сила исполинская, а потому также призваніе и право на уничтоженіе всѣхъ врознь тянущихъ славянскихъ стремленій и на предводительство въ цѣлой славянской семьѣ.

Но если вы хотите сокрушить наше рабство и образовать государство, то гдѣ же на то твердая, непреклонная воля, гдѣ творческая сила, гдѣ среда дѣйствія, гдѣ всякаго рода капиталы, нужные для основанія и поддержанія государства, гдѣ, наконецъ, ожидать несокрушимаго единства общей воли? Говоримъ съ глубокимъ горемъ, но говоримъ откровенно: наши силы сломлены чужеземнымъ господствомъ, иноплеменники питаются и живутъ нашимъ потомъ и кровью, скупо выдаютъ намъ средства для нашего самообразованія, или совершенно насъ отъ него удерживаютъ. Наши племена только обломки одной народности. Ихъ можетъ возродить и соединить въ одно цѣлое только

⁷⁰⁾ Съ этимъ нельзя вполнѣ согласиться. Новыя славянскія государства могутъ и вовсе не быть враждебны Россіи, а если и будутъ враждебны, то, во всякомъ случаѣ, въ несравненно меньшей степени, чѣмъ Австрія. Наконецъ, многіе славянскіе федералисты въ Австріи настаиваютъ даже теперь на необходимости самаго тѣснаго союза Австріи съ Россією. См. брошюру Га р р а х а: „Spasa Rakouska“, и брошюру неизвѣстнаго автора: „Was nun? Prag 1866“. Что же касается до непоощренія Россіей славянскихъ стремленій, то оно объясняется слабымъ развитіемъ у насъ славянскаго самосознанія и ненаціональностью русской политики до послѣдняго времени. Впрочемъ, мы, русскіе, не можемъ вѣрить въ славянскую Австрію Габсбурговъ, а тѣмъ менѣе сочувствовать славянской Австріи, какъ понимаютъ ее поляки, чешскіе и хорватскіе феодалы и католики. В. Л.—Къ этому замѣчанію В. И. Ламанскаго, вполнѣ сохраняющему значеніе и для настоящаго времени, слѣдуетъ прибавить, въ видѣ поправки къ сужденіямъ Штура о Россіи, ссылки на такія событія позднѣйшаго времени, какъ участіе русскихъ добровольцевъ во главѣ съ генераломъ Черняевымъ въ сербской войнѣ и послѣдовавшая затѣмъ война за освобожденіе Болгаріи. Т. Ф.

однородная, доброжелательная, мощная сила. Правда, мы въ состояніи еще уничтожить кое-какую гниль, но безсильны возродиться и поддерживать себя собственными средствами. Итакъ, долой всѣ утопіи и примемъ за работу съ вѣрнымъ взглядомъ на наше положеніе, на ходъ исторіи. Задача нашихъ племенъ состоитъ не въ основаніи государствъ, а въ безостановочной, непрерывной, подготовительной работѣ къ великому подвигу, въ оживленіи и подготовкѣ нашихъ народностей къ тому, чтобы, какъ только настанетъ великій славянскій день, онѣ были достаточно вразумлены и одушевлены на подвиги, необходимые для нашего вождельннаго спасенія. Поэтому-то ты, славянинъ и дитя этихъ племенъ, не пропускай ни одного дня безъ работы для своего племени, блюди его права, образуй и поучай его и не будь никогда тѣмъ продажнымъ рабомъ у повелителей твоего племени, который давно томится въ неволѣ и влачить, подъ ихъ же проклятіями, триумфальную ихъ колесницу!

Мысль объ образованіи славянскихъ соединенныхъ государствъ внушена бывшею нѣкогда политической самостоятельностью упомянутыхъ земель, которою большинство ихъ можетъ гордиться, но эта подкладка—пустой обманъ и призракъ. Никогда ничто не повторяется въ исторіи подъ тѣми же формами. Иное теперь совсѣмъ состояніе міра, народы вообще собираются въ большія громады, и отдѣльныя славянскія племена уже показали, что они могутъ сдѣлать въ мірѣ особнякомъ. Выводъ нашъ слѣдующій: предположеніе о союзныхъ (федеративныхъ) государствахъ не имѣетъ смысла; славянскія племена сами по себѣ малочисленны, окружены иноплеменниками и раздѣлены ими внутри; столицами этимъ племенамъ служатъ города, по большей части имъ чужіе; сами они лишены необходимыхъ средствъ, часто не обладаютъ развитіемъ, во многихъ отношеніяхъ несогласны между собою, живутъ далеко другъ отъ друга. Сила ихъ надломлена чужеземнымъ господствомъ, а при ихъ отщепенствѣ (сепаратизмѣ) имъ угрожаютъ и Россія, и иноплеменники. Нелѣпо думать, будто такія племена въ состояніи создать государства. По крайней мѣрѣ разумный человекъ никогда въ это вѣрить не будетъ.

Выше мы уже назвали безсмыслицею предположеніе о присоединеніи Россіи къ такому союзу; упомянемъ теперь вкратцѣ о подобномъ проектѣ обще-славянскаго союза (федераціи), составленномъ русскими декабристами: Пестелемъ, Муравьевымъ, Рыльевымъ, Бестужевымъ, Каховскимъ и другими. Европейскія движенія, наступившія послѣ Наполеона, имѣли свою долю вліянія на этотъ проектъ, безпочвенность котораго всего

лучше обнаружилась на возникшемъ въ связи съ этимъ мятежѣ. Въ нѣсколько часовъ мятежъ былъ совершенно подавленъ, и немногочисленныя войска, принимавшія въ немъ участіе, были увлечены въ него подъ предлогомъ вынужденнаго отреченія Константина Павловича, и рѣшительнымъ поведеніемъ Царя мгновенно были успокоены. Сами предводители не ясно сознавали свои средства и цѣли. Такъ окончилось легко задуманное и неисполнимое предпріятіе: его жертвою пали люди, своею смѣлостью, хладнокровіемъ и мужествомъ заслуживавшіе иной, лучшей участи. Такихъ людей у славянъ производить только русскіе.

Республики на такихъ пространствахъ, при такихъ природныхъ особенностяхъ племенъ! Вѣдь это повело бы только къ новому безначалію (анархіи) и совершенному разложенію.

VII.

Второе предположеніе о доставленіи славянамъ самостоятельности состоитъ, какъ выше сказано, въ томъ, чтобы изъ Австріи образовать средоточіе южныхъ и западныхъ племенъ, и чтобы ея дальнѣйшее развитіе существенно зависѣло отъ ихъ вліянія. Еще въ началѣ мы должны были признаться, что эта теорія, быть можетъ, еще нелѣпѣе предыдущей. Она дурна еще тѣмъ, что пытается устроить судьбу нашихъ племенъ на совершенно имъ не подобающемъ, и при томъ вывѣтрившемся и гниломъ основаніи. Опираясь на нѣчто положительное, теорія эта придаетъ себѣ кажущуюся вѣроятность успѣха и сообщаетъ стремленіямъ и силамъ нашихъ племенъ такое направленіе, въ которомъ они себя истощаютъ: безсильныя достигнуть цѣли, они могутъ только впадать затѣмъ въ безчувственное состояніе (летаргію).

Разсмотримъ это дѣло поближе. Австрія или Восточная Украина (Ostmark), эта нѣмецкая Украина имперіи Каролинговъ, всего дальѣе выдвинутая на Востокъ для онѣмечиванья славянства, всегда была и будетъ вѣрна своей задачѣ до послѣдняго своего издыханія. Заложенная на нѣмецкой почвѣ, образованная нѣмцами и получившая въ удѣлъ нѣмецкую задачу, Австрія опирается на нѣмецкую, строго-нѣмецки настроенную династію. Если не положительное могущество, то свое значеніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нравственное вліяніе она получаетъ отъ германской имперіи. Полная нѣмецкихъ и историческихъ воспоминаній, далеко ушедшая въ исполненіи принятой на себя задачи, Австрія, безъ измѣны самой себѣ, никогда не можетъ перестать быть нѣмец-

кою. Существовать и оставаться нѣмецкою, отрѣчься отъ нѣмечины и погибнуть—это для Австріи понятія равнозначащія. Развѣ Австрія всею своею дѣятельностью не старалась распространять нѣмечины во всѣхъ подчиненныхъ ей вліянію земляхъ, и не привела ли она въ нѣмецкое лоно всѣ народы, къ ней примкнувшіе? Что же она дѣлала въ Крайнѣ, Хорутаніи, Штирії, Истріи? Не онѣмечила ли она почти совершенно тамошнія славянскія племена и не разложила ли ихъ нѣмецкими элементами? Что творила она въ Чехіи, Моравіи, Силезіи, и въ первой изъ нихъ съ ужаснѣйшею жестокостью? И не то же ли она нынѣ творить съ Галиціею? Не произвела ли тамъ ея нѣмецкая бюрократія самую ужасную бойню туземнаго населенія, и не открыла ли тѣмъ всего края иностранцамъ? Чьимъ же вліяніемъ и подъ чьимъ покровительствомъ поселились въ австрійскихъ земляхъ иноплеменные гости? Не поощряетъ ли Австрія и нынѣ, какъ и встарь, „стремленіе на Востокъ“ (Drang nach Osten)? Кто же теперь направляетъ нѣмецкихъ поселенцевъ въ Славонію, въ Воеводину, въ Банатъ и т. д.? И съ какою же иною цѣлью все это дѣлается, какъ не съ тѣмъ, чтобы, выражаясь ихъ же словами, „грубымъ народамъ привить нѣмецкую образованность?“ Съ помощью славянскихъ силъ, сербскихъ, хорватскихъ, чешскихъ и т. д. и въ особенности русскихъ, Австрія въ новѣйшее время одолѣла мадьяръ, итальянцевъ и даже своихъ нѣмцевъ. Вслѣдствіе славянскихъ внушеній, она была принуждена провозгласить равенство всѣхъ народностей передъ законами и равноправіе ихъ языковъ. Но куда привела эта, подтвержденная сотнею клятвъ, равноправность? Во всеблагое нѣмецкое лоно: ибо нѣмецкій языкъ объявленъ языкомъ правительства тамъ, гдѣ этого еще не было, и оставленъ съ тѣмъ же значеніемъ тамъ, гдѣ и прежде дѣйствовалъ. Онъ сдѣланъ обязательнымъ предметомъ во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ для всѣхъ народовъ, гдѣ, сверхъ того, только въ видѣ исключенія, преподавался тотъ или другой предметъ на языкѣ народномъ, и то лишь для того, чтобы было, на что ссылаться. Знаніе же нѣмецкаго языка по закону обязательно требуется отъ каждаго чиновника, даже послѣдняго уличнаго сторожа. Но этимъ не удовольствовалась Австрія, особенно ея нынѣшніе строители и попечители, Шварценбергъ и Бахъ, которые, для дарованія нѣмцамъ формальнаго на насъ права и для полнаго подчиненія народовъ своей власти, рѣшилися включить всю австрійскую монархію въ нѣмецкій союзъ и, словно стадо, загнать всѣхъ славянъ, мадьяръ и итальянцевъ въ нѣмецкую ограду, не обращая ни малѣйшаго вниманія на ихъ желанія, ихъ историческія и національныя отношенія и заслуги. И все это въ

силу провозглашенной равноправности и благоволенія ко всеѣмъ народамъ.

О горе вамъ, славянамъ, горе тебѣ, славянская Австрія! Кто же изъ васъ столь безумевъ и ослѣпленъ, что, забывши всю прежнюю австрійскую исторію, послѣ такихъ ужасныхъ разочарованій, еще можетъ вѣрить въ славянскую или равноправную Австрію? На какое основаніе оперлась бы славянская жизнь, еслибъ она довѣрилась Австріи, и на что она могла бы рассчитывать—это ясно каждому, кто только можетъ и хочетъ видѣть. Такое основаніе, вывѣтрившееся и гнилое, не вынесетъ болѣе на себѣ никакой постройки, и въ этомъ заключается непрочность и опасность всеѣхъ стремленій къ образованію изъ Австріи государства славянскаго. Историческимъ призваніемъ Австріи было соединеніе въ большое государство различныхъ, оторвавшихся отъ своего корня, племенъ и народовъ и образованіе въ средѣ Европы изъ этихъ оторванныхъ частей одного обширнаго цѣлаго, въ которомъ бы они могли, отстранивъ всеѣ прежнія безполезныя усобицы и вражду, спокойно развиваться, одно подлѣ другого, и съ успѣхомъ противостоятъ варварскому натиску турокъ. Но обстоятельства съ теченіемъ времени сложились такимъ образомъ, что Австрія утратила смыслъ своего существованія и лишилась своей прежней роли, ибо турокъ едва-ли кто теперь боится въ Европѣ. Другая держава, и, вдобавокъ, славянская, отбила у нихъ всякую охоту къ завоеваніямъ и прилежно наблюдаетъ за ними, чтобы нанести имъ, наконецъ, послѣдній рѣшительный ударъ.

Народности Австріи, особенно славянскія, пробудились къ духовной жизни и искренно чувствуютъ потребность обновленія и по этому самому, считая уже излишнимъ ходить на чужихъ помочахъ, стремятся къ самодѣятельности и самостоятельности. Вотъ причина, почему они хотятъ оторваться отъ Австріи и горять желаніемъ примкнуть къ своей народной семьѣ. Нѣмцы австрійскіе тянутъ къ Германіи и глядятъ на Франкфуртъ; итальянцы стремятся присоединиться къ единой Италіи; румыны точно также бросаютъ взоры на свою Дако-Романію; мадьяры, почитая себя достаточно сильными, желаютъ самостоятельнаго существованія, а славяне въ своемъ духѣ будутъ стремиться къ Россіи, единственному самостоятельному, организованному славянскому государству, къ своему міровому представителю. Послѣ новѣйшихъ тяжелыхъ испытаній, ужаснѣйшихъ разочарованій послѣдняго времени—говоримъ это открыто—сердца ихъ всецѣло стремятся къ Россіи. Но что тогда останется отъ Австріи? Не останется даже любезной Вѣны съ ея ранѣе хорошо дрессированными и нѣкогда наивѣр-

нѣйшими жителями. Все вступаетъ въ полное разложеніе, и такъ какъ разлагающіяся тѣла жить не могутъ, то неизбежно въ непродолжительномъ времени постигнетъ австрійскій трупъ общая судьба всѣхъ людей и государствъ, лишенныхъ духа и призванія.

Всѣ почти австрійскіе народы отворачиваются отъ Австріи. Во время послѣдняго движенія она имѣла на своей сторонѣ большинство славянъ, и тѣмъ не менѣе все-таки не смогла собственными силами укротить поднявшуюся бурю, а должна была умолять о чужой помощи, и только ею была въ то время спасена. При такихъ условіяхъ очевидно и ясно, что когда подымутся противъ нея всѣ народы, въ томъ числѣ и славянскіе, то она уже болѣе не устоитъ и будетъ стерта съ лица земли. Никакая власть, самая могущественная, не будетъ тогда въ состояніи склеить разорванную и расколотую на части Австрію, еще менѣе—вдохнуть въ нее жизнь. Что себя пережило и утратило всякій смыслъ и значеніе (а таково положеніе Австріи), то должно погибнуть. Вслѣдствіе послѣднихъ беспорядковъ, бессильная помочь себѣ самой и вынужденная обратиться къ чужой помощи, Австрія утратила свою самостоятельность, ибо уже ей никогда не удастся избавиться отъ русскаго вліянія. При повтореніи же подобнаго, вѣроятно, еще сильнѣйшаго потрясенія, она лишится, наконецъ, и той кажущейся жизни, которою пока теперь пользуется. Что это за первостепенная держава, которая не можетъ справиться съ своими собственными подданными? Располагаетъ ли она свободою дѣйствій внутри и внѣ? Повидимому, славянскія племена уже болѣе не будутъ помогать Австріи, даже, вѣроятно, станутъ дѣйствовать совершенно въ противоположномъ смыслѣ; не такъ же они неразумны, чтобы не понять, что, поддерживая Австрію, они собственноручно ковали бы цѣпи для своего же дальнѣйшаго порабощенія; они бы добровольно трудились надъ тѣмъ, чтобы быть онѣмеченными, загнанными въ нѣмецкую тюрьму, защищали бы погибшее дѣло и въ награду за столь почетную роль накликали бы на свою голову справедливую ненависть всѣхъ народовъ. Въ этой-то поддержкѣ, которую славяне дарятъ Австріи, и заключается для нихъ опасность, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и позоръ. Сверхъ того, послѣ каждой такой неудачной попытки, напряженіе силъ переходитъ у нихъ въ апатію. Съ великимъ сожалѣніемъ замѣчаютъ другъ славянъ, что, послѣ великаго потрясенія умовъ, замѣтное и общее безсиліе охватило теперь всѣ славянскія племена въ Австріи.

Но если Австрія лишится помощи славянъ и даже будетъ имѣть ихъ противъ себя, то русская помощь Австріи въ будущемъ, если и не невозможна, то необыкновенно затруднительна,

такъ какъ русское правительство не сможетъ и не захочетъ принимать на себя великую нравственную отвѣтственность передъ своимъ народомъ за помощь нѣмцамъ противъ сродныхъ Россіи племень. Извѣстно, что русскіе явились въ послѣдній разъ на театрѣ войны, чтобы помочь не только Австріи, но и своимъ братьямъ—противъ ихъ мадыарскихъ угнетателей. Но когда они изъ общаго хода событій замѣтили, что, благодаря австрійскому коварству, тутъ идетъ дѣло почти исключительно объ одной Австріи, и что еще австрійцы важничаютъ передъ русскими и свысока на нихъ поглядываютъ, какъ на простыя вспомогательныя войска, они стали открыто показывать свое сочувствіе къ покореннымъ австрійцами мадыарамъ и ушли изъ Австріи съ едва сдержаннымъ гнѣвомъ и удвоенною ненавистью къ нѣмцамъ. Австрія провела славянъ за носъ и жестоко обманула всѣ ихъ ожиданія, и тѣмъ ихъ совершенно отъ себя оттолкнула, другимъ же народностямъ, вслѣдствіе обращенія съ ними, по ихъ усмирени, внушила неукротимую къ себѣ ненависть, озлобила противъ себя всѣ свои народы безъ исключенія неисполненіемъ своихъ, сотню разъ торжественно подкрѣпленныхъ клятвою, обѣщаній. Сверхъ того, она чрезмѣрно обременяетъ свои народы повышеніемъ старыхъ и отчасти введеніемъ новыхъ отяготительныхъ налоговъ, сборъ которыхъ нарушаетъ даже личное домашнее спокойствіе гражданъ. Ея великій государственный долгъ постоянно возрастаетъ вслѣдствіе возобновляющагося недочета каждую четверть года, а ея государственный кредитъ все болѣе и болѣе падаетъ.

Всѣ эти обстоятельства, равно какъ и постоянныя выслѣживанья и надзоры, толпа явныхъ и тайныхъ полицейскихъ агентовъ, ненавидимое чиновничество и опѣмечиванье страшно ожесточаютъ народы и поддерживаютъ въ нихъ непрерывное раздраженіе и общій тихій мятежъ противъ Австріи, конецъ которыхъ предвидѣть не трудно. Австрія уже не имѣетъ за себя ни одного народа, ни нѣмцевъ, ни итальянцевъ, ни мадыаръ, ни поляковъ, ни другихъ славянъ, или румынъ. Она даже не имѣетъ въ этихъ народахъ ни одного за себя сословія; ибо, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мадыарскихъ, австрійскихъ, особенно чешскихъ дворянъ, итальянское, мадыарское и польское дворянство относится къ Австріи въ высшей степени враждебно. За исключеніемъ вѣрныхъ католическихъ епископовъ, которые впрочемъ тоже принимали участіе въ послѣднихъ движеніяхъ противъ Австріи, все духовенство, какъ католическое, такъ равно греческое и протестантское, не въ меньшей степени ожесточено противъ нея: католическое по той причинѣ, что желаетъ уничтоженія безбрачія и суровой власти еписко-

повь, и подь австрійскимъ управленіемъ не надѣется ни на какую перемѣну въ своемъ ужасномъ положеніи. Среднее сословіе и народъ точно такъ же дурно расположены къ обезславленнымъ австрійцамъ, отчасти изъ причинъ политическихъ, отчасти изъ-за большихъ податей и налоговъ, отчасти изъ убѣжденія.

На чемъ же собственно утверждается теперь эта „Австрія—небесное царство“ (Oesterreich—Himmelreich), какъ нѣкогда называли ее утопавшіе въ пивномъ блаженствѣ добродушные австрійцы? Конечно, уже вовсе не на землѣ: здѣсь она только географическое названіе, — душа улетѣла на небо, а на землѣ остался одинъ лишь гальванизованный трупъ, который разобьется въ прахъ отъ перваго сильнаго удара. Но всего печальнѣе для Австріи то, что никого не найдется, кто бы пролилъ слезу надъ ея могилой. Имѣй еще Австрія хотя искру жизни, могла ли бы она, черезъ полтора года войны, очутиться на краю пропасти? Въ какихъ отношеніяхъ живетъ Австрія съ своими народами, видно изъ того, что большую часть своихъ земель, по стереотипному выраженію, она держитъ въ осадномъ положеніи: такимъ образомъ, постоянно, какъ своихъ смертныхъ враговъ, осаждаеть „свои народы (seine Völker)“. Отъ этого все, что ни говоритъ или торжественно обѣщаетъ правительство, считается у народовъ чистымъ пустословіемъ, а тотъ, кто рѣшается ему вѣрить, или осмѣивается, или величается „благомыслящимъ“ (gut-gesinnt), т.-е. подкупленнымъ человѣкомъ. До того дошла безопасность Австріи и ея политическое исповѣданіе!

Механическая жизнь Австріи сама собою обнаруживается на ея непосредственныхъ слугахъ, на войскѣ и чиновникахъ. Въ войскѣ, вслѣдствіе различныхъ событій и вошедшихъ въ него черезъ гонведовъ (мадьярскихъ ополченцевъ) разныхъ элементовъ броженія, старая, глубокая преданность уступила мѣсто иному образу мыслей. Вѣрные офицеры хотя и стараются воодушевлять себя болѣе частымъ повтореніемъ имени императора, однако, видно, что они этимъ только принуждаютъ себя къ одушевленію и тѣмъ не менѣе остаются холодны. Прекрасно, конечно, всегда съ гордостью имѣть передъ глазами того, кто вызываетъ въ памяти все цѣлое, но за такимъ именемъ должно стоять общее и цѣлое: за императоромъ—имперія, ея высокое призваніе, ея величіе и могущество, высоко поднимающія каждую личность; но за Австрією уже не стоятъ больше ничего, никакой идеи, никакого народа, никакого величія и могущества; только еще и остаются за ней штыки, нѣсколько жандармовъ, финансовая стража и полицейскіе агенты. Нельзя и того еще оставить безъ вниманія, что войско доставило значительную долю революціонной арміи. Австрійскіе чиновники

обладають особеннымъ свойствомъ: они что-то дѣлають, и все же изъ этого ничего не выходитъ, если не выходитъ наоборотъ; иными словами: они ограничиваются самымъ необходимымъ, дѣлають все безъ всякаго усердія, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда извѣстною мѣрою они хотятъ возбудить въ населеніи неблагопріятное для правительства настроеніе. Такимъ образомъ Австрію по большей части покидаютъ даже состоящіе у нея на жалованьѣ, а среди нихъ дѣйствительно благонамѣренныхъ теперь уже не легіонъ. Правительство бродитъ ощупью, какъ въ потемкахъ; Шварценбергъ и Бахъ—породистый аристократъ въ союзѣ съ баррикадеромъ, ходившимъ нѣкогда на Дворецъ (Burg), а теперь разыгрывающимъ у перваго роль лакея. Шварценбергъ воображаетъ себя Ришелье, Меттернихомъ; Бахъ, по крайней мѣрѣ, Кольберомъ, и за всѣмъ тѣмъ все-таки ни изъ внѣшней, ни изъ внутренней политики ничего не выходитъ, кромѣ самаго жалкаго положенія.

За границую Австрія должна повиноваться постороннимъ внушеніямъ, внутри же, несмотря ни на какія предписанія и организаціонныя попытки, нѣтъ никакого организаціоннаго порядка. Старое и новоиспеченное, предписанное и снова уничтоженное, возстановленное и отмѣненное, все это въ пестромъ безпорядкѣ и путаницѣ. Но сильно ошибается тотъ, кто думаетъ, что управление дѣйствительно исходитъ изъ этого правительства: *non lucus a lucendo*; напротивъ, вокругъ министерства снова собираются различныя кучки: съ одной стороны придворныя дамы, съ другой дурная, аристократическая клика, которая запряталась во время опасности и снова запрядется при ея наступленіи; наконецъ, къ этому еще присоединяется государственный совѣтъ съ особымъ полномочіемъ; кто же собственно управляетъ, объ этомъ не знаетъ никто. Европа, кажется, тоже не видитъ уже особой необходимости въ существованіи Австріи. Англія пожертвовала Австрію во время послѣднихъ смуть, даже помогала мятежникамъ; французы тоже, кажется, не ломали себѣ головы надъ тѣмъ, какъ бы продолжить существованіе Австріи; Германія ликовала по случаю предстоявшаго Австріи паденія; Пруссія потирала руки. И русскіе теперь сильно оскорблены и исполнены глубокой ненависти къ Австріи и ея бѣлымъ кафтанамъ. „Я тебѣ не бродеръ!“ сказалъ, при обратномъ походѣ русскихъ, во Львовѣ одинъ русскій офицеръ австрійскому, когда тотъ его назвалъ братомъ и протянулъ ему руку. Таковъ былъ общій прощальный привѣтъ русскихъ австрійцамъ. Извѣстная австрійская благодарность еще можетъ пройти даромъ у немногочисленныхъ сербовъ, хотя и тутъ уже есть затрудненія, у чеховъ, румынъ или словаковъ, но русскіе не

оставять ее безнаказанною. Съ аристократіею и католичествомъ, на которое опирается Австрія, также ничего нельзя подѣлать: утративъ всякое довѣріе народовъ, ни то, ни другое не имѣетъ будущаго. Подобные кліенты дурно послужать Австріи; но предоставимъ мертвымъ погребать мертвыхъ.

Мысль образовать изъ Австріи точку опоры для славянскихъ племенъ въ средней Европѣ вышла изъ головъ чешскихъ. Ее создалъ чешскій исторіографъ Палацкій, человекъ, правда, ученый и положительный, но не дальновидный и безыдейный. Палацкій, впрочемъ, въ этомъ случаѣ взялъ на буксиръ чешскою, приверженною къ Австріи, аристократіею. Такимъ образомъ чехамъ открывались виды на главенство надъ славянскими племенами Австріи, даже на ея преобразование въ ихъ смыслѣ, при чемъ вся власть необходимо досталась бы въ чешскія руки. Они съ жаромъ ухватились за эту мысль, тѣмъ болѣе, что, благодаря своему католичеству, они тяготѣли къ Австріи. Они употребляли всѣ возможныя усилія, чтобы провести эту мысль среди другихъ славянъ, и имъ удалось привлечь къ ней и такъ называемое иллирство. Послѣднее сначала носилось совершенно съ другими идеями, но когда въ сербахъ оно встрѣтило сильное противодѣйствіе и выдохлось, то оно сдѣлалось совершенно ручнымъ у хорватовъ. Отчасти подкупленное Меттернихомъ въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ вождей ⁷¹⁾ и разработанное другими способами, иллирство вступило, наконецъ, въ союзъ съ чехами, ловившими его въ австрійско-славянскихъ цѣляхъ. Къ этому направленію иллирство перешло тѣмъ скорѣе, что у хорватовъ есть нѣсколько точекъ соприкосновенія съ Австріею, а именно: неподвижная, крѣпко держащаяся своихъ преимуществъ, аристократія и католичество. Такъ явился австрійско-славянскій, подготовленный аристократіею и католичествомъ, союзъ. Австрія къ нему пристала, въ надеждѣ своевременно использовать его для собственнаго самосохраненія и усматривая въ немъ выгоды для своихъ насущнѣйшихъ интересовъ, славяне же примкнули къ союзу, дабы при помощи Австріи улучшить свою судьбу. Дѣло шло о томъ, кто лучше докажетъ свою силу и ловкость и на чью долю должны были достаться плоды союза. Съ возникновеніемъ смутъ послѣдняго времени представилась первая возможность ввести этотъ союзъ въ жизнь, и чехи воспользовались созвать славянскій конгрессъ въ Прагѣ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы дать всѣмъ славянскимъ племенамъ Австріи чешское направленіе. На конгрессѣ чехи чрезвычайно заботились о своей идеѣ и, такъ сказать, навязывали ее своимъ соплеменникамъ. Нѣ-

⁷¹⁾ Напр., Л. Гая. В. Л.

которымъ изъ послѣднихъ подобный образъ дѣйствія не казался особенно правильнымъ, но хотя роспускъ конгресса, послѣдовавшій по поводу Виндингрецевской бомбардировки, и не далъ имъ возможности какъ слѣдуетъ согласиться и объясниться, однако, подъ напоромъ обстоятельствъ, они молча уступили чешскимъ требованіямъ и въ наступившія затѣмъ бури дѣйствовали уже преимущественно въ этомъ смыслѣ. Чѣмъ все это кончилось, и кто пожалъ плоды этого, — извѣстно каждому. Обмануты надежды, разбиты австрійско-славянскія сердца, и виновника этой политики, Палацкаго, австрійцы объявили радикаломъ и врагомъ того правительства, которому онъ всего больше помогалъ въ нуждѣ. А банъ Елачичъ, всѣхъ дѣятельнѣе осуществлявшій эти планы, — человѣкъ, котораго, при восторженныхъ кликахъ сотенъ тысячъ, на рукахъ вознесли на арену событій, — онъ палъ безсильный словно тѣнь. Куда, хорваты, дѣвались ваши баны? Гдѣ вашъ мужественный боевой крикъ: „Vivat Banus cum Croatis!“ — Банъ вашъ съѣжился въ австрійскаго чиновника, не имѣющаго даже власти удержать простого жандарма, когда тотъ вторгнется въ порядокъ общественной жизни, и пѣснь ваша смолкла! И къ чему пѣть? Вы также, подобно другимъ, достались въ руки чиновниковъ и полицейскихъ рабовъ, которые васъ грабятъ и ловятъ каждое ваше слово. Такъ была испытана австрійско-славянская политика! О, пусть и впоследствии также будетъ наказываемо и покроется такимъ же позоромъ всякое разрознивающее насъ стремленіе наше!

Какою благодарностью отвѣчало австрійское правительство племенамъ славянскимъ за ихъ усилія и разнообразнѣйшія жертвы въ пользу сохраненія Австріи? Самостоятельно управлявшіеся народы привело оно подъ иго безсердечной бюрократіи; къ каждому проявленію прежде свободной и непринужденной жизни этихъ народовъ оно приставило тысячу полицейскихъ ушей; оно отвѣчало имъ введеніемъ нѣмецкаго языка у тѣхъ племенъ, гдѣ онъ до того не господствовалъ, сохраненіемъ его у тѣхъ, которымъ онъ былъ прежде навязанъ; однимъ оно отвѣчало нѣмецкими бюрократами, другимъ мадьярскими чиновниками, чтобы вездѣ подавлять и убивать славянскую жизнь. Оно прямо нападало на славянскія стремленія; сверхъ того, задолжавшее, бѣдное, лишенное кредита, оно посягало на собственность народовъ возвышеніемъ податей, терзало ихъ налогами на предметы потребленія, табачною монополіею, штемпелемъ и пр.; въ Границѣ, гдѣ послѣ войны осталось, по свидѣтельству газетъ, 24.000 вдовъ воиновъ, павшихъ за Австрію — а сколько сиротъ, о томъ не сказано, — оно возвысило для этихъ бѣдняковъ цѣну соли, и наконецъ ея отвѣтомъ на жертвы славянъ, именно

сербовъ, были попытки къ введенію уни, а для чеховъ, спасшихъ Австрію, страшные пражскіе приговоры, правда, надъ легкомысленными, но еще совершенно юными мальчиками. Такова эта австрійская благодарность! Мадыры возмутились противъ Австріи, стремились къ совершенному ея ниспроверженію, навлекали на себя и на цѣлую Австрію всевозможный стыдъ и позоръ, и что же? Процессы ихъ были окончены годомъ раньше легкомысленныхъ пражскихъ мальчишекъ, про которыхъ было сказано, что они что-то намѣревались затѣять. Да, мадыры занимали второе мѣсто въ союзѣ для угнетенія славянъ, и отсюда эта осторожность и милосердіе къ нимъ! Въ государственномъ совѣтѣ было постановлено, что только нѣмецкій и мадырскій языки на будущее время должны быть дипломатическими языками въ Австріи, всѣ же прочіе языки, и особенно славянскій, достояніе 16 милліоновъ австрійскихъ подданныхъ, были навсегда исключены изъ этого разряда. Славянъ только приманивали и выставляли мадырамъ, какъ пугало. Но возлагавшіяся на мадырѣ надежды не оправдались и союзъ съ мадырами не удался, такъ какъ они задались намѣреніемъ господствовать исключительно и нераздѣльно и напали на австрійцевъ. Теперь дружба ихъ пропала на вѣки! ⁷²⁾ Жаль, что эта народность, искони принадлежавшая къ кругу идей славянскихъ, жившая съ славянами въ дружескихъ отношеніяхъ добрыхъ сосѣдей, до того забылась, ослѣпленная своимъ самомнѣніемъ, и съ такою яростью выступила противъ славянъ! Мадыры обнаружили большой недостатокъ проницательности, не понявъ, что для нихъ могутъ наступить лучшіе дни только въ союзѣ съ ихъ старыми друзьями.

Есть ли еще столь ослѣпленные, или столь дурные славяне, которые бы вѣрили въ возможность славянской равноправной Австріи? Что случилось съ славянскою мыслью равноправности, попавшею въ руки къ этимъ людямъ, теперь ясно каждому; но пусть они заключаютъ позоромъ то, что начали съ дурными намѣреніями. Мы убѣждены, что сами поборники славянской Австріи между чехами, Палацкій, Гавличекъ и пр., теперь уже держатся другого образа мыслей. Оба они уже подверглись опалѣ: Палацкій уже съ негодованіемъ отказался, за себя и за своихъ единомышленниковъ, отъ задуманнаго въ Прагѣ благодарственнаго адреса австрійскому правительству: онъ счелъ это холопствомъ. А Гавличекъ безпощадно высказываетъ въ глаза этому нечестному правительству самыя горькія истины. Впрочемъ, еще до этого обнаруженная методическая теорія Палацкаго объ

⁷²⁾ Штуръ ошибся, но только повидимому: теперешняя дружба тѣхъ и другихъ основывается единственно на томъ, кто кого проведетъ. В. Л.

австрийской федераціи можетъ продолжить жизнь Австріи многого года на два; централизація гораздо для нея пригоднѣе и, быть можетъ, увеличиваетъ этотъ срокъ еще на нѣсколько лѣтъ, нѣсколько мѣсяцевъ. Съ федераціею Палацкаго Австрія быстро подвергнется совершенному разложенію, и Меттернихъ хорошо зналъ, что онъ дѣлаеть, держа въ ежовыхъ рукавицахъ всѣ народности Австріи и предоставляя имъ всѣмъ, за исключеніемъ мадьярской, которою не успѣлъ овладѣть, возможность пользоваться скудною призрачною жизнью. Предоставьте славянскую Австрію нѣкоторымъ чешскимъ аристократамъ, нѣсколькимъ католическимъ епископамъ и ихъ продажнымъ рабамъ ⁷³⁾!

У чеховъ всего меньше причинъ служить австрийцамъ какими-то щитоносцами. Уже развѣ забыли они страшныя кровавыя сцены подъ старой Прагой? Забыли развѣ, что послѣ Вѣлогорской битвы Чехія лишилась около двухъ слишкомъ милліоновъ своего населенія частью отъ австрийскихъ пытокъ и ссылокъ, частью на войнѣ? Развѣ они мысленно не видятъ ужасныхъ кровавыхъ побоищъ, развѣ уже не слышатъ стоновъ своихъ замученныхъ и сосланныхъ предковъ? Уже-ли изгладились въ ихъ памяти слова благороднаго старца, Каплира изъ Сулевицъ, сказанныя имъ предъ казнью въ завѣщаніе потомкамъ, „чтобы никто изъ нихъ никогда не служилъ подлымъ австрийцамъ?“ Нѣтъ, каждая чешская душа все это живо чувствуетъ и въ каждомъ чехѣ затаена глубокая ненависть къ Австріи. Къ чему тогда эти неестественныя чувства и союзы, отъ которыхъ народъ раньше или позже откажется? Не съ поддержаніемъ Австріи, а лишь съ паденіемъ ея и Турціи, этихъ темницъ славянъ, расцвѣтетъ когда-нибудь для нихъ лучшее, горячо желанное будущее. Только тогда разовьется и расцвѣтетъ славянская жизнь на обширныхъ, прекрасныхъ поляхъ отъ Рудныхъ горъ до Босфора:

И отъ Двины до Арарата,
Отъ Беринга до Рудныхъ горъ,
Обнимемъ весело братья брата,
Составимъ всеславянскій хоръ!

Такъ думаютъ русскіе. Съ ударомъ, успѣшно нанесеннымъ турку, пробьетъ часъ обоихъ этихъ тирановъ славянства.

⁷³⁾ Событія политической жизни австрийскихъ славянъ за послѣднія 50 лѣтъ представляютъ не мало данныхъ, частью подтверждающихъ высказанныя здѣсь сужденія Штура объ Австріи, частью ихъ дополняющихъ и исправляющихъ. Ограничусь указаніемъ лишь на то, что мысль о превращеніи Австріи въ славянскую державу и до сихъ поръ пользуется немалымъ сочувствіемъ въ широкихъ кругахъ западныхъ славянъ. Т. Ф.

VIII.

Но если славяне не могут ни образовать союзных (федеративных) государств, ни устроиться и развиваться въ Австріи, то остается третій, единственно вѣрный и имѣющій будущность путь, — соединеніе всѣхъ славянъ съ Россіей. Отвѣчайте же, положи руку на сердце, братья, не Россія ли, подобно маяку, свѣтила намъ въ наше печальное прошедшее, въ глубокую ночь нашей жизни? Не Россія ли оживляла наши упованія, ободряла нашъ упавшій духъ, подняла нашу почти угасшую жизненную энергію? Не Россія ли явилась съ положительною помощью къ сербамъ, свергавшимъ невыносимое чужеземное иго, и въ наши дни не она ли оказала, подъ видомъ австрійской помощи, свое содѣйствіе нѣсколькимъ славянскимъ племенамъ: сербамъ, хорватамъ, словакамъ, боровавшимся съ угнетателями нашей народности, мадьярами? Не Россія ли своимъ могучимъ словомъ существенно содѣйствовала признанію внутренней самостоятельности сербскаго княжества, и не она ли своимъ могучимъ вліяніемъ защищаетъ другіе братскіе народы, еще томящіеся подъ игомъ, какъ напр. болгарь, сербовъ въ Босніи, Герцеговинѣ, Албаніи и т. д., облегчаетъ ихъ тяжкую участь и всячески имъ помогаетъ? Не Россія ли своимъ могущественнымъ, повелительнымъ положеніемъ заставляетъ еще нашихъ враговъ нѣсколько щадить нашу жизнь⁷⁴).

Признаемся откровенно: развѣ всѣ наши національныя стремленія имѣли бы какой-нибудь смыслъ, значеніе и будущее безъ Россіи, при непомѣрной ненависти къ намъ чужеземцевъ, которымъ мы уже покорились и которые хотятъ теперь дѣлиться господствомъ надъ нами? Не будь Россіи, не напали ли бы вновь на сербовъ, хоть вообще уже ослабѣвшіе, турки, а нѣмцы, въ союзѣ съ мадьярами и итальянцами, не винулись ли бы на насъ и, при своемъ численномъ превосходствѣ и разныхъ другихъ преимуществахъ, какъ это мы доказывали уже при разсмотрѣніи проекта о союзныхъ государствахъ, — не задавили ли бы насъ и не продлили ли бы нашего рабства до медленной нашей смерти? Гдѣ Россія и не выступала положительно за славянство, она все-же оказывала и продолжаетъ ему оказывать самыя важныя жизненныя услуги.

⁷⁴) Въ настоящее время этотъ перечень фактовъ участливаго отношенія Россіи къ славянству можно было бы значительно пополнить. Достаточно припомнить участіе русскихъ добровольцевъ во главѣ съ генер. Черняевымъ въ борьбѣ Сербовъ съ Турками и освобожденіе Болгаріи русскою кровью. Т. Ф.

Если такимъ образомъ наше пробужденіе нашло себѣ въ Россіи точку опоры, если она прежде была и теперь намъ всеѣмъ полезна, то понятно, что все дальнѣйшее наше существованіе, весь нашъ жизненный вопросъ связаны съ нею. Къ чему идти противъ Россіи, къ чему въ близорукости, пристрастіи, безуміи или злобѣ, словомъ или дѣломъ, трудиться противъ Россіи? Выше мы показали, что все западныя идеи не приносятъ никакой пользы тамошнимъ народамъ, даже, напротивъ, ведутъ ихъ на край пропасти. Къ чему же эту порчу переносить въ нашъ міръ, ожесточать насъ другъ противъ друга и уничтожать самую возможность нашего возрожденія? Много, очень много есть, чему намъ учиться отъ Запада, но не съ того должны мы начинать, отъ чего онъ самъ гибнетъ, но съ того, чѣмъ онъ сталъ великъ и могущественъ. Мы должны учиться у Запада въ отношеніи къ государству—строгому подчиненію государственной цѣли и отстраненію произвола и личныхъ неосновательныхъ притязаній, впрочемъ, безъ потери собственной личности, а также многимъ практическимъ учрежденіямъ его въ государственной жизни. Мы должны себя воспитать въ духѣ прежняго самообладанія Запада, почерпнуть многое и прекраснѣйшее въ необъятной его наукѣ; мы должны войти за Западомъ въ храмъ искусства для того, чтобы, наконецъ, достичь самой величайшей задачи человѣческаго бытія—перенести все чисто-человѣческое въ дѣйствительность и дать ему значеніе. Изъ пониженія нравственныхъ силъ Запада и его общаго упадка мы должны извлечь себѣ ту пользу, чтобы укрыться отъ всего того, что производитъ эту порчу; а въ чемъ она состоитъ, мы уже сказали. Но если мы преимущественно желаемъ возродить нашу жизнь изъ обломковъ, упрочить и развить ее, то мы, прежде всего другого, должны быть славянами. Это главное условіе нашей жизни. Слѣдовательно, надо отложить въ сторону все разъединяющія стремленія, все односторонніе племенные интересы, конечно, не въ пользу какого-нибудь другого племени, но въ пользу общей жизни, которая предстоить намъ всеѣмъ въ славянскомъ мірѣ и въ которой каждый изъ насъ вновь себя обрѣтетъ. Раздѣленія и связанныхъ съ нимъ бѣдствій было уже довольно у насъ, выше всякой мѣры; неужели мы захотимъ прозябать въ плачевномъ положеніи нѣмцевъ? Россія, какъ видно изъ немногихъ выше указанныхъ чертъ, есть двигатель и предводитель всей нашей народнои семьи: примкнемъ же къ ней, выступимъ же всецѣло, въ духѣ нашего народа, подъ предводительствомъ исторически намъ даннаго племенного старѣйшины!

Россія уже заключаетъ, около $\frac{6}{8}$ нашего народа, такъ какъ изъ 79 милліоновъ славянъ круглымъ числомъ она имѣетъ почти 54 милліона ⁷⁵⁾). Кромѣ того, 6 милліоновъ славянъ въ Турціи и въ княжествѣ сербскомъ ⁷⁶⁾ находятся или подъ ея прямою, признанною защитою, или подъ ея покровительствомъ, благодаря ея могуществу и неодолимому вліянію. Съ другой стороны, эти племена искренно преданы Россіи, отчасти изъ признательности, отчасти по принадлежности своей къ общей съ нею греко-славянской церкви, и порабощенные въ Турціи славяне глядятъ на Россію, какъ на единственную свою защитницу и избавительницу. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ эти племена съ глубокимъ волненіемъ восторженно привѣтствовали царскаго сына, великаго князя Константина, на его пути изъ стараго Цареграда; всю дорогу они радостно окружали его экипажъ, такъ что изъ-за тѣсноты онъ едва могъ проѣхать. Сербы княжества, внутри совершенно независимые, никогда изъ благоговѣнія не подымутъ своей крѣпкой вооруженной руки противъ Россіи, за исключеніемъ, развѣ, нѣсколькихъ лицъ, получившихъ „образованіе“ въ Парижѣ. Въ послѣднее время своего правленія Милошъ, между другими ошибками, сдѣлалъ и ту, что отдалился отъ Россіи и держался Англии и Франціи. Но такая не національная политика еще болѣе дѣлала его непопулярнымъ въ народѣ и дѣйствительно способствовала его сверженію, которому помогала и Россія.

Другіе славяне принадлежатъ Австріи и Пруссіи, и еще небольшое ихъ число живетъ въ Саксоніи, а именно: число австрійскихъ славянъ нѣсколько превышаетъ 16 милліоновъ, а прусскихъ болѣе 2 милліоновъ ⁷⁷⁾). Что касается славянъ австрійскихъ, то надлежитъ замѣтить, что немалое ихъ число принадлежитъ къ греко-славянской церкви; другая, не незначительная часть, хотя и приведена австрійскимъ правительствомъ, съ помощью различныхъ обмановъ и хитростей, къ соединенію (уніи) съ католическою церковью, при всемъ томъ однако-жъ чувствуетъ непреодолимое стремленіе къ церкви своихъ отцовъ. Поляки въ Галиціи, при всемъ отвращеніи отъ Россіи, невольно склоняются къ ней послѣ страшной рѣзни 1846 года. Прочіе же славяне, частью изъ смутнаго чувства, частью изъ ясно сознаваемыхъ причинъ, наклонны къ Россіи, и послѣ новѣйшаго,

⁷⁵⁾ Въ настоящее время эти цифры не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Теперь славянъ насчитывается около 150 милліоновъ; изъ этого числа на долю Россійской имперіи приходится около 109 милліоновъ. Т. Ф.

⁷⁶⁾ И эта цифра требуетъ поправки. Въ настоящее время въ Турціи, Болгаріи и Сербіи всего ок. 8 милліоновъ славянъ. Т. Ф.

⁷⁷⁾ Теперь численность австрійскихъ и прусскихъ славянъ опредѣляется другими цифрами. Въ Австро-венгерской монархіи (включая Боснію и Герцоговину) славянъ болѣе 25 милліоновъ, въ Пруссіи ок. 4.250.000. Т. Ф.

самаго горькаго разочарованія чувствуютъ отвращеніе отъ Австріи; сверхъ того, православные славяне еще болѣе ожесточены противъ нее за тайныя ея попытки къ насильственному соединенію ихъ съ католическою церковью, и за то, что она удержала присланныя изъ Россіи въ ограбленныя мадьярами церкви драгоценныя церковныя украшенія и утварь. Охваченная разложениемъ, Австрія идетъ быстрыми шагами къ своей гибели.

Прусскіе славяне суть познанскіе и силезскіе поляки и немногіе западные сербы въ Лужицахъ. Изъ нихъ важнѣе всѣхъ поляки познанскіе. Какъ поляки, они чувствуютъ отъ Россіи рѣшительное отвращеніе, но надо помнить, что въ послѣднее ихъ возстаніе, нѣмцы поступали съ ними жестоко, даже многихъ мучили, а либеральный франкфуртскій парламентъ провозгласилъ присоединеніе Познани къ единой и великой Германіи, что Поляки, своими союзами съ чужеземцами, ничего никогда не достигали и всякій разъ только глубже падали и что, наконецъ, въ союзѣ съ Пруссіей, да и въ любомъ союзѣ съ Германіей—они могутъ предвидѣть свое вѣрное онѣмеченіе; тогда какъ, благодаря ихъ славянской природѣ, нерасположеніе ихъ къ нѣмцамъ значительно превосходитъ ихъ нерасположеніе къ русскимъ. Пруссія также не стоитъ на особенно твердыхъ ногахъ и, такимъ образомъ, полякамъ, если вообще они хотятъ спасти свою народность, остается единственное средство спасенія—обращеніе къ Россіи. Поляки въ Силезіи не чувствуютъ къ Россіи никакой непріязни и не имѣютъ къ тому никакой причины: уже вѣками покорены они иноземцами и не питаютъ ни малѣйшей надежды на возстановленіе Польши, а прежде всего чувствуютъ лишь потребность возможно скорѣе избавиться отъ нѣмецкой тюрьмы, будь она австрійская или прусская, и смѣнить ее на вѣрное убѣжище для своей славянской національности. Слѣдовательно, стремленіе всѣхъ славянскихъ племенъ къ Россіи есть общее: однимъ внушено оно внутреннею потребностью души, другимъ силою обстоятельствъ ради сохраненія жизни. Кто же можетъ противиться этому внутреннему и непреодолимому стремленію? Отдѣльныя лица могутъ противъ этого кричать до хрипоты, но они ничего не достигнутъ; могутъ рѣшительно этому противодѣйствовать, но они подчинятся напору событий. По недостатку подходящей почвы, западныя теоріи не пускаютъ корней, ничего не достигаютъ и ни къ чему не способны. Слѣдуйте же, братья, всѣ этому стремленію: оно идетъ вѣрнымъ путемъ и ведетъ къ цѣли, еще никогда нами не достигнутой.

Единственные славяне, которые Россію ненавидятъ и при удобномъ случаѣ будутъ дѣйствовать противъ нея, это поляки,

Впрочемъ, и у нихъ все болѣе пропадаетъ охота къ противодѣйствію, такъ какъ никакія усилія не сопровождаются у нихъ успѣхомъ. Сверхъ того, польской народности угрожаетъ чужеземное владычество. Иностранныя державы одна за другой обманывали поляковъ обѣщаніями помощи. Своими, постоянно легкомысленными и безуспѣшными, возстаніями и своими, постоянно имъ вредившими, союзами съ иноплеменниками поляки достигли того, что потеряли довѣріе и расположеніе братскихъ народовъ. Вся ихъ исторія, которую мы изложимъ вкратцѣ, очевидно, доказываетъ, что они не въ состояніи главенствовать надъ славянскими народами.

По прекращеніи рода Пястовъ, между которыми было нѣсколько сильныхъ королей, но при которыхъ, вслѣдствіе княжескихъ удѣловъ, королевство было очень ослаблено, вступили на польскій престолъ все еще сильные Ягайловичи. Между тѣмъ и послѣдніе государи этого дома уже были не настолько сильны, чтобы обуздать, какъ слѣдуетъ, все болѣе и болѣе кичившееся и стремившееся къ исключительному господству дворянство. Но съ прекращеніемъ этого дома польское королевство стало избирательнымъ, и дворянство уже не знало болѣе границъ своему властолюбію: всякій разъ вымогало у вновь избираемаго короля, передъ его вѣнчаніемъ, все большія права и, признавая народомъ исключительно себя, позволяло себѣ дѣйствовать съ полнымъ произволомъ. Вся страна служила только дворянству, его благосостоянію и удовольствіямъ. Безъ страха передъ верховною властью, даже съ ея согласія, оно обратило народъ въ самое постыдное рабство и, ознакомившись между тѣмъ съ западно-европейскими нравами и роскошью, оно съ полнымъ произволомъ поступало съ своими крѣпостными людьми. Не было власти, которая бы помогла королю въ дѣлѣ обузданія дворянства, потому что Польша была оттѣснена отъ моря и, вслѣдствіе этого, не развилося въ ней ни торговли, ни промышленности, ни, наконецъ, средняго сословія, которое бы оказывало поддержку королевской власти. Все болѣе кичась, дворянство откинуло напоследокъ всякую предосторожность и благоразуміе, установило, согласно началу дурно понятаго равенства, что всякій долженъ быть удовлетворенъ общественными приговорами, а въ противномъ случаѣ имѣть право имъ воспротивиться и ихъ уничтожить. Такимъ образомъ, каждый дворянинъ считалъ страну за свое собственное помѣстье, и каждый въ ней хозяйничалъ, какъ ему заблагоразсудится. Заязды вошли въ моду и, казалось, не имѣли конца. Самопожертвованіе и воинственность упали посреди роскоши и наслажденій. Свободные казаки, кото-

рыхъ дворянство также хотѣло обратить въ крѣпостныхъ и предоставить еврейскому обману, возмутились, отложились отъ Польши и отдались Россіи. Остальной народъ томился подъ тягостью поборовъ.

Между тѣмъ, сосѣднія Польшѣ державы укрѣпились въ монархіи, особенно Россія, народъ которой имѣлъ силу строго подчиниться единой государственной волѣ. Польское государство было всюду потрясено и почти сгнило. Найти предлогъ вмѣшаться въ польскія внутреннія дѣла было очень не трудно. Еще было легче покорить и раздѣлить эту страну, въ которой король не имѣлъ никакой власти и ничѣмъ не повелѣвалъ, дворянство разучилось военному дѣлу и легко было подкупаемо, вслѣдствіе своей страсти къ наслажденіямъ, а народъ стоналъ въ глубокой нищетѣ. Кто же виноватъ въ несчастіи Польши? Конечно, сами поляки. Народъ, такъ жалко заправлявшій своимъ государствомъ, рѣшительно не можетъ имѣть призванія на созданіе новыхъ государственныхъ формъ, или на руководство и предводительство другими народами. Примѣняя въ данномъ случаѣ славянскую пословицу, можно сказать, что славяне облеклись бы въ черезчуръ легкую одежду, если бы довѣрились полякамъ и возложили надежду на ихъ главенство. Они сами себѣ ни въ чемъ не могутъ помочь,—какъ же они помогутъ другимъ, нуждающимся въ помощи?

Часто повторявшіяся послѣ раздѣла Польши попытки къ ея возстановленію ни къ чему не приводили, по большей части не удавались, благодаря недостатку единодушія у поляковъ, а нѣкоторыя изъ этихъ попытокъ грѣшили уже слишкомъ большою нецѣпостью. Основанныя поляками за границею разныя политическія общества съ цѣлью возстановленія Польши, сколько ихъ ни было (а бывало ихъ очень много), всѣ безъ исключенія гибли изъ-за злого духа поляковъ — ихъ своевольства и происходившей отъ этого вражды. Выборъ средствъ, какъ, на примѣръ, поступленіе въ иностранную службу, заключеніе союзовъ съ иноземцами для возстановленія Польши,—все это не дѣлаетъ чести ихъ разборчивости и способностямъ. Они сильно разчитывали на Наполеона, который также ими пользовался и думалъ ихъ удовлетворить кускомъ Польши, но потомъ, ближе ознакомившись съ ними, совершенно ихъ исключилъ изъ своихъ политическихъ соображеній. Какъ онъ на нихъ смотрѣлъ, показываетъ слѣдующее весьма мѣткое его замѣчаніе о полякахъ: „D’ailleurs les Polonais m’ont paru peu propres à remplir mes vues. C’est un peuple passionné et léger. Tout se fait chez eux par fantaisie et rien par système. Leur enthousiasme est violent, mais ils ne savent ni le

régler, ni le perpétuer. Cette nation porte sa ruine dans son caractère“.

Даже на Германію устремляли свои взоры поляки, помогали образованію тайныхъ нѣмецкихъ обществъ, Арминіи и Германіи, даже вступали съ ними въ братство и, наконецъ, ожидали спасенія отъ нѣмецкихъ либераловъ, которые, собравшись въ церкви св. Павла во Франкфуртѣ, почли долгомъ поторопиться причисленіемъ Познани къ единой и великой Германіи. При варшавскомъ возстаніи не явилось ожидаемой и обѣщанной помощи французовъ, и недавно мадьяры, на которыхъ они также рассчитывали, очень ловко ими пользовались: благодаря геройскому мужеству и военнымъ способностямъ поляковъ, одержали большую часть своихъ побѣдъ, но, при всемъ томъ, въ глубинѣ души считали ихъ людьми легкомысленными, поддавшимися обману, и подъ конецъ обошлись съ ними дурно. Вслѣдствіе этого мадьяры и поляки разошлись очень недружелюбно. Поляки сражались на всѣхъ европейскихъ баррикадахъ, но это не приноситъ имъ ни пользы, ни чести. Будто не знаютъ поляки, что отъ постороннихъ нельзя получить жизни и свободы, и спрашивается: вразумленные наконецъ всѣми этими ужасными разочарованіями, выйдутъ ли они въ концѣ концовъ на всѣмъ намъ общую дорогу? Почти всюду пытали они счастья: теперь, вѣроятно, попробуютъ въ Турціи⁷⁸⁾,—но нигдѣ не имѣли успѣха. Со всѣми почти вступали они въ союзы, и только и единственно къ своимъ ближнимъ, своимъ братьямъ становились они спиною, а между тѣмъ полякамъ, какъ и всѣмъ славянамъ, возможно спасеніе лишь въ обще-славянской жизни.

Въ высшей степени жалко, братья, что вы такъ расточаете ваши способности, вашу геройскую храбрость. Все это заслуживаетъ лучшей участи. Вы жалуетесь на жестокость русскихъ къ вамъ, но вспомните же, что вы нѣкогда причиняли русскимъ гораздо больше зла. Когда еще казаки были соединены съ вами, не желали ли вы обратить ихъ въ рабство, не были ли вы готовы отдать ихъ въ грязныя руки жидовъ? А что дѣлали вы въ западныхъ русскихъ областяхъ? Какіе вы творили тамъ ужасы вслѣдствіе брестъ-литовской уніи? Развѣ православныя церкви не были обращаемы въ ваши дворянскія конюшни, или отдаваемы на аренду израилю, такъ что бѣдный православный причетъ бывалъ вынужденъ для каждаго богослуженія за дорогую цѣну выкупать церковныя ключи у послѣдняго? А противники уніи развѣ не были мучимы самымъ постыднымъ образомъ? За каждую неправду слѣдуетъ возмездіе, хотя бы оно шло

⁷⁸⁾ И точно, пробовали уже. В. Л.

изъ рукъ брата; но вы потому особенно не можете ссылаться на строгость къ вамъ русскихъ, что вы пользуетесь каждымъ случаемъ, чтобы наносить имъ всевозможный вредъ. Мы уже говорили о возмущеніяхъ, о союзахъ противъ Россіи съ иностранцами, объ участіи въ дракахъ на европейскихъ баррикадахъ; но кто еще, между прочимъ, распространилъ въ мірѣ самыя гнусныя, самыя позорныя клеветы и ложь о русскихъ? Ваша продолжительная борьба съ русскими собственно шла изъ-за главенства въ славянской народной семьѣ. Дѣло шло о томъ, кто изъ васъ двоихъ способнѣе: вы не устояли въ этой борьбѣ—и подчинились владычеству Россіи. Вѣрно и прекрасно замѣтилъ это дивный Пушкинъ въ своемъ стихотвореніи „Клеветникамъ Россіи“:

. . . . Это споръ славянъ между собою,
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою
Уже давно между собою
Враждуютъ эти племена,
Не разъ клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона.
Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ:
Кичливый ляхъ, иль вѣрный россъ?
Славянскіе ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ,
Оно ль изсякнетъ? Вотъ вопросъ.

По нашему убѣжденію, для славянской народной семьи и его несчастной тысячелѣтней судьбы, было счастьемъ, что борьба окончилась такимъ именно образомъ, ибо предположимъ, что побѣдили бы поляки: что бы изъ этого вышло? Въ такомъ случаѣ, Россія была бы далеко отодвинута отъ Европы, а вы, благодаря вашей слабости и раздробленности, подъ конецъ все-таки не укрѣпились бы, раньше или позже подчинились бы великому натиску иноземцевъ и, такимъ образомъ, была бы рѣшена участь всѣхъ славянъ, далеко вдвинувшихся въ Европу и находящихся подъ чужеземнымъ игомъ. Россія побѣдоносно выдержала борьбу не только съ вами, но почти со всею Европою, доказала во всемъ свое призваніе и свою дивную силу, далеко продвинулась въ Европу и, такимъ образомъ, всѣ наши нуждающіяся въ помощи племена примыкають теперь къ ней непосредственно. Будете ли вы еще въ этомъ событіи отрицать волю Провидѣнія, будете ли вы еще проклинать восходящую денницу на нашемъ небѣ, наступленіе нашего дня? Всѣ ваши противныя усилія, вся ваша злоба къ Россіи разобьются объ ея желѣзную силу, объ ея счастье и предназначеніе Славянства, и если вы послѣ всего

этого не образумитесь и, несмотря на все это, будете мѣшать общей жизни нашей народной семьи, то мы, видя, что не достигнемъ нашей цѣли съ вами, будемъ такъ дѣйствовать, чтобы достигъ ея безъ васъ, даже противъ васъ.

Въ новѣйшее время отношеніе чеховъ къ Россіи было не совсѣмъ братское; даже въ ихъ сочиненіяхъ, между прочимъ, проскальзывала неприязнь къ Россіи, о чемъ нельзя не пожалѣть. При пробужденіи чешскаго народнаго духа, въ періодъ Неѣдлаго, Пухмайра, Раутенкранца, Сѣдлачка, Гнѣвковскаго и достойнѣйшаго Юнгмана, въ этомъ достойномъ уваженія кругу всегда говорили о Россіи съ благоговѣніемъ и обращали къ ней взоръ, полный упованія. Но когда кое-какіе литературные диллетанты изъ молодыхъ изобрѣли теорію о славянскихъ федеративныхъ государствахъ, и еще болѣе, когда нѣсколько самонадѣянныхъ мужей, подчиняясь аристократическимъ вліяніямъ, произвели на свѣтъ проектъ Славянской Австріи,—это никуда не годное, исполненное внутреннихъ противорѣчій строеніе—тогда и журналы наполнились тѣми злонамѣренными нападками на Россію, которыя дозволяли себѣ младшіе дѣятели нѣмецкихъ славянъ (Deutsch-Slawen) въ Австріи. Въ Германіи сыпались ругательства на центральную державу славянъ, имъ ненавистную Россію, и въ Чехіи долгомъ сочли, въ выгодахъ Австріи, помочь этой брани, тѣмъ болѣе, что напередъ были увѣрены въ одобреніи австрійскаго правительства подобнаго усердія. Даже въ головахъ нѣкоторыхъ засѣла мысль о союзѣ съ нѣмцами на пользу чешской народности, которой, по ихъ мнѣнію, Россія угрожала. Новѣйшія событія зажали ротъ этимъ глупостямъ ⁷⁹⁾, и мы вполне убѣждены, что эти несчастныя воззрѣнія вскорѣ уступятъ мѣсто совершенно имъ противнымъ, такъ какъ здравомыслящій чешскій народъ въ глубинѣ души рѣшительно наклоненъ къ Россіи, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время чехи очень мало расположены къ принятію австрійской выправки и въ нынѣшнихъ прозаическихъ своихъ обстоятельствахъ очень слабо привлекаютъ къ себѣ другихъ славянъ. Хотя литература прилежно разрабатывается, однако, по высшимъ наукамъ, по философіи, исторіи и т. д., не выходитъ ничего замѣчательнаго, кромѣ Исторіи Чехіи Палацкаго, а въ искусствахъ и поэзіи чехи не представляютъ, за исключеніемъ Махы, ни одного творческаго дарованія ⁸⁰⁾. Технические познанія пользуются большимъ

⁷⁹⁾ Не совсѣмъ-то. В. Л.

⁸⁰⁾ Для настоящаго времени это сужденіе уже несправедливо. За истекшія 50 лѣтъ и въ поэзіи, и въ наукѣ Чехи выставили рядъ крупныхъ именъ. Т. Ф.

успѣхомъ; матеріальное благосостояніе—вотъ идолъ, къ которому стремится народъ, и какъ многіе не могутъ его достигнуть на родинѣ, то усиливается страсть къ выселеніямъ. Все это очень мало благопріятствуетъ чешскому вліянію на прочихъ славянъ; къ тому же поле дѣятельности ихъ слишкомъ мало, отечество слишкомъ ограничено, а духовныя потребности въ общемъ слишкомъ велики и далеко ихъ увлекаютъ. Къ большому же цѣлому должны также примкнуть и чехи, подобно другимъ славянамъ, ибо въ своемъ обособленіи не могутъ ни удержаться, ни создать что-нибудь великое.

Такъ называемые иллиры или католики-хорваты, приманенные Австріей и обработанные чехами, также иногда выступали противъ русскихъ въ не разъ подкупленномъ журналѣ Гая, но и это карканье теперь замолкло. Вялые, но слабо выдержанные (дрессированные) австрійскіе хорваты воодушевятся славянскою идеею, лишь только придутъ къ правильному пониманію ея.

Неодолимо влечетъ къ себѣ Россія славянъ. Но еще другія причины располагаютъ ихъ къ ней. Русскіе—единственные славяне, сохранившіе свою самостоятельность и тѣмъ спасшіе честь славянскаго имени. „Всѣ славяне, говоритъ путешественникъ Коль (въ Аугсбургской Всеобщей Газетѣ), гдѣ только ни соприкасались съ нѣмцами, покорялись имъ, и нѣмецкій дубъ гордо распускался на ихъ развалинахъ, и они теперь почіуютъ подъ его тѣнью. Еще одинъ день, и навсегда бы рѣшилась судьба славянскаго міра, но этотъ день рѣшилъ противное: это день Полтавской битвы! Петръ Великій съ своими русскими одержалъ эту вѣчно памятную для славянъ побѣду, которая уже склонялась на сторону Шведовъ“. У Россіи бывали тоже свои бури, свои ненастные дни. Однажды при Калкѣ она покорилась монголамъ и была у нихъ въ неволѣ слишкомъ 200 лѣтъ, но она мужественно возстала изъ паденія и развивалась потомъ съ негаданною прежде силою. Шведы, въ союзѣ съ поляками и турками, посягали на ея самостоятельность, но однихъ она опрокинула и отняла у нихъ въ наказаніе много земли, другихъ включила въ свое государство, бросивъ чужимъ только куски ихъ территоріи, а третьихъ укротила, забравъ у нихъ много земель. Наконецъ, вторглась въ Россію почти вся Европа, ведомая величайшимъ военнымъ геніемъ, но и это колоссальное могущество разбилося о силу Россіи, и на ея поляхъ померкла звѣзда Наполеона. Теперь стоитъ она въ полнотѣ могущества и притомъ въ юношеской свѣжести. Россія, конечно, есть величайшая первостепенная держава, ибо какое иное государство повелѣваетъ такими неизмѣримыми силами и средствами, какими обладаетъ Россія? Народъ въ Россіи заодно съ своимъ царемъ: въ этомъ-

то и состоитъ главная сила Россіи; ея дворянство не пользуется особенными политическими правами, готово къ самопожертвованіямъ, какъ то видно изъ многочисленныхъ приношеній дворянства на пользу общую въ царствованіе Николая; ея горожане патриотичны: лица этого сословія при вторженіи французовъ въ Россію предоставили въ распоряженіе императора Александра половину, даже $\frac{3}{4}$ своего состоянія; классъ ученый трудолюбивъ и проникнуть широкимъ возрѣніемъ на величіе Россіи; ея войско глубоко предано царю и отечеству; ея духовенство благочестиво и усердно къ отеческой вѣрѣ, этой связи, крѣпко объединяющей страну. Народъ добръ и силенъ, послушенъ и готовъ на самопожертвованія, одаренъ несокрушимой натурой. Необъятно пространство, подвластное Россіи. Оно обнимаетъ 375.000 кв. миль, такъ что изъ него можно составить 9 турецкихъ имперій, 28 Скандивій, 29 Австрій, 30 Германій, 36 Францій. Власть Россіи простирается отъ сѣверовосточнаго угла Азіи, отъ уединенной Камчатки до дальняго сѣвера Америки, отъ дальняго европейскаго сѣвера почти до Карпатъ, до Дуная, Чернаго моря и далѣе до самаго Арарата. Число жителей уже превышаетъ 63 милліона душъ⁸¹⁾. Ядро ихъ составляютъ великоруссы и малоруссы въ количествѣ 51 милліонъ⁸²⁾. Среднимъ числомъ населеніе состоитъ лишь изъ 165 душъ на квадратную милю; впрочемъ въ Европейской Россіи на квадратную милю приходится 605, а въ Азіатской только 48 душъ. Это обстоятельство неблагопріятно свидѣтельствуетъ объ относительной силѣ Россіи, но оказывается весьма выгодно для ея дальнѣйшаго усиленія, равно какъ и для избавленія отъ нищенства. На этомъ пространствѣ $\frac{79}{100}$ населенія занимается земледѣіемъ, почему народное хозяйство опирается, кажется, на твердое основаніе. Въ своей средней полосѣ Россія имѣетъ настоящую хлѣбную житницу, въ богатыхъ пажитями новороссійскихъ степяхъ громадное пособіе для скотоводства, въ своихъ необъятныхъ лѣсахъ множество дерева на всякую нужду, между прочимъ, и на кораблестроеніе. Въ нѣдрахъ русской земли, особенно въ Азіи, заключаются великія минеральныя богатства: золото, платина, серебро, а также желѣзо, котораго разрабатывается ежегодно около 3 милліоновъ центнеровъ; золота же добывается до 12.500 фунтовъ ежегодно. Промышленность, особенно съ царствованія императора Николая,

⁸¹⁾ Теперь приблизительно считаютъ въ Россіи 394.464 квадр. миль и 162.000.000 д. обоого пола. В. Л.

⁸²⁾ Общая численность русскаго народа, живущаго въ русскомъ государствѣ, въ настоящее время превышаетъ 102 милліона (великоруссовъ около 67 милліоновъ, малоруссовъ—28 милліоновъ, бѣлоруссовъ—7 милліоновъ). Т. Ф.

развивается съ каждымъ годомъ, точно также, какъ и торговля, которой открыты пути во всѣхъ направлєніяхъ. Въ 1824—33 г. среднимъ числомъ привозъ товаровъ доходилъ до 90 милліоновъ, а вывозъ до 106 милліоновъ гульденовъ.

Если въ культурномъ отношеніи Россія и не стоитъ еще на высотѣ другихъ европейскихъ государствъ, то, однако, правительство усердно заботится о распространеніи просвѣщенія, и православная Россія никогда умышленно не замыкалась передъ наукою, какъ строго-католическія земли. Ученые труды, прекрасные журналы, напр., Москвитянинъ и другіе, ученые и поэты Россіи, напр., Карамзинъ, Державинъ, Пушкинъ, Гоголь, Шевыревъ и прочіе, сдѣлали бы честь каждому народу. Внѣшнее вліяніе Россіи, державы, опирающейся на такія силы, служить мѣриломъ для многихъ державъ и вообще имѣеть въ Европѣ огромное значеніе; это можно видѣть уже изъ того, что русской дипломатіи приписываютъ удивительную ловкость и только что не чудотворную силу и чувствуютъ русское вліяніе даже тамъ, куда оно не достигаетъ. Правда, русскіе дипломаты искусны, расчетливы, владѣютъ собою и обстоятельствами, и такой дипломатіи не могло бы выдвинуть никакое другое славянское племя. Но не всѣ дипломатическіе успѣхи Россіи слѣдуетъ приписывать ея дипломатіи. Всѣ они обусловлены той силой, которая имѣеть въ своемъ распоряженіи неизмѣримые источники, которая владѣеть объединеннымъ, готовымъ къ самопожертвованію, молодымъ крѣпкимъ народомъ, которая уже совершила много великихъ дѣлъ, и тѣмъ многое подчинила своему вліянію.

Все работаетъ на пользу Россіи, — другъ и недругъ, миръ и война, мятежи и тишина, Шварценбергъ и Бахъ, Мантейфель и Радовицъ, точно также, какъ Кошутъ и Семере (Szemere), Гервегъ (Herwegh) и Руге, турки и греки, нѣмцы и славяне. Развѣ это не такъ? Развѣ Россія не отбросила всю Европу, съ Наполеономъ во главѣ, не сломила его владычества, не способствовала освобожденію безпомощныхъ народовъ и не имѣла поэтому на Вѣнскомъ конгрессѣ рѣшающаго голоса и первенствующаго положенія? Развѣ Австрія не живетъ только по милости Россіи, развѣ Пруссія осмѣливается выйти изъ подъ ея вліянія? Не она ли, въ новѣйшее время, рѣшила нѣмецкія дѣла? Развѣ не благодаря ея согласію прозябаеть еще Турція?

И какое страшное положеніе, вѣрно понятое Наполеономъ, заняла Россія. Одною рукою обнимаетъ она Азію, другую протягиваетъ въ Америку; неприступная для Европы, она сосѣдитъ съ гнилою Австріею и съ турецкимъ трупомъ. Великое и малое, разрозненное и единое, самыя величайшія противо-

положности: христіанство, язычество, магометанство, чудесное и обыкновенное, баснословное съ дѣйствительнымъ,—все сливается въ величественный образъ, живущій въ душѣ каждаго русскаго. До сотни различныхъ инородческихъ племенъ примыкають къ великому русскому племени, сотня племенъ получаетъ толчекъ отъ единой воли, шаманы и дервиши, минареты и византійскіе куполы находятся рядомъ; Ледяное море и древле-прославленный Понтъ, Камчатка и Вилія, древняя Колхида и знаменитый Балтъ, гора Араратъ, съ именемъ которой древнее преданіе связываетъ колыбель человечества, и синій Донъ; крымскіе жары рядомъ съ полугодовыми полярными ночами, Азія съ Европою, Востокъ съ Западомъ, утро съ закатомъ, и такимъ образомъ въ русскомъ царствѣ солнце никогда не заходитъ. Сколько здѣсь представляется работы разуму, дѣятельности, и какъ все это неотразимо приковываетъ воображеніе! Не даромъ, при первомъ видѣ Москвы, этого великолѣпнаго миниатюрнаго образа Россіи, стоялъ нѣкоторое время Наполеонъ неподвижно и безмолвно, пораженный ея роскошью и величіемъ ⁸³).

Не смотря на то, что Россійская держава достигала такой высоты, не въ этомъ однако заключается главная причина тяготѣнія славянъ къ Россіи, но въ томъ, что русскій народъ имѣетъ силу не только создавать, но и сохранять созданное. Сверхъ того, русскій народъ болѣе другихъ славянъ хранитъ въ себѣ особенности чисто славянскія въ сочетаніи силы съ скромностью и добротою, въ своихъ нравахъ, въ общинномъ устройствѣ, и, наконецъ, онъ умѣлъ избѣжать главнаго недостатка славянской государственности и, вслѣдствіе этого, образовалъ единое могущественное государство. Только въ немъ имѣетъ славянская жизнь основаніе и опору для своего дальнѣйшаго развитія, только творческая и охранительная русская сила можетъ возродить обломки нашей народности, и характеръ русскаго народа составляетъ единственную могучую притягательную силу для нашихъ племенъ, которые еще не вполне измѣнили своей природѣ. Когда подумаешь, изъ какихъ начатковъ пошло русское государство, какъ вообще росло оно шагъ за шагомъ, при успѣхахъ всегда выказывало умѣренность, не падало ни при какихъ буряхъ, никогда не теряло однажды приобрѣтеннаго, то невольно удивляешься этой силѣ и послѣдовательности.

⁸³) Истекшее пятидесятилѣтіе, конечно, принесло много новыхъ данныхъ, которые то подтверждаютъ, то кое въ чемъ исправляютъ высказанныя здѣсь замѣчанія Штура о Россіи. Т. Ф.

Лучшія стороны славянскаго характера мы большею частью пояснили данными изъ русской жизни и исторіи, по той простой причинѣ, что жизнь—вѣрнѣйшій отпечатокъ нашей души, а народу съ великою исторіею представляется наилучшая возможность раскрытія своего духа. Такому предводителю славянскія племена могутъ довѣриться безъ опасенія, и кто, при всемъ своемъ могуществѣ, даетъ чужеземцамъ спокойно жить и развиваться въ своемъ сосѣдствѣ, тотъ радушно встрѣтитъ почти потерянные родственныя племена и будетъ жить съ ними по-братски.

Иностранцы, впрочемъ, постоянно утверждаютъ, что Россія не можетъ удержаться при такой величинѣ и должна распасться. Распасться—страшное слово, но возможно ли это? Когда чего желаютъ, то вѣрятъ въ исполненіе своего желанія. Но, славу Богу, о распаденіи Россіи не можетъ быть и рѣчи. Не покоится ли русское государство на единомъ народѣ, и одно великорусское племя—это ядро государства—не достаточно ли велико и сильно, чтобы притягивать всѣ остальные племена? Не одна ли церковь обнимаетъ весь русскій народъ? Не глубоко ли запечатлѣны въ душѣ каждаго русскаго единство и величіе его отечества, такъ что мысль о немъ не отдѣлима отъ его существа и составляетъ одно цѣлое съ бытіемъ каждаго русскаго человѣка? Развѣ немногочисленныя внутреннія волненія, вспыхивавшія въ Россіи, могли поколебать единство русскаго государства и хотя бы слабо повредить ему. Эта мысль о единствѣ такъ глубоко сжилась съ русскимъ народомъ, что даже русскіе заговорщики Пестель, Муравьевъ и проч., бывшіе въ соглашеніи съ поляками, не хотѣли уступить польской области. Кто попытается разорвать это единое цѣлое, и тѣмъ вызвать наружу всю силу русскаго народа въ соединеніи съ его самоотверженіемъ, тотъ можетъ заранѣе быть увѣренъ въ послѣдствіяхъ. Никакая внутренняя или внѣшняя буря не отрывала отъ Россіи даже клочка земли, и сила русская постоянно возрастаетъ. Почему русскіе такъ любятъ свои величавые памятники?—ибо что они ни производятъ, все у нихъ величественно. Да потому, что эти памятники свидѣтельствуютъ объ ихъ силѣ и являются передъ ихъ взорами подобіемъ ихъ отечества.

Славяне, съ своей стороны, жалуется на то, что русское правительство не поощряетъ прогресса, и при этомъ отдѣляютъ правительство отъ народа, утверждая, что они держатся народа, а правительство уважать не обязаны. Наконецъ, они ропщутъ на союзы русскаго правительства съ иностранными державами, вслѣдствіе чего не происходитъ никакихъ столкновеній, и

славяне не могут дожидаться дня своего освобожденія. При первомъ взглядѣ эти жалобы кажутся основательными, но при ближайшемъ разсмотрѣніи онѣ теряютъ почти все свое значеніе.

Русское правительство всѣми силами благопріятствуетъ прогрессу во всѣхъ отношеніяхъ: въ научномъ, промышленномъ, общественномъ и пр. Найдите въ исторіи примѣръ другой страны, которая бы въ такое короткое время такъ далеко во всемъ подвинулась впередъ изъ состоянія совершенной грубости. Не старается ли русское правительство объ освобожденіи народа отъ унижительнаго крѣпостного состоянія? Но оно не всемогуще; необходимо время для полной зрѣлости каждаго дѣла: безъ этой зрѣлости успѣшное окончаніе его немислимо. Давно ли отмѣнено крѣпостное право въ другихъ европейскихъ странахъ, и не были ли эти страны гораздо образованнѣе Россіи? Не считались ли онѣ высокообразованными въ то время, когда у нихъ крѣпостное право господствовало?

Въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія русское государство очень дѣятельно. Съ каждымъ годомъ значительно умножаются различные училища, и если въ нихъ не всѣ принимаютъ равное участіе, то виною въ томъ крѣпостное право, которое уже не долго будетъ держаться въ Россіи. Каждый годъ открываются новыя ученныя общества, напр., Русское Географическое, Археологическое и т. д., которымъ правительство щедро помогаетъ. Вообще, судя по общей русской дѣятельности, видно, что она заготовляетъ матеріалы для великаго дѣла, имѣющаго явиться въ ближайшемъ будущемъ. Литературные и ученныя журналы разбираютъ подлежащія имъ вопросы съ гораздо большею свободою, чѣмъ это было возможно въ Австріи при Меттернихѣ и, смѣло прибавимъ, чѣмъ даже теперь. Въ промышленномъ отношеніи успѣхи русскихъ превосходятъ всякое ожиданіе. Цари промышленности, англичане, знаютъ это очень хорошо. Но надо помнить, что мысль, совершенствованіе—требуютъ слишкомъ много времени для того, чтобы пройти и проникнуть черезъ такія необъятныя, какъ Россія, пространства. Великія дѣла и созданія растутъ и созрѣваютъ медленно, а что быстро растетъ и разцвѣтаетъ, то скоро и проходитъ. Вотъ мадьяры выростили у себя, какъ въ теплицѣ, всѣ продукты европейской культуры, но какого онѣ качества—извѣстно о томъ знатокамъ; какъ они полезны мадьярамъ, знаетъ о томъ міръ. А что русское государство удаляетъ отъ себя нѣкоторыя западныя явленія, а народъ питаетъ къ нимъ родъ отвращенія, въ этомъ они оба правы.

Отдѣлять народъ отъ правительства — безсмысленно, какъ это мы уже отчасти выше показали. Западъ вообще, и не безъ основанія, отличалъ правительства отъ народовъ.

Французы даже провели практически это раздѣленіе, но за всѣмъ этимъ получили Луи Филиппа на мѣсто изгнаннаго Бурбона, а Луи Наполеона на мѣсто Луи Филиппа. Каждое правительство соотвѣтствуетъ состоянію, возрѣніямъ, потребностямъ, степени развитія, нравственности самаго народа. Это-то всегда почти опускаютъ изъ виду народы Запада. Не только дурны у нихъ правительства, но и народы испорчены. Правительства суть только выраженія ихъ собственной нравственности. Не въ самихъ ли народахъ заключается причина того, что англійское и прусское правительства честнѣе другихъ правительствъ на Западѣ. Всего менѣе у славянъ можно отдѣлять правительства отъ народовъ, частью вслѣдствіе совершенно отличнаго отъ Запада нравственнаго состоянія нашихъ народовъ, частью потому, что отъ этого происходили великія несчастія для нашего народа. Пока правительство честно служить великой цѣли государства, народъ вполне и добровольно преданъ ему, хотя оно, быть можетъ, и дозволяетъ себѣ суровость и жестокость; но пока народъ ему вѣритъ, оно старается управлять имъ, какъ можно честнѣе. Довѣріе возбуждаетъ довѣріе, а недовѣріе—взаимную ненависть и преслѣдованія. Если разъ порвалась связь правительства съ народомъ, то правительство старается угнетать народъ, а народъ, наоборотъ, собирается вредить правительству. Сохраняйте, славяне, сокровище этого единства: гдѣ оно есть, тамъ процвѣтутъ ваши государства. Русскій народъ имѣетъ достаточно основаній довѣрять своимъ государямъ: не заботились ли они всѣ объ его благѣ, не былъ ли каждый изъ нихъ не только по имени, но и на дѣлѣ собирателемъ своего царства? Въ душѣ Павла жило много яркихъ противорѣчій, но онъ былъ человѣкъ, не чуждый высокаго одушевленія и великодушныхъ намѣреній. Александръ I былъ расположенъ ко благу своего народа и сдѣлалъ много достойнаго признательности. Человѣкъ строгости и желѣзной послѣдовательности, Николай былъ глубоко преданъ своему государству и его величію. При нашествіи французовъ Александръ объявилъ торжественно, что онъ скорѣе надѣнетъ на себя сермягу, чѣмъ подпишетъ унижительный для Россіи миръ, и Николай пошелъ бы радостно на смерть за свое царство и отечество. Да, вы, много поруганные и оклеветанные Западомъ Романовы, вы заслужили другой награды за усилія ваши на пользу насъ всѣхъ. Васъ бранятъ и ненавидятъ за то, что вы—государи славянъ и того славянскаго государства, къ которому устремлены надежды всѣхъ славянскихъ племенъ. Вы много сдѣлали, но васъ ожидаютъ еще величайшіе подвиги. Совершите ли вы ихъ? Славянскій міръ

внимательно прислушивается къ ходящимъ по немъ разговорамъ о царскихъ сыновьяхъ. Съ довѣріемъ обращается славянскій міръ и къ вамъ, Обреновичи, несправедливо и по наущенію нашего злого духа удаленные съ сербскаго престола. Въ минуты величайшей опасности вы руководили сербскимъ народамъ и никогда не покидали его несчастной страны. Также вѣримъ и въ тебѣ, Петръ Петровичъ, Владыка Черногорскій, повелитель горъ и богатырей ⁸⁴).

Мы знаемъ, почему русское правительство заключаетъ политическіе союзы съ чужими державами: именно для того, чтобы задержать успѣхи западной революціи. Тѣмъ не менѣе въ душѣ нашей поднимаются сомнѣнія относительно вѣрности этого положенія. Конечно, мы не проникаемъ въ тайны кабинета; но въ то время, когда русскіе цари выступали въ Европѣ смѣло и свободно, руководимые только своимъ убѣжденіемъ, они составляли явленіе свободное, высоко уважаемое всѣми западными народами. Но это уваженіе, какъ намъ кажется, значительно ослабѣло, когда они допустили себя увлечь въ эти неестественные союзы. У Россіи, кажется, есть иное предназначеніе, чѣмъ стоять на стражѣ у тѣхъ, которые слишкомъ испорчены и сами держаться не могутъ. Кажется, эти союзы неблагопріятно дѣйствовали на самихъ царей, приближая ихъ къ западнымъ правителямъ, находившимся въ натянутыхъ отношеніяхъ къ своимъ народамъ. Священный союзъ хотя и исходилъ отъ Александра и имѣлъ въ основаніи вѣрную мысль, по нашему мнѣнію, оказалъ на него плохое дѣйствіе ⁸⁵). Без-

⁸⁴) Уже скончавшійся (въ 1851 г.). В. Л.

⁸⁵) Совершенно въ томъ же духѣ, только болѣе рѣзко и съ большимъ знаніемъ пользы русской политики, писалъ объ этомъ баронъ Строгановъ въ своемъ письмѣ къ Императору Николаю изъ Константинополя въ 1825 г. Письмо это хранится въ государственномъ архивѣ (въ Петербургѣ), но, къ сожалѣнію, въ свое время я не успѣлъ его списать и не могъ обнародовать. Помню, что Строгановъ смѣло и открыто указывалъ Царю на священный союзъ, какъ на отводъ, выдуманный Австрією для отвлеченія вниманія русскаго кабинета отъ его кровныхъ интересовъ на Востокъ. Въ нашихъ архивахъ есть много разныхъ австрійскихъ тайныхъ писемъ и записокъ о разныхъ заговорахъ и тайныхъ обществахъ въ Европѣ, о вольномыслии нѣмецкихъ студентовъ, о дѣйствіяхъ кучки карбонаровъ въ Италіи, Швейцаріи. Всѣ эти записки Меттерниха могутъ служить подтвержденіемъ письму Строганова и поясненіемъ Крымской войны и Парижскаго договора. Жаль, что министерство иностранныхъ дѣлъ не приступитъ къ изданію записокъ и переписки русскіихъ дипломатовъ XVIII в. (временъ Петра, Елисаветы, Екатерины и даже начала царствованія Александра I). Теперешніе наши дипломаты не имѣютъ никакой школы и только знакомы съ преданіями Нессельроде, дѣйствовавшаго по внушеніямъ Меттерниха. В. Л.

конечной ошибкой было бы, если бы русскіе цари взяли себѣ за образецъ государей западныхъ, ибо передъ ними и русскимъ народомъ лежитъ совсѣмъ иной путь, чѣмъ передъ народами западными, и они находятся къ своему народу въ совершенно другомъ отношеніи. Было бы несчастьемъ искусственно возбуждать разрывъ между царемъ и народомъ. Но, не смотря на это, пусть не страшатся славяне, что у Россіи съ иностранными державами, которымъ они подчинены, никогда не дойдетъ до столкновеній и, слѣдовательно, будто не придетъ время ихъ освобожденія. Громадная русская сила напираетъ впередъ, она не можетъ успокоиться, она постоянно должна искать новыхъ аренъ своей дѣятельности. Славянское сознаніе сильно пробуждается въ Россіи и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ее охватываетъ, а оно не можетъ долго оставлять въ рабствѣ и позорѣ родственныя русскимъ племена. Сверхъ того, ближайшія къ Россіи въ Европѣ государства, самыя гнилыя—Турція и Австрія—продержатся не долго. Они распадутся сами собою, и русскіе должны будутъ, въ выгодахъ собственной безопасности, вмѣшаться въ ихъ дѣла ⁸⁶). Высоко взлетитъ ихъ орелъ, далеко надъ міромъ опустится, и узнаютъ братья сѣвернаго орла. Опирайтесь на все славянство—вотъ единственно природная и цѣлесообразная для Россіи политика. Славянскія племена, нынѣ находящіяся внѣ предѣловъ русскаго государства, однажды соединившись съ Россіею въ одно цѣлое ⁸⁷), съ избыткомъ замѣнятъ ей иностранные союзы. Итакъ терпѣніе, славяне! День нашъ взойдетъ и забрезжитъ на юго-востокѣ. Кто сможетъ съ успѣхомъ бороться противъ нашихъ соединенныхъ силъ и долѣе отнимать у насъ жизнь? Но пора, въ

⁸⁶) Назначеніемъ графа Голуховскаго намѣстникомъ Галиціи и своимъ союзомъ съ поляками противъ русскихъ Австрія сама ускоряетъ и облегчаетъ развязку. В. Л.

⁸⁷) Штуръ нигдѣ не разумѣетъ обращенія славянскихъ земель въ русскія области. Въ одномъ мѣстѣ онъ прямо высказывается за необходимость сохраненія сербскаго владѣтельнаго дома. Штуръ прямо не говоритъ этого, ибо не вдается въ подробности, но, очевидно, передъ его умомъ носился образъ славянскаго союза, въ которомъ Россія участвуетъ, какъ членъ и какъ предсѣдатель; однимъ словомъ, нѣчто подобное тому, чѣмъ будетъ теперь Пруссія въ сѣверномъ союзѣ, или въ послѣдствіи въ союзѣ обще-нѣмецкомъ. Первымъ и важнѣйшимъ шагомъ къ такому славянскому союзу должно быть свободное распространеніе русскаго языка во всѣхъ земляхъ славянскихъ. В. Л.

высшей степени пора Россіи сознать свое призваніе и приняться за славянскую идею; ибо долгое промедленіе можетъ, по нашему мнѣнію, имѣть дурныя послѣдствія.

IX.

Но для того, чтобы Россія увеличилась присоединеніемъ къ ней славянъ, чтобы славянство, наконецъ, приобрѣло жизнь и дѣйствительность, она должна такъ устроиться внутри, какъ того требуютъ духъ славянства, истинная современная образованность и ея міровое положеніе. Такимъ образомъ изъ всего предыдущаго открываются слѣдующіе итоги:

Въ древности наши разраставшіяся племена занимали, обрабатывали и защищали землю. Она не была завоевана, слѣдовательно, по справедливости никѣмъ никому не могла быть дарима, и, слѣдовательно, всякая личная зависимость и крѣпостное состояніе, какое бы имя оно ни носило, есть величайшая неправда относительно нашего народа, преступленіе противъ народнаго духа. По нашимъ понятіямъ, земля можетъ принадлежать только свободнымъ владѣльцамъ. Крѣпостное право въ Россіи есть ея величайшее зло. Мы указали и оцѣнили по достоинству почтенныя стремленія частныхъ лицъ и правительства положить конецъ этому злу, но онѣ недостаточны. Важность дѣла требуетъ гораздо болѣе усердія для отмѣны этого зла. Мы этимъ вовсе не совѣтуемъ торопливости, ибо великія раны разомъ не залѣчиваются, но пора, давно пора, серьезно приняться за это дѣло. Сдѣлать это повелѣваетъ намъ и христіанство, строго осуждающее всякое рабство и дурное обращеніе съ человѣкомъ⁸⁸).

Такимъ образомъ, всѣ отцы семействъ вступаютъ въ свободное владѣніе поземельныхъ участковъ и возвышаются до человѣческаго достоинства. Но земля не оставлена на ихъ произволь, потому что не о нихъ однихъ идетъ дѣло, а о многихъ, съ ними живущихъ и за ними слѣдующихъ. Земля есть собственность міра, общины, съ которою каждое лицо связано. Отсюда устройство славянской общины, которая сохраняется въ Россіи, въ Черногоріи, Болгаріи и т. д. Всѣмъ совершеннолѣтнимъ лицамъ даетъ община равныя участки земли и по смерти ихъ снова беретъ себѣ. Это слѣдовало бы возвести въ законъ. Гдѣ славянская община пропала, тамъ слѣдовало бы ее ввести, а гдѣ это неисполнимо, по-

⁸⁸) Дѣло сдѣлано, и крѣпостничества уже нѣтъ болѣе. В. Л.

становить закономъ недѣлимость земли, достаточной для прокормленія полной семьи ⁸⁹). Такимъ образомъ можно избѣжать нищенства въ нашихъ областяхъ и избавить многихъ членовъ чело-вѣчества отъ унижающей его участи. Западъ далъ каждой личности свободу, и больше о ней не заботился, вслѣдствіе чего возникли неволя и бѣдствія. Наша обязанность, при сохраненіи цѣлаго, заботиться и о каждой личности.

Какъ видно изъ предыдущаго, наша община черезъ охраненіе цѣлаго беретъ подъ свою защиту каждое лицо отдѣльно. Но если кто, несмотря на это, безъ всякой своей вины впадаетъ въ какую-нибудь бѣду, народъ нашъ, въ добротѣ своей, оказываетъ ему широкую помощь; даже и съ провинившимися по простествіи времени онъ поступаетъ мило-сердно. Это, свойственное нашему народу, направленіе удержалось во всѣхъ нашихъ учрежденіяхъ. При всей доброй волѣ, одна община недостаточна для всѣхъ несчастныхъ случаевъ; бѣдствія могутъ по-сѣтити всю общину. Обособленность и безпомощность общины восполняется жупою, округомъ, воеводствомъ, окруженьемъ (волостью, уѣздомъ) или какъ бы его ни называли. Нѣсколько общинъ соединяются вмѣстѣ, въ видахъ взаимной помощи, въ случаѣ какихъ-нибудь несчастій, постигающихъ отдѣльныхъ лицъ или цѣлую общину. Такою же взаимностью въ великихъ бѣдствіяхъ обязываются и жупы: большія городскія общины устриваются по этому же началу, меньшія принадлежатъ къ жупамъ. По основному возрѣнію нашего народа, община есть только распространенная семья, жупа—распространенная община, а государство—союзъ жупъ. Слѣдовательно, практическое осуществленіе этого начала всецѣло заключается въ духѣ нашего народа, ждетъ только благопріятнаго времени и поощренія для вступленія въ жизнь. Посему нѣтъ никакой надобности опредѣлять это закономъ. При развитіи нашей жизни это начало явится само собою. Въ Россіи существуютъ въ городахъ большія артели рабочихъ, которые сообща, по единодушному приговору, раздѣляютъ между собою прибыли отъ своей работы, выручка провѣряется выборными представителями—и такимъ образомъ артели слѣдуютъ примѣру сельской общины. Эти двѣ организаціи разрѣшаютъ у насъ общественные вопросы, о разрѣшеніи которыхъ напрасно хлопочетъ Западъ, содержатъ въ себѣ дѣятельную заповѣдь, помазаніе христіанства и проистекаютъ изъ глубины нашего народнаго духа. Западныя учрежденія и товарищества для защиты отъ нужды и бѣдствія, при недостаткѣ дѣятельной любви, соста-

⁸⁹) Надѣломъ по „Положенію 19-го февраля 1861 года“ и это также сдѣлано у насъ въ извѣстной степени. В. Л.

влияют ничтожную замѣну истинной потребности и, сверхъ того, при несчастныхъ случаяхъ, запутываются въ денежныхъ спекуляціяхъ.

Община у всѣхъ нашихъ племенъ пользуется самоуправленіемъ. Но тѣмъ болѣе она имѣетъ на то право, когда состоитъ изъ свободныхъ землевладѣльцевъ. Это право общины на свое самоуправленіе есть единственно разумное и составляетъ для нея настоящую святыню. Такимъ образомъ, народу не дѣлается никакого насилія, его обычаи соблюдаются въ чистотѣ, и онъ свободно развивается и наслаждается полнотою жизни. Подъ самоуправленіемъ общины разумѣемъ мы то, что она оберегаетъ общинную собственность, управляетъ общественнымъ достояніемъ, избираетъ своихъ старшинъ, сама заботится о своей безопасности, сама рѣшаетъ малыя гражданскія тяжбы и даже маловажныя преступленія подлежатъ ея суду, сама выполняетъ правительственныя требованія относительно податей, набора войска для защиты отечества, и такимъ образомъ вся община отвѣтственна передъ правительствомъ; она разсматриваетъ несчастные случаи, постигающіе отдѣльныхъ членовъ, принимаетъ нужныя для помощи мѣры, свободно собирается для разсужденій объ общинныхъ дѣлахъ, для выбора своихъ представителей, для разбора ихъ дѣйствій, и во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, въ случаѣ вкрадшихся злоупотребленій, просто сообщаетъ о томъ лицу, уполномоченному отъ правительства. Такъ какъ, по нашимъ обычаямъ, старшій въ семьѣ представляетъ всю семью, а она уже черезъ него пользуется общиннымъ имуществомъ, то право управленія общиною принадлежитъ только старшимъ въ семьяхъ, признаннымъ общиною совершеннѣйшимъ лицамъ, которыми и представлена вся община. Это чисто славянское представительство есть, по нашему мнѣнію, самое цѣлесообразное и разумное, ибо тутъ каждый представитель является не только самъ по себѣ, не есть эгоистъ, но замѣняетъ собою многихъ другихъ, и этимъ самымъ обязывается къ осторожности, серьезности и усердію. Такимъ представительствомъ мы рѣзко отличаемся отъ Запада, который хочетъ даровать и отчасти уже даровалъ право голоса или личное представительство всѣмъ лицамъ извѣстнаго возраста, за весьма немногими исключеніями, какимъ, напр., является нищенство. Въ Россіи и Сербіи общины обладаютъ полнымъ самоуправленіемъ, и мы считаемъ его за превосходнѣйшій даръ этихъ странъ.

Распространенная община, по славянскому возрѣнію, есть жупанія (округъ, окружье, воеводство, уѣздъ и т. д.), которой должны принадлежать всѣ права общины, а слѣдовательно и ея самоуправленіе. Жупанія сама заботится о своей безопасности, составляетъ первую, а иногда вторую судебную инстанцію, передаетъ

правительственныя предписанія отдѣльнымъ общинамъ, распредѣляетъ между ними предписываемое правительствомъ количество податей и рекрутъ, печется о благосостояніи всѣхъ общинъ и всѣхъ отдѣльныхъ лицъ, обезпечить которыхъ, вслѣдствіе особенныхъ ихъ несчастій, община не въ состояніи; она содержитъ на общественный капиталъ, въ который каждый жертвуетъ смотря по состоянію, по опредѣленію жупаніи, различныя больницы, богадѣльни и т. д., помогаетъ другимъ, обѣдѣвшимъ не по собственной винѣ и которымъ сама община помочь не въ силахъ, помогаетъ всѣмъ общинамъ въ случаѣ бѣдствій или вознаграждаетъ ихъ за понесенные ими убытки, и, когда ея помощь недостаточна, приглашаетъ къ тому другія жупаніи и все государство, повѣряетъ вносимыя общинами подати правительству, предотвращая всякій обманъ, и слѣдитъ за ихъ доставленіемъ по назначенію. Она избираетъ для управленія чиновниковъ и судей въ жупѣ, имѣетъ свободныя собранія для разсужденія объ общихъ дѣлахъ. Въ этихъ собраніяхъ общины принимаютъ участіе черезъ своихъ представителей, но лично за себя никто не участвуетъ. Правительство при всемъ этомъ ограничивается только признаніемъ и отстраненіемъ вкрадывающихся злоупотребленій. Такимъ образомъ отстраняется нестерпимое зло — западная бюрократія; вмѣсто гробового канцелярскаго молчанія является въ обществѣ жизнь и движеніе. Управленіе стоитъ дешево; облеченныя довѣріемъ народа должностныя лица больше дорожатъ честью избранія, чѣмъ жалованьемъ за свои труды; поэтому подати могутъ быть меньше, и вообще гораздо строже можетъ быть ведено все государственное хозяйство. Въ Россіи дворянство каждой губерніи имѣетъ свои уѣздныя и губернскія собранія, избираетъ своихъ предводителей (древнихъ жупановъ), судей двухъ первыхъ инстанцій, предсѣдателей этихъ судовъ и различныхъ по управленію и полиціи чиновниковъ по уѣздамъ. Кромѣ того, во всѣхъ денежныхъ дѣлахъ оно контролируетъ назначеннаго отъ правительства губернатора. Такими же правами, хотя и въ ограниченной степени, пользуется и народъ. Такимъ образомъ основа нашихъ древнихъ жупаній сохранилась въ Россіи; только надобно, согласно нашему народному духу и разумному государственному порядку, утвердить ее на общинѣ, при чемъ, конечно, дворянство, какъ таковое, должно отказаться отъ своей исключительной привилегіи и распространить ее, какъ принадлежащее ему право, на весь народъ. Нашъ народный духъ не признаетъ никакихъ основанныхъ на рожденіи преимуществъ, а по христіанству всѣмъ людямъ принадлежатъ равныя, божественныя и человѣческія, права.

Отъ жупаній славяне никогда не умѣли сдѣлать вѣрнаго шага къ государству. Этотъ же шагъ состоитъ въ томъ, чтобы предоставить ему полную державную власть и даровать ему бытіе, сообразное его высокому и великому призванію. Слѣдовательно, государству принадлежитъ все, что выше жупаній и вообще что превышаетъ кругъ дѣйствія гражданскаго общества, слѣдовательно: законодательная, высшая правительственная и высшая судебная власть. Такимъ образомъ государство получаетъ возможность связывать, сообразно своей задачѣ, всѣ жупаніи, т. е. ему подлежить все то, что внутри придаетъ государству единство и представляетъ его, какъ одно цѣлое, состоящее изъ самыхъ разнообразныхъ взаимно-дѣйствующихъ силъ, а извнѣ обезпечиваетъ его самостоятельность и представляетъ его у другихъ самостоятельныхъ державъ. Это есть самодержавная монархія, которая на Западѣ называется абсолютною. Такая монархія намъ необходима по упомянутому коренному недостатку въ государственномъ развитіи всѣхъ нашихъ племень, по величинѣ и разнообразію нашихъ племень, по нашему народному воззрѣнію на монарха, по современнымъ обстоятельствамъ, по предстоящей намъ дѣятельности и по нашему міровому положенію. Въ Россіи она уже существуетъ: пусть только придетъ она въ согласіе съ вышеуказанными народоправными, нашему народному духу сообразными учрежденіями, чѣмъ вообще будетъ удовлетворена потребность дальнѣйшаго государственнаго развитія и отнять поводъ къ нескончаемымъ переворотамъ.

Облеченное такою властью правительство никогда не можетъ стоять внѣ своего народа и колебаться въ воздухѣ, но должно, сообразно нашему народному духу и его предназначенію, идти съ народомъ рука объ руку, согласно его нравамъ и потребностямъ. Поэтому оно должно быть также окружено уполномоченными отъ жупъ, которые во всемъ его поддерживаютъ, помогаютъ ему совѣтами и вводятъ его во взаимную связь съ народомъ. Это есть то, что было во всѣхъ нашихъ государствахъ—сенатъ, иначе дума, или скупщина, которыя и теперь отчасти существуютъ въ Россіи, Черногоріи и Сербіи и въ двухъ послѣднихъ земляхъ являются представителями жупъ. Если такое учрежденіе обращается въ призракъ, то это должно имѣть необыкновенно вредное вліяніе, ибо такимъ образомъ у правительства все болѣе разрывается связь съ народомъ; они все болѣе отчуждаются другъ отъ друга, и послѣдствія такого несчастія неизмѣримы. Результаты подобнаго отчужденія неминуемо сказываются, если и не обнаруживаются немедленно. Въ случаѣ ли важныхъ,

затруднительныхъ государственныхъ дѣлъ, или когда правительство, быть можетъ, не рѣшается само отъ себя что-нибудь предпринять, или если оно не увѣрено въ настроеніи народа при какой-нибудь важной мѣрѣ, въ подобномъ случаѣ правительство отбираетъ мнѣнія у жупаній о предпріятіи, о задуманной мѣрѣ, или, что еще лучше и болѣе послavianски, созываетъ Земскій Соборъ, Думу изъ лучшихъ, опытнѣйшихъ и наиболѣе уважаемыхъ людей жупаній, не для того, чтобы они предписывали правительству законы, препирались и постановляли, не для разыгрыванія конституціонной комедіи, но только и единственно для того, чтобы они, какъ народные старѣйшины, подали правительству совѣтъ. Если дѣйствительно правительство находится въ живой связи съ народомъ, народъ довѣряетъ правительству, а правительство народу, то оно непременно воспользуется этимъ совѣтомъ, по своему усмотрѣнію. Во всѣхъ нашихъ государствахъ народныя собранія первоначально имѣли это самое значеніе, и въ томъ же смыслѣ понимаемъ мы достойныя всякаго уваженія нынѣшнія скупщины въ Сербіи и Черногоріи. Самъ царь Александръ, при готовившемся вторженіи французовъ въ Россію, созвалъ подобное народное собраніе и послѣдствія показали, что оно явило себя достойнымъ своей задачи.

Между правительствомъ, поставленнымъ въ такія отношенія къ народу, и самимъ народомъ никоимъ образомъ да не пробивается тайная полиція, это иностранное порожденіе, отравляющее взаимное довѣріе и питающее только недовѣріе въ правительствѣ и въ народѣ, искусственно вызывающее разрывъ и развращающее народъ. О, пусть пойметъ это каждое славянское правительство! Не каждое свободное выраженіе исполнено злонамѣренности, не всякое свободное движеніе есть покушеніе. Если что-нибудь дурное замыслено или сдѣлано безпокойными сумасбродами и злодѣями, то законныя власти, въ исполненномъ довѣріи государствѣ, доведутъ объ этомъ до свѣдѣнія правительства и во время предупредить его для принятія необходимыхъ мѣръ. Благородный Перовскій уже настаивалъ, хотя пока безуспѣшно, объ упраздненіи совершенно бесполезной въ Россіи, зловредной тайной полицій. Ея существованіе мы приписываемъ тому обстоятельству, что великодушнаго императора Николая, при самомъ восшествіи его на престолъ, застигъ врасплохъ заговоръ Пестеля.

Во внѣшней политикѣ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ на всегда отказаться отъ политическихъ союзовъ, заключаемыхъ единственно въ видахъ сохраненія падающихъ или безпомощныхъ династій и престоловъ, ибо несостоятельнаго не можетъ долго поддерживать никакая власть на землѣ. Черезъ это славянское правительство,

покоющееся совершенно на иных основаніяхъ, опирающееся на совершенно другой народъ, чѣмъ прочія иностранныя державы, отождествляется съ несостоятельными, извѣрившимися и падающими правительствами, навлекаетъ на себя ненависть народовъ, безъ всякаго быть можетъ основанія, само теряетъ уваженіе у своего народа, ибо пренебрегаетъ своимъ дѣломъ, и лишается довѣрія другихъ славянскихъ племенъ. Дѣйствіе этихъ союзовъ достаточно было бы, по нашему мнѣнію, восполнено для русскаго правительства союзами съ славянскими племенами, живущими внѣ Россіи, если оно, сознавъ свое высокое всемірно-историческое призваніе, возьметъ славянскую идею за свою путеводную звѣзду и обопрется на славянство. Ибо только тогда эти племена будутъ готовы примкнуть къ Россіи.

Мы не находимъ нужнымъ и даже считаемъ невозможнымъ заранѣе опредѣлять способы соединенія и свойство взаимныхъ отношеній славянъ къ Россіи. Изъ имѣющихъ наступить обстоятельствъ выяснится способъ и родъ этого соединенія. Но прежде всего мы желаемъ сохраненія Сербіи и ея внутренняго самостоятельнаго управленія. Сербы преданы Россіи, исповѣданія греко-славянскаго, народъ храбрый, разумный и поэтический, вѣрно сохранившій чисто славянскія учрежденія, изъ коихъ нѣкоторыя исчезаютъ даже у русскихъ. Конечно, они—первое славянское племя послѣ русскихъ. Сохраненіе Сербіи мы считаемъ разумнымъ и необходимымъ даже изъ политическихъ соображеній. Сербы не образуютъ большого государства; они храбры, восторженны и подвижны, гораздо легче Россіи могутъ что-нибудь предпринять, ибо Россіи должна соображаться съ обще-европейскими обстоятельствами; при томъ же они находятся подъ покровительствомъ Россіи. Далѣе, надо принимать во вниманіе то обстоятельство, что сербы уже привлекли къ себѣ вниманіе всѣхъ южныхъ славянскихъ племенъ и пользуются у нихъ вполне заслуженнымъ почетомъ.

Въ славянскомъ государствѣ всегда непремѣнно Церковь должна все освящать. Съ нею начало, съ нею конецъ. Истинный славянинъ никогда ничего не начинаетъ, не призывая имени Божьяго на помощь, ничего не оканчиваетъ, не возблагодаривъ Бога за помощь. Этотъ духъ-охранитель челоуѣчества и государствъ долженъ оставаться въ славянскомъ государствѣ невредимымъ, живымъ и священнымъ. Откуда же можетъ проистекать наша дѣятельность, если не изъ внушеній духа? Куда ей надо стремиться и гдѣ оканчиваться, какъ не въ доброй, праведной жизни? „Ищите прежде царствія Божія и правды его, и все прочее приложится вамъ“. Это вѣчное изреченіе оправдывается цѣлоу

исторію. Народы, пренебрегавшіе царствомъ Божимъ, правдою, истиною, человѣческою жизнью, забывавшіе Бога и прилѣплявшіеся только „ко всему прочему“ или къ мірскимъ выгодамъ, — всѣ эти народы пали. Это изреченіе вполнѣ оправдывается и въ будущемъ. Не будемъ падать духомъ, славяне! Это изреченіе имѣетъ значеніе въ нашей жизни, живетъ въ нашей груди. Наша, т. е. греко-славянская церковь должна всегда приводить на память эту мысль нашимъ племенамъ и нашимъ государствамъ, и государства наши обязаны ея держаться. Церковь наша всегда имѣла въ виду такое призваніе въ жизни, и находясь въ соотвѣтственномъ ей отношеніи къ государству, она и можетъ его охранять. Не образуя своего особеннаго духовнаго государства, не возвышаясь надъ государствомъ, не подчиняясь ему, она скорѣе идетъ съ нимъ рука объ руку и проникаетъ его. Порою въ Россіи она раскрывала свою силу и съ крестомъ въ рукѣ, съ патріархомъ во главѣ, являлась передъ забывшими свое высокое призваніе и наклонными къ насилію царями и напоминала имъ ихъ священныя обязанности. Да одушевляють эти примѣры всегда нашу церковь! Никогда не стремясь къ господству, пусть, однако, никогда и не дозволяетъ она оттѣснятъ и понижать ее съ ея высокаго положенія!

Излишнимъ считаемъ входить въ подробности по поводу этихъ положеній, такъ какъ все выяснится само собою изъ вышеизложенныхъ основаній. Налегать на мелочи въ государственныхъ дѣлахъ и законодательствѣ, все предначертывать, устанавливать и предписывать, — это не дѣло славянъ. Эту мелочную работу регулированья предоставляемъ бюрократамъ, къ которымъ всѣ наши племена чувствуютъ невыразимое отвращеніе. Что отвѣчаетъ правамъ нашихъ племенъ, что само собою выходитъ изъ бытовыхъ ихъ особенностей, что ясно съ перваго взгляда каждому, то исполняется у насъ безъ всякихъ предписаній, и обычай, плодъ бытовыхъ особенностей, почитается у насъ гораздо священнѣе всѣхъ вашихъ приказаній и предписаній, вашихъ параграфовъ и уставовъ, вашихъ патентовъ и указовъ, вы, бюрократы и нѣмцы. Нѣмецъ все носить въ головѣ и все разрѣшаетъ въ понятіи, откуда и получаютъ параграфы, и такъ какъ послѣдніе нельзя передать изустною рѣчью, а онъ этого и не можетъ, то потому онъ сообщаетъ другимъ все на бумагѣ. Ораторы читають свои рѣчи, профессеры свои тетрадки. Славянинъ, напротивъ того, все держитъ въ сердцѣ и въ духѣ, и потому умѣетъ передавать силою устнаго слова. Всѣ наши племена имѣють рѣшительное ораторское дарованіе, и если у нѣкоторыхъ оно пало, какъ, напр., у чеховъ, то это произошло подъ вліяніемъ бюрократіи, правительственнаго гнета и съ нимъ связаннаго онѣмнія.

Мы выше объяснили, какія требованія мы предъявляемъ къ славянскому государству; теперь слѣдуетъ представить обязанности нашихъ племенъ, если они желаютъ содѣйствовать преуспѣянію славянской жизни и ея единству, и указать на тотъ путь, которымъ они могутъ достигнуть этой высокой цѣли. И тутъ греко-славянская церковь занимаетъ первое мѣсто, и священная обязанность нашихъ племенъ обращать къ ней свои взоры. Различіе между восточною и западною католическою церковью состоитъ не въ томъ, что одна отвергаетъ папу, какъ обыкновенно думаютъ и утверждаютъ, не принимаетъ маленькой частицы ха! — et въ догматѣ о Троицѣ и въ нѣкоторыхъ обрядностяхъ, но различіе ихъ существенное и проникаетъ все цѣлое. Греко-славянская церковь никогда не создавала своего духовнаго государства, не возводила папы и духовенства на степень единаго управителя, скорѣе довольствовалась органическимъ завершеніемъ церкви, въ которой, конечно, есть іерархія, ибо безъ нея не можетъ существовать церковь; но ей было ввѣрено только то высокое церковное призваніе, о которомъ мы говорили выше. Эта задача или призваніе содержитъ священныя обязанности: проповѣдывать евангеліе нарождающимся поколѣніямъ, укрѣплять въ немъ уже принявшихъ его, постоянно и непрерывно разъяснять и толковать всѣмъ вѣчно истинное ученіе, подымать падшихъ, укрѣплять слабыхъ, побуждать къ смиренію сильныхъ, прославлять кроткихъ, утѣщать несчастныхъ, предостерегать счастливыхъ, и совершеніемъ священныхъ таинствъ приводить всѣхъ въ живое соприкосновеніе съ Христовою Церковью.

На этомъ остановилась греко-славянская церковь, не гоняясь болѣе ни за чѣмъ инымъ. Она вручила духовенству эту высокую задачу, и, не основывая собственнаго государства и потому не нуждаясь въ правителяхъ для него, не создала, подобно римской, изъ духовенства повелителей, изъ народа подданныхъ. Она не предоставила духовенству исключительнаго толкованія христіанскаго ученія, не поставила священнослужителей единственными привратниками царства Божьяго, какъ это сдѣлала Римская церковь. Она поручила духовенству руководить народомъ, но не отдѣлила его отъ народа, не запретила ему соединенія съ нимъ противоестественнымъ закономъ безбрачія; напротивъ, разрѣшила ему бракъ и, слѣдовательно, слияніе съ народомъ; она не отняла у народа разумніе ученія и церковнаго богослуженія, употребляя чужой языкъ, а напротивъ, перевела на народныя языки Священное Писаніе и церковную службу; она никогда не утверждала, по примѣру римской, что только исполненіемъ предписаній духовенства пролагается

путь къ вѣчной жизни, не приучала народъ къ механическимъ, безсодержательнымъ упражненіямъ въ благочестіи и къ разнымъ, такъ называемымъ, добрымъ дѣламъ, къ смѣшенію наружнаго съ существеннымъ, внѣшняго съ внутреннимъ, и, такимъ образомъ, никогда не поработала духа народнаго, не оупляла народовъ, какъ католическая, и не повергала ихъ въ ханжество. Греко-славянскіе народы во всѣхъ странахъ набожны, но не поражены слѣпотою и ханжествомъ, какъ народы католическіе. Съ этимъ тѣсно связано то, что обрядъ не сдѣланъ главною частью религіознаго служенія, но занимаетъ равное мѣсто съ ученіемъ, а если бываетъ гдѣ иначе, тамъ это исключеніе или ошибка, проистекающія изъ недостатка образованія духовенства.

Никогда, наконецъ, греко-славянская церковь изъ-за поклоненія Дѣвѣ Маріи не забывала Христа. Хотя греко-славянскіе народы и имѣютъ передъ собою въ церкви священныя иконы, которыя представляютъ собою чистѣйшее духовное изображеніе существа, освобожденнаго отъ своей грѣховной оболочки, — но не поклоняются имъ такъ, какъ это дѣлаютъ католики; у греко-славянской церкви нѣтъ властолюбія, поработенія, католической внѣшности; у нея есть своя, хотя и существенно отличная отъ католической, іерархія, есть тайнство и глубоко захватывающее богослуженіе. Она съ другой стороны не лишена церковнаго устройства и единства, подобно протестантской, и съ тѣмъ вмѣстѣ отличается, подобно послѣдней, внутреннею глубиною, ученостію и разумомъ, или, по крайней мѣрѣ, открываетъ имъ дорогу, и, такимъ образомъ, возвышается надъ католичествомъ и протестантствомъ и исправляетъ ихъ недостатки и односторонности. Эта церковь никогда не стремилась съ духовнымъ властолюбіемъ къ свѣтскому господству, не низводила и не унижала религіи, предмета самаго священнаго, до орудія мірскихъ, часто грязныхъ цѣлей, не оскверняла себя преступленіями, не имѣла ничего общаго съ нехристіанскою, дьявольскою дѣятельностію инквизиціи, іезуитовъ и имъ подобныхъ. Но она всегда, въ своемъ высокомъ призваніи, примыкала къ государству и помогала ему; впрочемъ, полная самосознанія, она порой возвышала голосъ противъ его проступковъ. Да никогда это высокое призваніе не исчезнетъ изъ умственныхъ взоровъ грекославянской церкви! Надо еще помнить, что въ Россіи глава народа есть по внѣшности представитель церкви. Пусть же духъ славянства принесетъ съ собою счастливое выполненіе ея высокой задачи. Сверхъ того, замѣчательно, что она никогда, подобно римской, не каменѣла, не относилась такъ враждебно къ протестанству, не препятствовала развитію, глубинѣ, разумнѣию и строгому соблюденію ученія, тогда какъ римская предавала протестантство вѣчному про-

клятю, всегда провозглашала протестантовъ еретиками, и ни мало не заботилась о своемъ дальнѣйшемъ развитіи, какъ-будто вокругъ нея ничего не измѣнилось. Впрочемъ, такое развитіе не должно обращаться въ односторонность и утонченность протестантства, а должно совершаться внутри церкви. У насъ, однако, нечего опасаться односторонняго протестантскаго развитія, ибо славяне не только живутъ головою и отвлеченіемъ, какъ нѣмцы, но познають сердцемъ и духомъ и стремятся знаніе претворять въ дѣло. При всемъ томъ, греко-славянская церковь никогда не преслѣдовала мыслившихъ съ нею разнo, скорѣе руководилась относительно ихъ духомъ христіанской любви. Русскому народу никогда не приходило въ голову ненавидѣть и угнетать инородцевъ за то, что они иной съ нимъ вѣры. Напротивъ того, католичество и католическія правительства никогда не прекращали своихъ преслѣдованій, особенно, когда сила была на ихъ сторонѣ. Всѣмъ извѣстны ужасы этого рода въ Испаніи, Франціи, Австріи. Дѣйствія Россіи въ Польшѣ объясняются политическими причинами, и то, что творится тамъ русскимъ правительствомъ, собственно направлено не противъ католичества. Соображая все вышесказанное о церкви греко-славянской, невольно приходишь къ убѣжденію, что это церковь славянства и будущаго.

О, возвратись къ намъ снова, святая Церковь нашихъ отцовъ, преподававшая нашимъ племенамъ первое благословеніе съ высотъ Нитры, Велеграда и Вышеграда! Нѣкогда ты уже была готова духовно объединить всю нашу народную семью. Вознеси сердца наши къ Непреходящему и укрѣпи нашъ духъ для выполненія нашего высокаго призванія! Почти всѣ наши племена, чехи и словаки, поляки и хорваты, были уже въ твоемъ лонѣ, мать славянъ, и только когда утвердилось господство чужеземцевъ, постаралось оно отвоемъ изгнаніи и о введеніи на твое мѣсто чуждой католической церкви, которая закрѣпила это чужеземное надъ ними господство и дала ихъ въ добычу иноплеменникамъ. Да и нынѣ подкапывается оно подъ тебя тамъ, гдѣ ты у себя дома; но оно скоро падеть, а передъ тобою вся будущность и ты руководишь живымъ даровитымъ народомъ, вполнѣ отвѣчая его духу и призванію. Едва только будетъ сломлено и свержено это ненавистное иго—и сердца славянъ восторженно встрѣтятъ тебя и радостно потекуть къ тебѣ, благостной!

Обыкновенно иностранцы упрекають эту церковь въ свойственномъ будто-бы ей застоѣ. Но, вникая въ дѣло глубже, каждый замѣтитъ, что церковь, которая воспитала великій народъ въ страхѣ Божіемъ, благочестіи, сохранила его силу, свѣжесть и неиспорченное сердце, не подвержена застою, но, напротивъ, была и должна

быть исполнена живой силы. Съ греко-славянскою церковью случилось то, что обыкновенно бываетъ съ тѣми людьми, которые не стремятся жить въ свѣтѣ, а живутъ, напротивъ, дома со своими, заняты собственными задачами. О такихъ людяхъ свѣтъ обыкновенно думаетъ, что они не созданы для жизни и мало о нихъ заботится. Но всему свое время. Греко-славянская церковь оставалась понынѣ со своими и выполняла дома свою задачу; но придетъ, конечно, время, когда она историческимъ потокомъ будетъ увлечена на великое поприще. И тогда развернется она въ полнотѣ жизни; ибо пусть намъ укажутъ на церковь, которая достигла полноты дѣятельности безъ всемірно-историческаго народа! Славяне до послѣдняго времени были на заднемъ планѣ всемірной исторіи, и съ ними же была тамъ ихъ церковь.

Да не говорятъ намъ, что мы указываемъ славянамъ на церковь, какъ на средство къ политическому соединенію. Развѣ не ясно, къ чему мы стремимся посредствомъ славянства и что эта церковь отвѣчаетъ единственно его призванію! Никогда не уживалось славянство съ римскимъ католичествомъ, а Восточная церковь была нѣкогда общая всѣмъ нашимъ племенамъ и есть ихъ истинное достояніе. Мы указываемъ славянамъ на то, что имъ принадлежитъ.

Во-вторыхъ, славяне должны подготавливаться къ единству литературнаго языка; ибо кто не видитъ, что множественность литературъ препятствуетъ взаимному пониманію, развитію духа и общей согласной дѣятельности? У славянъ много разныхъ литературъ, но, по своей малости, онѣ не могутъ отвѣчать великимъ требованіямъ человѣческаго развитія, особенно, когда славяне все болѣе и болѣе будутъ выступать на всемірно-историческое поприще. Въ сравненіи съ западными литературами, нѣмецкою, французскою, англійскою, всѣ эти литературы, за исключеніемъ значительнѣйшей изъ нихъ, русской, малы и слишкомъ недостаточны, не исключая и чешской. Пока онѣ будутъ такъ раздроблены, имъ рѣшительно невозможно произвести что-нибудь замѣчательное. Какое поощреніе для духа, какія средства, какое дѣйствіе, могутъ имѣть эти отдѣльныя литературы съ своею маленькою областью, и далеко ли въ состояніи онѣ двинуть человѣческое развитіе? Литературная взаимность славянъ похвальна и достойна всякаго уваженія, но это слабая помощь въ нуждѣ и никогда она не можетъ глубоко проникнуть въ жизнь всѣхъ племенъ. Славяне имѣютъ всѣ основанія обратиться къ одной литературѣ, и къ тому ихъ обязываютъ общечеловѣческія, политическія и историческія соображенія. О выборѣ этой литературы не можетъ быть никакого

спора, если не хотять переливать изъ пустого въ порожнее. За исключеніемъ русской, всѣ славянскія литературы ограничены небольшими племенами и, слѣдственно, небольшими областями. Слѣдовательно, при вопросѣ объ общеславянскомъ литературномъ языкѣ можетъ быть выборъ только между древне-славянскимъ и русскимъ языкомъ. Но древне-славянскій языкъ уже вышелъ изъ общегитія, почти мертвый, лишень гибкости и увлекательности живого языка, а мы нуждаемся въ живомъ словѣ. Итакъ, остается только русскій языкъ, какъ исключительно на то способный; ибо это языкъ величайшаго, единственно самобытнаго и на обширномъ пространствѣ земли господствующаго славянскаго племени, которому уже и безъ того по праву принадлежитъ главенство въ нашей народной семьѣ. Сверхъ того, изъ всѣхъ языковъ славянскихъ это самый богатый, сильный и полнозвучный, запечатлѣнный могуществомъ. Сербскій языкъ по этимъ качествамъ занимаетъ вторую за нимъ степень.

Этимъ мы не хотимъ, однако, сказать, что, по принятіи славянами общелитературнаго языка, уже ничего не надобно писать на отдѣльныхъ нарѣчіяхъ, и особенно, напр., поэтическихъ произведеній. Но намъ не слѣдуетъ оставаться только при отдѣльныхъ нашихъ словесностяхъ. Что можетъ, напр., представить датская литература сравнительно съ нѣмецкою? Русская литература и потому еще заслуживаетъ предпочтенія для принятія за общеславянскую, что ея азбука вполнѣ и безъ всякихъ затрудненій передаетъ на письмѣ славянскіе звуки, тогда какъ, напротивъ, другія славянскія литературы, за исключеніемъ сербской, съ трудомъ пользуются латинскою азбукою⁹⁰). Зная людское самолюбіе, нельзя ожидать, чтобы наши племена добровольно рѣшились на этотъ объединительный шагъ и, при нынѣшнемъ чужеземномъ господствѣ, никоимъ образомъ нельзя провести этой мѣри. Это великое дѣло рѣшится ко благу славянъ только подъ напоромъ важныхъ политическихъ событій. Между тѣмъ полезно пока возбуждать этотъ вопросъ, говорить объ этомъ предметѣ и готовить къ тому умы.

Въ природѣ послѣ каждаго лѣта наступаетъ осень и, наконецъ, зима, и это явленіе повторяется и во всемирной исторіи. Усталые въ пылу работы народы сходятъ съ поприща дѣйствія, послѣ чего наступаетъ тяжелое время, духовная зима, когда жизнь останавливается. За полнотою греческой жизни настала отвратительная пора, за римскимъ процвѣтаніемъ возмутительныя времена импе-

⁹⁰) Но и въ сербской не безъ важныхъ и существенныхъ затрудненій. В. Л.

ри. Намъ кажется, что въ настоящее время наступаетъ въ Европѣ столь же неспоное время. Но, несмотря на это, развитіе человѣчества не прекращается и вѣчныя истины не погибають; напротивъ того, какъ наступающею по зимѣ весною природа распускается къ новой роскошной жизни и начинаетъ работать обновленными силами, такъ точно бываетъ и въ жизни человѣчества. Какая полнота и сила жизни развернулась у германцевъ и романцевъ послѣ паденія Западной римской имперіи!

Еще особенное явленіе сопровождаетъ дѣятельность всемірно-историческихъ народовъ, достигшихъ вершины своего могущества: то, что, въ сознаниі своемъ величія и духовнаго превосходства надъ другими народами, они стараются наложить на нихъ печать своего духа. Такъ, мы видимъ: завоевавши міръ съ своими греками, Александръ Великій полонъ стремленія разлить въ немъ греческое образованіе. Точно также стремятся римляне къ „*imperium orbis*“, а германцы воодушевляются идеею всеобще-христіанской имперіи. Послѣднимъ западнымъ стремленіемъ этого рода было движеніе романцевъ при Наполеонѣ, этомъ человѣкѣ судьбы. Все это, конечно, были только попытки, разбившіяся о невозможность выполненія. Какъ Цезарь своимъ мечемъ проложилъ путь всемірной исторіи въ Галлію, такъ Наполеонъ пробилъ ей дорогу въ славянскую землю и силою увлекъ ее въ сферу всемірно-исторической жизни. Какъ бы въ благодарность за то, этотъ необычайный человѣкъ, французами съ одной стороны проклинаемый, съ другой — боготворимый, ненавидимый нѣмцами, которымъ пришлось много отъ него вытерпѣть, побѣжденный славянами въ неравной борьбѣ, былъ лучше всего оцѣненъ и понятъ именно ими. Замѣчательнѣйшіе умы славянъ, Пушкинъ и Мицкевичъ, высказали о немъ самое правдивое слово, и въ настоящее время русскій человѣкъ, Демидовъ, устраиваетъ на Эльбѣ Наполеоновскій музей. О будущемъ этотъ человѣкъ имѣлъ великія предчувствія, которыя передавалъ друзьямъ въ дружеской бесѣдѣ на островѣ Св. Елены. Славянства онъ не зналъ, зналъ только Россію, на поляхъ которой померкла его звѣзда и разбился его волшебный жезлъ, схороненный въ ея нѣдрахъ.

Человѣчество, какъ бы ни казалось оно падающимъ, долго не можетъ измѣнять само себѣ, особенно при громаднхъ успѣхахъ нашего времени. Оно все идетъ впередъ, и гдѣ его конецъ, никто заранѣе опредѣлить не можетъ. Но хуже стать оно можетъ только временно.

Воспряньте же духомъ, славяне, и, съ Божьею помощію, принимайтесь смѣло за дѣло! Пусто всякое народное высокомеріе, не

содержащее въ себѣ никакихъ глубокихъ зародышей. Главная суть все-таки заключается въ чловѣчествѣ, котораго мы члены, вмѣстѣ со всѣми другими народами.

Таково наше посланіе. Да будетъ оно такъ же принято, какъ было задумано!

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТРАН.
Предисловіе. К. Г.	III
Людевитъ Штуръ и его „Славянство и міръ будущаго“. Т. Д. Флоринскаго	V
Славянство и міръ будущаго.	
Вступленіе	1—6
I. Общій взглядъ на историческое прошлое славянства; его ха- рактеръ и отрицательныя стороны	7—25
II. Духовныя стремленія и идеалы въ исторіи человѣчества. Об- щее направленіе историческаго развитія на европейскомъ Западѣ. Стремленіе къ всестороннему осуществленію прин- ципа свободы. Христіанство и католичество. Движенія ан- тицерковное и антирелигіозное	25—45
III. Разрушительныя стремленія въ сферахъ государственной и гражданской на Западѣ. Коммунизмъ. Французская респу- блика и конституціонныя государства Запада. Ихъ нрав- ственное и гражданское разложеніе. Дворъ, аристократія и гражданское общество. Паденіе наукъ и искусствъ	45—65
IV. Обзоръ внутренняго развитія и состоянія Западной Европы по народностямъ: Франція, Испанія, Италія, Германія и Прус- сія, Англія. Общіе неутѣшительные выводы. Несостоятель- ность католичества и протестантства	65—95
V. Чѣмъ сильно славянство и чѣмъ оно можетъ подняться? Основ- ныя черты національнаго характера славянъ; ихъ выраже- ніе въ семейномъ и общинномъ бытѣ. Крестьянство и дво- рянство. Переходъ общины въ государство, какъ распро- страненную общину. Слабая сторона государственности у славянъ и ея послѣдствія. Оцѣнка славянъ ихъ противни- ками (нѣмцами)	95—118
VI. Необходимость для славянъ освобожденія отъ чужого ига. Воз- можные къ тому пути. Опроверженіе мысли о возможности образованія союзныхъ (федеративныхъ) государствъ. Не-	

благоприятныя условия для такого объединенія и политическаго возрожденія, возможнаго лишь при помощи однородной, мощной силы	118—130
VII. Опроверженіе идеи объ образованіи изъ Австріи государственнаго средоточія для всѣхъ западныхъ и южныхъ славянъ (австро-славизмъ). Происхожденіе Австріи и ея историческая роль. Австрійскіе славяне; ихъ отношеніе къ Австріи, и Австріи къ нимъ. Австрія—тюрьма славянства	130—140
VIII. Единственный вѣрный путь для славянъ—объединеніе около Россіи—естественнаго центра. Значеніе Россіи въ славянскомъ мірѣ: она—двигатель и вождь въ славянской семьѣ. Тяготѣніе славянъ къ Россіи. Отношеніе къ ней поляковъ, чеховъ и другихъ славянъ. Международное положеніе Россіи и ея внутреннее государственное единство и жизненность	140—159
IX. Необходимость для Россіи, какъ объединительницы славянъ, такъ устроиться внутри, какъ того требуетъ духъ славянства, истинная современная образованность и ея міровое положеніе. Государственное устройство Россіи. Роль православной церкви. Стремленіе славянъ къ единству литературнаго языка	159—173

3-09-02005

Цѣна 9

Изданія Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III.

Сборникъ „Старина и Новизна“. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 и 13 книги. Цѣна 2 р. каждой книги, для членовъ Общества 1 р. *).

Братья Кирѣевскіе. Жизнь и труды ихъ. Валерія Ляскова. Цѣна 80 коп., для членовъ Общества 40 к.

Біографія генерала Котляревскаго. Соч. гр. Соллогуба. Цѣна 1 р., для членовъ Общества 50 к.

Крестыанинъ-писатель начала XVIII вѣка. II. Т. Посошковъ. Его жизнь и дѣятельность. Историческій очеркъ И. С. Вѣляева. Цѣна 40 к., для членовъ Общества 25 коп.

С. А. Рачинскій, съ портретомъ. Н. М. Горбова. Цѣна 30 коп.

Памяти С. А. Рачинскаго + 2 мая 1902 г. Валерія Ляскова. Цѣна 20 к. Татевскій Сборникъ, С. А. Рачинскаго, Съ приложеніемъ портрета А. С. Хомякова. Цѣна 1 р. 50 к., для членовъ Общества 1 р.

Весѣды о древней русской литературѣ. И. П. Хрушова. Цѣна 1 р. 25 к., для членовъ Общества 65 к.

„Константинополь“. Соч. Ф. Маріона Крафордъ. Переводъ съ англ. гр. Е. В. Шереметевой, подъ ред. проф. Помяловскаго. Цѣна 50 коп., для членовъ Общества 25 к.

Меншиковъ. Историч. драма въ 5 дѣйств., въ стихахъ. Соч. В. Л. Величко. Съ портр. Меншикова. Цѣна 1 р., для членовъ Общества 50 к.

Война и Миръ (1805—1812). Съ историч. точки зрѣнія и по воспоминаніямъ современника. По поводу соч. гр. Л. Н. Толстого „Война и Миръ“. А. С. Норева. Цѣна 50 к., для членовъ Общества 25 к.

Собраніе народныхъ разсказовъ А. П. Катенкампы-Сѣтковой. Цѣна 75 к.

Панихида 26 февраля 1904 г. На темы изъ древнихъ распѣвовъ для хора мужскихъ голосовъ. Ст. В. Смоленскаго. Цѣна 1 р.

Сборникъ разсказовъ изъ русской и чужеземной жизни. Часы досуга, Составленъ подъ ред. И. П. Хрушова. Цѣна 75 коп.

Въ защиту просвѣщенія восточно-русскихъ инородцевъ по системѣ Ник. Ив. Ильминскаго. Ст. В. Смоленскаго. Цѣна 40 коп.

Сборникъ документовъ музея графа М. Н. Муравьева. Т. I. Составилъ Б. Вѣлецкій. Цѣна 3 р., для членовъ Общества 2 р.

Инородцы въ Россіи. Современные вопросы. А. Е. Алекторова. Съ предисловіемъ и добавленіемъ А. С. Будиловича. Цѣна 50 коп.

Сборникъ чтеній по русской исторіи съ древнѣйшихъ временъ до XVI в. Цѣна 1 р.

Галицкая Русь прежде и нынѣ. Историческій очеркъ и взглядъ на современное состояніе. Очевидца. Цѣна 50 к.

Св. первоучители славянскіе Кирилль и Меѳодій и культурная роль ихъ въ славянствѣ и Россіи. Оч. Е. И. де-Виттѣ. 1908 г. Цѣна 50 к.

Складъ изданій Общества: *С.-Петербургъ*, Фонтанка, 34. *Москва*, Воздвиженка, д. 8.

*) Гг. члены Общества могутъ получать по уменьшенной цѣнѣ лишь по одному экземпляру каждой книги, требуемые же сверхъ сего экземпляры оплачиваются по цѣнѣ, установленной для постороннихъ лицъ.